Игорь
ПОПОВ

Россия и Китай:
300 лет на грани
войны

Историческая
библиотека

Игорь
ПОПОВ

Россия и Китай: 300 лет на грани войны

300-летняя история российско-китайских взаимоотношений — с XVII века до 1917 года.

Историческая библиотека

Игорь Попов

Россия и Китай:

300 лет на грани войны

АСТ издательство ЕРМАК
Астрель
Москва
2004

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)
П58

Scan By Vitalius & Kali

Серия основана в 2001 году

Попов И. М.

П58 Россия и Китай: 300 лет на грани войны / И.М. Попов. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 511 с.: илл. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-019955-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-07502-8 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-9577-0487-3 (ЗАО НПП «Ермак»)

Книга рассказывает о 300-летней истории российско-китайских взаимоотношений — с XVII века до 1917 года. Россия и Китай — две крупнейшие, соседствующие друг с другом мировые державы, имеющие почти четырехвековую историю взаимных контактов и связей. На Россию самой судьбой была возложена функция служить мостом и одновременно форпостом между Востоком и Западом, соединять воедино весь огромный Евроазиатский материк. Россия и Китай исторически олицетворяют совершенно различные цивилизации: славянско-православную и конфуцианско-китайскую. История взаимоотношений двух государств, периоды конфронтации и мирных и добрососедских отношений — всё это и многое другое нашло свое отражение на страницах этой книги.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся отечественной и зарубежной историей.

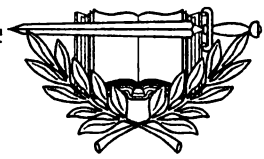
УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

Подписано в печать 15.08.2003. Формат 84x108/32
Усл. печ. л. 26,88. Бумага офсетная. Тираж 5 000 экз. Заказ № 4947

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953005 — литература учебная
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.008286.Л2.02
от 09.12.2002 г.

ISBN 5-17-019955-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-07502-8 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-9577-0487-3 (ЗАО НПП «Ермак»)

© ООО «Издательство Астрель», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россия и Китай — две крупнейшие, соседствующие друг с другом мировые державы, имеющие почти четырехвековую историю взаимных контактов и связей. Взаимодействие двух держав было объективно обусловлено их географической близостью. Изменить это положение или просто его игнорировать — невозможно. На Россию самой судьбой исторически была возложена функция служить мостом и одновременно форпостом между Востоком и Западом, соединять воедино весь огромный Евроазиатский материк.

Несмотря на свое соседство, Россия и Китай исторически олицетворяют собой совершенно различные цивилизации: славянско-православную и конфуцианско-китайскую. Отличия между двумя государствами и цивилизациями огромны и проявляются в различии национально-этнического состава, несхожести национального характера и менталитета, абсолютной несопоставимости культурно-исторического развития. Различия между двумя цивилизациями настолько разительны, что любые попытки их сопоставления и выявления общих черт обречены на неудачу.

Однако, волею судьбы поставленные в положение ближайших соседей, Россия и Китай неизбежно взаимодействовали, взаимодействуют и будут взаимодействовать. У каждой стороны есть свои интересы, выражающиеся во внешней и военной политике (политике национальной безопасности). Каждая из стран пытается находить и сопоставлять слабые

и сильные стороны, как свои, так и соседа, и на этой основе строить свою внешнеполитическую стратегию.

В истории взаимоотношений двух государств были как периоды конфронтации, так и эпохи мирных и добрососедских отношений. Исследование уроков этих взаимоотношений, путей преодоления разногласий и недоверия, укрепления взаимопонимания в военной области — важная и актуальная задача, поставленная временем. В отношениях между Россией и Китаем за долгие столетия накопилось много проблем, от решения которых во многом зависит нынешнее и будущее состояние российско-китайских военно-политических отношений. Отношения между двумя державами не могут строиться «с чистого листа», как бы привлекательна ни была эта идея. Недооценка или хотя бы частичное игнорирование многовекового опыта российско-китайских взаимоотношений чреваты ошибками сегодня, которые завтра могут обернуться самой трагической стороной. В этом, в частности, крылась одна из причин советско-китайской конфронтации 60—70-х годов XX века.

Необходимость знания и учета исторического опыта взаимоотношений наших двух держав еще более актуальна для развития военно-политических связей сегодняшней России со своим великим восточным соседом. Именно поэтому столь важно для нас объективно и непредвзято, на основе реальных документов и материалов проанализировать историю становления военно-политических отношений России и Китая, выявить сформировавшиеся за несколько веков тенденции и особенности их развития, сформулировать выводы для дня сегодняшнего и завтрашнего.

Эта задача приобретает особую сложность и в связи с цивилизационными, духовно-культурными, национально-психологическими различиями между нашими двумя странами. Игнорирование этого ведет к трагическим ошибкам, взаимонепониманию и конфликтам. Это также необходимо максимально учитывать при развитии военно-политических отношений России с Китаем. В свое время генерал-лейтенант Д.И. Суботич, командовавший российскими войсками в 1900 году в Маньчжурии, отмечал: «Помните, что в Азии надо быть всегда начеку».

Проблема российско-китайских отношений в военно-политической области берет свое начало фактически с первых контактов между двумя странами — с конца XVI — начала XVII века. Все первые дипломатические контакты, как по форме, так и по содержанию, в полной мере можно охарактеризовать как военно-политические. Однако если политическая составляющая этих контактов достаточно глубоко исследовалась отечественной школой китаистики, то военные аспекты проблемы выносились обычно за рамки исследований. Именно этим аспектам уделяется более пристальное внимание в данной работе.

Сознательное игнорирование других аспектов российско-китайских взаимоотношений — как то: торговых, экономических, культурных — позволяет автору сосредоточиться только на военно-политических аспектах.

Данный труд не может претендовать и не претендует на полное и подробное освещение 300-летней истории российско-китайских связей в военной области с XVII века до 1917 года. И все же наиболее важные этапы и события этой истории нашли отражение на страницах предлагаемой на суд читателей книги.

Повествование в форме очерков позволило отойти от строго «академического» изложения материала. Автор считал своим долгом сохранить язык и стиль эпохи, отраженный в документах и исторических материалах. В книге нет ни одного выдуманного факта, все выводы и оценки строятся на основе реального исторического знания.

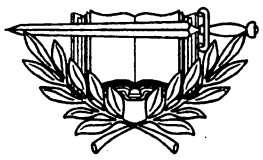
Стремясь к возможно более объективной характеристике событий истории, автор приводит не только российскую точку зрения, но и в некоторых случаях оценки китайских специалистов. Таким событием стала, например, героическая эпопея защиты русской крепости Албазин.

В документальное приложение книги вошли некоторые, по мнению автора, наиболее существенные и интересные документы из истории военно-политических отношений России и Китая за первые три века их взаимодействия, а также фрагменты о Китае из нескольких книг и брошюр российских дипломатов и военных специалистов.

Приводимые в книге документы и исторические материалы, многие из которых в прошлом были доступны лишь

ученым востоковедам и, как правило, игнорировались на практическом уровне, богаты мыслями и оценками, которые не утратили своей актуальности до сих пор. Мнения и оценки некоторых авторитетных политических и военных деятелей прошлого о Китае и его политической и военной мощи могут быть сегодня сочтены «политически некорректными», однако их умолчание или «коррекция» принципиально опасны. Знание этих документов и материалов позволяет сегодня лучше понимать Китай и прогнозировать возможные шаги и ответные реакции китайских партнеров на переговорах, в том числе и в сфере большой политики.

Все это делает данный труд серьезным подспорьем для политиков, специалистов, занимающихся проблемами национальной безопасности и международными отношениями, практических работников, занимающихся развитием отношений нашей страны с Китаем, а также для всех читателей, интересующихся историей России и историей Востока.

ГЛАВА 1
ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ЦИНСКОГО КИТАЯ

Военно-политическая характеристика Цинского Китая

1644 год стал рубежным в истории великой Китайской империи: господствовавшая около 300 лет Минская династия рухнула. Последний император Минской династии Чун Чжэнь покончил с собой. Предводитель крестьянского восстания Ли Цзычэн во главе народных повстанцев вошел в Пекин. Однако через 40 дней он вынужден был бежать: новый враг стоял у ворот древней китайской столицы. Силой и хитростью китайский престол захватили маньчжуры, основавшие династию Цин, правившую Китаем 267 лет — с 1644 по 1912 г. В год завоевания Китая маньчжуров насчитывалось всего 300 тысяч, в то время как население Китая составляло 300 миллионов человек. Тем не менее почти 300 лет маньчжуры держали в своих руках политическую и военную власть в Китае.

Цинская империя унаследовала все нормы и традиции императорского Китая и по форме правления представляла собой абсолютную монархию. Император (богдыхан) был объявлен Сыном Неба, который правит Вселенной по велению Неба.

Высшим органом, который решал наиболее важные государственные дела, был Верховный императорский совет. В него входили члены императорской фамилии и высшие

сановники. Главными исполнительными органами власти являлись приказы (палаты или министерства): Императорский секретариат (Нэйгэ), Приказ иностранных дел, Чиновничий приказ, Налоговый приказ, Приказ церемоний, Военный приказ, Уголовный приказ, Приказ общественных работ, Коллегия цензоров.

Связями со странами, находящимися к северу и западу, ведала Палата по делам зависимых территорий — Лифаньюань, учрежденная в 1638 году вместо Монгольского управления, действовавшего при маньчжурском дворе до захвата Пекина. Именно это ведомство Цинского Китая ведало дипломатическими связями с Россией.

Первоначально важнейшими военными и гражданскими делами ведал Императорский секретариат, созданный в 1671 году из равного числа маньчжурских и китайских сановников.

В 1732 году для более оперативного руководства военными действиями против джунгаров был создан Военный совет (Цзюньцзичу). С его учреждением решение всех важных государственных дел перешло к этому новому органу. Количественный состав Военного совета определялся императором. В него назначались, как правило, маньчжуры и значительно реже монголы и китайцы, доказавшие преданность Цинскому двору. Опираясь на Военный совет, богдыхан назначал высших должностных лиц для решения военных, судебных, финансовых и других дел, деспотически осуществляя верховную законодательную и исполнительную власть в государстве.

С 1732 по 1796 г. в Военном совете маньчжуры составляли 56% от всего состава его членов, а китайцы — только 37%. Оставшиеся 7% членов Совета были монголами[1].

Маньчжуры формировали высшее сословие Цинской империи — потомственную аристократию и военное дворянство. Занятие ремеслом и торговлей им запрещалось как позорное дело. Китайское дворянство, хотя и принадлежало к господствующему классу, не было наследственным.

Вся огромная масса населения Китая — крестьянство — находилась в угнетенном состоянии. Земледельцы не мог-

[1] Новая история Китая. М., 1972. С. 31.

ли распоряжаться ни собой, ни семьей, ни имуществом. Еще более бесправное положение занимали рабы.

П.А. Бадмаев в своей записке от 13 февраля 1893 года, анализируя ситуацию в маньчжурском Китае, писал: «История Китая с лишком 200 лет свидетельствует, что этот могущественный во всех отношениях народ управлялся хотя своим законом, изданным философами, но фактически правителями Китая являлись различные инородцы, большей частью чисто монгольского племени, малочисленного, необразованного по-китайски, не понимающего значения труда, промышленности и торговли, даже совершенно незнакомого с письменами. Одни правители Китая из инородцев, после того как вполне окитаивались и усваивали китайскую цивилизацию, изгонялись из Китая другими инородцами, также необразованными. Таким же образом, преемственно, овладели Китаем малочисленные, грубые, совершенно необразованные маньчжуры, которые и поныне управляют им. Маньчжурская династия совершенно окитаилась, на нее смотрят в настоящее время с неприязнью как сами китайцы, так и монголы, и тибетцы, угнетаемые чиновным миром маньчжурской династии.

Китайцы сами по себе, в каких бы благоприятных условиях ни находились, очевидно, не только не могут управлять другими нациями, но даже не стремятся иметь правителей из своей нации: 20-вековая история подтверждает такое мнение. Если когда-либо управлял ими настоящий китаец, то он все-таки делался властелином Китая совершенно случайно, бывши нередко заурядным предводителем шайки разбойников, или же эти властелины хотя бывали настоящими китайцами, но были воспитанниками инородцев.

Вообще маньчжурская династия дискредитирована в глазах китайцев, монголов и тибетцев. Только при помощи жестоких мер и совершенно посторонних и случайных обстоятельств она удерживает свою власть. Россия помогает ей удерживать власть на северо-востоке, на севере и на северо-западе»[2].

---

[2] Бадмаев П.А. Россия и Китай. СПб., 1900.

Внешняя политика Цинского двора в XVII—XVIII вв. имела активный, агрессивный характер, особенно после завоевания юго-западных территорий Китая и подчинения Тайваня.

Одним из первых объектов военной экспансии Цинов стала Монголия. Еще в середине XVI в. она распалась на три части: южную, северную и западную. В Северной Монголии (Халха) к концу XVI — началу XVII вв. выделились три правителя: Тушету-хан, Дзасакту-хан и Цэцэн-хан. Однако уже в 1646 году под предлогом преследования перешедших ранее под власть маньчжурского императора, а затем бежавших в Халху к Цэцэн-хану суннитов цинские войска вторглись на территорию Северной Монголии. Борьба приняла длительный характер.

В Западной Монголии, на обширных просторах Джунгарии кочевали различные племена ойратов — сородичей монголов. В начале XVII в. в результате объединения четырех основных групп ойратских племен (чоросов, хошотов, торгоутов и дэрбэтов) здесь образовалось могущественное Джунгарское ханство во главе с представителем чоросского дома — Батур-хунтайджи. По его инициативе в 1640 году был созван всемонгольский съезд владетельных князей, на котором было принято собрание законов с тем, чтобы прекратить междоусобицы и объединить силы против общего врага — маньчжур.

После смерти Батур-хунтайджи на Джунгарский престол вступил его сын Галдан (1671—1697). Он и его наследники успешно вели борьбу с Халхой, но постепенно китайцы прибрали к рукам его земли. Галдан вынужден был в 1690 году отступить в Кобдо, а к 1697 году он был окончательно разгромлен.

В 1762 году в Монголии была учреждена должность маньчжурского правителя-амбаня. Одновременно с маньчжурским амбанем вводилась должность монгольского амбаня-соправителя. Номинально монгольский амбань должен был во всех делах давать советы маньчжурскому амбаню, практически все было наоборот — монгол лишь исполнял указания последнего.

Одной из главных задач внешней политики Цинского Китая являлось уничтожение Джунгарского ханства. Поли-

тическими и дипломатическими интригами, военной силой и обманом Цины покорили Центральную Азию. В 1758 году вся Джунгария была покорена маньчжуро-китайскими войсками, мужское население было почти поголовно вырезано. На опустошенных землях были созданы военные поселения, куда в массовом порядке Цины начали выселять китайских крестьян, превращая их в солдат-колонистов. В том же году цинские войска покорили Кашгарию. Покоренные земли были включены в состав Цинской империи, получив название Синьцзян («Новая граница» или «Новая территория»).

Захватническая политика Цинского Китая проводилась и в южном направлении — против Тайваня, Вьетнама, Бирмы. К концу XVIII в. Цинская империя включала огромные пространства. Завоеванные у соседей земли оставались в основном незаселенными и необжитыми. Агрессивная политика Цинов вела к хозяйственной деградации не только оккупированных земель, но и собственно Китая.

Серьезнейшую опасность для Цинского двора представляли непрерывные смуты и восстания в самом Китае. В XVII в. в Китае возникает огромное количество тайных обществ, религиозных и мистических организаций: Общество Триады, Общество «Старших братьев», Общество «Белого лотоса». Китай в XVIII—XIX вв. сотрясали широкомасштабные народные восстания, которые имели антиманьчжурскую и антифеодальную направленность. Это вынуждало Цинские власти бросать огромное количество войск прежде всего на усмирение внутренних смут.

Важнейшей опорой Цинской монархии была армия. Она состояла из двух компонентов: маньчжурских Восьмизнаменных войск (Баци) и китайских войск Луин — войск зеленого знамени.

Восьмизнаменные войска были элитой вооруженных сил маньчжурской империи, главной силой установления маньчжурского господства в Китае. Еще до вторжения в Китай в 1644 году маньчжурская династия Цин имела армию, состоявшую из восьми маньчжурских знамен (корпусов), а также восьми монгольских и восьми китайских знамен (корпусов). Китайские корпуса были укомплектованы ханьцзюнями — китайцами, добровольно перешедшими на службу Цинскому двору. Основной костяк Восьмизнамен-

ных войск составляли маньчжуры — потомки племени чжурчженей.

Свое название — Восьмизнаменные войска — эти войска получили по корпусным знаменам: желтому, белому, синему, красному, желтому с красной каймой, белому с синей каймой, синему с белой каймой и красному с желтой каймой.

Восемь знамен делились на две группы: высшие три знамени и низшие пять знамен. Высшие три знамени, куда входили желтое знамя без каймы, желтое знамя с красной каймой и белое знамя без каймы, составляли личную гвардию императора и находились в его личном подчинении.

Под командованием назначенных императором военачальников находились низшие пять знамен: белое знамя с красной каймой, красное знамя без каймы, красное знамя с синей каймой, синее знамя без каймы и синее знамя с красной каймой.

В желтом с красной каймой знамени, в одном из трех знамен личной гвардии маньчжурского императора, служили потомки русских казаков, взятых в плен маньчжурами в 1685 году при покорении Албазина[3].

К моменту вторжения в Китай численность Восьмизнаменных войск составляла 200 тысяч воинов. Примерно такая же численность их сохранялась на протяжении всей эпохи правления Цинской династии в Китае (1644–1912 гг.)[4].

После завоевания Китая Восьмизнаменные войска несли главным образом гарнизонную службу, редко принимая участие в военных операциях против внешних врагов. Они были расквартированы в 72 ключевых в военно-стратегическом

---

[3] Россов. Вооруженные силы Китая в период преобразований 1906 года. Харбин, 1906. С. 2.

[4] По состоянию на 1906 год Восьмизнаменные войска делились на столичную армию и поселенные гарнизоны. В столичной армии было: 8 маньчжурских знамен (59 530 человек); 8 монгольских знамен (16 840 человек); 8 китайских знамен (24 052 человека). Всего — 100 422 человека. Знаменные гарнизоны делились на 25 пристольных; 44 маньчжурских; 8 синьцзянских; 20 гарнизонов Восточного Китая, охранные гарнизоны имперских могил, мест охоты и ворот Ивовой изгороди в Мукдене и Гирине. Численность гарнизонов составляла 121 767 человек. См.: Россов. Вооруженные силы Китая в период преобразований 1906 года. Харбин, 1906. С. 4.

отношении местах и населенных пунктах Китая, причем половина всех маньчжурских знамен была сосредоточена в Пекине, куда была перенесена столица из Мукдена.

Первоначально, в XVII в., Восьмизнаменные войска, и прежде всего их маньчжурские компоненты, представляли собой грозную военную силу, но с течением времени армия утратила воинственный дух и превратилась в паразитическую касту. К концу XVII в. упадок маньчжурских войск стал очевиден. Фактически они выполняли внутренние функции в Цинской империи, привлекаясь для обеспечения хозяйственной деятельности и для борьбы с повстанцами. Косная военная система Цинов, отсутствие современного вооружения и полнейшее пренебрежение по отношению к проблемам армии привели к тому, что Восьмизнаменные войска неоднократно показывали свою полную небоеспособность в борьбе с внешними врагами (прежде всего в периоды «опиумных войн»).

Войска Луциин (сокращенно Луин), войска зеленого знамени, комплектовались путем вербовки китайцев в провинциях, где они и отбывали службу. Они подчинялись высшему провинциальному командованию и находились на полном обеспечении местных органов власти. Численность этих войск почти в три раза превышала Восьмизнаменные и к 1812 году составляла свыше 660 тысяч солдат и офицеров, однако их боеготовность была значительно ниже, чем у маньчжурских войск[5]. Войска Луин были плохо вооружены, но даже и имевшееся вооружение было крайне низкого качества. Снабжение и обеспечение войск Луин было поставлено очень плохо. Высший и старший командный состав войск зеленого знамени включал иногда маньчжуров, но значительно чаще китайцев-ханьцзюней, доказавших свою верность Цинскому двору. Должности среднего и низшего командного состава укомплектовывались китайцами, однако их продвижение по службе было ограничено цинскими законами и положениями.

---

[5] Цит. по: А.Н. Хохлов. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX — начале XX вв. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 209.

Тайпинское восстание и крестьянская война в Китае (1850—1864 гг.) имели решающее значение для развития военной организации Цинской империи. Неспособность Восьмизнаменных войск, равно как и местных войск Луин, подавить антиправительственные выступления в Китае, показали слабость военно-феодального Китая, оказавшегося не в состоянии обеспечить порядок и спокойствие внутри страны.

Тайпинские события были использованы Англией и Францией в качестве предлога для военного вмешательства в Китае. Войска западных держав в период 1856—1858 гг. провели несколько военных операций, результатом которых стало принятие Китаем кабальных условий неравноправных договоров с великими державами.

Тяжелейшие политические потрясения вынудили Цинский двор взять курс на реформирование и перевооружение национальных вооруженных сил. В этих целях Китаю ничего не оставалось, кроме как прибегнуть к иностранной помощи.

Осенью 1861 года началось осуществление программы военной подготовки группы китайских военнослужащих русскими инструкторами в Кяхте. Через три месяца эта программа была практически свернута китайской стороной, причем не последнюю роль здесь сыграла позиция английского посольства.

С февраля 1862 года в Тяньцзине началась подготовка китайских военнослужащих из состава Восьмизнаменных войск английскими офицерами-инструкторами.

Параллельно с этим Цинское правительство предприняло целый ряд мер по реорганизации и реформе Восьмизнаменных войск, прежде всего расквартированных в районе Пекина, приведению их в современное состояние, оснащению их огнестрельным оружием. В результате уже к 1864 году только вокруг одной китайской столицы имелось несколько соединений и частей общей численностью около 30 тысяч человек, «обученных европейскому строю»[6].

---

[6] Цит. по: А.Н. Хохлов. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX — начале XX вв. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 217.

В 1865 году военное ведомство Китая и министерство финансов приняли решение о сформировании в провинции Чжили из войск Луин шести корпусов, обученных по европейскому образцу. Этим было положено начало новому типу воинских формирований в Китае, которые получили название Ляньцзюнь — Обученные войска. Вскоре современные части и соединения вооруженных сил Китая, обученные и вооруженные по-европейски, появились и в других провинциях. С самого начала они оказались под контролем и руководством местных властителей-ставленников Пекина, обладавших неограниченными полномочиями в своих провинциях. Наиболее боеспособные формирования новых Обученных войск появились в Чжили, у наместника Ли Хунчжана, и в Синьцзяне, у наместника Цзо Цзунтана.

Помимо мероприятий по реформированию армии, Цинское правительство предприняло целый ряд мер по их материально-техническому обеспечению. Так, в конце 1885 года в Гирине был сооружен крупный военный завод по производству ружей, патронов и пороха. К середине 90-х годов прошлого века крупные военные заводы и мастерские имелись в Шанхае, Нанкине, Ханьяне, Тяньцзине, Фучжоу, Чэнду, Гуанчжоу, Ланьчжоу и других городах[7]. Некоторые из этих предприятий были оснащены иностранной техникой и оборудованием и были способны выпускать даже современные ружья и артиллерийские орудия. Однако основная масса китайских оружейных предприятий могла выпускать лишь устаревшие (по сравнению с вооружением европейских армий) образцы вооружения и боеприпасов.

Политика Цинских властей по укреплению и переобучению своих вооруженных сил постепенно давала свои плоды, однако китайская армия в целом по-прежнему была небоеспособной. Так, по состоянию на весну 1886 года, в Маньчжурии насчитывалось 280 тысяч солдат из состава знаменных войск. Из этого количества лишь 100 тысяч человек были вооружены современными ружьями, а осталь-

---

[7] Цит. по: А.Н. Хохлов. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX — начале XX вв. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 220 – 221. Примечание.

ные имели на вооружении луки, копья или фитильные ружья. Однако даже из числа тех, кто имел современные ружья, лишь 30% были обучены европейскому строю.

Военные преобразования в Маньчжурии осуществлялись под руководством бывшего начальника маньчжурских войск в провинции Фуцзянь Му Тушаня, который в начале 1886 года приступил к реорганизации вооруженных сил в провинциях Шэнцзин, Хэйлунцзян и Цзилинь.

За три года своей деятельности в Маньчжурии Му Тушань сформировал три новых корпуса Обученных войск общей численностью 13 500 человек. Каждый корпус состоял из 8 батальонов пехоты и 2 эскадронов кавалерии при 20 полевых орудиях.

Разразившаяся в 1894–1895 гг. японо-китайская война вновь продемонстрировала, что вооруженные силы Китайской империи не были способны оказать серьезное противодействие внешней агрессии, защитить суверенитет и территориальную целостность государства. Неумелое руководство боевыми действиями, нехватка современного вооружения в войсках, слабая тактическая обученность войск — все это привело к полному поражению Китая.

Поражение в войне с Японией вынудило Цинское правительство вновь в который раз обратить серьезное внимание на состояние и реформирование своих вооруженных сил. Под влиянием уроков этой войны образцом для обучения китайских войск была принята германская армия, на которую ориентировались вооруженные силы победителя — Японии.

В декабре 1898 года императрицей Цыси был одобрен план создания Северной — Бэйянской — армии, обученной по европейскому образцу и вооруженной новейшим оружием. В ее состав вошли четыре ранее сформированных корпуса под командованием генералов Юань Шикая, Не Шичэна, Дун Фусяна и Сун Цина и новый корпус под командованием Жун Лу. Новая армия находилась не под контролем провинциальных властей, а под руководством Цинского правительства.

Война 1900–1901 года, возникшая как следствие антиимпериалистического движения «боксеров», завершилась

поражением Цинов. Подписанный в сентябре 1901 года Заключительный протокол обязал маньчжурское правительство, в частности, уничтожить все оборонительные сооружения, построенные между побережьем и Пекином; в течение двух лет не ввозить из других стран оружие, боеприпасы и военные материалы. Китаю запрещалось иметь войска в столичном округе, а иностранные державы получили право держать контингенты своих войск в Северном Китае. В Пекине создавался специальный посольский квартал, управлением которого ведали сами иностранцы, где они имели право держать свои воинские части для охраны посольств.

Вновь под воздействием фактора внешней угрозы Цинский двор вынужден был вплотную заняться военными реформами. 12 сентября 1901 года был опубликован важный указ, в котором признавалось неудовлетворительное состояние существующих формирований и подчеркивалась необходимость создания в стране современной регулярной армии.

Российские военные специалисты, отслеживавшие состояние вооруженных сил Китая, сообщали о проводившихся в стране мероприятиях, анализировали их опасность для положения России на Дальнем Востоке. В одной из записок бывшего военного агента в Пекине полковника Генерального штаба Д. Путяты, написанной им в 1902 году, отмечалось: «Китай за последние 30 лет израсходовал много денег на закупку европейского оружия, боевых судов, содержание новых частей войск, наем европейских инструкторов, сооружение крепостей и устройство арсеналов. Но, накопив массу военного материала, он не создал ни армии, ни флота и нуждался в уроке, чтобы убедиться в сделанных им ошибках. Если ныне Китай сознает, что ему надлежит коренным образом изменить свою военную систему, положить предел произволу и лихоимству мандаринов, то он при своих материальных средствах станет более чем грозным соседом, чем был до настоящего времени»[8].

---

[8] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 447. Оп. 1. Д. 69. Л. 11.

В июне 1902 года наместник провинции Чжили Юань Шикай, вставший на этот пост после смерти Ли Хунчжана, представил Цинскому двору проект формирования постоянной армии — Чанбэйцзюнь — с резервом и запасом за счет перехода к рекрутскому набору в армию.

Эта идея была благосклонно встречена в Пекине, и уже в октябре того же года была сформирована первая дивизия новых войск. В течение следующих двух лет подобные формирования появились в Хубэе, Цзянсу, Шаньси, Шэньси, Цзянси, Гуанси, Гуйчжоу и Юньнани. По планам маньчжурского руководства, к 1913 году предполагалось в составе постоянной армии иметь 36 дивизий, укомплектованных, обученных и вооруженных в соответствии с самыми современными требованиями.

Для изучения зарубежного опыта военного строительства и проведения реформ своих вооруженных сил при Цинском дворе был создан специальный комитет, подготовивший и направивший императору несколько важных документов. 19 мая 1904 года результаты совещаний были доложены императору в форме рапорта. В документе, в частности, говорилось:

«Среди многочисленных работ настоящего времени наиболее трудной является дело организации армии. Как набирать, довольствовать, вооружить и обучить войска столицы и провинций? Как преобразовать войска провинций? Мы приказываем чиновникам Лиен-пинь-чу (Лиен-пинь-чу — коллегиальное учреждение, сформированное в конце 1903 г., ведает организацией армии и ее управлением; это нечто вроде высшего совета, облеченного также исполнительной властью — *прим. источника*) и военного министерства обсудить эти вопросы и представить нам свои выводы. Уважение к этому приказу!

Мы считаем, что в каждом государстве армия является великим и важным фактором.

В древние века армию составлял весь народ. В случае необходимости призывалось все население. По миновании надобности все возвращались к своим полям.

Позже для сформирования армии стали выбирать людей из опытных охотников, т.е. из тех, которые умели вла-

деть оружием. Мало-помалу армия отделилась от нации. Численность армии колебалась, и, понятно, чем больше было воинов, тем больше людей приходилось кормить (...).

Все иностранные государства обладают сильной армией, готовой к войне, для того, чтобы избежать последней. Их население пользуется могущественной защитой всегда находящихся в готовности войск. При всестороннем обсуждении становится ясным, что нельзя обойтись без армии. Если создавать армию, нужно составить устав, который должен быть один для всех (...).

На суше ветер наметает песок в кучи; распущенные волосы не могут сплестись сами. Луин устарел. Правила набора его в каждой провинции различны. Тут не может быть однообразия и потому великое военное дело сделалось понемногу затруднительным. Вот почему необходимо установить незыблемые законы.

В старое время при наборе солдат не заботились о последствиях; теперь необходимо подумать о будущем, потому что нельзя доверяться только одним благоприятным или неблагоприятным случайностям.

Прежде срок службы не был ограничен; теперь необходимо внимательно рассмотреть этот вопрос, чтобы избежать истощения средств.

Прежде от солдат и офицеров не требовалось знаний; чтобы драться, они должны были обладать только силой и храбростью. Теперь законы войны изменяются с каждым днем: необходимо постоянно учиться и готовиться к управлению войсками.

Прежде не нужно было изучать владение оружием, это было легко; только что вооруженный человек был готов к бою. Теперь армии многочисленны, сила и ловкость недостаточны для победы, а огнестрельное оружие дает наилучшие результаты только с хорошо обученными людьми.

Управление будет толковым или нет в зависимости от того, будет ли система обучения хороша или плоха. Система обучения будет хороша или плоха в зависимости от того, будут ли строги военные законы или нет, а также от того, как будут составлены положения об обучении и денежном довольствии.

Необходимо использовать все, чтобы помочь составлению плана.

Старое время не похоже на нынешнее, значит, начальники не могут руководствоваться прежними способами.

Китай и другие государства не похожи друг па друга; военные законы не могут быть у них совершенно одинаковы.

Для сформирования армии надо принять в соображение системы других государств, а также состояние каждой нашей провинции. Следует принять за правило: ничего не разрушать и ничего не портить (...).

Не следует скрывать, что расходы будут велики. Нужно употребить все усилия, чтобы использовать всех годных людей. Некоторое время понадобится также на то, чтобы обучить армию; но если заботиться о солдате, то она будет улучшаться с каждым днем.

Чтобы убедиться в однообразии обучении, мы предлагаем посылать от времени до времени доверенных людей для проверки провинциальных войск. Для этого мы почтительно испросим повеления Вашего Величества.

В военных законах следует принимать в соображение не одну только храбрость и силу. В мирное время сила или слабость, в военное — ловкость или невежество зависят от законов войны, которые сами происходят от состояния обучения, основой которого являются установленные в армии законы. Начальники и рядовые, большие и малые чины должны помогать друг другу, как тело пользуется рукой, а рука — кистью...»[9]

Точную характеристику новым китайским военным реформам дал полковник российского Генерального штаба Л.М. Болховитинов в своем военно-политическом обзоре вооруженных сил этого государства: «В развитии своих вооруженных сил китайское правительство руководствуется следующими принципами, изложенными в докладной записке Юань Шикая от 8 июня 1902 года:

[9] Реорганизация Китайской армии. Перевод китайских документов французской службой капитана Водеска. Краткий очерк Новых войск Китая (Лу-цзюнь). С французского переводил и очерк составил Генерального штаба капитан барон А. Арпсгофен. С.-Петербург, 1907. С. 7—10.

- постепенный переход от вербовки к воинской повинности;
- образование запаса обученных людей;
- установление однообразия в организации и обучении войск;
- улучшение офицерского состава и вообще личного состава армии»[10].

Новые войска формировались, как правило, на базе Восьмизнаменных маньчжурских частей и соединений. Однако должности офицерского состава нередко занимались коренными китайцами, более грамотными в общеобразовательном и военном отношениях китайскими офицерами. Первостепенное внимание уделялось вооружению новых дивизий современными образцами стрелкового оружия и артиллерии.

Служба в рядах новых китайских войск строилась следующим образом. Все поступавшие на службу зачислялись сначала на 3 года в постоянную (полевую) армию, затем на 3 года — в резерв. Находясь в резерве, они жили обычной гражданской жизнью, но ежегодно призывались на военные учебные сборы. По истечении срока службы в резерве солдаты переводились в запас (ополчение), где числились еще 4 года[11]. Эта система, по мнению Юань Шикая, могла обеспечить вооруженные силы страны необходимым числом хорошо подготовленных кадров.

К середине 1911 года новая армия Китая состояла из 11 дивизий и 25 отдельных бригад, насчитывавших в своих рядах 160 тысяч пехотинцев, сведенных в 285 батальонов; 14 тысяч кавалеристов, сведенных в 62 дивизиона (эскадрона). Артиллерия была представлена 169 батареями с общим числом стволов — 1 тысяча. На вооружении новых войск имелось 130 пулеметов[12].

Серьезные преобразования начались также в системе военного образования и подготовки офицерского корпуса.

---

[10] Вооруженные силы Китая (По данным на январь 1910 года). Под редакцией Генерального штаба полковника Болховитинова. С.-Петербург, 1910.

[11] РГВИА.Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1098. Л. 3.

[12] РГВИА.Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2008. Л. 29.

В феврале 1905 года был опубликован указ об учреждении в столице и провинциальных центрах низших военных училищ с 3-годичным сроком обучения. Затем выпускники направлялись для продолжения образования в средние кадетские школы. Проучившись два года, кадеты должны были пройти шестимесячную практику в войсках, а потом могли поступать в офицерские училища с полуторагодичным сроком обучения. При такой системе военного обучения первый выпуск офицеров мог состояться только в 1912 году, т.е. когда новые войска в основном должны быть созданы[13].

Для скорейшего пополнения войск офицерскими кадрами было разрешено создавать на местах офицерские школы и училища с ускоренным сроком обучения — 1,5—2,5 года. Курсанты набирались из числа грамотной городской молодежи, и вся подготовка сводилась в основном к военным дисциплинам. В результате новая армия уже с 1908 года стала получать ежегодно до 1500 офицеров[14].

В одном из китайских документов, направленных самому богдыхану, говорилось: «Во всех государствах в мирное время содержатся многочисленные кадры, невзирая на расходы, чтобы в военное время все было в порядке... По нашей старой военной организации в войсках было слишком мало офицеров. Отсюда наша постоянная слабость. Мы должны брать пример с других народов, которые не боятся увеличивать число своих офицеров, чтобы быть сильными в момент борьбы»[15].

Для подготовки кандидатов на замещение наиболее ответственных офицерских должностей Цинские власти прибегли к посылке молодых образованных людей на учебу за рубеж, прежде всего в Японию, Германию, Англию, США. Всего с 1900 по 1911 г. военное образование только в одной Японии получили около 700 китайских офицеров.

---

[13] Белов Е.А. О роли армии в Синьхайской революции. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 266.

[14] РГВИА.Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4245. Л. 53.

[15] Реорганизация Китайской армии. Перевод китайских документов французской службой капитана Водеска. Краткий очерк Новых войск Китая (Лу-цзюнь). С французского переводил и очерк составил Генерального штаба капитан барон А. Арпсгофен. С.-Петербург, 1907. С. 18.

Все происходившие в военной сфере Китая изменения и нововведения не затрагивали судьбы старых Восьмизнаменных войск, которые уже давно представляли собой огромную обузу государству. Полностью разложившиеся, не способные выступать в качестве организованной вооруженной силы не только для отражения внешней агрессии, но и для поддержания порядка внутри государства. Восьмизнаменные войска неизбежно должны были быть подвергнуты коренным реформам. Несмотря на длительное нежелание Цинского двора заниматься этой проблемой, в конце концов, в декабре 1908 года была составлена программа постепенной 9-летней реорганизации Восьмизнаменных войск, которая должна была завершиться в 1915 году.

На базе маньчжурских знаменных войск с 1908 года началось формирование новой дворцовой гвардии — Цзиньвэйцзюнь. К сентябрю 1911 года в ней числилось 12 тысяч человек, и она представляла собой наиболее боеспособные части китайских вооруженных сил.

Некоторые успехи китайского правительства в деле военных реформ не приводили и не могли привести к коренному улучшению всей военной системы государства. Военный министр маньчжур Инь Чан в беседе с А.И. Гучковым, прибывшим в мае 1911 года в Пекин, заявил, что для осуществления основных военных преобразований Китаю потребуется не менее 10 лет мирного времени[16]. Таким образом, в первое десятилетие XX века Китай как военная держава так и не состоялся. Были начаты масштабные военные преобразования по всей стране, однако для их осуществления необходимы были огромные бюджетные ассигнования, единая концепция военных реформ и длительное время. Ни того, ни другого, ни третьего у Цинского Китая уже не было.

Военные преобразования и реформы в Китае проходили на фоне бурных политических и социально-экономических потрясений в стране. Революционное движение в Китае привело в конечном счете к победе Синьхайской революции 1911—1913 гг. и свержению Цинской власти. Начав-

[16] Цит. по: А.Н. Хохлов. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX — начале XX вв. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 241.

шаяся эпоха революционных преобразований в Китае затронула, естественно, и вооруженные силы, равно как и всю систему военной организации общества.

В целом вооруженные силы Цинского Китая на протяжении всего XIX и в начале XX вв. не выполнили своей функции защиты государства от внешних и внутренних врагов. Вся военная организация Цинского общества не была способна отражать многочисленные агрессии западных держав и Японии. Слабость Китая в политическом, военном и экономическом отношениях обусловила его полуколониальное положение в мире.»Положение Китая в конце прошлого столетия представляло печальное зрелище беспомощности: имея за собой три тысячи лет исторической жизни, обладая огромной территорией, с населением около 400 млн., обладая огромными источниками для торговли, производительности и благосостояния, это государство благодаря главным образом почти полному отсутствию каких-либо правильно организованных вооруженных сил было принуждено покорно подчиняться территориальным и концессионным требованиям иноземцев» — так характеризовал Китай в начале XX века полковник российского Генерального штаба Л.М. Болховитинов[17].

Наиболее слабым звеном вооруженных сил являлись многочисленные Восьмизнаменные войска, деградация которых к концу XIX века стала очевидной даже для маньчжурской знати. Это сопровождалось общим крахом военно-феодальной системы власти в Цинском Китае. Внутренние войны, революционное движение внутри страны ослабляли государство Цинов. Войска были не способны справиться с их подавлением, а впоследствии даже сами принимали участие в революционных событиях.

Войны и военные действия, в которых принимали участие китайские вооруженные силы в XIX — начале XX вв., неизменно оканчивались крахом и поражением. Они продемонстрировали полнейшее отсутствие какой-либо орга-

[17] Вооруженные силы Китая (По данным на январь 1910 года). Под редакцией Генерального штаба полковника Болховитинова. С.-Петербург, 1910.

низации в их планировании и ведении. Отсутствовала единая централизованная система управления вооруженными силами. Несмотря на упорство и даже фанатизм, которые отдельные китайские солдаты проявляли на поле боя, китайские войска были не способны вести успешные боевые действия против современных армий.

Моральный и боевой дух китайских военнослужащих был в целом крайне низок. Отношение к военной службе у населения было резко отрицательным. Об этом говорит М.Х. Часовой в обзоре современного ему Китая: «Что касается вооруженных сил Китая, то они во всей своей совокупности находятся еще в неудовлетворительном состоянии главным образом благодаря отсутствию надлежащего офицерского состава, к созданию которого теперь приняты обширные, радикальные и энергичные меры. В общем, население Китая даже теперь относится к военной службе довольно презрительно и считает военное дело недостойным интеллигентного человека, склонного к умственной деятельности. Поэтому армию составляют пока далеко не лучшие силы и элементы населения страны»[18].

Цинское руководство понимало необходимость проведения военных реформ и вооружения своих войск современным оружием. Однако в силу целого ряда объективных и субъективных факторов Пекин не смог претворить планы преобразований в жизнь.

Ставка Цинов на зарубежную помощь в деле военных преобразований приносила свои ограниченные плоды, однако активная помощь в вооружении и военном обучении китайских войск не входила в планы ни одной западной державы. Запад ни в коем случае не хотел видеть Китай сильным и самостоятельным государством.

Несмотря на неоднократные предложения России оказать Китаю необходимую военную помощь, Цинский двор фактически отвечал отказом, упуская реальный шанс добиться успехов в деле военных преобразований внутри страны.

---

[18] Часовой М.Х. Грядущее Дальнего Востока. С.-Петербург, 1910.

Концептуальные основы военно-политической стратегии Цинского Китая

Китай — один из самых древних очагов человеческой цивилизации, страна с богатейшей культурой и уникальными традициями. В течение многих веков своего развития Китай был изолирован от процессов формирования западной цивилизации, развиваясь на своих собственных, внутренних, традиционных основах. Это накладывало свой отпечаток на представления Китая о мире и своем месте в нем. На протяжении многих веков внешняя и военная политика этого государства формировалась на основе уникальных, специфически-китайских истоков, к которым можно отнести:

- традиционные китаецентристские представления о Китае и его месте в мире;
- систему традиционных китайских стратагем;
- концептуальные основы философско-этических и мировоззренческих учений — конфуцианства, даосизма, буддизма и др.;
- положения военных трактатов Тай Гуна, Сыма, Сунь Цзы, У Цзы, Вэй Ляоцзы, Хуан Шигуана, Ли Вэйгуна.

В соответствии с древними, традиционными китайскими представлениями о мироустройстве Вселенная представляла собой безграничное небо, куполом охватывающее квадратную Землю. В центре земного квадрата размещался Китай — Срединное государство. Отсюда и пошли традиционные названия Китая: Чжунго («Срединное государство»); Чжунхуа («Срединное цветущее государство»); Тянься («Поднебесная»).

Важнейший принцип устройства Вселенной, по древним китайским понятиям, состоял в строгой системности и иерархичности.»Срединное государство» управлялось императором, который именовался Сыном Неба («Тяньцзы») или Небесным императором («Тяньван»). Все подданные империи именовались рабами — «нуцай».

Будучи «центром Земли», «Срединное государство» с четырех сторон было окружено «варварами», которые классифицировались по сторонам света.

«Срединное государство» рассматривалось как колыбель цивилизации, порядка, высокой культуры. Окружные «варвары» самим порядком вещей были обречены на преклонение перед Китаем, на подчинение и послушание. Характерно, что такие представления о Вселенной не изменились в Китае даже в середине XVII века, когда к власти в Китае пришла «варварская» маньчжурская династия Цин. Маньчжурские правители органично «вписали себя» в историко-культурный контекст китайской цивилизации, оставшись абсолютно верными традиционным китайским представлениям о мире и мироустройстве.

В системе «варваров» выделялись две категории — ближние и дальние. Под первыми имелись в виду ближайшие географические соседи «Срединного государства»: племена кочевников Маньчжурии и Монголии, тюркские народы «Западного края», южные племена и народы.

Дальними «варварами» являлись те народы и государства, которые прямо не граничили с Китаем и о которых в Пекине имелось крайне скудное знание.

Россия для Цинского Китая выступала «дальним варваром»: вплоть до XVII века там о России практически ничего не знали (и знать не хотели!). Россия, как и все остальные «варвары», уже одним фактом своего существования «мешала» веками устоявшемуся, нормальному порядку вещей в Поднебесной.

Обеспечивая свои интересы по периферии Поднебесной империи, в Китае действовали в соответствии с традиционными принципами взаимоотношений с «варварами»:

- «и и чжи и» («Управлять варварами с помощью варваров»);
- «и и гун и» («Атаковать варваров с помощью варваров»);
- «и и чжи и» («Сдерживать варваров с помощью варваров»)[19].

Претворение в жизнь внешней и военной политики в «Срединном государстве» считалось немыслимым без при-

[19] Yang Lien-sheng. Historical Nostes on the Chinese World Order// The Chinese World Order. Cambridge. 1974. P. 33.

менения традиционных китайских стратагем, которые во многом определяли национальный китайский стиль дипломатии и военной политики. Стратагемы представляют собой совокупность исторически сформировавшихся приемов и принципов деятельности, обеспечивающих в конечном счете достижение поставленных стратегических целей путем тактических уступок, хитроумных ловушек, умения скрывать свои истинные намерения.

Стратагемность стала чертой национального характера китайцев, а умение действовать в соответствии с традиционными стратагемами считалось и считается высшим достижением не только политика или военного деятеля, но и обычного простолюдина.

Как отмечает один из ведущих отечественных китаистов В.С. Мясников, под понятием «стратагема» понимается «стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость», а «бином чжимоу одновременно означает и сообразительность, и изобретательность, и находчивость»[20]. В связи с этим В.Н. Мясников отмечает: «Итак, стратагемность — это сплав стратегии с умением расставлять скрытые от противника западни... Знание древних стратагем, составление хитроумных планов стало в Китае традицией, причем не только традицией политической жизни, касающейся дипломатии или войны...

Умение составлять стратагемы свидетельствовало о способностях человека, наличие плана вселяло в исполнителей уверенность в успехе любого дела. Поэтому на всех уровнях в Китае привыкли с должным уважением относиться к стратегии и вырабатываемым стратегами планам. От важнейших политических проблем до игры в китайские облавные шашки «вэй-ци» — всюду шло состязание в составлении и реализации стратагем. Появился даже специальный термин — чжидоу, означавший такую состязательность. Стратагемность стала чертой национального характера, особенностью национальной психологии. Но это не означает, что китайцы — это нация ловких интриганов, хитрецов и

[20] См. предисловие к труду: Зенгер Х. фон. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия. М., 1995.

обманщиков. Нет. Это народ, в первую очередь умеющий стратегически мыслить, составлять долгосрочные планы как на государственном, так и на личностном уровне, умеющий просчитывать ситуацию на достаточное количество ходов вперед и употребляющий стратагемные ловушки для достижения успеха»[21].

Общее количество стратагем как таковых — безгранично, однако китайские специалисты, а также видные западные и отечественные ученые выделяют 36 традиционных китайских стратагем. Считается, что именно они описывают в той или иной мере практически все другие «хитроумные планы». Именно этими стратагемами определяются дипломатическая практика и военные акции Китая по отношению к внешнему миру.

Швейцарский ученый Харро фон Зенгер на основе проведенной им многолетней исследовательской деятельности впервые в европейской синологии сформулировал в целостном виде все 36 традиционных китайских стратагем из древнейшего трактата «Саньшилю цзи мибэнь бинфа»[22]:

1. Обмануть императора, чтобы он переплыл море.
2. Осадить Вэй, чтобы спасти Чжоу.
3. Убить чужим ножом.
4. В покое ожидать утомленного врага.
5. Грабить во время пожара.
6. На востоке поднимать шум, на западе нападать.
7. Извлечь нечто из ничего.
8. Для вида чинить деревянные мостки, втайне выступить в Чэньцан.
9. Наблюдать за огнем с противоположного берега.
10. Скрывать за улыбкой кинжал.
11. Сливовое дерево засыхает вместо персикового.
12. Увести овцу легкой рукой.
13. Бить по траве, чтобы вспугнуть змею.
14. Позаимствовать труп, чтобы вернуть душу.

---

[21] См. предисловие к труду: Зенгер Х. фон. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия. М., 1995.

[22] Зенгер Х. фон. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия. М., 1995. С. 348.

15. Сманить тигра с горы на равнину.

16. Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти.

17. Бросить кирпич, чтобы получить яшму.

18. Чтобы обезвредить разбойничью шайку, сначала надо поймать главаря.

19. Тайно подкладывать хворост под котел другого.

20. Ловить рыбу в мутной воде.

21. Цикада сбрасывает свою золотую кожицу.

22. Закрыть дверь и поймать вора.

23. Объединиться с дальним врагом, чтобы побить ближнего.

24. Объявить, что только собираешься пройти сквозь государство Го, и захватить его.

25. Украсть балки и заменить их гнилыми подпорками.

26. Скрыть акацию и указать на тутовое дерево.

27. Делать безумные жесты, не теряя равновесия.

28. Заманить на крышу и убрать лестницу.

29. Украсить сухие деревья искусственными цветами.

30. Превратить роль гостя в роль хозяина.

31. Стратагема красотки.

32. Стратагема открытых городских ворот.

33. Стратагема сеяния раздора.

34. Стратагема самострела.

35. Стратагема «цепи».

36. Бегство (при полной безнадежности) — лучшая стратагема.

Анализ маньчжурской политики в отношении России показывает, что уже с XVII в. Пекин успешно применял многие из классических стратагем. Принцип «убить чужим ножом» реализовывался в подстрекательстве местных народов Приамурья к сопротивлению русским казацким отрядам. Стратагема № 23 «Объединиться с дальним врагом, чтобы побить ближнего» проявилась, например, в ходе попыток Пекина войти в союз с Россией, чтобы завоевать Джунгарию в первой половине XVIII века.

Стратагема «Скрывать за улыбкой кинжал», которая имеет и другую интерпретацию — «Ублажать словами, в сердце же вынашивать зло», на протяжении всей дипломатической истории Китая (равно как и других государств!)

являлась основополагающей. В полной мере она применялась и Китаем, и Россией в ходе двусторонних переговоров о территориальном разграничении и дипломатических отношениях.

Как свидетельствует исторический опыт, не только Китай, но и все державы, входившие с ним в соприкосновение за последние несколько столетий, активно применяли в своей политике стратагемы. Классическим примером в этом отношении китайская сторона считает политику территориальных захватов, проводившуюся в Китае европейскими державами в XIX в. В соответствии со стратагемой № 5 «Грабить во время пожара» «Царская Россия воспользовалась пожаром для грабежа, отхватив кусок нашей территории»[23].

Древнекитайские стратагемы органично вошли в интерпретированном виде в классический трактат о военном искусстве «Сунь Цзы бинфа» (VI–V в. до н.э.), который, в свою очередь, стал основой военной политики Китайской империи. Этот трактат в наиболее целостном и концентрированном виде выражает сущность и особенности китайской дипломатии и китайского способа ведения войн. Положения этого трактата активно применялись Цинской империей при развитии дипломатических и военно-политических отношений с другими государствами, в том числе и с Россией. Сунь Цзы в своем трактате сформировал традиционные китайские подходы к понятию войны:

«Война — это большое дело для государства, это вопрос жизни и смерти, путь существования и гибели...

Война — это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него, вызвав в нем гнев, приведи его в

---

[23] Заголовок статьи из газеты «Бэйцзин жибао» от 14 ноября 1981 г., посвященной оценке русско-китайского Пекинского договора 1860 г.

состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если у него дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает. Все это обеспечивает воителю победу; однако нельзя заранее указать какой-либо прием».

Отдельную главу Сунь Цзы посвятил принципам использования хитрости — как на тактическом поле боя, так и в стратегическом контексте. Третья глава трактата так и называется «Наступление военной хитростью»[24]:

«Сунь Цзы сказал: по правилам ведения войны наилучшее — вынудить государство противника покориться в целости, на втором месте — разгромить это государство; наилучшее — вынудить цзюнь противника покориться в целости, на втором месте — разбить его; наилучшее — вынудить люй противника покориться в целости, на втором месте — разбить его; наилучшее — вынудить цзу противника покориться в целости, на втором месте — разбить его; наилучшее — вынудить противника покориться в целости; на втором месте — разбить его. Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — покорить войско противника, не сражаясь.

Поэтому высшее искусство войны — разрушить планы войны у противника; на следующем месте — расстроить его союзы; на третьем месте — разбить его войско; самое худшее — осаждать крепость. По правилам осады крепости такая осада должна производиться лишь тогда, когда это неизбежно. На изготовление больших щитов, осадных колесниц, на заготовку различного военного снаряжения потребуется три месяца; для возведения насыпей вокруг стен еще потребуется три месяца. Однако полководец, не преодолев свое нетерпение, бросает своих воинов на приступ подобно стае муравьев и поэтому теряет одну треть своих воинов, и все же крепость остается не взятой. Таковы пагубные последствия осады.

---

[24] Трактат «Сунь Цзы бинфа» цитируется по переводу с китайского на русский Ши Ехуа под редакцией Ши Чжэ, приводимому в книге: Сунь Цзы цзяоши (Комментарии и толкования трактата Сунь Цзы). Пекин, 1990. С. 341–375.

Поэтому тот, кто искусно ведет войну, покоряет чужое войско без сражения, захватывает чужие крепости без осады, сокрушает чужие государства без длительных кампаний. Непременно сохранив все в целости, он борется за господство в Поднебесной. Поэтому, не прибегая к войне, можно иметь выгоду. Это и есть правило наступления военной хитростью.

Поэтому существует правило ведения войны — если твои силы в десять раз превосходят противника, то нужно окружить его; если твои силы в пять раз превосходят, нужно атаковать противника; если твои силы в два раза больше сил противника, нужно искусно вести бой; при равенстве сил нужно разделить силы противника на части; если у тебя сил меньше, нужно обороняться; если твои силы уступают противнику во всех отношениях, сумей уклониться от боя. Поэтому и небольшие силы могут вести упорную борьбу, но все же они могут оказаться пленниками более крупных сил противника.

Полководец для государства все равно что крепление у повозки: если это крепление пригнано плотно, государство непременно бывает сильным; если крепление разошлось, государство непременно бывает слабым.

Поэтому войско страдает от своего государя в трех случаях:

Когда он, не зная, что войско не может наступать, приказывает ему наступать; когда он, не зная, что войско не должно отступать, — приказывает ему отступать. Это означает, что он связывает войско.

Когда он, не зная существа дел войска, вмешивается в его повседневные административные дела; тогда командиры в войсках приходят в растерянность.

Когда он, не зная тактики войска, вмешивается в управление войском; тогда командиры в войсках приходят в смятение.

Поскольку в войсках появятся растерянность и смятение, то этими затруднениями воспользуются князья. Это означает дезорганизовать свои войска и отдать победу противнику.

Поэтому имеется пять условий, определяющих победу: побеждает тот, кто знает, когда можно сразиться и когда

нельзя; побеждает тот, кто умеет руководить и большими и малыми силами; побеждает тот, у кого сверху донизу существуют единые желания; побеждает тот, кто проявляет осторожность и ожидает неосторожности противника; побеждает тот, у кого полководец талантлив и государь не вмешивается в его управление. Эти пять условий и есть знания пути победы.

Поэтому и говорится: если знаешь его и знаешь себя, проводи хоть сто сражений, и ты будешь непобедим; если знаешь его и не знаешь себя, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение».

В трактате Сунь Цзы содержится множество принципиально важных положений о стратегии ведения войны, которые сами стали стратагемами. Среди них можно выделить, например, следующие:

«Правила ведения войны таковы: если противник находится на высотах, не иди прямо на него; если за ним возвышенность, не нападай на него с фронта; если он притворно убегает, не преследуй его; если он полон сил, не нападай на него; если он подает тебе приманку, не иди на нее; если войско противника возвращается домой, не останавливай его; если окружаешь войска противника, оставь открытой одну сторону; если он находится в безвыходном положении, не нажимай на него. Это и есть правила ведения войны...

Бывают дороги, по которым не идут; бывают войска, на которые не нападают; бывают крепости, которые не штурмуют; бывают местности, за которые не борются; бывают повеления государя, которые не выполняют...

Сначала будь как застенчивая девственница — и противник откроет у себя двери. Потом же будь как вырвавшийся заяц — и противник не успеет принять мер к защите».

Основные положения военного трактата Сунь Цзы нашли впоследствии свое продолжение в многочисленных работах по военному искусству других китайских авторов, которые выступали и как толкователи основных идей Сунь Цзы, и как самостоятельные теоретики военного искусства.

Одним из наиболее известных военных теоретиков древности, продолживших работу Сунь Цзы над принципа-

ми военного искусства, был У Цзы. В отличие от своего полулегендарного предшественника У Цзы (У Ци) был реальным и известным политическим деятелем (440 г. до н.э. — 361 г. до н.э.). В древнем Китае он почитался как основоположник теории управления государством и военной сферой. В соответствии с историческими хрониками, находясь на службе у разных правителей, У Ци не проиграл ни одного сражения в своей жизни.

В своем трактате он отмечал: «Мудрый правитель... непременно у себя в стране развивает гражданские начала, а против внешних врагов держит наготове свою воинскую силу».

«Одержать победу в битве легко, — поучал У Цзы своего правителя, — удержать победу трудно. Поэтому сказано, что, когда государства воюют в Поднебесной, тот, кто одержит пять побед, столкнется с несчастьем; кто одержит четыре победы — истощит свои силы; кто одержит три победы, станет гегемоном; кто одержит две победы — станет правителем; кто одержит одну победу — станет императором. Поэтому тех, кто благодаря многочисленным победам покорил мир, очень мало; тех же, кто погиб при этом, — много»[25].

Как и Сунь Цзы, У Цзы особое внимание уделял необходимости тщательного и всестороннего изучения противника: «Ведя войну, необходимо выяснить слабые и сильные стороны врага и спешить, чтобы воспользоваться его слабым местом».

Глубокие мысли о стратегии государственного управления и военной стратегии содержатся в трех военных сочинениях, приписываемых знаменитому полководцу и стратегу Цзян Шану, более известному по имени Тай-гун (I в. до н.э.):

«Сущность армии и государства лежит в изучении умов людей и выполнении ста обязанностей правления.

Дай мир тем, кто в опасности. Дай счастье тем, кто в страхе. Верни тех, кто восстал. Будь снисходителен к тем, у кого горе. Расследуй (жалобы) тех, кто просит о помиловании.

---

[25] У-Цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. Исследование и примечания Р. Сойера. Перевод Котенко Р.В. СПб., 2001. С. 258.

Возвышай низших. Подавляй сильных. Уничтожай врага. Обогащай жадных. Используй тщеславных. Прячь боязливых. Привлекай стратегов. Расследуй клеветников. Упрекай нарушителей. Уничтожай непослушных. Сдерживай страстных. Понижай надменных. Призывай тех, кто изъявил покорность. Даруй жизнь тем, кто подчинился. Освободи сдавшихся...

Соотносись с врагом, чтобы начать действовать и подавить его. Опирайся на стратегическую силу (ши), чтобы уничтожить его. Распространяй ложные речи и заставь его ошибиться. Расставь сеть, чтобы поймать его...

Ключ к ведению войны — прежде изучить положение врага, посмотреть у него амбары и арсеналы, оценить запасы продовольствия, определить силу и слабость, отыскать у него естественные преимущества, увидеть его пустоты и трещины»[26].

Идеям классиков древнекитайского военного искусства вторил известный полководец Чжугэ Лян, живший уже в III в. н.э.: «В военных действиях атака на умы — главная задача, атака на укрепления — второстепенная задача. Психологическая война — это главное, бой — это второстепенное дело».

В целом краткий обзор основных принципов и постулатов внешней и военной политики Китая в отношении России позволяет сделать некоторые выводы.

Концепции и реальная практика внешней и военной политики Китая основывались на принципах стратагемности, которые в Срединном государстве традиционно считались нормой поведения государств на международной арене и важнейшими принципами военного искусства. Стратагемы и принципы древних военных канонов, развивавшие эти стратагемы, внешним миром воспринимались как хитрость и коварство китайцев. Именно поэтому как странам Запада, так и России было так трудно «навести мосты» в отношениях с Китаем. Именно поэтому столько проблем и недоверия возникало и накапливалось в российско-китайских отношениях на протяжении веков.

---

[26] У-Цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. Исследование и примечания Р. Сойера. Перевод Котенко Р.В. СПб., 2001. С. 361, 362, 367.

Китаецентристская модель восприятия окружающей действительности давала искаженное представление Пекину о себе, своей силе и о внешнем мире. Страны-соседи, равно как и отдаленные государства мира, воспринимались в Китае лишь как данники, «варвары», обязанные платить дань Срединной империи. Столкнувшись в ходе уже первых контактов с европейскими державами с иной моделью дипломатии, основанной на принципах взаимного уважения и стремления к равноправию, Китай, чтобы сохранить вековые основы своей политики, вынужден был уйти в состояние самоизоляции. Ориентация на самоизоляцию, косность, боязнь перемен, страх перед прогрессом в конечном счете привели Китай к трагедии в его первых контактах с европейцами.

Это в полной мере неоднократно проявлялось во всем комплексе отношений между Китаем и Россией, в том числе и в военно-политической области.

«Стратегические планы усмирения русских»

Внешняя и военная политика Китая по отношению к России уже с XVII в. начала строиться в соответствии с единой стратегической концепцией, вобравшей в себя основные положения традиционных китайских принципов политики и дипломатии. Эта концепция получила в Китае того времени название «Пиндин Лоча фанлюэ» («Стратегические планы усмирения русских»)[27]. Таким образом, внешняя и военная политика Китая по отношению к России с самого начала имела как бы две составляющие: общие концептуальные основы и конкретную антироссийскую программу.

Программа борьбы с русскими, концепция «Пиндин Лоча фанлюэ», представляла собой собрание поучений и инструкций императора, донесения маньчжурских военачальников из Приамурья. В исторических документах, во-

[27] Стратегические планы усмирения русских (Пиндин Лоча фанлюэ) // Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691. Т. II. М., 1972. С. 660–701.

шедших в «Пиндин Лоча фанлюэ», подробно описывался опыт первых контактов маньчжур с русскими и формулировались уроки на будущее.

Прежде всего русские, по традиционным китайским представлениям, считались «дальними варварами». Уже первые контакты с русскими, а это были осваивавшие безграничные просторы Сибири и Приамурья казаки, вызвали «культурный шок» у маньчжуров и китайцев. Бородатые пришельцы с севера были для маньчжуров и китайцев странными, европеоидные черты их лиц казались уродливыми. Не случайно за свой внешний вид русские сразу получили прозвище чанбицзы — «длинноносые». Они носили «странную одежду», говорили на непонятном наречии, были абсолютно нецивилизованными (не имели понятия об иероглифах!). Русские в представлении маньчжуров были «грубыми, алчными и некультурными». В китайском документе отмечалось:

«Русские являются подданными государства Олосы. Русское государство находится в отдалении, на крайнем северо-западе, и с древнейших времен не имело сношений с Китаем. Русские в основном все грубые, алчные и некультурные. Тех, которые поселились на границах недалеко от Хэйлунцзяна, дауры и солоны прозвали «лоча». Они бесчинствовали, убивали и грабили, принимали перебежчиков с нашей стороны, [постоянно] причиняя зло на границах». Далее в китайских документах делался вывод: «Русское государство никогда не имело связей с Срединным государством. Русские по своему характеру чрезвычайно свирепы, и их трудно подчинить. Однако в настоящее время они проявляют покорность и искренне желают обратиться к культуре. Земли, на несколько тысяч ли лежащие на обращенных к Срединному государству [склонах] Хингана, начиная с крайнего севера, и пустынные, целиком станут принадлежать Срединному государству».

Борьбу с русскими цинское правительство планировало вести непрямыми способами. Прямое военное столкновение, как показал опыт, обычно складывалось не в пользу маньчжур. Поэтому цинский император разработал «другой план» — взять русских измором: «Ввиду того что рус-

ские с давних пор занимают наши пограничные территории, принимают наших перебежчиков и сеют смуту, следовало бы немедленно истребить их. Но Ваше Величество, движимое ко всему живому чувством любви, позволяет им умереть естественной смертью». В «Пиндин Лоча фанлюэ» указывалось: «Вы, Ваше Величество, убедившись, что их нравы подобны нравам диких зверей, поняли, что без одновременного использования методов облагодетельствования и силы, то есть истребления и привлечения на свою сторону, русские никогда не подчинятся».

Планируя проведение военных операций, цинское военное командование уделяло особое внимание ведению разведки. Неоднократно в район предполагаемых боевых действий высылались группы кавалерии, верные племена кочевников, которые вели тщательную разведку русских позиций и крепостей.

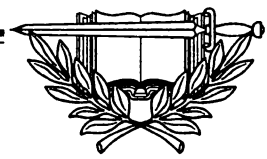
«Усмирение русских», по плану Цинского двора, должно было проводиться как силой, так и дипломатическими и психологическими методами. Для этих целей был выработан соответствующий постулат: «Лучше смирить их добродетелью, чем наказывать при помощи военной силы». В инструкциях Цинского двора говорилось: «Сначала мы попробуем склонить русских перейти на нашу сторону, а если они не согласятся — поведем на них войско и уничтожим. Если же русские заблаговременно узнают о нашем приближении и отступят, то посланное войско пусть воспользуется удобным моментом и умиротворит население различных мест хэчжэнь, а также попытается привлечь на нашу сторону всех тех, кто еще к нам не присоединился».

Цинский император поучал своих подданных: «Применение военной силы, разящего оружия — все это опасные средства. Древние не любили пользоваться ими. Мы управляем Поднебесной при помощи гуманности и изначально не одобряем убийства. Вы, начальствующие, строго прикажите офицерам и воинам не нарушать нашей высочайшей воли. Вследствие того, что мы используем отборное и сильное войско, оружие и снаряжение у нас в отличном состоянии, русские не смогут противостоять нам и вынуждены будут отдать нам земли и явиться с изъявлением покорнос-

ти. Вы никого из них не убивайте и дайте им возможность вернуться на их прежние земли, чтобы они прославили наше беспредельное великодушие. В настоящее время все эти распоряжения должны быть выполнены, и мы испытываем чрезвычайное счастье».

Особая политика проводилась цинскими властями в отношении пленных. Взятым в плен казакам сохраняли жизнь, «одаривали подарками» (шубами, шапками, одеждой), кормили и поили, присваивали офицерские звания — с одной только целью: «Когда наше войско начнет наступление, эти пленные должны быть отпущены — с целью продемонстрировать наше великодушие».

В целом опыт взаимодействия Цинского Китая с Россией в Приамурье, легший в основу «Стратегических планов усмирения русских», нельзя рассматривать в изолированном культурно-историческом контексте. Основы и принципы отношений к России в Пекине строились в русле общей Цинской внешнеполитической стратегии с учетом некоторых особенностей географического положения и опыта исторического взаимодействия.

ГЛАВА 2
ПЕРВАЯ КОНФРОНТАЦИЯ

Движение России на Восток: первые контакты с Китаем

Первые контакты между Русью и Китаем восходят к XIII веку. Сведения о Руси, славянских землях и народах Восточной Европы в целом доходили до китайских земель по основной трансазиатской торговой магистрали — Великому шелковому пути. Длительное господство монголов на огромных пространствах Азии и их завоевательные походы на Запад, в земли славян, способствовали установлению первых контактов между Русью и Китаем.

Отправляя в поход на запад Субэдэ-багатура, Чингисхан в числе стран, которые тому предстояло покорить, указал и страну «Оросат» (Русь), а в качестве пункта, до которого надлежало дойти монгольскому войску, им был назван «город Хий-э, обнесенный стеной» — Киев[28].

Стратегическое вторжение и многочисленные тактические набеги монгол на славянские земли сопровождались захватом в плен десятков тысяч русских воинов. Монголы из покоренных ими племен и народов отбирали молодых крепких юношей и формировали специальные отряды для ханской гвардии.

---

[28] Данзан Л. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). М., 1973. С. 228, 368.

В 1330 году в составе Пекинской гвардии взошедшего на престол хана Тутемура был сформирован особый «русский отряд». К северу от Пекина на выкупленных правительством у крестьян землях для русских пленников, ставших ханскими воинами, было организовано специальное поселение. Русские пленники жили компактно, занимались обработкой земли и при необходимости привлекались на военную службу.

После распада империи монголов между Русью и Китаем поддерживались эпизодические связи через Среднюю Азию, на рынках которой русские купцы встречались с купцами, приезжавшими из Индии и минского Китая.

Российские контакты с Китаем, в отличие от «открытия» Китая Западом, изначально строились на других основах и принципах. Русское движение шло по суше, по необъятным и неисследованным просторам Сибири. Без преодоления этих пространств невозможно было войти в контакт с далеким Китаем. В отличие от европейских колониальных держав Россия следовала своему цивилизаторскому влечению, а не стремлению захватить в Китае новые земли и рынки.

Уникальное геостратегическое положение России на Евроазиатском континенте объективно создавало предпосылки и условия для неизбежного обращения ее на восток, в сторону Сибири. Проживавшие там народы находились на более низкой ступени развития, тактически не имели никаких контактов с Европой, что в тех конкретно-исторических условиях означало, что их необходимо было «открыть».

Россия начала свое продвижение в поисках богатств Востока в направлении Средней Азии и Индии еще с XV века. Она вышла на контакты со странами Средней Азии: Хивой, Бухарой, Кокандским ханством, умело совершая политические маневры в этом регионе, подводя новые земли и народы под юрисдикцию России.

Оживление интереса к Китаю на Руси произошло в XVI веке и было связано с историей длительных поисков северного пути (морского или сухопутного) из Европы в Китай. В международных связях Русского государства, в первую очередь с Англией, с середины XVI века вопрос о путях в Ки-

тай и Индию начинает играть значительную роль. Москва оказалась для западноевропейских торговцев воротами в Центральную и Северо-Восточную Азию и на Дальний Восток. Но ни представители западных держав, ни сами русские не имели точного представления о громадных территориях, лежавших между восточными границами Русского государства и Минской империей.

Первой попыткой русского правительства самостоятельно разведать пути в Монголию и Китай явилось отправление в 1608 году по указу царя Василия Шуйского группы томских казаков во главе с И. Белоголовым на поиски Алтына-царя и Китайского государства. Эта экспедиция закончилась безрезультатно, однако казаки привезли сведения о Китае, полученные ими от енисейских киргизов.

В 1615–1617 гг. тобольский воевода И.С. Куракин направил два посольства — Т. Петрова к калмыкам и В. Тюменца в Западную Монголию. Сведения, привезенные ими, показали, что пределы Китая вполне достижимы для казачьих экспедиций.

В это время английское правительство предприняло активные попытки оказать влияние на Москву с целью получить разрешение на организацию английской экспедиции для поисков дороги в Китай через Сибирь. Но русское правительство решительно отклонило эти домогательства как несовместимые с интересами русской торговли на Востоке и дало указание тобольскому воеводе отправить торгово-разведывательную миссию, имевшую целью узнать путь из сибирских городов в Китай и выяснить, как богато и велико Китайское государство[29].

Таким образом, первая русская экспедиция в Китай была отправлена не в последнюю очередь вследствие стремления русского правительства не допустить транзитной торговли иностранцев со странами Востока, и в частности с Китаем, через территорию Русского государства. Непосредственной причиной, ускорившей организацию поездки такого рода, явился нажим английской дипломатии на царское правительство. Успешное развитие русско-монгольских

[29] Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. М., 1996. С. 36

связей обеспечило реальную возможность проезда русских через Западную Монголию до границ Минской империи.

9 мая 1618 года из Томска было направлено первое русское посольство в Китай. Оно состояло из группы казаков во главе с Иваном Петлиным. 1 сентября того же года посольство достигло Пекина, где оно пробыло четыре дня. Китайское правительство восприняло прибытие русской экспедиции как первое посольство из Русского государства, но посольство не от равного государства, а от пославшего дань пекинскому двору. Однако, поскольку никакой «дани» у казаков с собой не было, они не попали на аудиенцию к императору Чжу Ицзюню, но получили составленную от его имени грамоту, разрешавшую русским приходить с посольствами и торговать в Китае.

Грамота (послание китайского императора), привезенная И. Петлиным в Москву, осталась непрочтенной из-за незнания языка, а правительство Михаила Федоровича проявило известную осторожность в развитии связей с далеким Китаем в период, когда Русское государство, разоренное долгими годами внутреннего кризиса и польско-шведской интервенции, не набрало еще достаточно сил и средств для расширения торговли с Востоком. Поэтому миссия в Пекин И. Петлина, увенчавшая блестящими географическими открытиями длительный период поисков северного пути из Европы в Китай, завершила первый этап в становлении ранних русско-китайских связей, не ставших регулярными, поскольку в тот период они стимулировались скорее внешними факторами, чем внутренней необходимостью.

Лишь к началу второй половины XVII века создаются необходимые политические и экономические предпосылки для установления официальных и регулярных взаимоотношений между Москвой и Пекином. Главную роль в этом играли рост могущества, а также расширение пределов Русского государства в Восточной Сибири и присоединение к собственно Китаю значительных территорий в Маньчжурии, бывших родовыми владениями новой Цинской династии, подчинившей Китай.

В XVII веке началось освоение русскими Восточной Сибири. В 1619 году был основан Енисейск, в 1628 году —

Красноярск. В 1632 году сотник П. Бекетов на реке Лене основал Якутский острог, ставший центром новых земель, административным центром обширной территории в Восточной Сибири.

Именно оттуда партии русских землепроходцев отправлялись на север, восток и юг в поисках новых земель, приведения в русское подданство местных народов и племен. На реках — главных транспортных артериях Сибири и Дальнего Востока — возникали новые русские остроги и поселения.

Продвигаясь на Дальний Восток, организуя экспедиции из Якутска в далекие земли, русские землепроходцы стремились найти пути в Китай. Одним из первых, кто проведал о близости Китайского государства, был енисейский служилый человек Максим Перфильев. Вернувшись летом 1640 года в Якутск с Витима, он сообщил, что в устье реки Шилки живут некие «килонцы», «люди хлебные», у которых и «всякого скота много».»А те же люди, — добавил землепроходец, — съезжаются с китайскими людьми и меж себя торгуют»[30].

Попытки разведать пути в Китай продолжались на протяжении 40-х годов XVII века неоднократно. В 1641—1642 гг. из Якутска направляются отряды казаков во главе с М. Васильевым, С. Скороходовым и К. Ивановым, имевшие целью узнать, «в Китайское государство которою рекою ходят и сколько судового ходу или сухим путем до Китайского государства городов».

Партии русских землепроходцев из Якутска направлялись не только на юг, но и на восток, к берегам далекого моря. В 1638 году на восток отправилась экспедиция, возглавленная казачьим пятидесятником И.Ю. Москвитиным. Долгие и трудные странствия небольшой партии казаков привели к тому, что русские люди в 1639 году впервые достигли берегов Тихого океана. Летом 1641 года Москвитин вернулся в Якутск и доложил о своих географических открытиях и богатствах Приморского края. Русские узнали о существова-

[30] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. «Якутская приказная изба». Оп. 3, 1640. Д. 9. Л. 3.

нии рек Амура, Зеи, Сунгари, в бассейне которых жили племена дауров и дючеров, занимавшихся хлебопашеством и скотоводством. Их земли слыли богатыми серебром, медью, свинцом а также тканями и пушниной. Как пишет Г.И. Невельской, «этих известий было достаточно, чтобы двинуть нашу вольницу в те неведомые и далекие страны»[31].

В июне 1643 года якутский воевода П.П. Головин снарядил в тот богатейший район отряд численностью в 130 казаков под руководством В.Д. Пояркова. Главной задачей экспедиции было, помимо сбора сведений о новых землях, привести в русское подданство новые народы, собрать с них соответствующий ясак.

С самого начала экспедиции стало ясно, что предварительные сведения о новых землях во многом соответствуют действительности. Встретившиеся казакам земли были плодородны, многочисленные поселения местных народов были действительно богатыми. Однако отношения казаков с местным населением с самого начала не сложились, и прежде всего по вине самих русских землепроходцев. Действия казаков отличались грубостью, вероломностью, сопровождались насилиями и грабежами.

Русский штабс-капитан Христиани в своем «Очерке наступательного движения русских на Восток, к берегам Великого океана» в 1901 году описывал это следующим образом: «Встреченные жителями весьма гостеприимно, казаки скоро успели озлобить их своими насилиями; начались серьезные затруднения в продовольствии отряда, приведшие, наконец, к страшному голоду, от которого 40 человек умерли и были съедены оставшимися в живых товарищами. В живых осталось лишь 50 человек. Голод прекратился, когда подошли на помощь остальные казаки, оставленные раньше на зимовье, и привезли с собой провиант»[32].

---

[31] Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849–1855 гг. М., 1947. С. 27.

[32] Очерк наступательного движения русских на Восток, к берегам Великого океана. Сообщения причисленного к Генеральному штабу штабс-капитана Христиани // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1901 г. Выпуск XXIII. СПб., 1901. С. 87.

Тем не менее, уже весной 1644 года Поярков вышел к берегам Амура. Вниз по течению великой реки его отряд спустился до Охотского моря, питаясь по пути почти одной только рыбой. Зиму 1644/1645 года казаки провели в низовьях Амура в селении гиляков (нивхов). Подчинив их России и собрав с них ясак в количестве 12 сороков (480 шкурок) соболя и 16 собольих шуб, Поярков с открытием навигации пустился по Охотскому морю к северу. Очередную зимовку провели казаки в устье реки Ульи в зимовье, построенном еще Москвитиным. Весной 1646 года оставшиеся в живых после трехлетнего скитания 60 казаков отправились в дальний путь домой. 12 июля того же года Поярков с остатками своего отряда прибыл в Якутск.

Долгое и длинное путешествие Пояркова и его товарищей было трудным и опасным. Своими действиями они озлобили местное население Приамурья, «заронили на этой реке недобрую об русских славу»[33].

В.Д. Поярков подробно доложил якутскому воеводе о богатствах нового края, названного им Даурией. Главный вывод из его доклада состоял в том, что местные народы были независимыми и должны были быть окончательно приведены в русское подданство. Для этого необходимо было установить и закрепить в Приамурье русское влияние, прежде всего военное.

Поярков, исходя из своего опыта, считал, что новый край можно было подчинить русскому владычеству, имея всего 300 человек хорошо вооруженного войска. Половину этих сил он предлагал оставить в трех или четырех ключевых острогах, а остальных 150 человек использовать в качестве подвижных отрядов для «усмирения тех из иноземцев, которые окажутся непокорными и не будут платить ясак». По мнению Пояркова, серьезного сопротивления русской силе в Приамурье вряд ли стоило ожидать.

---

[33] Очерк наступательного движения русских на Восток, к берегам Великого океана. Сообщения причисленного к Генеральному штабу штабс-капитана Христиани // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1901 г. Выпуск XXIII. СПб., 1901. С. 87.

Однако реальная ситуация была несколько иной. Г.И. Невельской в связи с этим пишет: «Такое мнение о легкости приобретения Амура было весьма естественно, ибо Поярков, незнакомый еще с краем, упустил из виду самое важное обстоятельство: что по реке Шунгулу (Сунгари) местное население могло ожидать на помощь появления военных сил из соседней с этим краем Маньчжурии, тем более что в это время вместо монгольской династии вступила на престол Китая династия маньчжурская»[34].

В первой половине XVII века, когда русские землепроходцы искали пути в бассейн Амура, маньчжурское влияние здесь было весьма значительно. В течение всего XVI века шла консолидация маньчжурских племен, постоянно тревоживших границы Минской империи. К 1616 году большая часть территории нынешнего Северо-Восточного Китая была захвачена маньчжурами. Основоположник Цинской династии Нурхаци создал здесь государство Цзинь и провозгласил себя ханом. В 1626 году Нурхаци перенес столицу в Мукден. Сын его, хан Абахай, в 1636 году принял титул императора, дав своему государству новое название — Цин. В 1636—1643 гг. он вел непрерывные войны с Минской империей.

Ко времени проникновения русских в XVII веке в Приамурье там проживали независимые племена дауров, дючеров, эвенков, натков и нивхов, находившихся на стадии разложения родового строя. Общая их численность была невелика и составляла, по подсчетам отечественного ученого В.С. Мясникова, всего 40,7 тыс. человек (в Приамурье — 32, 3, в Приморье — 4,0 и на острове Сахалин — 4,4 тыс. человек). Местные племена до прихода русских не были подвластны ни Цинской империи, ни каким-либо другим государствам. В тех областях Приамурья и Приморья, куда пришли русские поселенцы и власти, не было маньчжурских или китайских властей, не было ни китайского, ни даже маньчжурского населения. Не существовало также постоянных экономических связей местного населения с Китаем[35].

---

[34] Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849 — 1855 гг. М., 1947. С. 28.

[35] Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. М., 1996. С. 37.

Более того, главной целью эпизодических походов маньчжурских войск в Северной и Северо-Восточной Маньчжурии был захват живой силы — рекрутские наборы в состав маньчжурской армии, а не оккупация и освоение занятых земель. Захваченные территории не включались в состав маньчжурской империи, местные племена и народы не приводились в маньчжурское подданство. Они, как правило, откупались от эпизодических набегов маньчжур данью, и то лишь на правом берегу Амура, так как река служила естественным непреодолимым препятствием для маньчжурских отрядов. Фактически, власть маньчжур к моменту проникновения в Приамурье русских отрядов распространялась лишь на центральную и южную часть Маньчжурии[36].

Северные пределы Цинской империи к середине XVII века ограничивались построенной только в 1678 году по приказу императора Канси линией укреплений, носившей название «Ивовый палисад». Эта 900-километровая линия пролегала приблизительно в 600—800 км к югу от Амура и значительно западнее Уссури.»Ивовый палисад» представлял собой сплошную систему вбитых в землю в два ряда ивовых кольев с глубокими рвами перед ними. Вдоль линии были построены заставы и поставлены караулы. Проезд в обоих направлениях осуществлялся по пропускам.

Основное внимание и главные военно-политические усилия Цинского государства были обращены на юг, на Китай. В 1636—1643 гг. шли непрерывные войны с Минской империей. В 1644 году пал Пекин, и маньчжуры перенесли туда свою столицу. В поход на южные провинции Минского Китая были выведены все маньчжурские Восьмизнаменные войска, почти все мужчины, способные носить оружие, что вызвало резкий упадок хозяйственной жизни в Маньчжурии.

Именно поэтому в момент появления на берегах Амура отряда В. Пояркова племена Приамурья фактически не имели ни политических, ни экономических связей с империей Цин.

---

[36] Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. М., 1996. С. 37.

Итак, XVII век стал в истории России периодом расширения на Восток к берегам Тихого океана и рубежам Цинской империи. «Наступательное движение» России на Восток носило в основном стихийный характер, а главную роль в этом играли казаки.

Освоение русскими Сибири объективно имело прогрессивный, цивилизаторский характер. Н. Штейнфельд, действительный член Императорского общества востоковедения и Общества русских ориенталистов, рассуждая на эту тему в 1910 году, писал: «Нравственные побуждения руководили в былые времена преимущественно географами и авантюристами вроде Христофора Колумба. Сюда же надо отнести наших сибирских казаков, без видимой надобности на собственный страх и риск продиравшихся через дебри Сибири вплоть до берегов Тихого океана...

Удаль казаков всегда пленяла умы русских, и ей необходимо было придумать какое-нибудь оправдание. Решили, наконец, объявить это стремление на восток культурною исторической миссией России, как реакцию против нашествий в прошлом азиатов на Европу. Такое решение вопроса кажется тем удачнее, что, здраво рассуждая, у России не было решительно никаких других поводов искать новых земель и притом таких же неприветливых и холодных, как свои собственные»[37].

«Открытые» русскими народы, находившиеся на значительно более низкой ступени общественно-экономического развития, приводились в русское подданство с сохранением присущего им уклада жизни и системы местного самоуправления. В этом было принципиальное отличие освоения русскими просторов Сибири и Дальнего Востока от колонизаторской политики западных держав в Азии, Африке и Америке. Вместе с тем этот «русский стиль» колонизации новых земель не исключал применения грубой (военной) силы со стороны казацких отрядов по отношению к местному населению.

---

[37] Штейнфельд Н. Русское дело в Маньчжурии с XVII века до наших дней. Харбин, 1910. С. 1.

Постепенное освоение Сибири и Дальнего Востока русскими привело к созданию на этих обширных пространствах острогов, поселений и городов, которые последовательно становились форпостами русского проникновения далее на восток и на юг.

Огромные и малонаселенные пространства Приамурья были своеобразным «вакуумом», который на протяжении всего XVII века постепенно «заполнялся» проникавшими в бассейн Амура русскими и маньчжурскими воинскими контингентами. Состояние «вакуума» продолжалось достаточно долго и для России, и для Китая, хотя и по разным причинам.

Россия традиционно сосредоточивала свои военно-политические усилия на Западном направлении. Сибирь, Дальний Восток и тем более «полумифический» Китай не рассматривались в России как направления или источники возможной опасности. Эти земли слыли бескрайними, безлюдными, но чрезвычайно богатыми. У России в XVII веке не было ни сил, ни средств, ни даже политической воли и решимости заниматься Востоком. Поэтому освоение и колонизация Сибири и Дальнего Востока шли крайне медленно и во многом неэффективно.

Для Китая XVII век характеризовался укреплением Маньчжурского государства и завоеванием Цинской династией собственно Китая. Древнюю империю сотрясали войны и восстания. Военно-политические усилия Цинов были обращены на юг, на окончательное и полное покорение Китая. Неизвестная Россия долго не воспринималась Цинами как реальная военная угроза.

Результатом этого явилось достаточно долгое и в определенной степени «пассивное» движение России и Цинского Китая навстречу друг другу в Приамурье. Более того, ни в России, ни в Китае не имели никакой реальной информации друг о друге, а наличные сведения были во многом искаженными. Россия активно пыталась найти пути в «Китайское царство», в то время как Китай, следуя своей политике самоизоляции, стремился не допустить установления каких-либо контактов с Россией. Это в полной мере прояви-

лось уже в 1618 году, когда первая русская миссия И. Петлина достигла Пекина. Несмотря на всю очевидную важность этого события, оно не привело к установлению каких-либо отношений между двумя государствами.

Экспедиция В.Д. Пояркова (1643–1646 гг.) завершила собой начальный этап русского проникновения и утверждения в Приамурье. Этот этап характеризовался активными усилиями России по сбору информации о новых землях и организации экспедиций в глубь этого района. На этом этапе никаких контактов с Цинской империей еще не было, русские военные отряды, состоявшие в основном из казаков, не входили в непосредственный контакт с маньчжурскими войсками. Фактически на этом этапе шло только вызревание условий для формирования военно-политических отношений между двумя сторонами.

Первые военные столкновения России и Цинского Китая

С середины 40-х годов XVII века, особенно после возвращения из Приамурья экспедиции В.Д. Пояркова, интерес к этому региону в России резко возрос. К концу этого десятилетия было завершено фактическое присоединение Приамурья к русским владениям. Этот процесс связан с именем Ерофея Павловича Хабарова.

Якутский воевода Д.А. Францбеков (уроженец Ливонии по имени Фаренсбах) помог богатому промышленнику Е.П. Ха-барову снарядить экспедицию в Даурию для приведения ее жителей в русское подданство. В состав первого отряда Е. Хабарова вошло 70 человек.

Отряд Хабарова выступил в путь в 1649 году и уже в начале 1650 года вышел на Амур. Даурские населенные пункты, к которым подошли казаки, оказались совершенно пустыми: жители разбежались, узнав о приближении русского отряда. От местных жителей казаки узнали, что весь ясак дауры уже отдали «князю Богдою». Опасаясь столкновения с воинскими отрядами «князя Богдоя», к чему русская экспедиция была не готова, Хабаров решил вернуться в Якутск за подкреплением.

Для своей новой экспедиции Е.П. Хабаров набрал 117 добровольцев. Воевода Францбеков послал с ним более 20 служилых людей, а также вооружил отряд тремя пушками. Зимой 1651 года Е. Хабаров вновь был на Амуре.

Еще будучи в Якутске и собираясь в дальний поход, Хабаров получил от якутского воеводы указание привести «князя Богдоя» в русское подданство. Естественно, в то время в Якутске еще не отождествляли «князя Богдоя» с Цинским императором.

9 июля 1650 года Якутская приказная изба выдала Е.П. Хабарову достаточно жесткие инструкции — «наказную память» — о приведении Приамурья в российское подданство. В «памяти» указывалось: «И Ерофею и ко князю Богдаю посылать посланников. А велеть им говорить, что князь Богдай с родом своим и с племенем и со всеми улусными людьми был под государевою нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси высокою рукою в холопстве, потому что государь наш страшен и велик, и многим государствам государь и обладатель, и от его государского ратного бою никто не мог стоять»[38].

Далее в том же документе Е. Хабаров получал полномочия применять силу, если князь Богдой откажется добровольно перейти в русское подданство. В Москве в то время еще не знали, кому адресовалось это письмо, и князь Богдой представлялся всего лишь вождем одного из даурских племен. Сам же стиль «наказной памяти» был выдержан в жестком, почти ультимативном стиле: «А будет ты, Богдай, не будешь под его государевою высокою рукою в вечном холопстве, и мы будем на тебя писать к великому государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси к Москве, чтобы он, государь, велел быть своим государевым ратным многим людям, и тебя, Богдая, за твое непослушание велел государь разорить, и город твой взять на себя, государя, и всех вас и жен и детей ваших побить без остатка, чтоб, смотря на тебя, князя Богдая, и на твое непослушание, и иные Даурския земли князи, которые не под

[38] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1608—1683 гг. Материалы и документы в двух томах. Т. 1. М., 1969. С. 126—128.

твоим княженьем живут, видя государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всея Русии смертную казнь и разорение, были бы покорны и послушны без бою...»[39].

Те же самые требования и в том же ультимативном стиле были включены якутским воеводой Д. Францбековым в послание на имя князя Богдоя, которое должен был передать последнему Е. Хабаров. В послании князь Богдой предупреждался, что в случае отказа подчиниться, на него будет совершен поход русскими войсками численностью 6 тысяч человек с пушками[40].

Послание князю Богдою доставлено не было в связи с появлением новых данных о восточных землях и их правителях.

Вышедший в дальний поход Е. Хабаров со своим отрядом фактически вел разведывательную деятельность, пытаясь собрать хоть какие-либо объективные данные об этом регионе. По мере изучения обстановки в Приамурье Е. Хабаров убедился, что князь Богдой не существует, а есть земля Богдойская, где правит царь Алака Батурхан. Наместником этого царя в Приамурье объявлялся царь Шамшакан. Об этом Е. Хабаров донес в Якутск, сославшись на то, что ошибка была обусловлена недостатком информации: «... на великой реке Амуре изымана была на погроме только одна даурская баба и в роспросе рассказать про то про все подлинно не умела»[41].

Таким образом, «одна даурская баба» стала для российской стороны одним из первых источников информации о Китае. Однако на том историческом этапе ни этот, ни другие источники информации не отличались и не могли отличаться достоверностью. Причинами того были: географическая удаленность России и Китая; труднопреодолимый языковой барьер; отсутствие каких-либо связей и контак-

---

[39] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1608–1683 гг. Материалы и документы в двух томах. Т. 1. М., 1969. С. 126–128.

[40] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1608–1683 гг. Материалы и документы в двух томах. Т. 1. М., 1969. С. 129 – 130.

[41] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1608–1683 гг. Материалы и документы в двух томах. Т. 1. М., 1969. С. 542–543.

тов между двумя государствами в прошлом; полнейший информационный вакуум друг о друге: отсутствие четко выраженного стремления к установлению двусторонних отношений.

По мере своего продвижения по Приамурью отряд Хабарова неоднократно подвергался нападениям со стороны местных народов и племен. Одно из первых серьезных и организованных сопротивлений дауры оказали казакам возле городка Албазин весной 1651 года. В упорном бою, длившемся с полудня до позднего вечера, дауры понесли тяжелые потери, в то время как казаки потеряли лишь 20 человек ранеными. Однако все попытки казаков взять укрепленный пункт штурмом были отбиты. Только тогда, когда Е. Хабаров подтянул к Албазину пушки, дауры покинули его. Собрав остатки своих отрядов и захватив с собой то имущество и провиант, которые было возможно взять, даурские князья бежали вниз по Амуру.

Войдя в Албазин, казаки начали строить укрепления, превращая поселок в мощный острог. Здесь были сосредоточены большие запасы оружия, имущества и провианта. Хабаров доносил якутскому воеводе о богатстве края, о том, что хлеба и другого продовольствия в Албазине запасено на несколько лет. Нужна была лишь помощь людьми — как служилыми, казаками, так и земледельцами для освоения и колонизации края.

Уже в 1651 году первый император маньчжурской династии Шуньчжи направил к Албазину войска численностью до тысячи человек. Операция китайских войск не преследовала решительных целей, а скорее была демонстрацией силы.» Разогнав беспокойных соседей, китайская армия некоторых из них увела военнопленными в Пекин; но крепости албазинской не разорила, так как она стояла на нейтральной земле. По удалении китайской армии, албазинцы снова заняли прежние свои поселения и укрепились в них»[42].

Летом 1651 года, когда Е. Хабаров со своим отрядом был уже на Амуре, в Якутске снаряжается новая партия во гла-

---

[42] История российской духовной миссии в Китае. Сборник статей. М., 1997. С. 31.

ве с Т.Е. Чичегиным. Отряд Чичегина в составе 137 человек с оружием и боеприпасами был направлен к Е. Хабарову, а тот уже должен был послать посольство далее к царю Шамшакану. В инструкциях Хабарову и Чичегину уже нигде не говорится о приведении царя Шамшакана в русское подданство в случае необходимости силой. Однако в послании Якутской приказной избы самому князю Шамшакану от 27 июля 1651 года опять содержались угрозы в его адрес: «... за твое непослушанье велит государь смирить своим государевым смертным боем»[43].

Продвигаясь в глубь Приамурских земель, отряд Хабарова встречал ожесточенное сопротивление местных племен. Однако, видя свое бессилие в борьбе с русскими, дауры обратились за помощью к маньчжурским властям, находившимся в г. Нингуте. Во время стычки казаков отряда Хабарова с даурами летом 1651 года при Гуйгударовом городке в даурском лагере находились постоянно жившие в улусе князя Гуйгудара маньчжуры («богдойские люди»), но они не приняли участия в сражении, а наблюдали за ним со стороны, выехав на время боя в открытое поле. По китайским источникам, в бою под Гуйгударовым городком приняли участие вместе с даурами и маньчжуры. Более тысячи дауров и 50 маньчжур «героически погибли, защищая свою родину и национальное достоинство»[44].

На следующий день после победы русских маньчжуры прислали к ним на переговоры своего представителя, говорившего «языком китайским». Незнание языков друг друга не позволило сторонам достичь взаимопонимания.

В «отписке» Хабарова якутскому воеводе Францбекову летом 1652 года это описывается следующим образом: «И у нас того языка не знаем, тех толмачей нет, лише переводом те даурские бабы сказывают, что де наш царь Шамшакан нам с вами дратись не велел, наш царь Шамшакан велел нам с вами, с казаками, свидеться честно... И яз, Ярофейко (речь идет о Е.П. Хабарове), тому богдойскому мужику честь воз-

[43] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1608–1683 гг. Материалы и документы в двух томах. Т. 1. М., 1969. С. 133.

[44] Чжунго цзюньши шилюе (Очерки военной истории Китая). Изд-во Цзюньши кэсюе чубаньшэ, 1992. Т. 2. С. 490–491.

дал, и подарки государевы давал, и отпустил его, богдойского мужика, честно в свою Богдойскую землю»[45].

Таким образом, эта встреча свидетельствовала о взаимной настороженности и попытках сторон установить первые контакты. Отсутствие информации друг о друге не позволяло ни российской, ни китайско-маньчжурской стороне выбрать правильную политику друг в отношении друга. В целом первая встреча русских с маньчжурами показала намерения сторон развивать отношения мирным путем.

В сентябре 1651 года Хабаров с боем овладел одним из поселков ольчей и основал на том месте Ачанский острог. Там отряд Е. Хабарова и зазимовал. Местные князья попытались выбить русских из острога, однако после серии поражений вынуждены были покориться.

Ранним утром 26 марта 1652 года маньчжурское войско, скрытно сосредоточившись возле Ачанского городка, неожиданно для русского гарнизона пошло на штурм. Казаки во главе с Хабаровым были застигнуты врасплох, однако они смогли быстро оправиться от внезапного удара противника. Сражение длилось до самого позднего вечера. Жестокий бой потребовал от русского гарнизона численностью всего 206 человек крайнего напряжения физических и моральных сил.

Силы противника включали: отряд маньчжур численностью 600 воинов с шестью пушками, 30 пищалями и 12 пинартами (глиняные мины, начиненные порохом); три отряда дауров и дючеров общей численностью 1500 человек. Возглавил поход маньчжурский военачальник Си Фу.

В разгар сражения толмачи донесли Е. Хабарову, что маньчжурский военачальник Исиней (Си Фу) приказал: «Не жгите и не рубите казаков, емлите их, казаков, живьем!» И поклялись тогда казаки во главе с Ерофеем Хабаровым: «Умрем мы, братцы казаки, за веру крещеную, и постоим за дом Спаса и пречистыя и Николы чудотворца, и порадеем мы, казаки, государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Русии, и помрем мы, казаки, все за один чело-

[45] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1608–1683 гг. Материалы и документы в двух томах. Т. 1. М., 1969. С. 135.

век против государева недруга, а живы мы, казаки, в руки им, богдойским людям, не дадимся!»[46].

Воодушевленные призывом своего воеводы, казаки стояли насмерть, сражались, не щадя своей жизни, проявляли чудеса героизма.

В критический момент битвы, когда противник разрушил часть деревянной стены, окружавшей Ачанский городок, и устремился в проделанные таким образом проломы, казаки подтянули «пушку большую медную». Русские защитники крепости отбили маньчжурский штурм, нанеся противнику тяжелые потери в живой силе.

Для закрепления военного успеха 156 казаков совершили вылазку, преследуя отходящего противника. В самом остроге оставалось всего 50 человек. Смелый маневр русских застал маньчжур врасплох, а решительные рукопашные схватки с казаками окончательно сломили противника. Враг понес серьезные потери, бросил свое вооружение и в беспорядке отступил.

Военные трофеи русских составили: 830 коней, большие запасы продовольствия, 17 скорострельных пищалей, 2 орудия, 8 боевых знамен. Общие потери сводного маньчжурского войска составили убитыми 676 человек. Захваченные в плен маньчжуры — «языки» — были «накрепко распрошены». Один из пленных по имени Кабышейка дал наиболее полные показания. Допросы пленных имели целью получение информации общего военно-политического характера о противнике. Русскую сторону интересовали прежде всего данные о государственно-политическом устройстве маньчжур и китайцев — о Никанской земле, Богдойской земле, царе Шамшакане. Хабаров допрашивал пленных и о богатствах восточных стран — о месторождениях и запасах золота, серебра, жемчуга.

В результате осады Ачанского острога гарнизон крепости понес незначительные потери. Погибло 10 русских воинов: 2 — служилых и 8 — вольных казаков. 78 казаков в ходе битвы получили ранения разной тяжести[47].

---

[46] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1608—1683 гг. Материалы и документы в двух томах. Т. 1. М., 1969. С. 135.

[47] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1608—1683 гг. Материалы и документы в двух томах. Т. 1. М., 1969. С. 136—137.

Е. Хабаров нанес соединенному маньчжуро-даурскому отряду жестокое поражение. Хай Сай (Хайсэ), начальник гарнизона в Нингуте, был казнен, а Си Фу, командир высланного против русских отряда, был отстранен от должности[48].

В современных китайских источниках первое крупное военное столкновение русских и маньчжур под Ачанском описывается следующим образом: «19 октября народность хэчжэ в поселке Учжала в нижнем течении реки Амур после поражения от Хабарова обратилась за помощью к цинской армии. Утром 4 апреля 1652 года нингутанский чжангинь Хайсэ получил приказ от Цинского правительства оказать помощь хэчжэ. Во главе отряда в 600 человек цинских войск и несколько сот местных жителей он неожиданно ударил по русским укреплениям в районе Ачанска. Русские понесли потери: 10 убитых и 76 раненых.

Застав русских врасплох, цинские войска ворвались в крепость и считали, что победа им уже обеспечена. Однако Хайсэ легкомысленно не оценил правильно обстановку и приказал остановить наступление, призвав «прекратить пожары, не убивать казаков, а брать их живьем в плен». В результате русские воспользовались благоприятной ситуацией и контратаковали. Понеся огромные потери, цинские войска вынуждены были отойти. Впоследствии Хайсэ за свои ошибки в руководстве войсками по приказу Цинского двора был казнен. Опасаясь новых нападений со стороны китайских войск, Хабаров в спешном порядке со своим войском бежал из этих мест вверх по реке»[49].

Таким образом, одно из первых крупных военных столкновений России и Китая (маньчжурской империи) завершилось полной военной победой русской стороны. Однако Е. Хабаров, опасаясь нового похода цинских войск, вынужден был покинуть Ачанский острог.

Отряд Хабарова двинулся вверх по Амуру, где к нему присоединился отряд Т. Чечигина численностью в 140 казаков. Объединенный русский отряд продолжил свой путь,

[48] Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. М., 1996. С. 70.

[49] Чжунго цзюньши шилюэ (Военная история Китая). Главный редактор Гао Жуй. Пекин, 1992. Т. 2. С. 489.

однако вскоре среди казаков «начались несогласия и раздоры» и более 100 человек «бежало на грабеж». С оставшимися людьми Е. Хабаров достиг устья правого притока Амура — реки Кумары, где и основал в 1652 году Кумарский острог. Оттуда Хабаров направил нарочных в Якутск с требованием подкрепления численностью в 600 человек для противодействия ожидавшегося им удара со стороны маньчжур[50].

В Москве уже имели информацию о Даурских землях, переданную из Якутска еще по итогам экспедиции Пояркова и затем Хабарова, и решили оказать помощь усилиям Е.П. Хабарова. В 1652 году из столицы в далекое Приамурье был направлен дворянин Д.И. Зиновьев во главе отряда в 150 солдат, которому было поручено доставить казакам жалованье и награды, снабдить их боеприпасами и необходимым имуществом, а также подготовить условия для направления в бассейн Амура русского войска численностью в 3 тысячи человек. Предполагалось, что это войско возглавит князь И.И. Лобанов-Ростовский. Одновременно воеводам Верхотурского и Тобольского острогов были направлены распоряжения построить на реке Туре 80 судов для перевозки войск. Предполагалось вести подготовительную работу в течение 1652–1653 гг.[51].

Д. Зиновьев прибыл на Амур в августе 1653 года и встретился с Е. Хабаровым в устье реки Зеи. По оценке Г.И. Невельского, «его пребывание не порадовало казаков, потому что он главным образом приехал для того, чтобы восстановить порядок в этой вольнице и по возможности обратить их к земледелию. Последнее было особенно необходимо, чтобы заготовить продовольствие для войска, которое предполагалось сюда отправить. Казаки не были привычны к такому труду, они до тех пор ходили по Амуру только с целью наживы»[52].

---

[50] Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849–1855 гг. М., 1947. С. 28.

[51] Саввин В.П. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. М., 1930. С. 14–15.

[52] Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849–1855 гг. М., 1947. С. 28–29.

Д.И. Зиновьев пробыл на Амуре недолго. Возвращаясь в Москву, он взял с собой Е.П. Хабарова, а старшим начальником над казаками был оставлен Онуфрий Степанов.

Осенью 1654 года Е. Хабаров был удостоен боярского звания за успешное приведение народов Приамурья в российское подданство. На далекий Амур Ерофей Павлович больше не вернулся.

Русское правительство под впечатлением рассказов Е.П. Хабарова решило создать в Даурии воеводство. В связи с этим первый даурский воевода А.Ф. Пашков получил наказ узнать, «сколь далече от Богдойской земли до Никанского царства»[53].

Но не успел еще новый воевода добраться до места своего назначения, как борьба в Даурии разгорелась с новой силой.

Оставшиеся в распоряжении О. Степанова русские силы насчитывали всего 500 казаков. Такими силами невозможно было не только противостоять цинским войскам, но и просто контролировать огромную территорию русского Приамурья. У казаков недоставало пороха и свинца. Но самое главное — заканчивался хлеб, и казаки начали голодать. Земледелие, процветавшее в бассейне Амура, быстро умирало. Причин тому было несколько. Во-первых, маньчжурские власти запретили местным народам выращивать хлеба. Во-вторых, местное трудоспособное население Приамурья уводилось маньчжурами, насильно мобилизовывалось в армию, в результате обрабатывать землю было некому. В-третьих, казаки своими набегами и грабежами вынуждали местное население скрывать имеющиеся запасы хлеба. Сами же казаки обратиться к земледелию не имели намерения.

Весной 1654 года Степанов в поисках продовольствия вынужден был пойти вверх по реке Сунгари. После трехдневного плавания казаки столкнулись с крупными морскими и сухопутными силами маньчжур. В ходе ожесточенного боя русские прорвали маньчжурскую линию обороны из речных судов, однако подверглись сильному огневому

---

[53] Богдойская земля — Маньчжурия, Никанское царство — собственно Китай; эти названия заимствованы из маньчжурского языка.

воздействию с берега из построенных заранее укреплений. Казаки вынуждены были вернуться на Амур.

Чем дальше, тем положение отряда О. Степанова становилось все более угрожающим. Неоднократно он обращался за помощью к якутскому воеводе, запрашивая помощь людьми, оружием и продовольствием, докладывая о том, что «на великой реке Амуре стоят драки сильные с богдойскими воинскими людьми».

Наиболее серьезным русско-маньчжурским военным столкновением стала оборона Кумарского острога, длившаяся с 13 марта по 4 апреля 1655 года.

Цинские войска насчитывали 10 тысяч человек с 15 пушками. В донесении Степанова говорилось: «И щиты у них были на арбах, а те арбы были на колесах, и щиты деревянные, кожами поволочены, и войлоки были, а на тех арбах были лестницы, а по конец лестниц колеса, а в другом конце гвозди железные и палки, и на тех арбах привязаны были дрова, и смолье, и солома для зажегу, и у них острог копейчатой был же; да у них же, богдойских людей, у всякого щита были багры железные и всякие приступные мудрости»[54].

Длительная осада, постоянные обстрелы острога и даже попытки взять его приступом ничего не дали маньчжурам. Понеся большие потери, противник обратился в бегство. В качестве трофеев русскими было взято 2 пушки, 800 ядер и более 30 пудов пороха[55].

Однако, несмотря на победу под Кумарским острогом, положение казаков становилось все более критическим: «Ноне все в войске оголодали и оскудали, питаемся травою и кореньем и ожидаем государева указу. А сойти с великия реки без государева указу не смеем никуда. А богдойские воинские люди под нами стоят близко, и нам против их, богдойских людей, стоять и дратца стало нечем, пороху и свинцу нет нисколько»[56].

---

[54] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683 гг. М., 1969. С. 206.

[55] Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849–1855 гг. М., 1947. С. 31.

[56] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683 гг. М., 1969. С. 213.

Пытаясь максимально изолировать и ослабить русские войска, маньчжуры полностью разорили селения местных народов: «И дючерских людей вверху Шингалы (Сунгари) нигде не объявилося до Малзинского улуса и выше, и севов нет нигде, и юрты. Улусы все выжжены и разорены, а государева ясаку взяти стало не с кого. И хлебных запасов ныне на усть Шингалы на великой реке Амуру в войске нет, с служилыми людьми и амурскими охочими казаками стали все голодны и холодны и всем оскудали, хлебных запасов в войске не стало нисколько, и свинцу и пороху нет, все издержали»[57].

Трудным выдался для казаков в Приамурье 1657 год. Собирая ясак, Степанов пошел вверх по Амуру, однако берега великой реки были пустынны: местное население было переселено маньчжурами на юг, а все их селения выжжены и разорены. Г. Невельской дал свою оценку событиям тех лет: «По призыву китайского богдохана все жители с Амура переселились внутрь Маньчжурии; казакам, чтобы не умереть с голоду, пришлось трудиться самим. Степанов был в величайшем затруднении: казаки, не привыкшие ни к дисциплине, ни к труду, начали производить набеги на маньчжуров и грабить их. Повелений из Москвы — жить мирно с туземцами и маньчжурами и отнюдь не производить набегов и грабительства — казаки и вольница не слушали: на Амуре была полная анархия»[58].

Летом следующего 1658 года О. Степанов с крупным отрядом казаков численностью около 500 человек решил пойти в глубь маньчжурских земель из Амура вверх по Сунгари прежде всего для того, чтобы раздобыть продовольствие. Однако в самом устье Сунгари он встретился с большими маньчжурскими силами. Жестокий и неравный бой русского отряда на нескольких речных судах с маньчжурами окончился трагически: «богдойские люди в 47 бусах (речных судах) с вогняным боем, с пушками и с пищальми,

---

[57] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683 гг. М., 1969. С. 213.

[58] Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849–1855 гг. М., 1947. С. 31.

и Онофрейко с служилыми людьми с судов збили на берег, а иных и на судах побили. И на том бою ево, Онофрейка, убили, и служилых людей 220 человек побили»[59].

По описанию Г. Невельского, 270 казаков вместе со Степановым были убиты, остальные бежали под ударами цинских войск. Некоторые из оставшихся в живых добрались до Якутска, а 17 человек уже в 1661 году явились с этим известием в Нерчинск к воеводе Пашкову[60].

С поражением отряда О. Степанова русское влияние в Приамурье, основанное на военном могуществе, ослабло. Однако походы небольших отрядов казаков в бассейн великой реки, главным образом для сбора ясака, продолжались. Продолжалось строительство острогов и поселков на берегах многочисленных рек, осваивались земельные угодья. Постепенно шло заселение края. К 80-м гг. XVII века владения России на Дальнем Востоке включали уже весь Приамурский край, бассейн реки Уссури и часть бассейна реки Сунгари. Российское военное и политическое присутствие в регионе обеспечивалось 8 острогами и несколькими деревнями и слободами, населенными русскими.

Таким образом, начиная с 50-х гг. XVII века отношения между Цинским Китаем и Россией, хотя еще и не оформленные дипломатически, приобретают все более конфронтационный характер. Фактически именно в этот период произошло зарождение военно-политических отношений между Россией и Цинским Китаем. Стороны вошли в непосредственное соприкосновение в бассейне реки Амур по мере распространения своего политического и военного влияния на этот регион. Произошло неизбежное столкновение интересов двух держав, которое приняло в тот период форму мелких стычек и сражений между казаками и маньчжурскими отрядами.

Планы освоения Приамурья не занимали главного места в системе приоритетов внешней и военной политики России в середине XVII века. Вместе с тем в Москве понимали

---

[59] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683 гг. М., 1969. С. 241.

[60] Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849–1855 гг. М., 1947. С. 31.

государственную важность планов освоения новых земель в Сибири и на Дальнем Востоке. Не имея достаточных материальных и военных сил для активных действий в регионе, Москва поддерживала любые инициативные действия казацких отрядов.

Двойственно и противоречиво выглядит роль казаков в освоении и присоединении Приамурья к России. Своими действиями они нередко озлобляли против себя местное население, вынуждая последнее обращаться за помощью к Цинам. Штабс-капитан Христиани в своем «Очерке наступательного движения русских на Восток...» с горечью писал о трагической судьбе О. Степанова: «Но можно ли винить Степанова в этой неудаче? Не больше ли вины падает на его счастливого предшественника Хабарова, который за все время своих бесцельных шатаний по Амуру ничего не сделал для упрочения на этой реке русской власти? Что руководило Хабаровым в его действиях? Один лишь дух ясака и грабежа и ни одной мысли о пользе государству. До 1500 человек, оторванных от и без того слабых воеводств, опустошение богатой реки, озлобление жителей, умножение подданных Китая — вот единственные результаты его деятельности. И если уж Хабарову следует отдать славу первого завоевания Амура, то на него же нужно возложить и всю ответственность за наши последующие неудачи, первой жертвой которых пал несчастный Степанов»[61].

С самого начала проникновения России в Приамурье Цинское правительство начало вооруженную борьбу за вытеснение русских из этого региона. Для Цинской монархии этот район имел особое значение. Маньчжурия была исторической родиной правящей в Пекине Цинской династии. Поэтому вопрос овладения Амуром стал для пекинского правительства принципиально важным. Цинские власти постепенно взяли курс на «выдавливание» русских из

[61] Очерк наступательного движения русских на Восток, к берегам Великого океана. Сообщения причисленного к Генеральному штабу штабс-капитана Христиани // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1901 г. Выпуск XXIII. СПб., 1901. С. 88.

Приамурья, и прежде всего на уничтожение русских военных поселений.

Поражение отряда О. Степанова летом 1658 года знаменовало собой окончание первого этапа в формировавшихся военно-политических отношениях России и Цинского Китая. Стремление России распространить свое военно-политическое влияние на Приамурье и укрепиться в этом регионе на том этапе оказалось нереализованным. Стремление Цинов укрепиться в Приамурье и не допустить туда русских оказалось невыполненным.

Зреющий конфликт в отношениях Москвы и Пекина был «законсервирован». В военно-политических отношениях двух держав наступила своеобразная пауза, которая длилась, правда, всего несколько лет.

Первые инциденты в военных отношениях России и Цинского Китая в Приамурье выявили некоторые особенности, ставшие характерными и для последующих столкновений двух сторон.

Военные столкновения России и маньчжурского Китая в Приамурье инициировались последним, хотя и провоцировались, по мнению маньчжур, казаками. Русское проникновение в этот край и его колонизация встречали активное противодействие со стороны Цинского Китая. Это противодействие носило характер военных походов против русских укрепленных пунктов в Приамурье. С военной точки зрения, маньчжуры предпринимали наступательные действия, русские — оборонялись.

Военные столкновения сторон в Приамурье были ограниченными, тактическими по целям, масштабам, группировке сил и средств. Это не было военным столкновением двух государств, тем более что и дипломатических отношений между государствами не было. Ни Россия, ни Китай не вели военных действий друг против друга в форме войны. Фактически шла борьба за завоевание новых «ничейных» географических пространств, своеобразное «заполнение вакуума».

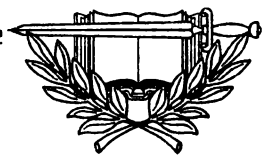
Маньчжурские военные операции против русских укреплений тщательно планировались и всесторонне подготавливались цинским руководством. Со стороны России

ответные военные акции нередко проводились спонтанно, без должной государственной поддержки, на уровне инициативы местных начальников русских гарнизонов.

Маньчжурская сторона всегда имела численное превосходство в силах и средствах, однако в качественном отношении личного состава (моральный дух, профессиональная военная подготовка, стойкость) русские гарнизоны превосходили своего противника. Этот фактор нередко играл решающую роль в столкновениях и сражениях.

Цинская империя уделяла большое внимание работе с местным населением Приамурья. Эта работа велась скоординированно гражданскими и военными органами Цинов и осуществлялась по нескольким направлениям: антирусская пропагандистская и подрывная работа с вождями (князьями) и населением местных племен; вербовка лазутчиков и воинских контингентов из числа местного населения; экономические и иные санкции против тех племен, которые подчинялись русской власти и др.

Наконец, уровень знаний сторон друг о друге был крайне низок и примитивен. Источниками информации было в основном местное население. Для обеих сторон, но прежде всего для русской, большую, нередко непреодолимую преграду представлял языковой барьер.

ГЛАВА 3
АЛБАЗИНСКАЯ ЭПОПЕЯ

Первое столкновение России и Китая за Албазин

Особую роль в истории русско-китайских военно-политических отношений на начальном этапе их становления и развития сыграл Албазин — передовой русский острог на Амуре, который стал главным политическим центром русского Приамурья.

Свое название этот городок, основанный даурами в 1645 году, получил по имени князя Албазы — зятя даурского князя Илгинея. Албазин располагался на левом берегу Амура напротив места впадения в него реки Албазиха. Китайцы именовали этот пункт Якса.

Занятый отрядом Е.П. Хабарова в 1651 году, Албазин, занимавший крайне выгодное стратегическое положение на Дальнем Востоке, был использован русскими в качестве передового плацдарма для последующей экспансии в регионе. Это, естественно, вызывало настороженное отношение со стороны Китая, видевшего в продвижении русских угрозу своим интересам в этом регионе.

В 1661 году пятидесятник Никифор Черниговский с отрядом казаков, выйдя из Илимского острога (Киренска), достиг Албазина. К 1665 году городок был перестроен и значительно укреплен.

Поход Н. Черниговского к Амуру не был акцией, проводившейся в рамках государственной политики России на

Дальнем Востоке. Более того, эта акция имела фактически чисто уголовную окраску. Н. Черниговский, будучи смотрителем Устькутского завода, вместе со своими товарищами убил илимского воеводу Л. Обухова за его вымогательства и бесчинства и вынужден был спасаться бегством. Беглецов насчитывалось около сотни казаков и крестьян, которые и составили гарнизон русской крепости.

Пытаясь превратить «воровской острог» в регулярный военный острог государственного значения, царское правительство по инициативе сибирских властей 17 марта 1672 года объявило о помиловании всех участников убийства Обухова. За активные действия на Амуре в интересах государства Черниговский и его товарищи получили прощение за свое преступление, были удостоены награды в 2 тысячи рублей и получили серебряную печать с двуглавым орлом и надписью «Печать великого государя Сибирския земли Албазинского острога».

В 1672–1673 гг. в русскую крепость на Амуре из Нерчинска были направлены крестьянские семьи, которые основали «правильное земледелие». Главной задачей Албазина было обеспечение военного присутствия России в Приамурье и сбор ясака с местного населения. В летнее время из Албазина высылались военные экспедиции вниз по Амуру для освоения новых районов и приведения их населения под русское владычество.

В свою очередь непокорные местные народы неоднократно совершали набеги на Албазин. Так, в июне 1669 года отряд казаков численностью 60 человек вышел из острога для сбора дани, в самом Албазине оставался лишь небольшой отряд русских воинов во главе с самим Черниговским. Этим воспользовались местные тунгусы, которые организовали набег на острог и, убив трех человек, захватили большие трофеи, коней и рогатый скот. Однако Албазин оставался в руках русских.

Между тем усиление позиций России на Дальнем Востоке вызывало все большую обеспокоенность у Цинского двора. С 1669 года император Канси начал постепенное усиление крепостями северной границы Маньчжурии, привлекая в этих целях местное население, ожесточенное грабе-

жами и поборами со стороны казаков. Из допросов и расспросов пленных и местных жителей русским властям было известно, что маньчжуры стягивали большие военные силы, запасали материальные средства и готовились к большой войне с русскими. Обе стороны, используя верные им племена и народности, вели активную разведку. Между маньчжурскими войсками и казаками происходили стычки, переходившие в крупные бои.

Однако Россия, понимая свою слабость на Дальнем Востоке, старалась разрешать проблемы взаимоотношений с Китаем посредством торговых и дипломатических посольств, главным из которых стало посольство Н.Г. Спафария (Милеску), ведшего переговоры в Пекине с мая по сентябрь 1676 года.

В своих действиях Спафарий обязан был руководствоваться «наказной памятью», выданной ему в феврале 1675 года: он должен был выяснить наиболее удобные пути в Цинскую империю, узнать, с кем она граничит, какие русские товары пользуются спросом в Китае и что можно вывозить оттуда, а также намерено ли Цинское правительство придерживаться мирных отношений с Русским государством[62].

Начав переговоры с маньчжурами, русская сторона стремилась избежать любых осложнений в зоне соприкосновения двух держав и сдержать «казацкую вольницу» от необдуманных и провокационных поступков. Так, в 1675 году дауры с реки Ган послали своих представителей в Албазин с просьбой принять их в российское подданство и защитить от маньчжур. Н. Черниговский по собственному решению во главе 300 служилых людей и казаков вошел в маньчжурские улусы. Несмотря на то, что карательная экспедиция против маньчжур не состоялась, участники похода были с пристрастием допрошены енисейским воеводою М.В. Приклонским[63].

Однако, несмотря на все усилия русской стороны, миссия Спафария завершилась неудачей. Цинская сторона не

[62] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1608–1683 гг. Материалы и документы в двух томах. Т. 1. М., 1969. С. 335–346.

[63] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1608–1683 гг. Материалы и документы в двух томах. Т. 1. М., 1969. С. 478–479.

только не пожелала установить дипломатическую переписку, но и отказалась принимать послов, гонцов и купцов из России, пока последняя не выполнит три предварительных условия: «1-е, чтоб Гантимура послал сюды с послом своим; 2-е, чтоб тот посол был самой разумной и чтоб он делал все, что прикажем по нашему обычаю, и в ни чем не противился; 3-е, чтоб все порубежные места, где смирно живут вашего великого государя порубежные люди, жили всегда смирно»[64].

Одно из главных предварительных условий маньчжур состояло в выдаче Россией «беглеца» Гантимура. Именно это условие, несмотря на всю его ничтожность по сравнению с другими проблемами межгосударственных отношений России и Китая в тот период, для Цинов было принципиально важным. На то были две важнейшие причины.

Во-первых, Гантимур создавал своим поведением опасный для Цинов прецедент. Он был эвенкийским (тунгусским) князем, который принял русское подданство еще в 1651 году. В 1654—1655 гг. вместе со своим народом он был насильно переселен Цинами из родного Приамурья в глубь Маньчжурии. Маньчжурские власти пытались подкупить Гантимура, щедро одаривая его чиновничьими званиями, жалованьями и наградами. Однако тунгусский князь, при попытке Цинов вовлечь его в военные действия против России, бежал в 1667 году со всем своим родом на русскую территорию.

Во-вторых, как сказал Н. Спафарию иезуит Вербист, Цинский двор намерен был начать военные действия по выдворению русских из Приамурья, а поводом к ним использовать «дело Гантимура».

Таким образом, в ходе официальной российской миссии Н. Спафария в Пекин никакие конкретные вопросы двусторонних отношений решены не были. Взаимоотношения двух держав по-прежнему были «замороженными». Маньчжурская империя ориентировалась на «выдавливание» русских из Приамурья, активные захваты территорий

---

[64] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1608—1683 гг. Материалы и документы в двух томах. Т. 1. М., 1969. С. 441.

в бассейне Амура и приведение в свое подданство местных народов.

Основной опорной базой и центром военных приготовлений Цинов к военным действиям с Россией стал Гирин. В 1674 году этот населенный пункт получил статус города. Там был сформирован речной экипаж численностью 250 матросов и 45 мастеровых, которые построили 30 военных судов и 80 судов для перевозки провианта[65]. Гирин занимал выгодное военно-стратегическое положение в Северной Маньчжурии: по реке Уссури можно было легко добраться до Амура. Гарнизон Гирина целенаправленно готовился к предстоящим боевым действиям с русскими.

Цинские войска, дислоцированные в Маньчжурии, не ограничивались только боевой подготовкой. Ими совершались военные походы на русские поселения и остроги в Приамурье.

В марте 1681 года к стенам Албазина прибыл отряд цинских войск, которые потребовали у казаков объяснения по поводу строительства на реке Зее русского острога, который мешал цинским чиновникам ездить собирать ясак. Албазинцы послали на переговоры делегацию во главе с казачьим десятником Ю. Лабой, который заявил цинским представителям, что местное население на реке Зее признало русское подданство и платит ясак России. Маньчжуры в ответ объявили район Зеи своей «исконной» землей и потребовали вывести оттуда русских людей, угрожая войной[66].

В то же самое время — в марте 1681 года — албазинские власти узнали от дауров, что цинские войска собираются совершить военный поход против русского острога по Амуру на судах и сухопутным путем по берегу великой реки. Слухи эти, хотя и были близки к истине, в тот год не подтвердились.

Параллельно с подготовкой военной операции против Албазина маньчжуры проводили частные операции против русских поселений на Амуре ниже Албазина. В 1682

---

[65] Рудаков А. Материалы по истории китайской культуры в Гиринской провинции (1644–1902). Т. 1. Владивосток, 1903. С. 563.

[66] Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII века). М., 1969. С. 102–103.

году китайцы выжгли Долонский и Селемджинский остроги, в 1683 году они разорили Зейский и Тугарский остроги, взяв в плен 29 русских подданных.

Готовясь к походу против Албазина, маньчжуры предприняли ряд политико-дипломатических мер, психологических акций и конкретных военных шагов.

Император Канси в своем указе в сентябре 1682 года отмечал: «Русские являются подданными государства Олосы. Русское государство находится в отдалении, на крайнем северо-западе, и с древнейших времен не имело отношений с Китаем. Русские в основном все грубые, алчные и некультурные. Тех, которые поселились на границах недалеко от Хэйлунцзяна, дауры и солоны прозвали «лоча». Они бесчинствовали, убивали и грабили, принимали перебежчиков с нашей стороны, (постоянно) причиняя зло на границах...

Император, разрабатывая планы (дальнейших действий), обратился (к советникам) со следующими словами: «Если вы не накажете (их) с помощью военной силы, то разве (они) поймут, что такое наказание и страх? (Они) и впредь будут совершать набеги». И в связи с этим он принял решение о походе и искоренении их»[67].

Следуя имперским китайским традициям, Пекин решил создать повод для военного вмешательства. С этой целью маньчжурский император был объявлен неким миротворцем, который, заботясь о народах Приамурья, решил «усмирить» «жестоких» русских пришельцев-лоча»[68]. Была пущена в ход и версия о якобы вассальной зависимости «защищаемых» народов от их пекинского верховного владыки.

Одновременно маньчжуры предприняли несколько разведывательных экспедиций против албазинцев, чтобы исследовать местность и разузнать состав сил и средств, находящихся в русском остроге.

В сентябре 1682 года по личному распоряжению императора Канси маньчжурский фудутун Лантань и гун пер-

---

[67] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. С. 660.

[68] «Лоча» означало «плотоядные, злые духи, черти» и использовалось при Цинском дворе для обозначения русских.

вой степени Пэнчунь были посланы «в места дауров и солонов под видом охоты на оленей, для осмотра и примечания состояния лоча»[69]. Канси выдал разведывательной экспедиции следующие инструкции: «Вы, прибыв к солонам и даурам, пошлите нарочного в город Нерчинск с объявлением о себе, что явились сюда для охоты на оленей. А вместе с тем сами, ведя тщательное наблюдение за расстоянием, ступайте, охотясь, по суше вдоль берега Амура кратчайшим путем к городу Албазину. Тщательно разведайте расположение его и обстановку. Думаю, что русские ни в коем случае не решатся напасть на вас. Если русские захотят подарить вам продукты, вы принимайте их и со своей стороны соответственным образом их отблагодарите. Если же паче чаяния русские нападут на вас, вы ни в коем случае с ними в бой не ввязывайтесь и отведите своих людей обратно. Ибо у меня есть особый план»[70].

«Особый план», о котором говорил Канси, оформился через полгода, когда император получил донесение от своих лазутчиков. Лантань доносил, в частности: «Прежде, когда русские построили в Учжала деревянный город и жили в нем, нингутинский фудутун Хайсэ напал на них, но потерпел неудачу. Впоследствии русские еще воздвигали город в устье реки Хумары (Кумары) и дутун Минъяньдали атаковал его, но не взял. С этих пор русские придают большое значение строительству деревянных городов и считают, что могут сидеть в них без опасения... Полагаем, что без заморских пушек разрушить Яксу (Албазин) невозможно»[71].

В Пекине осознали, что военная экспедиция против укрепившихся на Амуре русских невозможна без дополнительной подготовки: «По донесению Лантаня с товарищами, захватить русских крайне легко, для этого достаточно

---

[69] Цит. по: Мелихов Г.В. К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в. \\ Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966. С. 120.

[70] Цит. по: Мелихов Г.В. К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в. \\ Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966. С. 121.

[71] Цит. по: Мелихов Г.В. К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в. \\ Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966. С. 122.

послать три тысячи солдат. Мы полагаем, что это правильно, но посылать войска — не доброе дело. Поход следует до времени отложить. Нужно передвинуть войска из Гирина и Нингуты, числом 1500 воинов, начать строительство военных судов, послать пушки, а также инструкторов. В двух местах — у Хэйлунцзяна и Хумары — построить деревянные города, которые будут противостоять русским. И в известный момент начать действовать»[72].

Для похода против русских укреплений на Амуре в 1682 году Цинами было выделено около 3 тысяч солдат, а затем еще 1,5 тысячи человек для постройки судов на реке Сунгари и укрепленных китайских пунктов на самом Амуре. На правом берегу Амура против устья Зеи была построена маньчжурами крепость Айгунь. Вслед за тем сооружены укрепленные городки Эсули и Хумара. Цинские войска запасали продовольствие, готовясь к длительной осаде русской крепости. В район будущего столкновения Цины начали стягивать пушки, отлитые в Китае католическими миссионерами.

Продовольственное и материальное обеспечение войск представляло собой главную проблему для маньчжурского руководства. Географическая отдаленность региона, отсутствие достоверной информации о местности, климатических и погодных условиях, путях сообщения обусловливали сложность подготовки предстоящей военной кампании.

Особое внимание маньчжурское командование уделяло вопросам стратегической и оперативной маскировки. В инструкциях императора своим генералам содержатся требования посылать в Приамурье лазутчиков под видом охотников на оленей с целью введения русских в заблуждение. Одновременно маньчжурами велась активная разведывательная деятельность.

В декабре 1682 года нерчинский воевода Ф.Д. Воейков получил сообщение из Албазина о том, что туда пришел конный отряд маньчжур численностью в 1 тысячу человек. Маньчжуры «ехали смирно и русских людей никого не били

[72] Цит. по: Мелихов Г.В. К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в. \\ Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966. С. 122.

и не грабили». Целью своего визита пришельцы объявили просьбу к русским выдать им нескольких беглых из «Наунских сел». Когда же албазинский приказчик И. Семенов отказал им в этом, маньчжуры уехали вниз по Амуру.

Цель приезда маньчжурского отряда была совершенно ясна албазинцам: «И то де знатное дело, что они приехали в Албазинской острог не для беглых мужиков, для осмотру Албазинского острога и каковы крепости и много ли де в Албазинском есть русских людей»[73]. В одном из донесений императору, датированном июнем 1684 года, сообщалось: «Мы, Ваши подданные, неоднократно приезжали к солонам и тщательно разузнали положение русских. Все люди согласно утверждают, что в двух городах — Албазине и Нерчинске — русских насчитывается по 500—600 человек. Многие годы им удавалось продержаться тут лишь благодаря тому, что имеется более десяти населенных пунктов, расположенных от устья Аргуни до Албазина...»[74].

Постепенно у маньчжурского командования выработался план предстоящего военного похода против Албазина. Было принято решение начать операцию не летом, как предполагалось ранее, а зимой. Командовать операцией было поручено Сабсу и Валиху. Генералы получили строгие инструкции действовать осторожно, сообразуясь с обстановкой. Замысел состоял в скрытном сосредоточении превосходящих маньчжурских сил и огневых средств (орудий) вблизи русского острога с целью его штурма с нескольких направлений. Предполагалось провести операцию сходу, так как маньчжурское командование опасалось прихода в Албазин русского подкрепления.

Столкнувшись в Приамурье с китайскими войсками и осознав серьезность намерений Цинской империи в этом регионе, Россия предприняла ряд мер по укреплению своего военного положения. К началу 80-х годов XVII в. в Албазине было учреждено воеводство, которому был подчи-

[73] Цит по: Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М.: Наука, 1983. С. 37.

[74] Цит. по: Мелихов Г.В. К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в. \\ Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966. С. 125.

нен весь Приамурский край. Город получил свой герб — изображение орла с распростертыми крыльями, луком в левой и стрелой в правой лапе.

В 1684 году в Албазин с полком казаков прибыл первый воевода А.Л. Толбузин. Фактически Албазин превращался в основной опорный пункт обороны против китайского вторжения в Приамурье, хотя силы русских в этом регионе продолжали оставаться крайне ограниченными. По сообщению самого Толбузина, в Албазине в то время числилось всего 350 служилых и промышленных людей и вокруг города — 97 пашенных крестьян[75].

Завершив военные приготовления, маньчжуры направили в Албазин несколько посланий, требуя от русских покинуть острог, уйти в Якутск. Такие послания передавались, как правило, через пленных или местных жителей. Так, в июне 1683 года отряд албазинских казаков под командованием Г.С. Мыльникова, плывший по Амуру на Бурею, встретился близ устья Зеи с цинской флотилией. Большая часть русского отряда попала в плен. Русские пленные были переправлены в Пекин, а двоих из них — М. Яшина и И. Енисейца — маньчжуры решили использовать в качестве парламентеров для доставки ультиматума русским.

Текст ультиматума (грамоты) гласил: «Ранее в Нерчинск посылался Мэнгэдэ и другие (лица), и была достигнута договоренность, что ни та, ни другая сторона (в дальнейшем) не будет принимать перебежчиков, а бежавший в прежние годы Гантимур будет возвращен нам. Вы же нарушаете прежнюю договоренность, вторгаетесь в наши земли, тревожите дауров и солонов, сжигаете и грабите (селения) фэйяка и цилэр.

Поэтому ныне приказано военачальнику выступить с войсками и постоянно разместиться в Эсули гарнизоном. Если вы покинете наши границы, вернетесь на свои прежние земли, возвратите наших перебежчиков, тогда вопрос сам собой будет исчерпан. В противном случае мы тоже будем принимать перебежчиков с вашей стороны. А также

---

[75] Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958. С. 119–120.

непременно станем хватать и предавать казни ваших людей, которые будут к нам ездить».

На поступивший доклад (император наложил резолюцию):

«Исполнить»[76].

Когда послание было зачитано албазинцам, те единодушно заявили, что скорее умрут, но острог не покинут[77].

Одновременно Яшин и Енисеец рассказали о проводившихся цинами военных приготовлениях, свидетелями которых они стали. Албазинцы узнали о создании китайской крепости Айгунь, находившейся в двух неделях пути от русского острога. Русские пленные видели в той крепости множество солдат и речных судов. Предлагая мир, маньчжуры готовились к войне, и это находило отражение в их ультиматумах. Однако ни на одно из своих посланий маньчжуры не получили от албазинцев ответа.

Одним из направлений всесторонней подготовки Цинского Китая к ведению военных действий с Россией в Приамурье было привлечение на китайскую сторону русских пленных и перебежчиков. Цинский император неоднократно в своих указах требовал хорошего отношения к пленным, к привлечению их на службу в маньчжурскую армию. Пленных щедро награждали и одаривали, создавали им привилегированное положение. Так, 25 декабря 1683 года по указу маньчжурского императора целой группе перешедших на сторону маньчжур русских пленных были даны офицерские звания. В соответствующем указе Канси говорилось:

«Цзянцзюнь Сабсу донес: «Цилэр Силугэну и другие с реки Бурей убили более десяти русских и, захватив их жен и детей, перешли на нашу сторону. Чжуэрцзяньгэ и другие из племени элечунь доложили о том, что убили на реке Зее пятерых русских и захватили их ружья. Еще мне стало известно, что люди фэйяка напали и убили множество русских. Следует воспользоваться этими обстоятельствами и

[76] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. С. 665.

[77] Цит. по: Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 38.

присвоить недавно перешедшим на нашу сторону русским Григорию, Афанасию, Максиму и другим соответствующие офицерские звания, равно как и офицерские чины ранее перешедшим к нам Ивану, Агафону и Степану за их усердие к службе».

Император указал: «Недавно уже пожалован чин сяоцисяо Агафону, Степану, а также вновь покорившимся Григорию, Афанасию и Максиму — всем дать чин седьмого класса. А недавно перешедших к нам Афанасия и Филиппа немедленно отправить к Сабсу и соответственно использовать их для привлечения на нашу сторону (других русских). Поскольку сейчас стоят морозы, пожаловать им меховое платье и шапки»[78].

К лету 1684 года цинские войска были фактически готовы к активным военным действиям с русскими. Цинский двор явно переоценивал силы русских как в Приамурье в целом, так и в Албазине в частности, поэтому решено было нанести удар по самому чувствительному месту русских — по их продовольственной базе.

В июне 1684 года император Канси приказал цзянцзюню Сабсу, командовавшему маньчжурскими войсками на Амуре, подойти к Албазину и скосить все хлеба на полях русских, не дав им убрать урожай. Скошенный хлеб предполагалось либо увезти на судах, либо, если увезти невозможно, бросить в реку.

Маньчжурский император в соответствующем указе цзянцзюню Сабсу отмечал: «По донесению Мала с товарищами, если захватить хлеба на полях у русских, то они вскоре окажутся в трудном положении. В докладе шивэя Гуаньбао говорится, что цзянцзюнь Сабсу также считает правильным захватить хлеба у русских, тем более что русские, расселившиеся в Албазине и Нерчинске, занимаются только земледелием. Если мы захватим их хлеба, они не смогут длительное время продержаться.

Повелеваю Сабсу соответствующим образом обсудить план наших дальнейших действий. Подойдя сухим путем

---

[78] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. С. 666.

либо одновременно по суше и по воде, наше войско скосит все хлеба на полях русских, не дав им возможности убрать урожай. При продвижении по суше скошенный хлеб следует бросить в реку, чтобы его унесло вниз то течению. В случае же если мы продвинемся одновременно по суше и по воде, то захваченные хлеба следует погрузить и увезти на судах.

Перед отправлением наших воинов следует послать к русским человека, который объявит им: «Вы, русские, захватили наши Албазин и Нерчинск и владеете ими уже в течение многих лет. Мы неоднократно приказывали вам, чтобы вы оставили эти места и вернулись обратно, однако вы не только затягивали свой уход и не покидали занятых вами мест, но к тому же еще и принимали перебежчиков с нашей стороны, а также тревожили наше пограничное население. Ныне наши войска водою и по суше выступили для того, чтобы истребить всех вас. Поскорее уходите, чтобы сохранить ваши жизни»[79].

15 февраля 1685 года император Канси издал резкий указ, в котором вновь, но на этот раз в самой ультимативной форме, потребовал полного уничтожения русского влияния в Приамурье. Границы России им были определены до Якутска, то есть значительная часть Восточной Сибири, по этому документу, должна была достаться Китаю. В указе отмечалось:

«Война — недоброе дело, и прибегать к ней следует, только когда к этому вынуждают.

В прошлом русские без какого-либо повода вторгались в наши земли, принимали перебежчиков. Позднее переходили границу, тревожили земли племен солонов, хэчжэ, фэйяка, цилэр, которые лишены были возможности жить спокойно. (Русские) захватывали местных жителей, их селения, отнимали собольи меха, совершали множество злодеяний. По этому поводу наши посланцы неоднократно передавали им указы, а также через их посланников вручали грамоты.

---

[79] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. С. 666–670.

Однако русские не прислушивались к нам. Напротив, они углубились в земли хэчжэ и фэйяка, еще больше тревожили наши границы. Тогда в Айхунь было отправлено наше войско, чтобы воспрепятствовать их передвижению. Однако русские продолжали захватывать наши земли, не выдавали наших перебежчиков, поэтому следует их немедленно уничтожить.

Ныне в соответствии с желанием Неба великое войско готово двинуться к Албазину, но через нашего посланца русским следует еще раз передать указ:

«Ранее мы неоднократно посылали вам грамоты с требованием, чтобы вы отозвали своих людей и возвратили нам перебежчиков. Однако в течение нескольких лет от вас не поступало ответа. Напротив, вы углублялись в наши внутренние земли, захватывали у населения детей, постоянно творили беспорядки. Тогда мы направили войско, чтобы пресечь ваше вторжение, и привлекли на свою сторону население всех мест Амгуни. Вы же по-прежнему остаетесь в Албазине и теперь мы специально отправили в поход сильное войско. Разве трудно будет вас уничтожить такой военной силой? Однако мы неизменно оберегаем население наших земель, хотим, чтобы оно жило спокойно. Поэтому мы не применили сразу силу и не уничтожили вас, и наши неоднократные предупреждения были проникнуты желанием, чтобы обе стороны жили спокойно и мирно.

Вам, русским, следовало бы побыстрее вернуться в Якутск, который и должен служить границей. Ловите там соболей и собирайте ясак и не вторгайтесь более в наши внутренние земли, верните нам перебежчиков. С нашей стороны, мы тоже возвратим вам русских, перешедших на нашу сторону.

При таких условиях на границе мы сможем вести торговлю, и ваше, и наше пограничное население сможет жить спокойно: не будет возникать военных столкновений. В случае же если вы будете упорствовать в ваших заблуждениях и не осознаете их, наше войско непременно пойдет приступом на Албазин, уничтожит ваших людей».

Если после объявления данного указа русские повинуются ему и вернутся в Якутск, сделав его земли границей,

то мы сразу же разместим войска в Айхуне, а в Албазине поставим караулы с тем, чтобы на границе царило полное спокойствие. Если же русские по-прежнему будут упорствовать, то нашему войску следует обдумать свои последующие действия — наступать ли ему или отступать. Если не действовать в соответствии с объявленным указом, то может получиться так, что сегодня мы захватим Албазин; при нашем наступлении русские отведут свои силы. Когда же мы отступим, они снова продвинутся вперед. В таком случае военные действия будут длиться бесконечно, пограничное население не будет жить спокойно»[80].

В феврале того же 1685 года маньчжурские войска, дислоцированные в бассейне Амура, предприняли крупномасштабную разведывательную операцию, имевшую задачу выявить реальные силы русских в Албазине. С этой целью цинские власти «приказали заместителю вождя дауров по имени Бэйлээр во главе более 30 человек направиться в районы к северу от Албазина с тем, чтобы непременно взять языка, а также со всеми подробностями ознакомиться с местностью и доложить».

Через месяц маньчжуры получили подробную информацию о русских укреплениях в Албазине и приняли от дауров семерых пленных казаков. Один из пленных по имени Гаврила сообщил маньчжурам о том, что гарнизон острога составлял 1 тысячу человек, а сами укрепления за последний год были отремонтированы и усилены. Из захваченных семи пленных вскоре один бежал, а шесть оставшихся были переправлены маньчжурами в Пекин.

Император Канси по поводу этой операции издал соответствующий указ: «Бэйлээр и другие достигли Албазина, разведали обстановку и захватили пленных русских. Их подвиг заслуживает похвалы, и вышестоящее начальство должно наградить их по закону. Шести привезенным пленным выдать каждому по комплекту одежды в соответствии с сезоном и препроводить их к цзянцзюню Сабсу. Когда наше войско начнет наступление, эти пленные должны

---

[80] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. С. 673.

быть отпущены — с целью продемонстрировать наше великодушие»[81].

В марте 1685 года маньчжурские войска появились под самым Албазином. Кавалерийский отряд численностью до ста человек занял в трех верстах от крепости мельницу торгового человека Ф. Бурдуковского, захватил в плен ее владельца, частично перебил, а частично пленил находившихся там казаков и работников и тотчас отошел. А.Л. Толбузин на следующий день выслал к мельнице казачий отряд и стал ожидать осады. Однако Цины отступили.

К июню 1685 года цинские войска, сосредоточенные в Айгуне, были готовы к наступлению на Албазин. В общей сложности для этого военного похода маньчжуры собрали 15 тысяч солдат, 100 пушек и 50 тяжелых осадных орудий. В качестве советников в войсках выступали католические миссионеры.

10 июня цинская армия уже захватила несколько русских деревень и заимок по берегам Амура ниже Албазина и готовилась к нападению на сам острог. Через русских пленных Ф. Тельного и Г. Ситникова защитникам русской крепости были переданы два письма-ультиматума от императора Канси на имя русского царя и от Пэнчуня на имя Толбузина. Современные китайские историки трактуют этот шаг как стремление Цинской империи действовать по принципу «сперва соблюсти нормы уважения, а потом браться за оружие».

Общий смысл писем, в трактовке современных китайских источников, был следующим: «Русские войска незаконно вторглись на нашу территорию, «захватили земли, убивают женщин и детей, безобразиям нет конца». Китайская сторона не может более терпеть это, и ему ничего не остается, кроме как двинуть войска для самообороны. Ныне китайские войска стоят у стен города. Если русские войска согласны покинуть Якса (Албазин), если русские готовы «собирать ясак, ограничиваясь пределами Яку (т.е. Якутска), не вторгаться в наши пределы, вернуть наших беглецов, то и

[81] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. С. 676.

мы тогда вернем сдавшихся нам ваших людей». Тогда оба государства смогут «в условиях, когда граница навечно станет спокойной и неприкосновенной, взаимно торговать и обмениваться посланниками, жить в мире и согласии». Однако русские войска «продолжали упорствовать, не собираясь отходить», «говорили дерзко и нахально»[82].

Одновременно такие же письма-ультиматумы с другими пленными были посланы в Якутск, через Северную Монголию в Селенгинск и через Джунгарию в Тобольск.

Ранее других, 15 ноября 1685 года, в Москву были доставлены грамоты, посланные через Северную Монголию с казаками Я. Ивановым и Г. Фоминым. Только к концу октября 1685 года добрались с «листами» до Красноярска трое других русских пленников — Л. Куликов, М. Сафьянчиков и И. Киселев (Л. Куликов вывез на родину сохраненное на себе знамя отряда, защищавшего Верхозейский острог, а на пути в Россию тайно от сопровождавшей охраны он со своими товарищами измерил высоту и ширину Великой китайской стены, составившие соответственно 15 и 21 аршин).

В этих грамотах китайский император, призывая жить «в совете», «без драки и без войны», «торги меж собою торговати и послы посылать», соглашался отозвать свои войска из-под Албазина при условии ухода русских с Амура и установления границы на рубеже около Якутска или в «ином месте» и до Енисейска[83]. Однако угрозы маньчжурской стороны были тщетны.

12 июня 1685 года маньчжурские войска подошли к стенам Албазина. Первоначально А.Л. Толбузину показалось, что маньчжурская армия, подошедшая на 100 бусах, насчитывала свыше 10 тысяч человек при 200 пушках, из них 50 — тяжелых осадных. Захваченный в плен китаец уточнил эти данные: в армии маньчжуров было 4200 человек, в том числе 1200 «работников», 30 больших и 15 малых пушек. Кроме того, берегом подошли 1000 кавалеристов. Подавляющая

---

[82] Чжунго цзюньши шилюэ (Военная история Китая). Главный редактор Гао Жуй. Пекин, 1992. Т. 2. С. 493.

[83] Цит. по: Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 129–130.

часть неприятельских солдат была вооружена луками и только 100 человек пищалями, захваченными в русских острогах[84].

В это время в самом остроге находилось всего 450 казаков с тремя пушками и 300 ружьями. Маньчжуры вновь потребовали от русского гарнизона полной капитуляции: «Человеколюбие нашего императора безгранично, и он не может примириться с дальнейшим кровопролитием. Вам приказывается возвратиться на ваши первоначальные земли»[85]. На требование Лантаня о сдаче крепости воевода А.Л. Толбузин ответил категорическим отказом, заявив неприятелю, что будет защищать Албазин до последней капли крови.

14 июня маньчжуры взяли в плен 40 русских подданных, плывших по реке к Албазину. В связи с их отказом сдаться на милость врага все мужчины были перебиты, а женщины и дети уведены в неволю.

Маньчжурские войска окружили русскую крепость и замкнули кольцо осады. На рассвете 15 июня 1685 года начался штурм Албазина, продолжавшийся до позднего вечера. По сообщению воеводы А. Толбузина, во время штурма было убито русских «человек со 100 и больши, и башни и острог из пушек розбили, и служилых, и торговых, и промышленных людей, и пашенных крестьян от верхних и нижних боев отбили, и во многих местах в Олбазинском остроге церковь, и колокольню, и лавки, и хлебные амбары зажгли огненными стрелами». Несмотря на это, защитники Албазина продолжали сопротивляться[86].

Осознав невозможность овладения Албазином штурмом, китайцы прибегли к «нападению огнем» — применению зажигательных средств.

Исчерпав все наличные возможности для обороны, воевода А. Толбузин согласился капитулировать, добившись,

---

[84] Цит. по: Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) М., 1969. С. 132.

[85] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. С. 692.

[86] Цит. по: Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 41.

однако, права свободного пропуска жителей и гарнизона с оружием и имуществом в Нерчинск.

Около 300 защитников Албазина без имущества и провианта покинули острог под предводительством А. Толбузина. Маньчжуры нарушили соглашение и отобрали у них имущество, оружие и продовольствие. После этого русских защитников Албазина маньчжуры попытались склонить к переходу в китайское подданство, описывая безвыходность их положения. Часть защитников Албазина — по разным источникам от 25 до 45 человек — сдалась в плен маньчжурам.

Сохранилась легенда и о том, что всего китайцами был взят в плен 151 защитник Албазина. Лантань предложил им или перейти на службу к китайскому императору, или возвратиться в свое отечество, 101 человек захотел вернуться на родину, а 50 русских подданных выразили готовность служить императору Канси. И тогда китайский генерал увел с собой первых в Пекин, а вторых расселил по всей Маньчжурии в качестве земледельцев. Логика его была глубока:

«Так как изъявившие желание вернуться в свою отчизну тем самым доказали верность природному своему царю, поэтому нельзя сомневаться, чтобы они не были также верными моему государю. А те, которые службу иноземному государю предпочли служению природному своему царю, не могут быть верными ни тому, ни другому господину, почему пусть и остаются в рабстве и под надзором местных властей, в определенных им местах»[87].

Китайские источники отмечают, что «помощник начальника (Албазинского гарнизона) Василий (Захаров) и с ним еще 40 человек отказались возвратиться, и поэтому мы их оставили»[88].

Многотрудный поход албазинцев к Нерчинску продолжался более недели. В устье реки Уруши Толбузин отпустил 120 человек из своего отряда в Якутск, надеясь, что им легче будет достигнуть русских поселений. Маньчжурские

---

[87] Цит. по: История российской духовной миссии в Китае. Сборник статей. М., 1997. С. 40.

[88] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. С. 692.

отряды долго сопровождали русских и только потом повернули обратно.

По пути албазинцы встретили опоздавшее подкрепление, посланное к ним еще 23 июня воеводой И.Е. Власовым из Нерчинска. Подкрепление под командой Анцифора Кондратьева состояло из 100 казаков на 11 стругах с двумя пушками и тремя пищалями.

В принципе этот отряд вряд ли мог бы коренным образом изменить ситуацию под Албазином. Если бы он успел к острогу вовремя, осада Албазина продолжалась бы дольше, обошлась бы большими материальными издержками для китайской стороны и привела бы к большим жертвам с обеих сторон. Однако соотношение сил и средств все равно было бы в пользу китайцев. Российские власти более ничем не могли бы помочь защитникам Албазина, а китайская сторона могла бы подтянуть сюда любое необходимое количество войск.

Обстановку в Албазине и вокруг него мог бы изменить казачий полк численностью в 600 человек под командованием А.И. Бейтона, посланный из Енисейска. Это был единственный реальный шанс для казаков. Однако даже с его приходом силы русских достигли бы всего одной тысячи человек, а превосходство китайцев в силах и средствах все равно было бы абсолютным. К сожалению, отряд Бейтона так и не дошел до Даурии. Казаки увлеклись погоней за монгольскими отрядами, укравшими у них коней, в результате Бейтон не смог организованно довести «вольнолюбивых» казаков до цели.

В ночь на 3 июля казак Г. Фомин привез И.Е. Власову весть о падении Албазина и отступлении А.Л. Толбузина. Через неделю до Нерчинска добрался и сам А.Л. Толбузин, с которым пришло уцелевшее албазинское население — 324 мужчины и 312 женщин и детей.

Часть отряда А.Л. Толбузина, двинувшаяся в Якутск, добралась туда более чем через месяц. Сообщение об этих событиях дошло до Енисейска к 28 августа и было получено в Москве только 13 марта 1686 года. Одновременно в Москву был доставлен и пленный китаец Уонцыся[89].

---

[89] Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 133.

На этом закончилась первая часть Албазинской эпопеи — героической обороны русских земель от Цинских завоевателей в Приамурье.

Особая страница в истории первого столкновения России и Китая за Албазин — судьба русских пленных. В конце 1685 года пленники прибыли в Пекин и «были приняты ласково благодушным богдыханом, которому лестно было похвалиться перед народом такими отчаянными храбрецами»[90]. Албазинцы были поселены в северо-восточной окраинной части китайской столицы, у самой городской стены.

Русские пленники были причислены к наследственному военному сословию, занимавшему видное положение в чиновничьей иерархии Китайской империи. Организационно они вошли в состав маньчжурской гвардии (желтое с красной каймой маньчжурское знамя Восьмизнаменных войск) в так называемую «русскую» роту Гудэи, сформированную еще в 1649 году. Русским были пожалованы казенные квартиры, денежное содержание, рисовые пайки и наделы пахотной земли. Одновременно китайские власти предприняли ряд мер по ассимиляции русских, дав им в жены китаянок. Однако китайцы не вторгались в духовный мир русских пленных: албазинцы остались верны своим православным христианским ценностям. Вместе с албазинцами их судьбу в китайской столице разделил священник Михаил Леонтьев, основавший в Пекине первую Русскую духовную миссию в Китае.

Таким образом, с середины 80-х годов XVII века центром русско-маньчжурского противоборства в Приамурье стал русский острог Албазин.

Албазин занимал исключительно выгодное военно-стратегическое положение в регионе и использовался русскими в качестве передового плацдарма для последующей экспансии в бассейне Амура.

Цинское правительство, естественно, настороженно относилось к русской активности в регионе и видело в продвижении русских войск (проникновении казачьих отрядов

---

[90] История российской духовной миссии в Китае. Сборник статей. М., 1997. С. 43.

и их закреплении по берегам рек Приамурья) угрозу своим интересам в этом регионе. Пытаясь «выдавить» русских из Приамурья, Цины сосредоточивали основные свои военные усилия на уничтожении русской крепости Албазин.

Военно-политические приготовления Цинов к военным действиям в Приамурье были тщательно разработанными и спланированными, санкционированными на самом высоком уровне (императором Канси) и хорошо организованными. Подготовка заняла в общей сложности несколько лет и была многоплановой: шло наращивание военных сил и средств, велась глубокая разведка русских, проводились мероприятия по тыловому обеспечению войск.

Особое внимание Цины уделяли политическим и психологическим формам и методам борьбы с русскими в Приамурье. Многочисленные ультиматумы и угрозы от имени императора Канси должны были запугать русских. «Гуманное» обращение с пленными, вплоть до присвоения им офицерских званий, а также разрешение им вернуться к своим войскам (как правило, в качестве парламентеров для доставки китайских ультиматумов), имело цель сломить моральный дух и волю русских к сопротивлению. Император Канси инструктировал своих генералов: «Когда наше войско начнет наступление, пленные должны быть отпущены — с целью продемонстрировать наше великодушие».

В рамках противоборства в Приамурье и Россия, и Цинский Китай пытались привлекать на свою сторону местные народы и племена и использовать их или как политические козыри в политической борьбе (дело Гантимура), или как военную силу.

Русские в Приамурье не имели ни сил, ни достаточных средств для противодействия цинским войскам. Однако моральный дух и бойцовские качества казаков давали русским огромное преимущество, которое Цины не смогли нейтрализовать своим абсолютным превосходством в силах и средствах. Во многом успех освоения Приамурья и укрепления там русского влияния обеспечивался инициативой и удалью казаков, а не усилиями России на государственно-политическом уровне.

Осада Албазина маньчжурским войском, имевшим 35 – 40-кратное превосходство в людях и абсолютное в орудиях, окончилась безрезультатно для осаждавших. Русский острог, несмотря на все трудности и лишения его защитников, выстоял и не сдался противнику. Только тогда, когда сопротивление оказалось уже невозможным, русский гарнизон покинул крепость, не признав, однако, своего поражения.

Героическая оборона Албазина летом 1685 года стала первым актом решительного военного столкновения между Россией и Китаем за господство в Приамурье. Формально маньчжуры одержали победу, добившись ухода казаков из Албазина. Однако военная неудача не означала отказа России от планов дальнейшего распространения своего влияния на этот регион всеми доступными ей средствами.

Героическая оборона Албазина

Прибытие в середине июля 1685 года в Нерчинск оставшихся в живых защитников Албазина знаменовало собой начало нового этапа в развитии военно-политических отношений между Цинским Китаем и Россией. Поражение от маньчжуров ни в коей мере не поколебало решимости русских властей отстоять национальные интересы Российской империи в этом регионе. Нерчинский воевода И.Е. Власов занимал в этом отношении самую решительную позицию. Именно по его инициативе начали предприниматься конкретные меры по возвращению в занятый маньчжурами Албазин.

Уже в середине июля 1685 года воевода И.Е. Власов отправил в разведывательный поиск вниз по Шилке на пяти стругах 70 казаков во главе с десятником Я. Телицыным. Ему было приказано «с великой осторожностью» выяснить положение в районе Албазина и непременно добыть «языка». По мере продвижения вперед Я. Телицын узнал об отходе маньчжурских войск вниз по Амуру. За полтора дня пути до Албазина казаки высадились на берег и продолжили свой поход по суше. Однако когда отряд Телицына достиг Албазина, казаки увидели только покинутую маньчжурами разрушенную крепость.

На пепелище Албазина казаки захватили «языка» — китайца Уонцыся (Ван Цзыша). Из его допроса казаки узнали, что отец юноши был рулевым на маньчжурском судне, но был казнен цинскими властями за то, что посадил его на камни. Опасаясь за свою жизнь, Уонцыся дезертировал из маньчжурской армии и скрывался на развалинах Албазина, находя там кров и пропитание.

Китайский пленный сообщил Телицыну, что маньчжурские войска в срочном порядке покинули Албазин в связи с восстанием в Китае и необходимостью его усмирения. По словам Уонцыся, единственный гарнизон, оставленный Цинами, был расквартирован в Айгуне и насчитывал 500 человек[91].

7 августа Я. Телицын вернулся в Нерчинск и доложил обо всем виденном и слышанном И. Власову, убедив последнего в реальности планов по возвращению Албазина.

Несмотря на намерения уничтожить все посевы вокруг Албазина, маньчжуры в ходе своего поспешного ухода сделать это не успели. Это вселило оптимизм и укрепило уверенность русских военных властей в успехе предстоящих действий. По плану И.Е. Власова, Толбузин первоначально должен был построить «малую крепость» и запасти как можно больше зерна для обеспечения войск в предстоящих неизбежных столкновениях с Цинами.

В этих целях из Нерчинска был выслан конный отряд численностью в 198 человек во главе с А. Бейтоном, а вслед за ним «побежал» вниз по Амуру А.Л. Толбузин с отрядом, состоявшим из 123 албазинцев и 193 нерчинских казаков. На вооружении отряда было шесть пушек, одна «пищаль затинная», 160 ядер, 100 пищалей ручных, 50 бердышей, знамя и барабан. Всего же, по сообщению Власова, в Албазин было отправлено «ратных людей с ним, Алексеем, 514 человек, да промышленных людей и пашенных крестьян 155 человек, да два человека московских пушкарей»[92].

27 августа А.Л. Толбузин со своими людьми достиг Албазина.

---

[91] Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 135.

[92] Цит. по: Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1963. С. 43.

К началу 1686 года в Албазине насчитывалось уже 725 человек, а в Нерчинске и ближайших к нему острогах — 340 служилых и 100 промышленных людей. Всего, таким образом, к 1686 году для обороны Приамурья было стянуто свыше тысячи ратных людей, число которых в случае необходимости могло быть увеличено за счет промышленных людей и крестьян[93].

К концу 1685 года русским удалось убрать основную часть урожая более чем с тысячи десятин. Одновременно шла заготовка леса для строительства нового русского острога, который по приказанию воеводы И.Е. Власова должен был разместиться ниже старой русской крепости. Однако казачий круг, собранный А.Л. Толбузиным для обсуждения этого вопроса, высказался за восстановление Албазина на старом месте.

Работы начались немедленно. Земляные стены ставились в 4 сажени в ширину; до заморозков албазинцы успели вывести стены на 1,5 сажени в высоту. Деревянный «образец» (модель) крепости А.Л. Толбузин выслал в Москву.

Крепость строилась в виде прямоугольника, вытянутого вдоль Амура. Крепостные стены возводились из бревен в два ряда, между которыми засыпалась земля, в результате чего ширина оборонительных сооружений достигала 8 — 8,5 метра. В высоту стены крепости доходили до 3 метров — выше поднять стены казаки не успели в связи с наступлением холодов. Стена вдоль амурского берега была усилена башней, чтобы препятствовать подходу неприятельских судов к самой крепости.

Маньчжурские власти в Айгуне вскоре узнали о занятии русскими войсками Албазина и возвращении туда населения. Однако когда об этом было доложено императору Канси, он не поверил своему военачальнику Сабсу: «Ознакомившись с докладом Сабсу, император решил, что доклад основан на слухах и Сабсу не посылал людей для разведки положения в Албазине и получения достоверных сведений. Поэтому мы не можем без достаточных оснований посылать войска. Было повелено Сабсу, ланчжуну Лифа-

[93] Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 136.

ньюаня Маньпи и другим получить с помощью разведки точные сведения и доложить»[94].

Уже осенью 1685 года А.Л. Толбузин сообщал И.Е. Власову об активности разведки противника – маньчжурские конные отряды неоднократно подходили к самому городу, совершали нападения на русских подданных. А.Л. Толбузин принял соответствующие меры противодействия, организовав патрулирование окрестностей Албазина силами конных «отъезжих караулов» под командой А. Бейтона.

2 октября русский «отъезжий караул» вступил в бой с крупным отрядом противника. Подошедший на помощь казачий отряд в 100 человек не смог догнать маньчжуров и вернулся назад. Через две недели, 14 октября, маньчжуры переправились через Амур, напали на Лапкаевском лугу на Покровскую слободу, перебили и пленили часть населения и сожгли запасы зерна. Подошедший через несколько дней из Албазина отряд не смог преследовать ушедшего за Амур неприятеля из-за начавшегося ледохода. В начале ноября А. Бейтон с 200 казаками настиг маньчжуров у Монастырской заимки, нанес им поражение и захватил табун лошадей. 26 ноября маньчжуры вновь подошли к Шингаловской заимке, захватили пленных и ушли, хотя А. Бейтон со 150 казаками их преследовал двое суток. В декабре 1685 года от захваченного казаками «языка» стало известно о намерении маньчжурского командования летом 1686 года вновь осадить Албазин.

1 февраля 1686 года крупный маньчжурский отряд в 500 человек подошел к Албазину и разорил в десяти верстах от него Большую заимку. Снова русские конные отряды бросились в погоню, но маньчжуры скрылись.

24 февраля Толбузин послал Бейтона во главе отряда из 300 казаков в район реки Кумары. Там они столкнулись с дозором цинских войск в 40 человек. В результате ожесточенной схватки 30 цинских солдат и 7 казаков погибли. Захваченный в ходе рейда пленный подтвердил сведения о подготовке маньчжурами нового похода из Айгуни на Албазин[95].

---

[94] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 681.

[95] Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 138.

К весне 1686 года Цинский двор окончательно удостоверился в том, что русские вернулись в Албазин. В этом маньчжуры убедились в ходе допросов русского крестьянина Аксенки Федорова, который был захвачен солонами в начале 1686 года у Покровской заимки и передан затем маньчжурам. А. Федоров рассказал, что к бывшим защитникам Албазина добавилось еще 1500 человек с пятью пушками. Кроме того, по словам русского пленного, ожидалось прибытие еще восьми орудий. Федоров описал укрепления Албазина и рассказал об огромных запасах продовольствия в городе, которых «вполне хватит на два года».

13 февраля 1686 года, когда император Канси узнал о реальной ситуации в Албазине (Якса), он немедленно разработал план ведения военных действий. В нем отмечалось: «Ныне лоча (термин для обозначения русских) вернулись в Якса, укрепили крепость. Если не провести карательную экспедицию, то неизбежно придется накопить большие запасы продовольствия, а это сделать нелегко. Он приказал цзянцзюню Сабса пока приостановить переселение семей, как и запрашивалось ранее, построить суда, возглавив отряд офицеров и солдат из Ула и Нингуты, устремиться к Хэйлунцзяну, а до того решить вопрос с оставлением укрепленных гарнизонов из состава отборных войск, после чего повести отряд из 2000 солдат на Якса»[96].

17 апреля 1686 года император Канси приказал Лантаню возглавить новый поход на Албазин с целью «истребления» русских. На аудиенции он приказал: «Вам надлежит в нынешнем походе действовать осторожно. Нужно, как и при предыдущей их капитуляции, разъяснить им наш указ о том, что они, русские, будучи людьми другого государства, рискуя ради корысти своей жизнью, беспокоят наши границы. Ныне большое войско вновь прибыло (под их город, и им) надлежит поскорее покориться, ибо если они не покорятся, то будут все до одного уничтожены. Если вы город Албазин возьмете, то немедленно идите на город Нерчинск, а когда окончите дело, возвратитесь в Албазин и, разместив тут вой-

[96] Чжунго цзюньши шилюэ (Военная история Китая). Главный редактор Гао Жуй. Пекин, 1992. Т. 2. С. 494–495.

ска, перезимуйте. Не разрушайте их города и не наносите ущерба их полям, ибо, когда хлеба поспеют, их (можно) собрать и использовать для наших нужд»[97].

В начале июля 1686 года маньчжурское войско подошло к Албазину, остановившись в 5 верстах от русской крепости.

Русские «отъезжие караулы», выдвинутые от Албазина вниз по Амуру, столкнулись с передовыми частями маньчжурской армии и вовремя сообщили о приближении противника. Население успело укрыться в крепости. Работы по ее укреплению к этому моменту были почти закончены. Артиллерия крепости состояла из мортиры («верховой пушки»), стрелявшей пудовыми ядрами, 8 медных пушек и 3 затинных пищалей; в пороховом погребе хранилось более 112 пудов пороха и 60 пудов свинца. Муки из урожая 1685 года должно было хватить почти на два года — до лета 1687 года. Табун лошадей в 500 голов албазинцы отогнали в тайгу.

Всего в Албазине собралось 826 служилых, промышленных людей и пашенных крестьян, которые и составили гарнизон защитников крепости.

Осадная армия маньчжуров подошла к русской крепости по амурскому берегу и «водяным путем» на 150 бусах. Она насчитывала до 5 тысяч человек при 40 пушках. Для обеспечения дальнейшего наступления маньчжуры пригнали к Албазину до трех тысяч лошадей[98].

Перед осадой крепости Лантань вновь прислал в Албазин с отпущенным пленным А. Федоровым грамоту с требованием уйти с Амура и сдать «богдойским воеводам город Албазин». В «прелестных письмах» в адрес русского гарнизона маньчжуры требовали: «И вы большие силы не сердите, скорее здайтесь... И только так не будет, вы тако не разумеется, еще станете дратца и противитца, в те поры отнюдь уже даром не разойдемся»[99].

Однако все попытки маньчжуров поколебать стойкость защитников оказались тщетными. Гарнизон решил оборо-

---

[97] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 693.

[98] Цит. по: Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 139.

[99] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 769.

няться до конца: «Един за единого, голова в голову, а назад де без указа нейдем»[100].

В момент подхода маньчжурской армии к Албазину А.Л. Толбузин попытался не допустить высадки неприятеля с судов около самой крепости и сделал внезапную вылазку. Русский отряд во главе с А. Бейтоном, поддержанный из крепости ружейным и пушечным огнем, по свидетельству китайского источника, действовал настолько энергично, что Лантань лично вынужден был наводить порядок в своих войсках. Как и во время первой осады, маньчжуры сразу же постарались отрезать Албазин от Нерчинска и поставили свои суда выше крепости, чтобы препятствовать подходу подкреплений.

7 июля 1686 года началась длительная и изнурительная осада русского Албазина маньчжурами. Через неделю после начала осады Лантань начал штурм. Маньчжуры пошли на приступ с приречной и северной сторон. А.Л. Толбузин ответил вылазкой, и сами маньчжуры признали, что «сколько во всю ту ночь до рассвета наши приступ не чинили, однако города за крепостью разбить не могли»[101].

Неудача взять Албазин с ходу вынудила маньчжурское командование приступить к длительной осаде русской крепости. С этой целью они возвели примерно в 400 метрах от Албазина и на противоположном берегу Амура собственные земляные оборонительные валы, разместили на них свои орудия и приступили к планомерному обстрелу крепости. Войско осаждавших разместилось в юртах в трех наскоро построенных укрепленных городках.

На пятый день боев воевода А.Л. Толбузин был тяжело ранен ядром в ногу и через четыре дня умер. Командование крепостью принял Афанасий Бейтон.

Упорные бои продолжались и днем, и ночью. В ходе трех успешных вылазок русскими защитниками крепости были убиты полторы сотни солдат противника, от огня русской артиллерии погибли еще около 200 маньчжурских воинов.

---

[100] Цит. по: Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 139.

[101] Цит. по: Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 139–140.

Во время третьей вылазки были взяты три «языка», однако «тех де языков роспросить подлинно никто не умеет, потому что никансково языка в Албазине из служилых людей никто не умеет, а те языки китайсково и мунгальсково языков сами не понимают».

Потери русского гарнизона к этому времени составили 101 человек. 21 человек погибли в вылазках, 40 человек погибли от огня маньчжурской артиллерии и 40 человек умерли от цинги[102].

Лантань вынужден был признать стойкость русской обороны и неудачу штурма. Об этом «скорыми гонцами» он известил Канси и получил приказ вести осаду и уморить защитников голодом, жаждой и холодом[103].

13 августа китайский император в своем указе вынужден был отметить: «Наше войско осадило Албазин, но русские, хотя и оказались в чрезвычайно тяжелом положении, продолжают стоять насмерть»[104].

19 августа нерчинский воевода И.Е. Власов, не имевший полной информации о положении под Албазином, послал на стругах из Нерчинска под Албазин в разведку сына боярского Григория Лоншакова с 70 казаками «для проведыванья вестей и взятья языка». Отряд сумел скрытно подойти к Албазину, где к нему присоединилось 20 казаков и крестьян, не успевших укрыться в остроге до подхода маньчжуров.

Миссия Г. Лоншакова оказалась неудачной. Осада Албазина была настолько полной, что казаки не смогли проникнуть в город. Не смогли они и взять «языка». Единственное, что смог доложить Г. Лоншаков по возвращении в Нерчинск 26 сентября воеводе И.Е. Власову, это то, что русский гарнизон упорно и организованно оборонялся и нуждался в подкреплении перед лицом абсолютного превосходства противника в силах и средствах.

Больше никаких сведений об Албазине в Нерчинск не поступало до начала ноября.

---

[102] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 109–110.

[103] Цит. по: Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 140.

[104] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 682.

После неудачи первого штурма маньчжуры усилили работы по строительству обороны. С этой целью сооружались траншеи, рвы, земляные валы, отрывались позиции для орудий. Около Албазина было устроено уже четыре укрепленных городка, где в юртах и землянках располагались главные силы маньчжурских войск. Выше крепости за Амуром был сооружен лагерь, укрепленный валом.

1 сентября маньчжуры предприняли новый решительный штурм крепости, который, однако, вновь закончился для них неудачей. Они попытались взорвать крепостной вал, начав сооружать для этих целей подкоп, который был обнаружен и во время вылазки уничтожен казаками[105].

В октябре к началу ледохода маньчжуры увели свои суда в затоны, чем воспользовался А. Бейтон. Во время ледохода, в ночь на 12 октября, трое смельчаков — казаки И. Бузунов, В. Бакшеев и Я. Мартынов — сумели выбраться из Албазина и отплыть на лодке. Лавируя между льдинами, они проплыли четыре версты. Затем лодку раздавило льдом, и они выбрались на остров. Спустя неделю Амур окончательно покрылся ледяным панцирем, и казаки двинулись дальше. К 10 ноября они добрались до Нерчинска и доложили о состоянии крепости и ее защитниках.

До октября гарнизон Албазина пять раз делал вылазки, уничтожил до 150 неприятельских солдат и потерял 65 человек. Провианта в крепости хватало, но ощущался недостаток в воде, топливе и противоцинготных средствах: от цинги умерло к тому времени уже 50 человек[106].

В октябре 1686 года начался последний ожесточенный штурм Албазина. На приступ было брошено все войско Лантаня, численность которого возросла к тому времени до 10 тысяч человек. Маньчжуры соорудили два «дровяных» вала из «смолья» и сырого дерева, которые хотели подвести под самые стены крепости, а затем зажечь. Казаки во время вылазки один из них сожгли, а под второй подвели подкоп и взорвали. Одновременно маньчжуры попытались

[105] Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 141.

[106] Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 140–141.

«заметать» крепость «сечеными дровами», то есть завалить из катапульт вал плахами. Дрова оказались весьма кстати для осажденных, сильно страдавших от отсутствия топлива.

Ввиду наступавшей зимы в последнем бою маньчжуры во что бы то ни стало хотели сломить сопротивление Албазина, а осажденные в свою очередь стремились сорвать осаду. По утверждению казака М. Чаплина, прибывшего в декабре 1686 года в Нерчинск, в этом бою албазинцы «побили» до 1500 человек.

К декабрю 1686 года Албазин продолжал упорно обороняться, хотя значительная часть его гарнизона за октябрь—ноябрь погибла. Более ста человек были убиты на вылазках и во время бомбардировок, более 500 человек умерли от цинги. В живых остались 150 человек[107].

Продолжавшаяся почти полгода осада Албазина оказалась для маньчжурских войск безуспешной. Русский гарнизон, несмотря на трудности и лишения осады, ожесточенно оборонялся. В результате маньчжуры были вынуждены отказаться от силовых методов действий и пойти на переговоры. Трудности, с которыми столкнулось маньчжурское правительство в своих действиях в Приамурье, вынудили его пойти на установление дипломатических контактов с русским правительством.

Определенные шаги по политическому решению кризиса в Приамурье предпринимала и Россия. 28 декабря 1685 года был подписан указ о назначении стольника Ф.А. Головина великим и полномочным послом для ведения переговоров с маньчжурскими представителями на пограничном съезде.

26 января российский посол покинул Москву и 6 сентября 1686 года прибыл в Енисейск. Ф.А. Головину вменялось в обязанность отстоять русские рубежи в Восточной Сибири не только дипломатическим путем, но и «воинским промыслом». Для организации обороны ему передавалась власть над огромной территорией Иркутского, Нерчинского, Албазинского уездов.

---

[107] Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 141—142.

Согласно указу от 10 декабря 1685 года, из Москвы в Пекин были посланы гонцы — подьячие Посольского приказа Никифор Венюков и Иван Фаворов, посещавшие Китай еще с Н. Спафарием. В царской грамоте богдыхану указывалось на неожиданность начатых военных действий, на существовавшую возможность их предотвращения дипломатическим путем «без разлития крови и опустошения государств». Русское правительство извещало китайского императора о своем согласии начать мирные переговоры в Албазине и о выезде туда из Москвы послов при условии установления перемирия и отступления маньчжурской армии с российской территории. Н. Венюкову и И. Фаворову поручалось выяснить дальнейшие намерения маньчжурского двора и конкретизировать условия мира[108].

Н. Венюков и И. Фаворов выехали из Москвы 20 декабря 1685 года. Долгое и трудное путешествие продолжалось до конца октября 1686 года. 31 октября Венюков и Фаворов прибыли в Пекин и вручили послание русского правительства «хановым ближним людям».

В ходе встреч с представителями Москвы маньчжурские чиновники пытались навязать ту же точку зрения на развитие обстановки в Приамурье, которую они излагали еще посольству Н. Спафария. Цинский двор отказывался считать себя в состоянии войны с Россией и объявлял, что военные действия вызваны прежде всего самовольством казаков, занявших берега Амура, а также отказом нерчинских властей в выдаче «перебежчика» Гантимура. Тем не менее они утверждали о готовности богдыхана сохранять «мир и дружбу» и немедленно снять осаду Албазина. Маньчжуры предлагали обменять Гантимура на русских пленных, а свои территориальные притязания ограничивали уже только Приамурьем.

В «отписке» Венюкова и Фаворова говорилось: «И слыша о том мирном постановлении, хан их, также и они, хановы ближние люди, чтоб кровопролитие на обе стороны

---

[108] Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. С. 40—42.

перестало, радуяся для того, что у хана их ни с которым пограничным государем войны не бывало, и ныне войны с царским величеством потому и не желая... быта в дружбе и любви желает, и, жалея тех людей, которые сидят в Албазине, чтоб з голоду не померли, войскам своим от Албазина отступить указал»[109].

«Хановы ближние люди» предложили русским гонцам немедленно послать в Албазин двух человек с извещением о предстоящем приезде русского посла и о необходимости сохранения «статус-кво» под Албазином. Маньчжуры брали на себя обязательство прекратить военные действия, «никакого задору с албазинскими казаками не чинить». Одновременно от русского гарнизона цинские власти требовали «никакова задору, покамест совершенный мир учинитца, албазинские казаки не чинили б, и на Амур в судах не выходили б, и ясачных людей не побивали, и ясаку с них не брали б, и естли де от того престанут, и оттого учинитца совершенный мир»[110].

Венюков и Фаворов отказались выполнить требования Цинского двора, сославшись на отсутствие полномочий, указав, что казаки «сидят в городе по указу царского величества, а не самовольством». В ответ «хановы ближние люди» пригрозили, что, если гонцы не будут посланы в Албазин, тогда судьба русских защитников будет плачевной: маньчжурское войско усилит осаду и казаки «помрут голодною смертью»[111]. Это вынудило русских представителей в Пекине принять требования цинских властей. В Албазин с письмом на имя А. Толбузина были посланы «селенгинские казаки» Иван Шарапов и Павел Бушков. К тому времени воевода Толбузин уже погиб, об этом Венюкову и Фаворову сказали сами маньчжуры, однако русские представители не поверили этой информации.

Шарапов и Бушков в сопровождении маньчжурского отряда отбыли в Албазин из Пекина через Маньчжурию

---

[109] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 115.
[110] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 115.
[111] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 115.

5 ноября 1686 года. Накануне отъезда Шарапов получил приказ «едучи дорогою и будучи в войске китайском ... о всем смотреть накрепко»[112].

По прибытии в район Албазина 30 ноября Шарапов и Бушков были пропущены маньчжурами внутрь русской крепости, где они передали послание Венюкова и Фаворова начальнику гарнизона А. Бейтону. Для ведения переговоров с цинским командованием под Албазином от русского гарнизона были выделены казаки Михаил Чаплин и Яков Болтевский. Маньчжуры, выполняя волю своего императора, несколько ослабили режим осады русской крепости, пообещали, что «к Албазину приступать не станут», и даже разрешили небольшим группам казаков выходить из города за водой к реке. Однако эти послабления не распространялись на тех русских, кто осмеливался выходить из города для ловли рыбы, охоты или сбора хвороста и сосновой хвои (отвар сосновой хвои применялся для лечения цинги) в окрестных лесах. Осада продолжалась, и по-прежнему маньчжуры стремились взять русскую крепость измором.

Вместе с тем в ходе контактов с русским гарнизоном маньчжурское командование пообещало: «А только де чем в осаде будет скудно, и они б, осадные сидельцы, им, (маньчжурским) воеводам, говорили, и они де в том помочь учинить велят».

Осажденный русский гарнизон добился от маньчжуров и некоторых других «поблажек». Так, противник обещал пропускать из Албазина в Нерчинск и обратно небольшие группы русских численностью 20—30 человек с провиантом и скотом, «а больших де людей и со вьюки на верблюдах пропустить не хотели». Исключалось также и передвижение казаков в одиночку[113].

После переговоров с представителями маньчжурского командования А. Бейтон выяснил, что отход неприятельской армии возможен только после вскрытия Амура, а до весны противник намеревался продолжать осаду.

---

[112] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686—1691 гг. Т. 2. С. 115.

[113] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686—1691 гг. Т. 2. С. 118—119, 123.

В соответствии с договоренностями с маньчжурами А. Бейтон направил в Нерчинск группу своих посланцев, в которую вошли казаки Чаплин, Шарапов и Бушков. Маньчжуры пропустили эту группу беспрепятственно, даже снабдили казаков подводами и провизией на весь путь.

По приезде в Нерчинск М. Чаплин доложил воеводе И.Е. Власову о потерях албазинцев и состоянии обороны крепости: «А в осадное де время на выласках и на городе побито и от ран померло человек со 100. А собою де налицо в Албазинску служилых и всяких чинов людей ... осталось человек с полтораста, и те де все перецынжали, а иные ранены, а в караулех де только человек с 30 да подросков человек с 15. А верховая де и полковые пушки все в целости, а пороху де пуд з 20, свинцу тож. А хлеба де в Албазине будет тем осадным людем июля до первых чисел»[114].

Получив известия о положении в Албазине и вокруг него, Власов 26 декабря направил в крепость «даурского сына боярского» Игнатия Милованова с 26 служилыми людьми, которые должны были обеспечить перегон для осажденных 20 коров. Более никакой помощи Власов оказать не мог: «А на лечбу... от мыта и от цынги и от ран албазинским осадным людем послать мне нечево, а пороху и свинцу послать опасно»[115].

Маньчжуры перехватили отряд Милованова на подступах к Албазину и посадили всех казаков под стражу поодиночке. После этого начались допросы русских посланцев — маньчжуры пытались выяснить как можно больше информации о планах русской стороны. Внутрь осажденной крепости маньчжуры пропустили всего 10 человек и скот. С Миловановым они направили в качестве сопровождающих «прежних изменников» Ивана Артемьева и Афанасия Байгашина.

Милованову разрешили находиться в Албазине всего четверть часа. Он успел только встретиться с А. Бейтоном, тяжело больным к тому времени. Гарнизон крепости был

---

[114] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 123.
[115] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 123.

на грани физического истощения, большинство служилых людей и крестьян были ранены или больны. За все время пребывания внутри крепости Милованов увидел только троих здоровых казаков. Сопровождавшие «изменники» не разрешили вновь прибывшим вступать в какие-либо разговоры ни с самим Бейтоном, ни с другими защитниками крепости. В то же время, как впоследствии доложил Милованов Власову, «бывшие изменники» «ходят в Албазин с торгом, продают вино горячее и рыбу». Посредством засылки перешедших на сторону маньчжур русских пленных противник изучал настроения внутри русской крепости.

Однако, несмотря на все трудности и лишения, русский гарнизон не был сломлен морально. О сдаче врагу никто из албазинцев даже не помышлял.

Двое казаков из отряда Милованова — Г. Фомин и И. Тарханов — по дороге обратно в Нерчинск исчезли. Сам Милованов сделал вывод, что они скорее всего перешли на сторону маньчжурской армии, так как в Албазине их тоже никто больше не видел. Судьба Фомина и Тарханова долго была неизвестна русскому командованию. Неоднократно Бейтон и Власов требовали от маньчжуров их выдачи, однако те постоянно утверждали, что «таковы де беглые люди к ним в табары не бывали». Только в августе 1687 года, когда маньчжуры уже отошли от Албазина, Фомин и Тарханов были выданы русским в Албазин и «даны на поруки» до окончательного решения их судьбы.

В ходе встреч русских и маньчжурских представителей под Албазином вопрос о судьбе пленных всегда стоял достаточно остро. Уже с конца 1686 года начался организованный обмен пленными. Так, находившийся в плену казак Михаил Ахреянин[116] был обменен 5 декабря на «взятого языка никанской породы».

Ахреянин рассказал об обстоятельствах своего пленения. 7 июля 1686 года он был послан с другими казаками на оповещение крестьян под Албазином о подходе войска противника. При выполнении этой задачи его вместе с деся-

[116] Его имя встречается в документах и в другом написании: Ахреян, Ахряинов, Охряинов.

тью другими казаками захватил в плен маньчжурский отряд численностью в 500 человек. Всех, кроме Ахреянина, маньчжуры сразу «казнили смертью», а его «велели, сковав, держать за караулом до розмены». Рассказывая о своем пребывании в плену, Ахреянин отмечал, что «в китайских полкех в полону терпел голод и всякое мучение, потому что по многие времена на ночи раздевали его донога и руки и ноги розвязывали к кольем». Впоследствии, в августе 1687 года, по распоряжению Ф. Головина М. Ахреянину было выдано «за поденное терпение» 4 рубля[117].

От Ахреянина русское командование узнало о тяжелом положении в маньчжурской армии, осадившей Албазин. Так, находясь в плену, Ахреянин слышал от «изменников прежних албазинских казаков», то есть перешедших на сторону маньчжуров казаков, взятых в плен еще в первую осаду Албазина, что «на приступех де под Албазиным побито китайских и мунгальских людей тысячи с полторы и больши»[118].

Огромные потери несли маньчжуры не только от военных действий, но и от голода и болезней. От «хлебной скудости» начался мор. Общие потери маньчжуров достигли свыше 2500 человек[119].

10 февраля 1687 года, после многих месяцев осады, маньчжурский император отдал указ: «Нам стало известно, что после снятия осады Албазина среди воинов имеется много больных. Это лучшие маньчжурские войска, мы испытываем чрезвычайное сожаление. Ныне специально посылаются два врача и лекарства для их лечения».

Далее в своем указе богдыхан дальновидно отмечал: «Если теперь в городе есть больные русские, то эти врачи также могут оказать им помощь с тем, чтобы, возвратясь в свою страну, русские распространяли там славу о нашем великодушии»[120].

---

[117] Цит. по: Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686 – 1691 гг. Т. 2. Комментарии. С. 772.

[118] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686 – 1691 гг: Т. 2. С. 129.

[119] Цит. по: Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 141 – 142.

[120] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686 – 1691 гг. Т. 2. С. 584.

Командование маньчжурской армии действовало строго в соответствии с указаниями своего императора. В начале февраля в русскую крепость был послан «прежний изменник» И. Артемьев, который вызвал на переговоры представителей албазинцев. Артемьев заявил осажденным, что «китайский хан, жалеючи албазинских осадных сидельцов, прислал в китайские таборы лекарей 2 человек». От Бейтона требовалось представить ведомость всех больных и раненых, которые нуждались в медицинской помощи. А. Бейтон «в том им отказал, а говорил, что в Албазине служилые люди милостию великого бога все здоровы, а немощных никого нет»[121].

Великодушный жест маньчжурской армии по отношению к защитникам Албазина на самом деле преследовал далеко не благородные цели. Маньчжуры прекрасно знали, что практически весь гарнизон русской крепости нуждался в медицинской помощи. Да и сам гарнизон к тому времени насчитывал всего «всяких чинов людей 115 человек, баб и робят 55 человек»[122]. Маньчжурам требовалась более полная информация о силах русских и их возможностях, о способности русских выдерживать и дальше жесткую маньчжурскую осаду.

Гордый отказ Бейтона от помощи со стороны маньчжуров имел свое обоснование. Незадолго до того по договоренности с маньчжурской стороной 12 казаков были отправлены в леса для сбора сосновых веток и коры, однако «китайские караулы» схватили их, связали и долго на арканах таскали по полям. Казаки были отпущены назад «чуть живые», а к вечеру того же дня шестеро из них от ран скончались. После этого никакого доверия «великодушию» врага со стороны албазинцев уже быть не могло.

Несмотря на критическое положение, гарнизон русской крепости продолжал нести службу, сохранял порядок и дисциплину. А. Бейтон всеми силами старался не показать маньчжурам своего бедственного положения. 27 мар-

---

[121] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 149.
[122] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 149.

та по случаю пасхальных праздников русские послали маньчжурам «пирог пшеничный весом в пуд, и китайские де воеводы пирог приняли с честию»[123].

С приходом весны 1687 года и открытием судоходства по рекам нерчинский воевода И.Е. Власов начал требовать отвода маньчжурских войск от Албазина, как то было обещано цинской стороной еще осенью. Однако противник не собирался выполнять свое обещание.

20 апреля 1687 года в маньчжурский лагерь на Амуре прибыл из Нерчинска казак Андрей Вологда, который передал цинским командирам требование Власова уйти от Албазина.

6 мая маньчжурская армия отошла вниз по Амуру на 3–4 версты и остановилась в районе русской деревни Озерной. Перед отступлением маньчжуры уничтожили все свои оборонительные сооружения и приспособления вблизи Албазина, а на новом месте немедленно приступили к строительству оборонительных укреплений.

Поведение цинских войск под Албазином первоначально было непонятно русскому командованию. Однако вскоре оно осознало истинные планы маньчжурской стороны. От «изменников», в частности от А. Байгашина, албазинцы узнали, что «китайские полковые воеводы стали от города в ближних местех, для того чтоб не дать албазинским жителем никакова хлеба сеять, а как де пройдет время хлебному севу, и они де в то время пойдут в Китайское государство со всеми войски»[124].

С отходом цинских войск русское командование получило новые данные о положении в их стане. От Байгашина и двух перебежчиков — мунгалетина по имени Очирко и китайца — стало известно, что под Албазином погибло «боевово люду тысячи до полтрети, да работных никанских мужиков побито многое число»[125]. Главная причина потерь —

---

[123] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 149–150.

[124] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 149.

[125] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 159.

отсутствие в маньчжурской армии в достаточном количестве провианта. Обоих перебежчиков А. Бейтон после допросов отослал обратно в китайский лагерь, чтобы не провоцировать противника на ответные жесткие акции.

30 августа 1687 года маньчжурское войско покинуло свой укрепленный лагерь и направилось к устью реки Зеи. Противник отошел от русской крепости.

Военно-политические отношения между двумя странами вступили в этап дипломатических согласований.

Героическая пятимесячная оборона стоила жизни подавляющей части защитников Албазина. В одной челобитной 1689 года албазинские казаки указывали, что пережили осаду из «старых албазинцев» пятидесятник Анцифор Кондратьев и 19 рядовых, а из пришедших в Албазин с А. Бейтоном — пятидесятник Василий Смиренников и 29 рядовых. Всего — 50 человек. Сам А. Бейтон в 1689 году составил список из 7 «старых» албазинских казаков и 90 казаков, пришедших в Албазин вместе с ним[126].

Как и в 1685 году, албазинцы вновь лишились всего скота и лошадей. После отхода маньчжурской армии А. Бейтон начал восстанавливать укрепления и сооружения внутри острога, готовиться к севу. И.Е. Власов прислал из Нерчинска небольшое подкрепление.

Далее судьба Албазина решалась посольством Ф.А. Головина и цинскими представителями, которые провели несколько раундов переговоров. Итогом этих переговоров, в ходе которых российской стороной делалось множество уступок, явилось заключение Нерчинского договора.

31 августа 1689 года Ф. Головин направил А. Бейтону в Албазин указ — «построенный город Албазин разорить без остатку, и впредь с обеих сторон в нем крепости и жилища никакова не иметь»[127]. Одновременно в Аргунский острог был послан указ о перенесении крепости на другой берег реки.

8 октября воевода А. Бейтон доложил об уничтожении Албазина и исходе из него русской военной силы.

---

[126] Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 145.

[127] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. С. 605.

Таким образом, вторая оборона русского острога Албазин продолжалась пять месяцев и отличалась высокой напряженностью военных действий.

Цины имели абсолютное превосходство в силах и средствах, смогли заранее осуществить всестороннюю и эффективную подготовку к военным действиям. Однако их попытки с ходу овладеть русской крепостью оказались безрезультатными.

Русский гарнизон отличал высочайший моральный дух, смелость и верность своему долгу. Все попытки противника силой или хитростью сломить русских были тщетны. Острог остался неприступным для противника. Русский отряд организованно по приказу покинул свои позиции, уничтожив при отходе все укрепления и сооружения.

В Пекине осада Албазина и его последующее уничтожение были восприняты как большая победа над Россией. Цинский двор сделал вывод: «Русское государство никогда не имело связей со Срединным государством. Русские по своему характеру чрезвычайно свирепы, и их трудно подчинить. Однако в настоящее время они проявляют покорность и искренне желают обратиться к культуре. Земли, на несколько тысяч ли лежащие на обращенных к Срединному государству (склонах) Хингана, начиная с крайнего севера, и пустынные, целиком станут принадлежать Срединному государству»[128].

Героическая оборона Албазина яркой страницей вошла в историю русско-китайских отношений и стала символом несгибаемости русского духа и русской военной силы. Уроки Албазина, главный из которых заключался в невозможности победить русских военным путем, в Пекине запомнили навсегда.

Военно-политические отношения Китая и России, независимо от происходивших в них на протяжении последующих более трех столетий политических изменений, с тех пор строились с учетом уроков и опыта военных действий под Албазином во второй половине XVII века.

---

[128] Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691 гг. Т. 2. М., 1972. С. 688.

«Ответные удары у Якса»: китайская версия осады Албазина

События, связанные с русско-китайскими столкновениями за Албазин, оцениваются совершенно в ином свете в современном Китае. Традиционно в китайской историографии того периода превалируют антироссийские подходы. Освоение Россией Приамурья рассматривается в Пекине как вторжение, агрессия в «исконно» китайские земли. Поэтому Албазин, по-китайски — Якса, считался в Китае материальным символом экспансионистской политики царской России против Цинской империи.

В этом смысле представляет интерес система аргументации китайских историков и приводимые ими факты. Ниже приводится сокращенный перевод главы 6-й «Военные действия в районе Якса против агрессии царской России», которая вошла в выпущенную Академией военных наук КНР в 1992 году книгу «Военная история Китая»[129]:

«1. Вторжение царской России в Приамурье и война сопротивления армии и народа Северо-Востока

Бассейн рек Хэйлунцзян и Уссури с глубокой древности был местом трудовой деятельности, источником существования и развития предков китайской нации. Предки маньчжуров были одним из проживавших здесь племен. И уже в XI веке до нашей эры они признали себя вассалами династии Чжоу. После династий Цинь и Хань связи этого района с собственно Китаем были всегда тесными, а в эпоху Тан здесь было создано дутунство. Вождь племени являлся дутуном, который действовал под надзором представителя центрального правительства.

В 1411 г. минское правительство создало в Телине вблизи устья реки Ляогуньхэ высший правительственный орган по управлению территорией бассейнов рек Хэйлунцзян и Уссури под названием Нуэргань ду чжихуэй шисы — «Управление по использованию рабов».

---

[129] Печ. по: Чжунго цзюньши шилюэ (Военная история Китая). Главный редактор Гао Жуй. Пекин, 1992. Т. 2. С. 488—499. Перевод с китайского.

После завоевания Китая династией Цин было учреждено Управление Восьмизнаменных войск и появились звания «глава рода (племени)» и «глава уезда» взамен минской системы управления, предусматривавшей наличие «военных округов» и «военных отделов (постов)».

В 1636 г. цинский император Тайцзи назначил Убахая фудутуном Нингуты, и с этого времени Нингута стала политическим центром территорий бассейна рек Хэйлунцзян и Уссури под управлением Цинской династии. В 1644 г. Цины перенесли столицу в Пекин, и вся территория Северо-Востока к югу от Внешнего Хингана (Станового хребта) попала под управление Шэньцзина.

В 1653 г. цинское правительство создало отдельное административное управление района, включающего территории бассейнов рек Сунгари, Хэйлунцзян, Уссури, включая о. Сахалин и Нерчинск с подчинением Нингуте по «знаку управления» (впоследствии управляющий стал называться «нингутаский цзянцзюнь»).

В 1683 г. цинское правительство разделило район, ранее находившийся под управлением цзянцзюня Нингуты, на две части: район, находящийся к западу от реки Хадаулахэ, реки Бичжань и восточный берег реки Сунгари, переходил в управление цзянцзюню Хэйлунцзяна; район, находящийся к востоку от вышеперечисленных рек, включая о. Куедао (Сахалин), по-прежнему подчинялся цзянцзюню Нингуты.

Некоторые послушные писаки в царской России говорили глупости, будто район Хэйлунцзяна никогда не принадлежал Китаю, что русские люди нашли здесь бесхозные земли. Это бесстыжая ложь! Фактически еще в Танскую эпоху в районе Хэйлунцзян — Уссури был создан административно-управленческий аппарат. И только через 700 лет после этого Россия стала оформляться в качестве единого государства. Феодально-крепостнические классовые интересы обусловили то, что внешняя политика царской России неизбежно была направлена «на подчинение других наций, захват территорий соседних государств» («Собрание сочинений Маркса — Энгельса». Т. 16. С. 181. — китайское издание). Именно поэтому агрессивные силы царской Рос-

сии после выхода в Восточную Сибирь сразу же очертя голову устремились в бассейн реки Хэйлунцзян.

26 июля 1643 г. иркутский воевода Головин послал писменного голову Василия Пояркова во главе отряда в 132 человека в поход на Амур для поиска там продовольственных возможностей и серебра. Поярков шел вверх по Лене, потом перевалил через Внешний Хинган (Становой хребет) и 7 ноября вышел на китайскую реку Цзиньцили (ныне — река Зея), правый приток реки Брянты, после чего вышел на реку Умулекань, где создал пост, в котором и провел зиму.

Впоследствии Поярков послал 70 человек во главе с Юрием Петровым в даурские селения у устья реки Силиньмуди, где тот обманным путем увел из селения главу племени дауров и затем потребовал у жителей продовольствия для себя, скот и шкуры соболей. Осознав, что их жестоко обманули, дауры увидели истинное обличье этих грабителей. Когда люди Петрова решили ворваться в селение дауров, последние оказали им отпор, три дня и три ночи держа их в осаде, убили 10 человек, ранили 50 из состава этого отряда, вынудили оставшихся бежать. Не имея пищи, петровцы проявили свою звериную сущность, убив и съев 50 дючеров. За это местные жители прозвали этих бандитов извергами-людоедами. В 1644 г. отряд Петрова прошел по рекам Амуру, Сунхуацзян и Уссури, непрестанно подвергаясь нападениям со стороны местных жителей, в результате в живых осталось около 50 человек.

Весной 1645 г. Поярков, боясь идти обратно по тому же пути, вынужден был бежать от устья Амура по морю в северном направлении. И только в июле 1646 г. он прибыл в Якутск.

В марте 1649 г. якутский воевода Францбеков послал в «дальний поход» Хабарова во главе 70 человек. Отряд поднялся вверх по Лене, Олекме, перевалил через Становой хребет и вышел на Амур, где достиг укрепленных пунктов Лафукай и Якса, сжигая и грабя все на своем пути. Столкнувшись с сопротивлением дючеров и убедившись в недостатке своих сил, Хабаров вернулся в Якутск, набрал дополнительно 138 человек и взял с собой письмо от русского царя Алексея Михайловича к китайскому императору.

В письме было беспардонно заявлено, что русский царь не имеет себе равных и непобедим, а китайский император должен истинно почитать его и вечно подчиняться ему. В противном случае русский царь пошлет войско и всех китайцев истребит.

В конце сентября 1650 г. Хабаров снова возвращается на Амур и силой захватывает Якса, переименовывая ее в Албазин, укрепляет его оборону, делая его основным опорным пунктом агрессии царской России на Амуре. 13 июня 1651 г. Хабаров начинает свое движение вниз по Амуру, однако встречает упорное сопротивление местного населения. В населенном пункте вождя Гуйгудара более 1000 дючеров и 50 маньчжуров героически погибают, защищая свою родину и национальное достоинство.

19 октября народность хэчжэ в поселке Учжала в нижнем течении реки Амур после поражения от Хабарова обратилась за помощью к цинской армии. Утром 4 апреля 1652 г. нингутанский чжангинь Хайсэ получил приказ от цинского правительства оказать помощь хэчжэ. Во главе отряда в 600 человек цинских войск и несколько сот местных жителей он неожиданно ударил по русским укреплениям в районе Ачанска. Русские понесли потери: 10 убитых и 76 раненых.

Застав русских врасплох, цинские войска ворвались в крепость и считали, что победа им уже обеспечена. Однако Хайсэ легкомысленно не оценил правильно обстановку и приказал остановить наступление, призвав «прекратить пожары, не убивать казаков, а брать их живьем в плен». В результате русские воспользовались благоприятной ситуацией и контратаковали. Понеся огромные потери, цинские войска вынуждены были отойти. Впоследствии Хайсэ за свои ошибки в руководстве войсками по приказу Цинского двора был казнен. Опасаясь новых нападений со стороны китайских войск, Хабаров в спешном порядке со своим войском бежал из этих мест вверх по реке.

2. Первый ответный удар у Якса

Царское правительство, с одной стороны, не обращало внимания на решительное сопротивление китайского народа и продолжало проводить политику расширения агрес-

сии, вторгалось на новые участки китайской территории, а, с другой стороны, засылало одну за другой свои дипломатические партии в Пекин, чтобы скрыть свою политику агрессии, вводя в заблуждение и оказывая давление на Цинский двор. Так, вслед за Байковым и Миловановым в 1676 г. в Пекин прибыла дипломатическая миссия Николая (Спафария). Цинское правительство заявило, что если царское правительство прекратит агрессию на китайскую территорию, вернет Гантимура, то только тогда можно приступить к рассмотрению выдвинутых правительством царской России требований. В противном случае ни одно из требований не может быть принято.

Николай давал много обещаний, однако сразу по возвращении на родину доложил царскому правительству собранную им по маршруту движения информацию и выступил с инициативой: «Как только царская Россия создаст крепость на реках Аргунь или Хайлар, все местное население, проживающее между Нерчинском и рекой Нунцзян, немедленно покорится русскому царю». Кроме того, Николай заявлял: «Хотя у китайцев есть пушки, ружья и другое вооружение, однако они действуют бездумно, не соблюдая требований военного искусства. Поэтому даже небольшой отряд европейской армии может их покорить». Поистине одна только фраза вскрыла истинные намерения дипломатической миссии царской России.

Действительность свидетельствует, что после возвращения Николая в Россию царская Россия не только не остановила, но еще более усилила агрессиию против Китая, расширив ее от верховьев Амура на районы нижнего и среднего течения Амура и восточного берега реки Аргунь. Поэтому цинское правительство очень внимательно следило за развитием событий, принимая соответствующие оборонительные меры. Особенно это относится к периоду после усмирения волнений внутри Китая в октябре 1861 года и после объединения Тайваня в августе 1863 года, когда у Китая появилась возможность дать достойный отпор постоянно усиливавшейся агрессии царской России.

Цинское правительство, издавна ведя борьбу против агрессивных войск царской России, извлекло для себя уро-

ки из мудрых принципов: «Я наступаю — противник обороняется, я отступаю — противник наступает, если не использовать войско, на границе не будет покоя». Поэтому необходимо создавать на передовых пограничных рубежах крепкие опорные пункты, решать долговременные вопросы снабжения войск, и только тогда возможно будет разрушать опорные пункты агрессивных действий противника, эффективно воспретить расширение агрессии со стороны царской России. И поэтому необходимо, с одной стороны, посылать войска для создания опорных пунктов и освоения земель, с другой стороны, заготовлять запасы военных материалов, строить почтовые станции, ремонтировать суда и вооружение, вести разведку противника, проникая за передовую линию, проводить в отношении царской России «политику кнута и пряника, карательными операциями умиротворять противника».

В январе 1685 г. хэйлунцзянский цзянцзюнь Сабсу в составленном им по приказу свыше проекте плана боевых действий по захвату Якса предусмотрел: через четыре месяца «выступить по суше и по реке, подойдя к городу призвать его к покорности, если это будет отвергнуто, атаковать город; в случае если трудности будут непреодолимыми, тогда в первую очередь уничтожить у противника все посевы». Цинское правительство в целом приняло подготовленный Сабсу проект плана, однако оно помнило, что сам Сабсу в прошлом упустил благоприятный случай, поэтому он был отстранен от руководства, а выполнять план поручено было дутуну Пэнчуню.

По сообщениям пленных, в Якса находилось около 1 тысячи человек. Однако, как только стало известно, что цинские войска собираются брать город, крепостные стены были укреплены, было сформировано подкрепление силой в 1 тысячу человек, причем передовой отряд уже вышел, а другой отряд готов был выступить.

Уяснив оборону противника и расстановку его сил в Яксу, цинские войска решили действовать в соответствии с ранее принятым планом. 28 апреля присланные из разных мест Китая 3 тысячи человек из состава Восьмизнаменных войск и войск Луин под руководством Пэнчуня и Сабсу вы-

ступили отдельными маршрутами из Айгуня. 22 мая они достигли Якса и на небольшом острове, лежащем напротив города (ныне — остров Гучэн), разместили свой штаб.

Действуя по принципу «сперва соблюсти нормы уважения, а потом браться за оружие», Пэнчунь послал к противнику русского пленного с двумя письмами: первое — от императора Канси русскому царю, второе — от Пэнчуня военачальнику русских Толбузину в Якса. Письма были написаны на трех языках: маньчжурском, монгольском и русском. Общий смысл писем был следующим: русские войска незаконно вторглись на нашу территорию, «захватили земли, убивают женщин и детей, безобразиям нет конца». Китайская сторона не может более терпеть это, и ей ничего не остается, кроме как двинуть войска для самообороны. Ныне китайские войска стоят у стен города. Если русские войска согласны покинуть Якса, если русские готовы «собирать ясак, ограничиваясь пределами Яку (т.е. Якутска), не вторгаться в наши пределы, вернуть наших беглецов, то и мы тогда вернем сдавшихся нам ваших людей». Тогда оба государства смогут «в условиях, когда граница навечно станет спокойной и неприкосновенной, взаимно торговать и обмениваться посланниками, жить в мире и согласии». Однако русские войска «продолжали упорствовать, не собираясь отходить», «говорили дерзко и нахально».

Цинские войска поневоле вынуждены были к 23 мая подготовить войска и позиции к бою. 24 мая к стенам города подошли и изготовились к бою огневые средства цзянцзюня Шэн Вэя. К тому времени хотя у русских внутри города было всего 450 человек, 3 орудия, 300 ружей, но они создали крепкую оборону и к ним по реке вниз на деревянных судах спускалось подкрепление, готовое атаковать позиции цинских войск. Поэтому спесь русских была велика. Пэнчунь, оценив ситуацию, немедленно приказал командиру отряда охраны Ялэцину возглавить отряд и подняться на судах вверх по реке, вынудить подходящего противника капитулировать.

Русские войска отказались капитулировать и в ответ начали стрельбу. Тогда Ялэцин выслал впред смельчаков и во главе отряда воинов и офицеров взял русские деревян-

ные суда на абордаж, завязав рукопашный бой с противником. В результате ожесточенной схватки противник потерял более 30 человек убитыми, а остальные были взяты в плен.

В тот же вечер войска под руководством фудутуна Яциня соорудили заслоны и земляные валы с юга от города и прибегли к хитрости, сделав вид, что их силы на исходе. С севера войска под командованием фудутуна Вэньдая и Лю Чжаоци начали ураганный огонь из своих больших орудий. Войска под руководством командира отряда охранения Болицю использовали орудия цзянцзюня Шэн Вэя и начали атаку с двух сторон — с востока и запада. Фудутун Яцинэй во главе отряда на судах блокировал город со стороны реки.

На рассвете 25 числа «решительно атаковали, посеяв в городе панику и смятение». Цинские войска обложили стены города дровами и хворостом, намереваясь применить огневое нападение и посеять ужас внутри города. Русские войска, не дождавшись помощи, понимая, что город не удержать, а боевой дух поколеблен, послали священника Хэрмо (китайская транскрипция русского имени) к Толбузину, чтобы уговорить последнего прекратить сопротивление. Толбузин, увидев, что его войско потеряло боевой дух, вынужден был капитулировать перед цинскими войсками.

После того как Пэнчунь объявил сдавшемуся русскому гарнизону серьезность и гуманность позиции цинского правительства, русские воины чрезвычайно обрадовались и заверили, что никогда более не осмелятся вторгаться. От 600 до 700 русских воинов и членов их семей, включая женщин и детей, вернулись в Нерчинск. Цинские войска не только не запретили им взять с собой свое имущество и даже оружие (за исключением орудий), но и снабдили их лошадьми и продовольствием, послали сопровождающих до устья Аргуни. Башеньли (китайская транскрипция русского имени) и с ним 45 человек не захотели вернуться на родину и были поселены в Шэньяне. 160 китайских подданных, захваченных русскими войсками в качестве заложников и рабов, были возвращены в родные места.

14 июня император Канси издал указ: «Хотя Якса покорена, оборону ее не следует разрушать». Однако Пэнчунь

и его люди оказались недальновидными, легкомысленно недооценили противника и после разрушения оборонительных сооружений в Якса даже не оставили гарнизона, не уничтожили посевы вокруг города, вернулись в Айгунь и Мэргэнь. В результате через два месяца Якса вновь оказалась в руках русских войск.

3. Второй ответный удар у Якса

В 24-й год правления императора Канси, 9 июня 1685 года, Толбузин во главе оставшихся в живых защитников Албазина прибыл в Нерчинск. Городской воевода Власов не смог смириться с поражением и, воспользовавшись прибытием на помощь отряда во главе с Бэйтоном, вновь вторгся в Якса. 14 июня он послал в Якса на разведку отряд из 70 казаков во главе с Телицыным. 8 июля Телицын вернулся обратно и доложил, что на всем маршруте он не встретил ни одного китайца, что Якса и все другие населенные пункты сожжены, однако все посевы на полях остались невредимыми. Услышав это, Власов обрадовался и немедленно выслал в сторону Якса отряд численностью в 300 человек во главе с Бэйтоном для уборки урожая. Вслед за тем он назначил Толбузина воеводой в Якса, послав с ним на поселение 516 казаков и 155 крестьян. Русские войска сперва собрали весь урожай, после чего вновь отстроили и еще более укрепили оборонительные сооружения города. Вокруг города был создан земляной вал шириной 4 русские сажени (8,5 метра) и высотой 3 русские сажени (свыше 6 метров). С четырех сторон были устроены четыре выдающиеся вперед позиции для орудий, за стеной кольцом вокруг города выкопали рвы. Со стороны реки возвели упирающуюся прямо в берег защитную изгородь. Внутри самого города были построены казармы, арсенал, продовольственный склад. Всего там разместили 11 орудий со 175 выстрелами, 60 пудов свинцовых пуль и 112 пудов пороха.

Однако хэйлунцзянский цзянцзюнь Сабсу выслал в Якса разведку во главе с начальником своей доблестной кавалерии Шо Гэсэ. Из-за малочисленности группы и в связи с тем, что лошади в дороге устали, разведка вернулась с полпути обратно. По пути китайская разведка услышала от

местных жителей, что русские войска вновь вернулись в Якса и укрепили крепость. Сабсу немедленно доложил об этом Цинскому двору и донес о готовности после вскрытия рек ото льда «отремонтировать суда, самолично возглавить войска и в соответствии с обстановкой покарать врага». Канси посчитал, что полученным в пути данным разведки нельзя верить полностью и приказал выслать новую разведывательную партию. Тогда высланный Сабсу непосредственно в Якса заместитель вождя племени солонов Умуэрдай взял в плен одного русского по имени Экэсуому (китайская транскрипция русского имени). От пленного китайцы узнали, что вернувшиеся в Якса русские войска не только укрепили оборонительные сооружения, но и собрали много зерна, которого им хватит на два года.

13 февраля 1686 г., когда император Канси узнал о реальной ситуации в Якса, он немедленно разработал план ведения военных действий. В нем отмечалось: «Ныне лоча (имелись в виду русские войска) вернулись в Якса, укрепили крепость. Если не провести карательную экспедицию, то неизбежно придется накопить большие запасы продовольствия, а это сделать нелегко. Он приказал цзянцзюню Сабсу пока приостановить переселение семей, как и запрашивалось ранее, построить суда, возглавив отряд офицеров и солдат из Ула и Нингуты, устремиться к Хэйлунцзяну, а до того решить вопрос с оставлением укрепленных гарнизонов из состава отборных войск, после чего повести отряд из 2000 солдат на Якса». Кроме того, он приказал хоу (князю) Лин Синчжу во главе с 400 воинами с лиановыми щитами из провинции Фузцянь выступить на подмогу военной операции, а племена солонов и дауров освободить от дани, чтобы они поддержали военную операцию живой силой.

24 февраля Толбузин послал Бэйтона во главе отряда из 300 казаков в район реки Кумары. Там они столкнулись с дозором цинских войск в 40 человек. В результате ожесточенной схватки 30 цинских солдат и 7 казаков погибли. Русские войска, воспользовавшись этим инцидентом, сожгли две деревни, забрали все продовольствие и имущество, увели с собой все местное население. Отсюда видно, что рус-

ские войска не только вероломно вновь захватили Якса, но и первыми начали войну.

В начале мая цинская армия во главе с Сабсу выступила из Айгуня на Якса двумя маршрутами — по реке и по суше. 28 мая оба отряда встретились в районе Чакэчжоу, на подступах к Якса. Сабсу послал Толбузину послание, в котором обвинил последнего в нарушении данного обещания, в новом вторжении в пределы китайских земель и потребовал от него вместе с русскими войсками вернуться на свою землю, пообещав, что в противном случае будет уничтожен. Толбузин не прислушался к предостережению и, напротив, выслал из города свой отряд с задачей атаковать цинские войска. Начиная с 4 июня цинские войска начали ожесточенно штурмовать город. Китайский отряд, действовавший с северной стороны под командованием Ланьтаня, обстреливал город из своих орудий. Отряды под командованием Яциня и Баньдалиша атаковали город с юга. Русские войска вышли из города для того, чтобы принять бой, и были разбиты. Фудутуны Вэньдай и Байкэ во главе отрядов фуцзяньских воинов с лиановыми щитами захватили небольшую высоту к югу от города. Русские войска, вновь вышедшие из города в атаку с целью снять блокаду, были сокрушительно разбиты в рукопашном бою и понесли серьезные потери. Чтобы надолго заблокировать русский гарнизон, Сабсу приказал с трех сторон выкопать рвы и возвести оборонительные укрепления и различные заграждения.

Чтобы перекрыть русским пути отхода или подхода к ним подкрепления, «с западной стороны города напротив реки расположился один отряд», а в 6—7 ли от города вверх по реке в заливе «расположился на судах другой отряд». Вдоль и западного, и восточного берегов реки была создана оборона. Сабсу доложил: «Я, вассал, во главе 2100 человек веду оборону, однако сил явно недостаточно». Император Канси немедленно приказал фудутуну Бодину во главе отряда из 200 офицеров и солдат выступить на подмогу, а уставших коней с передовой линии Сабсу отослать на пастбища к Хэйлунцзяну и в Мэргэнь.

Начиная с 14 июля обе стороны провели пять ожесточенных сражений. Толбузин после серьезного ранения ос-

колком в ногу скончался, а на место военачальника встал Бэйтон. После того как о сложной ситуации в Якса узнал Власов, он послал на помощь отряд из 70 человек под командованием Лоншакова. Лоншаков на речных судах достиг устья реки Эрдокуньхэ, однако попал там в засаду, устроенную цинскими войсками. В поисках выхода, которым можно было бы воспользоваться, чтобы пробраться в Якса, он увидел, что цинские войска с суши и со стороны реки взяли гарнизон города в плотное кольцо и осуществить внезапные вылазки невозможно. В подавленном состоянии он вынужден был отступить в сторону Нерчинска. В связи с тем, что помощи не было, запасы продовольствия таяли, а впереди была суровая зима, русские войска испытывали жажду и холод, их моральный дух падал, они страдали от цинги. Население города с 826 человек упало до 150, а в конце концов в живых осталось лишь 66 человек. Трупы лежали горами, их не было возможности предавать земле.

Поскольку война за Якса была справедливой, она получила глубокую поддержку в сердцах населения и армии. Кроме того, цинское правительство применило стратегический курс «сначала ритуал, потом военная сила», который предусматривал: «накопить достаточно военного провианта, вечно охранять границы на Хэйлунцзяне, давить постоянно, создавая трудности для противника». В результате царская Россия дважды оказывалась на грани безвыходности в отношении Якса. Однако правительство царской России в то время из-за своей политики территориальной экспансии и угнетения народов оказалось в очень трудном положении внутри страны и за рубежом. Армия и материальные ресурсы Сибири были крайне скудны, они не могли оказать какой-либо эффективной помощи русскому гарнизону в Якса. Поэтому русский царь в сентябре 25-го года правления Канси (1686 г.) послал в Пекин миссию Венюкова. С одной стороны, пуская пыль в глаза, посылался большой отряд войск для помощи гарнизону Якса, с другой стороны, Венюков должен был уговорить цинское правительство приостановить блокаду Якса и заявить, что русский царь послал посла Головина в Пекин для проведения переговоров по пограничному размежеванию.

На самом деле последовательная позиция цинского правительства заключалась в том, чтобы посредством переговоров «размежевать границу, чтобы каждая сторона не перешла за свои пределы, чтобы местное население обеих пограничных территорий могло осесть там и не потерять намерения жить в вечной дружбе». И, несмотря на очередное вероломство царского правительства, Якса вновь была возвращена в руки цинских войск. Стоило только русскому правительству проявить желание пойти на переговоры, как цинское правительство сразу же приветствовало этот шаг. Канси немедленно открыто объявил: «Русский царь принял требования ритуала, обратился с просьбой снять блокаду Якса. Мы проявляем великодушие и не намерены устраивать в городе кровавую резню. В соответствии с этим приказом Сабсу должен вывести солдат из Якса, собрать всех в одном месте, собрать вместе боевые корабли. Кроме того, объявляется, что все лоча должны покинуть город, не должны безрассудно обороняться и должны действовать по указаниям русского посланника». Помимо этого, в Якса был послан конный отряд дворцовой стражи, чтобы передать приказ императора. Сабсу, получив зимой императорский приказ, немедленно приступил к его выполнению, предложив русскому гарнизону продовольствие и выразив намерение послать своих врачей для лечения больных. Затем он по собственной инициативе отвел свои войска на 20 ли от города, позволив русским войскам свободно выйти из города и установить контакт с русскими войсками из Нерчинска.

12 июля 26-го года правления Канси (1687 г.) монгольский тушету хан доложил Цинскому двору, что посланный для ведения переговоров русский посланник уже достиг подвластных ему земель. Канси немедленно приказал: «Сабсу должен возглавить отряд воинов и, воспользовавшись тем, что холода еще не наступили, двинуться в район Хэйлунцзян — Мэргэнь, отремонтировать и привести в порядок вооружение, дать отдых лошадям и дожидаться прихода зимы. В отношении важных пунктов по-прежнему вести тщательную разведку. Кроме того, о намерении русского посланника просить о мире и о выводе войск долж-

ны узнать лоча в самом Якса». Сабсу, получив приказ, начал действовать. Без всяких условий он снял блокаду Якса, создав благоприятные условия для проведения пограничных переговоров между Китаем и Россией. В результате этого было провозглашено окончание более чем двухлетней войны отпора у Якса.

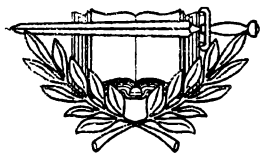
7 сентября 1689 г. в результате длительных усилий китайской стороны, непрерывного преодоления препятствий и помех, чинимых русской стороной, китайско-русский «Нерчинский договор» был наконец-то официально подписан. Договор состоял в общей сложности из 6 статей и устанавливал размежевание двух сторон на восточном участке границы от Станового хребта до моря и рек Горбица и Аргунь. Договор юридически устанавливал, что весь обширный район бассейнов рек Хэйлунцзян и Уссури является китайской территорией. Одновременно царская Россия, воспользовавшись «Нерчинским договором», уступленный китайской стороной район к востоку от Байкала до Нерчинска включила в состав своей территории. Кроме того, бассейн реки Удихэ, который естественным образом должен был принадлежать Китаю, был определен как ожидающий своего размежевания. Помимо того, Россия получила множество серьезных торговых выгод.

Факты свидетельствуют, что царская Россия — агрессор, Китай — жертва агрессии. Китайско-русский «Нерчинский договор» торжественно заключен в результате равноправных переговоров. Китай в тех исторических условиях не мог не пойти на серьезные уступки, а царская Россия из этого извлекла для себя серьезные выгоды.

Что касается китайской стороны, то победа в военном отпоре у Якса в конечном счете привела к тому, что царская Россия-агрессор вернула Китаю часть захваченных ею земель, прекратила попытки царской России войти в сговор с главарями джунгарских бунтовщиков, что привело к установлению мира на границах Северо-Востока, заложило основы для нормализации взаимоотношений двух государств, что не может не вызывать радости.

В войне за Якса цинская армия смогла достичь победы прежде всего потому, что война носила справедливый ха-

рактер и была горячо и активно поддержана местным населением пограничных районов. Во-вторых, потому что цинская армия еще до начала военных действий сумела провести достаточно всестороннюю подготовку. В-третьих, потому что в деле руководства военными действиями цинская армия использовала тактику, которая заключалась в следующем: сначала организовать внешнее кольцо окружения; затем, выдвигаясь по суше и по воде, окружить с трех сторон, с одной стороны отрезать все коммуникации, не допустив подхода к нему помощи извне. Это привело к тому, что армия агрессора оказалась в Якса в полной изоляции, что позволило нанести по агрессору решающий удар, добившись победы в войне».

ГЛАВА 4
200-ЛЕТНЯЯ «ПАУЗА»

Статус-кво в военно-политических отношениях между Россией и Китаем

Активная политика России на Дальнем Востоке в начале XIX века настоятельно требовала решения вопроса о пограничном размежевании с Цинским Китаем. Нерешенность этого вопроса препятствовала дальнейшему освоению Приамурья и развитию этого края. По мере расширения российско-китайской торговли и дальнейшего освоения русскими Приморья, Камчатки, Северной Америки вопрос о судоходстве по Амуру становился все более актуальным.

В начале 1805 года в Китай была снаряжена большая миссия во главе с сенатором графом Ю.А. Головкиным. Чрезвычайный и полномочный русский посланник должен был поставить перед цинской стороной целый ряд вопросов, связанных с развитием русско-китайской торговли. В полученных от Сената инструкциях Головкину поручалось «всеми средствами убедить китайское правительство, чтобы оное позволяло проходить по реке Амуру ежегодно хотя нескольким судам нашим». Взамен Головкин мог обещать цинской стороне любые льготы в торговле, но не в сфере территориального размежевания. В инструкции указывалось, что в связи со сложной ситуацией в Европе России затруднительно «отделить к китайской границе хотя небольшой корпус войск», и потому «раз-

граничение легко может быть учинено к крайнему вреду интересов наших»[130].

Несколько месяцев, с октября 1805 года вплоть до января 1806 года, посольство Ю. Головкина провело на границе в спорах с цинскими пограничными властями по протокольным вопросам. Пройдя через эти препоны, Головкин и его посольство прибыли в Ургу. Русский посол категорически отказался исполнить унизительный церемониальный обряд «коутоу» (три коленопреклонения и девять челобитий) и через месяц вернулся в Кяхту. Миссия была сорвана, хотя русский Сенат впоследствии полностью одобрил поведение русского посла. Летом 1806 года он был отозван из Сибири в Петербург. В секретном письме министра иностранных дел А.Я. Будберга Сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю в связи с отзывом Головкина сообщалось: «Я заключу сие письмо повторением, что государь император ничего так не желает, как сохранить дружественное согласие с двором китайским»[131].

После возвращения посольства Ю.А. Головкина из Сибири русское правительство надолго отложило вопрос о Приамурье. Оно было занято главным образом бурными, судьбоносными событиями, происходившими в Европе и связанными с именем Наполеона.

Вопрос о разграничении в Приамурье стоял в стороне и в системе внешнеполитических приоритетов Цинской империи. Фактически этот регион был своеобразной нейтральной зоной между двумя империями. По сообщению генерал-майора К.К. Венцеля, командующего русскими войсками Восточной Сибири, цинские власти имели «весьма ограниченные сведения об этих местах, чем подтверждают прежде носившиеся слухи, что со стороны тамошнего управления обращается весьма слабое внимание на эту часть края, где если и появляются иногда незначительные китайские чиновники, то большею частью для каких-нибудь своих выгод»[132].

---

[130] Цит. по: Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 131–132.

[131] Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы. Т. I. (1803–1807). М., 1995. С. 636–637.

[132] Цит. по: Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 145.

Отношения между русскими и цинскими караулами и заставами, несшими службу по охране пограничной линии между двумя империями в начале XIX века, были в целом нормальными. В основном китайская пограничная охрана занималась пресечением попыток местных жителей из числа некитайских народов перейти на российские земли и вступить в российское подданство. Пограничные караулы двух сторон встречались вместе, дружески общались в неформальной обстановке.

По донесению командующего Сибирской линией Г. Глазенапа министру иностранных дел Н.П. Румянцеву от июня 1808 года, китайские пограничные чиновники в знак дружеского расположения к русским пограничникам разрешали даже «пропущать наших казаков для рыбной ловли и внутрь китайской территории»[133].

В ответ на это донесение российский министр иностранных дел, после соответствующего доклада императору, поддержал приказание Г. Глазенапа воздерживаться от принятия приглашений китайцев. Н.П. Румянцев писал:

«В числе доказательств доброго расположения к нам китайского правительства, конечно, служить может приглашение, сделанное их чиновниками казачьему урядннку приходить к ним и за границу для рыбной ловли. Но его величество совершенно изволил одобрить запрещение, сделанное вашим превосходительством, пользоваться дружеским приглашением китайцев. Тем паче, что такие переходы взаимно запрещены трактатами, существующими между Российскою и Китайскою империями. И хотя остаются иногда без дельных замечаний по соседственной дружбе пограничных начальников, но могут быть поводом к неприятным притязаниям, как тому нередко уже были примеры»[134].

Предупреждения русского правительства о строгом соблюдении пограничных договоренностей с Китаем не были лишены основания. В то самое время, когда посольская миссия Ю.А. Головкина подвергалась унизительным бюрокра-

---

[133] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) Ф. СПб. Главный архив. 1–9. Оп. 8. 1806–1808 гг. Д. 2. Л. 105–105 об.

[134] АВПРИ Ф. СПб. Главный архив. 1–9. Оп. 8. 1806–1808 гг. Д 2. Л. 107–107 об.

тическим проволочкам на границе Цинской империи и в Урге, китайские пограничные караулы были приведены в состояние повышенной готовности.

В донесении императору Юн Яню 10 февраля 1806 года ургинские пограничные правители Юндендорж и Фухай и командующий чахарским корпусом Восьмизнаменных войск Фэркэнгэ докладывали: «В недавно изданном поучительном указе императора сказано: Невозможно предугадать, какие необдуманные и вздорные поступки от стыда и злобы могут совершить русские после того, как их возвратят обратно. Поэтому повелеваю Юндендоржу и прочим отправить секретные распоряжения всем караулам, находящимся на границе, а также по пути следования (возвращающегося посольства) о соблюдении повышенного внимания и осторожности и т.д.

Во исполнение указа императора мы, ваши ничтожные слуги, посовещались и пришли к заключению, что, хотя русские, действительно, не смогут затеять какое-либо дело, однако необходимо принять секретные меры предосторожности... Осенью мы, ваши ничтожные слуги, еще раз произведем проверку караулов, при этом чиновникам и солдатам будет дано указание по-прежнему поддерживать с русскими дружеские отношения»[135].

Подобные меры предосторожности на границе, принятые китайцами во время пребывания в Урге посольства Ю. Головкина, сохраняли свою актуальность и впоследствии. Так, в октябре 1806 года Юндендорж и Фухай доложили императору Юн Яню о посылке двух групп «хороших и толковых» чиновников для проверки всех 47 пограничных караулов. Этим чиновникам было приказано «как можно тщательнее произвести проверку караулов. И даже если вне караулов русские ведут себя по отношению к нам весьма почтительно и мирно и ничего не затевают, повсеместно довести до сведения караульных офицеров и чиновников следующий приказ: по-прежнему поддерживая с русскими дружеские отношения, принять секретные меры пре-

[135] Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) Монголии. Ф. М–1. Д 681. Л. 9–12.

досторожности, вести себя осмотрительно во время отыскания следов (пропавшего скота), охраны рек, а также при исполнении любого другого казенного дела»[136].

Таким образом, общее состояние отношений между Россией и Китаем вдоль линии границы характеризовалось формально дружественным характером, хотя по существу эти отношения носили на себе общий отпечаток недоверия, что было характерно для всего комплекса военно-политических отношений двух империй.

К середине XIX века военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке резко изменилась, что не могло не отразиться на развитии российско-китайских отношений.

Первая «опиумная» война 1829—1842 гг. Англии против Китая завершилась подписанием неравноправного Нанкинского договора. Эта война, выявившая полнейшую политическую и военную слабость Цинской империи, означала, что в качестве активных игроков на внешнеполитической арене Дальнего Востока появились западные державы. В этих условиях нерешенность Амурского вопроса в отношениях между Россией и Китаем была чревата большими и опасными осложнениями.

Очевидная необходимость для России решения вопроса об Амуре ставила в повестку дня изучение и исследование этого отдаленного края. Целый ряд экспедиций русских мореходов, ученых и исследователей в районе Приморья и Приамурья в первой половине XIX века не только способствовали «открытию» новых земель, но и привели к созданию определенных «мифов» и предубеждений. В частности, было установлено, что Амур не судоходен, а Сахалин — это полуостров. Такого рода «открытия» способствовали тому, что достаточно долго на высшем политическом уровне господствовала точка зрения о нецелесообразности присоединения Амура к России в принципе.

Этот взгляд, основанный на результатах исследований Лаперуза и Крузенштерна, отстаивали канцлер К.В. Нессельроде, военный министр А.И. Чернышев, директор Азиатского департамента МИД Л.Г. Сенявин и др. Генерал-

[136] ЦГИА Монголии. Ф. М — 1. Д 681. Л. 291—292.

губернатор Западной Сибири князь А.М. Горчаков считал, что «Амур для России лишнее, что неизмеримые дебри от Якутска до Камчатки и к Охотскому побережью являют собой границу, не требующую охранения, и, что важнее, отстраняют жителей Сибири от непосредственного прикосновения к иностранцам, которое легко могло бы обратиться в дело пагубной пропаганды и в путь существенного вспомоществования беспорядку»[137].

На противоположных позициях стояли патриотически настроенные политические и военные деятели России XIX века. Они видели в богатейших малоосвоенных районах Приамурья богатейшую кладовую природных ресурсов и богатств, которую можно было поставить на службу России.

Осенью 1816 года бывший иркутский гражданский губернатор А.М. Корнилов представил управляющему министерством иностранных дел К.В. Нессельроде записку о границах России с Цинской империей. В ней, в частности, обосновывалась необходимость иметь Амур в качестве линии границы с Китаем:

«I. Для самого Китайского государства должна быть немалая польза от заселения северного берега Амура российскими промышленниками, посредством которых южные порты, от Китайского правительства к торговле назначенные, получили бы для необходимостей народных в промен на их избытки такие их товары, которые прежде и в состав торговли не входили...

II. Российское государство было бы тогда совершенно удовлетворено в рассуждении сих границ, следовательно, не могло бы никогда завлечено быть в необходимую войну, которая со временем может сделать потрясение внутреннему правлению великой и примерной Китайской империи. По какой же причине и из чего? Из земли, которая лежит впусте и никакой пользы Китайской империи не приносит, а России принадлежит от древних времен. Всякий со здравым рассудком усмотреть может, которая сторона должна тогда отчет всевышнему за вражду сию, если оная по необходимости произойдет.

---

[137] Цит. по: Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 154.

III. Все естественного богатства реки Амура ныне гибнет от руки времени, а тогда обратилося бы оно на пользу человечества и на пользу обоих государств»[138].

Серьезным толчком, побудившим российское правительство активно заняться проблемами Приамурья и Приморья, стала записка генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта от 7 марта 1846 года на имя императора. В ней он писал: «Обладание Амуром во всяком случае неизбежно для России, и рано или поздно оно должно осуществиться. Амур необходим для Восточного края России, как необходимы берега Балтийского моря для Западного ее края, необходим, как для расширения наших торговых связей с Китаем и вообще с Востоком, как для решительного утверждения русского флага над Северными водами Восточного океана, так и для быстрейшаго и правильнейшаго развития естественных богатств Восточной Сибири, всего этого огромного пространства земель от верховьев Оби до Восточного океана»[139].

Одним из главных и самых активных поборников идеи присоединения Приамурья к России стал новый генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, назначенный на эту должность в 1847 году. Молодой и энергичный военачальник и администратор, он требовал «безотлагательно приступить к занятию устья Амура, или со дня на день должно ожидать, что оно с юга должно быть занято другими». По мнению Муравьева, «занятие устья Амура иностранцами столь было бы пагубно для польз государства, что нам непременно должно будет выгнать оттуда силою новых пришельцев и, следовательно, объявить войну той державе, к которой они будут принадлежать, т.е. Америке, или Франции, или Англии; но нет почти никакого сомнения, что это совершится последнею»[140].

В 1849 году Н.Н. Муравьев в своей записке «Причины необходимости занятия устья р. Амура...» писал: «Могу ска-

[138] АВПРИ.Ф. СПб. Главный архив. П-3. Оп. 34. 1805–1830 гг. Д. 4. Л. 26–27.

[139] Цит. по: Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 102.

[140] Цит. по: Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 154.

зать, что, кто будет владеть устьями Амура, тот будет владеть и Сибирью, по крайней мере до Байкала, и владеть прочно: ибо достаточно иметь устье этой реки и плавание оной под ключом, чтобы Сибирь, и более населенная и цветущая земледелием и промышленностью, оставалась неизменной данницею и подданною той державы, у которой будет этот ключ»[141].

29 января 1849 года в Петербурге был образован Особый комитет, который постановил отправить специальную экспедицию для осмотра Охотского побережья и устья Амура. Именно в Особом комитете шла выработка политики России в отношении Приамурья. Однако заслуга реального исследования Приамурья и закрепления его за Россией принадлежит, безусловно, великому патриоту русскому, морскому офицеру капитан-лейтенанту Г.И. Невельскому. В ходе экспедиции в 1849 году он доказал, что Сахалин, вопреки установившимся взглядам, является островом, отделенным от материка проливом, пригодным для плавания судов; вход в Амур возможен и с юга, и с севера; устье Амура еще не занято ни одной иностранной державой, включая Китай.

Особое совещание на заседании в феврале 1850 года не поверило докладу Г.И. Невельского. В итоге обсуждения было решено направить специальную экспедицию во главе с Г.И. Невельским в Приамурье для его исследования.

Г.И. Невельской со своей экспедицией подробно исследовал устье Амура, основал несколько военных постов. 29 июня 1850 года на северном берегу устья Амура в гавани Счастья было основано первое русское зимовье Петровское. В июле 1850 года Невельской на мысе Куегда в устье Амура основал военный пост Николаевский (ныне — Николаевск-на-Амуре) и объявил новые земли территорией России. 1 августа 1850 года там был поднят русский военно-морской флаг. В Николаевском были оставлены 10 человек во главе с прапорщиком П. Поповым[142].

---

[141] Цит. по: Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 103.

[142] Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 104.

В декабре 1850 года Невельской был вновь вызван на заседание Особого комитета, на котором его обвинили в превышении своих полномочий, что грозило ему разжалованием в матросы. Император Николай I в споре между Нессельроде, призывавшем снять Николаевский военный пост и наказать Невельского, и Муравьевым, защищавшем Невельского, поддержал последнего. Он назвал поступок русского моряка «благородным и патриотическим» и заявил, что «где раз поднят русский флаг, он уже опускаться не должен».

В итоге на совещании было решено оставить Николаевский пост, а экспедицию, возглавляемую Невельским, назвать Амурской и поставить под контроль Н. Муравьева.

В ходе работы Особого совещания неоднократно возникал вопрос о возможной реакции Цинского Китая на русскую активность в районе Приморья и Приамурья. С этой целью было решено предложить китайскому правительству начать переговоры о мерах по обеспечению безопасности нижнего Амура и Сахалина от посягательств иностранцев.

17 февраля 1851 года в Лифаньюань было направлено послание, предупреждавшее об опасности захвата неразграниченных районов иностранными государствами: «Овладение устьем Амура или занятие в тех местах пункта какой-либо морской державою не может быть нами терпимо, так как Амур вытекает из наших пределов, и притом самые земли, от р. Уди к востоку лежащие и, следовательно, примыкающие к устью Амура, по трактату нашему с Китайской империей оставлены неразграниченными. Поэтому существенные выгоды как Китая, так и России требуют, чтобы никакие иностранные суда не могли иметь выход в Амур и плавать по этой реке и чтобы устье оной не принадлежало никакой сторонней державе. Все это дружески сообщается китайскому правительству на дальнейшее его размышление, и не признает ли оно полезным войти с нами в согласие насчет обезопасения устья помянутой реки и противулежащего острова от всяких покушений на сии места иностранцев — чего, по-видимому, требовала бы взаимная безопасность наших и ваших в тех местах пределов»[143].

---

[143] Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М., 1973. С. 93.

Никакого ответа на русское предложение со стороны Пекина не последовало.

Для защиты Приамурья от посягательств на него иностранных держав Россией принимались активные меры по укреплению обороноспособности Дальнего Востока. По инициативе Муравьева было принято решение о переносе основной базы Сибирской флотилии из Охотска в Петропавловск-на-Камчатке. На Камчатке было образовано военное генерал-губернаторство. С этой же целью были образованы Кяхтинское градоначальство (20 июня 1851 года), Забайкальская область (11 июля 1851 года), сформировано Забайкальское казачье войско (17 марта 1851 года)[144]. К середине 1853 года в Приамурье и Приморье было учреждено пять русских военных постов, кроме того два русских поста были основаны на Сахалине.

В 1853 году между западноевропейскими державами и Россией возникли разногласия по так называемому «восточному вопросу» — вопросу раздела Османской империи на сферы влияния. Эти разногласия в октябре того же года привели к Крымской войне. В марте 1854 года Англия и Франция объявили войну России. Все силы и внимание императорской России с этого момента были сосредоточены на событиях, происходивших на ее южных рубежах. Дальний Восток, отношения с Китаем — все это фактически выпадало из поля зрения российского правительства.

Однако именно в этот период Н.Н. Муравьев направил на имя генерал-адмирала великого князя Константина конфиденциальную записку, в которой изложил свое мнение по поводу начавшейся войны. Он считал, что даже совместные действия Турции и западноевропейских держав не представляют серьезной угрозы для Европейской России; «но на крайнем востоке, — отмечал Муравьев, — наше дело иное: Авачинская губа в Камчатке, устья Амура и плавание по этой реке могут быть силою отторгнуты от России. Соседний многолюдный Китай, бессильный ныне по своему невежеству, легко может сделаться опасным для нас под

[144] Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 105.

влиянием и руководством англичан и французов, и тогда Сибирь перестанет быть русскою; а в Сибири кроме золота важны нам пространства, достаточные для всего излишества земледельческого народонаселения Европейской России на целый век; потеря этих пространств не может вознаградиться никакими победами и завоеваниями в Европе»[145].

В соответствии со своими представлениями Н.Н. Муравьев предлагал перебросить по Амуру к Тихоокеанскому побережью военные силы, достаточные для «укрепления берегов и портов при устьях Амура и в Камчатке»: 500 человек в Петропавловск и отряд с четырьмя горными орудиями на Амур. В случае высадки десанта противника Муравьев предполагал «в то же лето спустить по Амуру два батальона и несколько сотен конных казаков с надлежащею артиллериею, выгнать неприятеля с берегов Амурских и Татарского залива, а потом посредством пароходного же сообщения перевезти достаточные силы по Охотскому морю к Большерецку, не выходя в Восточный океан, и выгнать неприятеля и из Петропавловского порта»[146].

Особый комитет, рассмотрев предложения Н.Н. Муравьева, разрешил осуществить сплав русских войск по Амуру, уведомив об этом Цинский двор.

14 апреля 1854 года Муравьев отправил в Пекин письмо, извещавшее о предстоящем плавании русских судов по Амуру, необходимом для предупреждения агрессии западноевропейских держав, «питающих враждебные замыслы на наши приморские владения». Не дождавшись ответа от китайской стороны, 14 мая того же года начался сплав русских судов. В экспедиции участвовали: пароход «Аргунь», 5 лодок, 4 вельбота, 18 баркасов, 13 барж, 8 плашкоутов и 29 плотов[147].

Ровно через месяц экспедиция во главе с Муравьевым прибыла в Мариинский пост. Прибывшие воинские силы

---

[145] Цит. по: Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 161.

[146] Цит. по: Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 161.

[147] Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. М., 1996. С. 268.

были распределены следующим образом: 350 человек были отправлены в залив Де-Кастри, откуда на транспортных судах они должны были убыть в Петропавловск; 100 казаков и горная батарея из 4 орудий были оставлены в Мариинском посту; оставшиеся 150 человек были отправлены в Николаевский пост[148].

20 августа 1854 года объединенная англо-французская эскадра из семи кораблей попыталась захватить Петропавловск. Гарнизон русской крепости вместе с прибывшим подкреплением насчитывал 921 человека. Превосходство противника по артиллерии было почти десятикратным. Однако попытки англо-французской эскадры овладеть городом путем высадки десанта провалились. Понеся большие потери, противник был вынужден 27 августа покинуть Авачинскую бухту.

Поражение при осаде Петропавловска было воспринято в Англии и Франции как оскорбление. Их военные флоты бороздили воды Тихого океана, нападали на русские военные корабли и суда.

Весной 1855 года был осуществлен второй русский сплав по Амуру, который подразделялся на три рейса. В общей сложности 113 баржами было доставлено 2500 солдат, орудия, множество других военных грузов, а также 481 переселенец. Новые переселенцы основали на берегах Амура деревни Иркутскую, Богородскую, Михайловскую, Ново-Михайловскую, Сергиевскую и Воскресенскую. Напротив Мариинского поста казаки основали станицу Сучи[149].

Цинскому правительству заранее было сообщено, как и в прошлый раз, о сплаве русских судов по Амуру. 18 февраля 1855 года Муравьев отправил послание в Лифаньюань: «Продолжающиеся военные действия наши с Англией обнаружили их замысел завладеть нашими приморскими восточными местами и островами, а также, прорвавшись чрез приморское устье р. Сунгари-Ула, совершенно проникнуть

---

[148] Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. М., 1947. С. 296.

[149] Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. М., 1947. С. 321.

в Амур. Для достижения сего своего намерения они (англичане) в лете минувшего года, приехав на шести военных кораблях, уже нападали на нашу Камчатку, но были отражены и прогнаны». Далее Муравьев доводил до сведения цинского правительства свою задачу: «Взяв достаточное количество войска, больших и малых пушек и прочих припасов, тотчас по вскрытии рек отправиться к морю и истребить коварных и своекорыстных англичан»[150].

Китайской стороной русские объяснения благосклонно принимались к сведению. Местные власти не только не препятствовали действиям русских, но и достаточно активно помогали им. В частности, в китайском населенном пункте Айгунь на берегу Амура осуществлялся ремонт русских барж. Муравьев доносил императору, что китайцы оказывали содействие в продвижении русских войск, снабжали их провизией, лошадьми, провожатыми и при этом отказывались брать вознаграждение, ссылаясь на запрещение вести торговлю с иностранцами на Амуре, но охотно принимали подарки[151].

В июне 1855 года император Александр II поручил генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву вступить в переговоры с цинскими представителями с целью заключения нового договора о русско-китайском территориальном размежевании на Дальнем Востоке. В сентябре того же года такие переговоры состоялись в Мариинском посту, где тогда находился сам Муравьев. Цинским представителям были изложены основные взгляды России на судьбу Приамурья и российско-китайских отношений в целом. В этой связи Муравьев заявил, что «все места, для этой цели (имеется в виду оборона от иностранного проникновения) занятые нами там, и весь приморский край должны окончательно остаться во владении России». В то же время, как подчеркнул Н.Н. Муравьев, «Россия сохранила дружескую связь с Дайцинским государством и, искренно желая продолжения с ним мира, заботится только об обеспечении сво-

---

[150] Цит. по: Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 161.

[151] Цит. по: Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. М., 1996. С. 269.

их границ от иностранцев и, желая разграничения с Китаем, исполняет долг государства, для которого определенность границы есть дело высокой важности»[152].

Весной 1856 года, когда открылась навигация по Амуру, Муравьевым был организован третий сплав русских судов, численность которых достигла 110. Сплав проходил под руководством подполковника Н.В. Буссе. Результатом этой экспедиции стало образование еще трех русских военных постов на берегах Амура. Процесс освоения и заселения Приамурья и Приморья русскими набирал силу. В 1857 году на Амуре возникло 15 казачьих станиц: Игнашина, Сгибнева, Албазинская, Бейтоновская, Толбузина, Ольгинская, Кузнецова, Аносова, Кумарская, Казакевичева, Бибикова, Усть-Зейская (позднее — г. Благовещенск), Иннокентьевская, Касаткина, Пашкова. Летом 1858 года на Амуре и Уссури появилось 35 новых русских селений, из которых 6 находились выше Благовещенска, 4 — на Уссури и 25 — между Благовещенском и Хабаровском[153].

По мере того как Дальний Восток становился объектом экспансии западноевропейских держав, возрастала актуальность решения вопроса о территориальном размежевании между Россией и Китаем. По взаимному соглашению сторон такие переговоры между двумя империями было решено провести в Айгуне.

11 мая 1858 года начались русско-китайские переговоры о границе. Русскую сторону на них представляли: генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев, пристав Российской духовной миссии в Пекине П.Н. Перовский, подполковник Генерального штаба К.Ф. Будогосский, секретарь Е.К. Бютцов, переводчик — губернский секретарь Я.П. Шишмарев. Цинскую делегацию возглавляли: хэйлунцзянский цзянцзюнь И Шань, в качестве секретаря — помощник дивизионного командира Айжинда, айгуньский амбань Джираминга. Китайцы приветство-

[152] Цит. по: Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 164—170.

[153] Цит. по: Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М, 1983. С. 170.

вали русскую делегацию артиллерийским салютом, русские ответили тремя выстрелами из полевых орудий.

Переговоры шли трудно, обе стороны, естественно, стремились достичь максимальных для себя выгод. Однако внешний фактор — захватнические устремления западных держав — способствовал достижению договоренностей. Результатом переговоров стало подписание 16 мая 1858 года Айгуньского договора, в соответствии с которым левый берег Амура до его устья был признан русским, а Уссурийский край был признан находящимся в общем владении двух государств.

Таким образом, русско-китайские отношения в военной области в начале XIX века, как и на протяжении почти целого предшествующего века, оставались в целом и в общем нейтральными. Фактически никаких подвижек к сближению не было достигнуто, однако и конфронтационный потенциал военно-политических взаимоотношений практически отсутствовал.

На границе между Российской и Китайской империями поддерживались спокойные, внешне дружественные отношения. Однако уровень доверия и искренности в этих отношениях был крайне низким. Пограничная охрана двух сторон проявляла бдительность и принимала меры к недопущению провокаций.

Позиция русского правительства в отношении проблемы Амура в первой половине XIX столетия не была постоянной. Она менялась в зависимости от экономического состояния страны и международной обстановки. Однако для российской стороны было характерно стремление разрешить возникшую погранично-территориальную проблему дипломатическим путем. Отказ от военных или иных методов давления, миролюбивая и добрососедская политика России возобладали в конце концов над позицией цинского руководства, что нашло свое отражение в начавшемся в середине XIX века погранично-территориальном размежевании между Россией и Китаем в Приамурье и Приморье.

Известный российский дипломат и специалист по Китаю А. Максимов в своей работе «Наши задачи на Крайнем Вос-

токе» дал глубокую оценку деятельности Муравьева-Амурского по укреплению дальневосточных рубежей России:

«Благодаря появлению нового политического деятеля, Н.Н. Муравьева (впоследствии графа Амурского), хорошо понявшего, как надо держать себя с высокомерным и в то же время крайне нерешительным, трусливым китайским правительством, наш слабый, уступчивый, полный заискивания и нередко даже лишенный достоинства образ действий неожиданно изменился в решительный, настойчивый, энергичный.

Генерал Н.Н. Муравьев, ознакомившись с характером китайцев, пришел к заключению, что лучший способ действия с этим двуличным народом — самая упорная настойчивость, опирающаяся на силу. Он отлично знал, что китайцы легко доходят до дерзости, когда видят, что боятся их раздражить, и делаются робкими и уступчивыми при должном проявлении силы, достоинства, энергии и настойчивости. Новый деятель на поприще нашей политики с Китаем хорошо раскусил народ, с которым он имел дело. Проявляя необыкновенную решительность в своих действиях, настойчивость в требованиях и энергию при устранении всех лежавших на пути препятствий, генерал Н.Н. Муравьев разом поднял на крайнем Востоке совершенно стертое временем обаяние русского имени, быстро достиг неожиданного и беспримерного успеха.

Замечательно, что генерал Н.Н. Муравьев решился покончить с амурским вопросом в самое критическое для России время, когда, имея уже дело с сильнейшими врагами, ей должно было быть особенно осторожной с соседним государством, имевшим с ней более пяти тысяч верст общей границы и находившимся, кроме того, уже под влиянием наших европейских врагов. Занятием Амура в эту самую минуту Н.Н. Муравьев указал тот единственный способ действий, который может иметь успех при сношениях с Китаем»[154].

Проблема разграничений в Приамурье в рассматриваемый период не находилась в центре внимания цинского

---

[154] А.Я. Максимов. Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. СПб., 1901.

правительства. Амур географически, экономически и политически лежал в стороне от магистральных путей развития Цинского Китая. Происходившие на его берегах события мало касались интересов Пекина. Фактически этот регион был своеобразной нейтральной зоной между двумя империями.

С появлением на Дальнем Востоке «третьей силы» — активной завоевательной политики западных держав — для России стало принципиально важным скорейшее и выгодное для России размежевание в Приморье и Приамурье. Политический «вакуум» в этих отдаленных местах Российской империи создавал потенциальную опасность появления там английских или иных колоний или протекторатов. Такой поворот событий мог бы в корне поломать систему политического равновесия на Дальнем Востоке и неизмеримо осложнить военно-политическую обстановку в том регионе.

Россия с честью смогла достичь своей цели размежевания с Китаем по Амуру. Многолетнее состояние статус-кво на границе, удовлетворявшее обе стороны в прошлом по дипломатическим соображениям, теперь явно препятствовало экономическому, социальному, демографическому и культурному развитию Приамурья и Приморья. И только Айгуньский договор 1858 года, хоть и не окончательно и не полностью, но положил начало пограничному размежеванию по Амуру и Уссури.

Военные аспекты миссии Е.В. Путятина и Н.П. Игнатьева

Западные державы, и прежде всего Англия, уже с конца XVIII в. начали активные попытки налаживания дипломатических и торговых отношений с Цинским Китаем. Преследуя свои собственные колониальные цели, они стремились закрепиться в Китае, превратив его в огромный рынок сбыта опиума. Первая «опиумная» война 1840—1842 гг. привела к тому, что европейские державы и США начали навязывать Китаю неравноправные договоры, превращая его в огромную полуколонию.

Грабеж Китая иностранными государствами и почти 200-летнее господство маньчжурских феодалов внутри страны вызвали рост национального сознания китайского народа, явились предпосылками Тайпинского восстания.

В 1854 году Англия, Франция и США предъявили Китаю новые требования о пересмотре заключенных ранее договоров, предоставлении западным державам права неограниченной торговли по всей территории Китая, официальном разрешении торговли опиумом. Цинское правительство отказалось удовлетворить эти ультимативные требования.

Англия и Франция, вовлеченные в это время в войну с Россией, не решились начать войну одновременно и против Китая. Только после того как в 1855 году был заключен Парижский мир с Россией, Англия и Франция смогли нарастить свои военные и дипломатические усилия на китайском направлении.

В октябре 1856 года Англия начала военные действия против Китая, которые получили название второй «опиумной» войны. Позднее к англичанам присоединились французы.

На этом международном фоне развивались отношения между Россией и Китаем в середине XIX в.

С одной стороны, и Россия, и Китай оказались в тот период объектами агрессивных действий Англии и Франции (хотя и по различным поводам и причинам). Исходя из общности стратегических позиций в отношении Англии, Россия предлагала свою военную помощь китайской стороне, однако Пекин принципиально не пошел на развитие стратегических связей со своим северным соседом. Очевидно, это была крупная ошибка Китая.

С другой стороны, Россия, будучи серьезной политической силой на мировой арене, попыталась использовать в своих геополитических интересах ситуацию в Китае, втянутом во вторую «опиумную» войну. Россия в активности Англии в Китае обоснованно видела непосредственную угрозу своим интересам на Дальнем Востоке.

О планах английской военной экспедиции в Китай стало известно из доклада в Петербург российского морского агента в Лондоне и Париже графа Е.В. Путятина. По насто-

янию морского министра, начальника Главного морского штаба генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, с учетом создавшейся обстановки в начале 1857 года Путятин был назначен посланником и полномочным министром к китайскому императору. Ему ставилась задача «вытребовать у маньчжурского правительства те же права и преимущества, какие будут даны другим державам, и заодно покончить пограничные вопросы на Амуре и в Киргизской степи»[155].

Генерал-адъютант вице-адмирал Евфимий Васильевич Путятин, профессиональный военный моряк и опытный дипломат, получил задачу осуществить эту миссию не случайно. С одной стороны, он обладал богатым и успешным опытом военно-дипломатической работы в Англии, имел определенные связи в высшем военно-политическом руководстве этой страны. С другой стороны, Путятин имел опыт работы на Дальнем Востоке, в 1852—1855 гг. возглавлял российскую миссию по установлению дипломатических и торговых отношений с Японией. В 1855 году ему был присвоен графский титул.

Е. Путятин выехал с миссией в Китай через Сибирь в феврале 1857 года, однако был остановлен в Кяхте местными китайскими властями, отказавшимися пропустить его далее без разрешения высших властей. Требования Путятина пропустить его и предоставить ему для этой цели лошадей были проигнорированы. Тогда Е. Путятин, прождав до 15 мая и убедившись в невозможности продолжать путешествие сухопутным путем, на пароходе «Америка» спустился по Амуру и прибыл в Печилийский залив.

Прибыв в Китай, Путятин вновь попытался установить отношения с пекинскими властями, добиваясь от них разрешения на проезд в столицу. На все заявления российской стороны был получен ответ, что «какие бы то ни было переговоры с русским посланником по пограничным вопросам излишни, проезд же его в Пекин — невозможен». Китайские представители отказались также принимать какие-либо

---

[155] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 1.

документы от Путятина, сославшись на то, что письменные сношения должны вестись только через Кяхту. Потратив почти год на попытки установления самостоятельных контактов с руководством Китая, Путятин присоединился к посланникам Англии, Франции и США в Тяньцзине.

Стремясь ослабить давление на Китай со стороны западных держав, Е.В. Путятин предложил Цинскому двору помощь в реорганизации вооруженных сил. В официальном сообщении от 28 (16) апреля Е. Путятин писал: «Китайское правительство должно видеть из теперешних неприязненных действий с европейцами, что войско его с употребляемым ныне оружием не в состоянии противиться военным силам западных держав и что ему необходимо изменить все свое военное устройство, если не хочет, чтобы Китай подпал совершенному влиянию иностранцев. Россия готова для этого помочь Китаю приобрести разные нужные ему военные материалы, и если бы Пекинский кабинет понял важность этого предложения, то наше правительство могло бы оказать ему большую услугу, прислав нескольких хорошо знающих военное искусство офицеров, которые бы научили китайцев всем новым усовершенствованиям в военном деле и тем предохранили бы Китай от беспрерывных новых на него нападений иностранных народов»[156].

Чтобы решить исход войны, в начале 1858 года англо-французские войска двинулись на север из района Гуанчжоу и в мае заняли крепость Дагу и Тяньцзинь. Цинское правительство было вынуждено покориться, и в июне того же года в Тяньцзине были подписаны договоры обеих европейских держав с Китаем. В те же дни в Тяньцзине договоры с Китаем подписали, воспользовавшись удобным моментом, США и Россия. При этом их позиции были более умеренными, чем ультимативные требования Англии и Франции.

В соответствии с подписанным (1)13 июня 1858 года договором Россия получала целый ряд прав и льгот на разви-

---

[156] Цит. по: А.Н. Хохлов. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 210.

тие отношений с Китаем. В частности, в статье 12 определялось: «Все права и преимущества политические, торговые и другого рода, какие впоследствии могут приобретать государства, наиболее благоприятствуемые китайским правительством, распространяются в то же время и на Россию, без дальнейших с ее стороны по сим предметам переговоров».

Вместе с тем договор России с Китаем отличался от аналогичных договоров трех других держав с Пекином стремлением установить справедливые равноправные отношения. Статья 1 провозглашала:

«Настоящим трактатом подтверждаются мир и дружба, с давних времен существовавшие между его величеством императором всероссийским и его величеством богдыханом дайцинским и их подданными.

Личная безопасность и неприкосновенность собственности русских, живущих в Китае, и китайцев, живущих в России, будут всегда состоять под покровительством и защитою правительств обеих империй»[157].

Договор с российской стороны подписал Е.В. Путятин, а с китайской — управляющий делами Уголовной палаты Гуй Лян и председатель Инспекторской палаты, дивизионный начальник тяжелого войска голубого знамени с каймой Хуа Шан.

Благодаря заключенному в Тяньцзине договору, Россия приобрела право ведения с Китаем торговли не только через Кяхту, но и морским путем через семь основных открытых портов на китайском побережье. В документе обговаривались также процедуры обмена дипломатическими посланниками, почтового обмена, детали деятельности Русской духовной миссии в Пекине.

В рамках переговорного процесса с представителями Цинской империи российский посланник выдвинул целый ряд инициатив военного плана. При этом Россия преследовала свою державную стратегическую цель — укрепиться на Дальнем Востоке и не допустить гегемонии Англии в

[157] Гримм.Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношении на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С. 55–58.

Китае. Достижение этой цели, по мнению В. Путятина, было возможно путем военного укрепления Китая перед лицом Англии и Франции.

Имея санкции императора, Е. Путятин уже через пять дней после подписания Тяньцзиньского договора между Россией и Китаем предложил китайской стороне послать 10 русских офицеров, «умеющих устраивать войска, воздвигать укрепления, лить орудия, делать порох, открывать и разрабатывать рудники, которые запущены и приносят мало дохода Китаю».

20 июня 1858 года российский посланник обратился к китайским уполномоченным для переговоров лицам с письменным предложением о военной помощи. Путятин обещал безвозмездно предоставить в распоряжение богдыхана в следующем 1859 году офицеров «для устройства войска и всей военной части» и крупной партии российского вооружения: 50 артиллерийских орудий и 10 тысяч нарезных ружей новейшего образца. По другим данным, Путятин предлагал китайской стороне не 50, а 60 крепостных орудий[158].

Путятин подчеркивал в своем документе, что «улучшенное оружие будет отнято англичанами, как случилось на этот раз в Дату, без подготовленных и обученных по-европейски солдат, устройства арсеналов и проч.»[159]. Он предложил китайской стороне отобрать 20 молодых и способных военнослужащих в возрасте 18–25 лет, которых российские инструкторы подготовили бы к занятию офицерских должностей, и тысячу молодых солдат. Это формирование могло бы стать костяком будущего «образцового войска под руководством наших офицеров». Для их вооружения Россия и обещала передать 10 тысяч нарезных ружей.

Артиллерийские орудия предназначались для установки в крепости Дату, которая должна была быть перестроена под руководством 5–6 российских военных специалис-

[158] Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент в январе 1861 г. генерал-адъютантом Н.П. Игнатьевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 г. СПб., 1895. С. 306.

[159] Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н.П. Игнатьева в 1859–1860 гг. С-Петербург, 1895. С. 6.

тов. Путятин писал в своем документе, что «теперь англичане и французы с 10 маленькими судами и 2 тысячами войск ворвались в Тяньцзинь, тогда же (т.е. после обучения русскими инструкторами китайцев) они не в состоянии будут этого сделать с тройным числом судов и 20-тысячным войском»[160].

В документе Путятина содержалось еще одно — внешнеполитическое — положение, которое российская сторона считала принципиально важным. Россия настаивала на скорейшем приеме в Пекине своего дипломатического посланника. Он должен был бы «указать и объяснить китайскому правительству, что должно ему делать для отклонения на будущее время новых требований англичан».

Пекин отреагировал необычайно быстро: ответ Путятиным был получен в тот же день. Гуй Лян и Хуа Шан «похвалили посланника за хорошую мысль» о военной помощи, однако они уклонились от разрешения российскому посланнику прибыть в китайскую столицу ранее послов других держав. В связи с этим российской стороной делался неофициальный вывод:

«Этот уклончивый ответ (китайской стороны) должен был бы указать русскому представителю ложность той великодушной политики, которую мы хотели применить к Китаю, вооружая его в ущерб собственным интересам и рассчитывая лишь на доверие, благодарность и пресловутую дружбу Дайцинского государства»[161].

Вернувшись в Петербург, Е. Путятин представил в министерство иностранных дел записку, в которой были развиты его соображения относительно будущих связей России с Китаем. В частности, он настаивал на необходимости скорейшей отправки в Китай российского посланника, обеспечив его прибытие туда еще до приезда послов других держав. Путятин предлагал принять ряд конкретных мер военного порядка: «Во-первых, купить для маньчжурского правительства обещанное им уже оружие; во-вторых,

---

[160] Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н.П. Игнатьева в 1859–1860 гг. С-Петербург, 1895. С. 6–7.

[161] Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н.П. Игнатьева в 1859–1860 гг. С-Петербург, 1895. С. 7.

откомандировать в Китай пять офицеров, инструкторов, для преобразования китайских войск и, в-третьих, послать в Тихий океан военные суда малого углубления для действий во внутренних водах Китая»[162].

Предложения Е. Путятина были рассмотрены и одобрены особым комитетом под личным председательством российского императора.

По рекомендации Е. Путятина и представлению директора Азиатского департамента российского МИД Ковалевского дальнейшими переговорами с Маньчжурским правительством и организацией проекта военной помощи Китаю должен был заняться полковник флигель-адъютант Н.П. Игнатьев.

Граф Николай Павлович Игнатьев — выпускник Николаевской академии Генерального штаба, бывший военный представитель России в Лондоне — находился в то время во главе российской военно-дипломатической миссии в Бухаре. В конце 1858 года, по возвращении в Петербург, Н. Игнатьев при первом же представлении императору был произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту и назначен чрезвычайным посланником в Китае на «трудное и щекотливое дело». Официально миссия Н. Игнатьева в Китае продолжалась два года — с 17 мая 1859 года до 21 августа 1861 года.

Вместе с Н.П. Игнатьевым в Китай было решено командировать в качестве военных инструкторов офицеров различных родов войск. В группу инструкторов были включены: штабс-капитан Семеновского полка Зейферт, поручик лейб-гвардии саперного батальона Зейме, капитан гвардии конной артиллерии Баллюзек, поручик Лишин, топограф Шимкович.

6 марта 1859 года Н.П. Игнатьев покинул Петербург и через Москву, Владимир, Пермь, Колывань к 4 апреля прибыл в Иркутск. Вновь, как и в случае с Путятиным два года назад, Игнатьев столкнулся с отказом местных властей пропустить его посольство без санкции Пекина. К концу апре-

---

[162] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 6.

ля Игнатьев получил известие о дипломатических неудачах русской стороны в Пекине.

В то время в китайской столице в качестве русского представителя находился статский советник Петр Перовский, который вместе с генерал-губернатором Восточной Сибири генерал-лейтенантом Н. Муравьевым еще 28 (16) мая 1858 года заключил с китайскими представителями Айгуньский договор о разграничении на Амуре. Китайское правительство после нескольких месяцев переговоров все-таки ратифицировало русско-китайский Тяньцзиньский договор, однако отказалось от ратификации Айгуньского договора и вообще отказалось вести какие-либо переговоры по вопросам, не имеющим отношения к Тяньцзиньскому договору. Когда П. Перовский указал китайской стороне на связь между ратификацией Айгуньского договора и присылкой в Китай крупной партии российского оружия, китайцы отказались и от военной помощи.

Взвесив сложившуюся обстановку, Н.П. Игнатьев принял самостоятельное решение отказаться от данных ему в столице инструкций. Транспорт, состоявший из 380 подвод, доверху нагруженных орудиями и ружьями Ижевского завода, был остановлен в Верхнеудинске. Сопровождавший вооружение офицерский инструкторский состав, кроме оставшегося в распоряжении Игнатьева Баллюзека, был передан в распоряжение генерал-губернатора. Артиллерийские орудия были отправлены в Новгородскую гавань, а затем — в Николаевск. Стрелковое оружие было передано сибирским батальонам, имевшим к тому времени на своем вооружении лишь гладкоствольные кремневые ружья.

Помимо этого, в Иркутское казначейство было передано 500 тыс. рублей, выданных Игнатьеву на «устройство военной части Китая».

Все эти меры впоследствии были одобрены российским императором.

В итоге военный характер миссии Н. Игнатьева в Китай лишался своего смысла, ему предстояло выполнять чисто дипломатические функции, сменив П. Перовского.

15 июня 1859 года посольство Н. Игнатьева торжественно въехало в Пекин. Через несколько дней русской сторо-

не было указано, что для ведения переговоров с ней выделяются начальник (главнокомандующий) трибунала внешних сношений Су Шунь и начальник (президент) уголовной палаты Жуй Чан.

Су Шунь, являясь родственником императора, имел неограниченное влияние при дворе. Он был враждебно настроен против иностранцев и иностранного влияния в целом, а против России — в особенности[163].

С самого начала китайская сторона заняла резко конфронтационную по отношению к российскому посланнику позицию, выразив недоумение как самим фактом визита, так и содержанием программы предполагаемых переговоров. Поведение Су Шуня и его напарника было надменным и грубым. Китайская сторона в ходе встреч с Н. Игнатьевым подчеркнула свой отказ от положений Айгуньского договора по территориальному размежеванию в Приамурье, отвергла российские поставки вооружения. Су Шунь заявил Игнатьеву:

«... Во всяком случае, наше правительство никогда не допустит Россию до каких-либо территориальных захватов в Маньчжурии; что же касается маньчжурских портов, которых нам, вероятно, придется лишиться впоследствии, то мы не видим причины, по которой мы должны уступить их России, а не какой-либо другой державе — например, Англии»[164].

Китайская позиция на переговорах в какой-то степени спровоцировала и соответствующую реакцию Н.П. Игнатьева, занявшего твердую, наступательную позицию. Стремясь сбить спесь с китайского представителя, российский посланник «объяснил ему, что при ведении переговоров с такой великой державой, как Россия, всякие воинственные выходки неуместны и неприличны». «Гранича с Китаем на протяжении 7 тысяч верст, — говорил уполномоченный, —

---

[163] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 16–17.

[164] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 18.

России легче, чем всякой иной морской державе, нанести Китаю сильный и чувствительный удар когда угодно и куда угодно»[165].

В обстановке роста антииностранных настроений внутри страны цинское правительство в январе 1859 года официально отказалось от приема русских инструкторов в Пекине, а в апреле того же года — от ружей и пушек, предложенных ей Е.В. Путятиным[166].

Оценивая уроки русско-китайских контактов по военным вопросам в этот период, барон А. Буксгевден впоследствии писал: «Это первое совещание с китайцами обнаружило всю неудовлетворительность отношений, установившихся между обоими государствами. Оно вполне убедило Игнатьева, что китайцы нас не уважают, не боятся и считают за коварных, беспокойных и несмелых соседей; мнение, которое они составили себе о нас, благодаря действиям, совершенно с нашей стороны неправильным.

Беспрестанно уверяя их в неизменности нашей двухвековой дружбы и ничем не подтверждая этих уверений, мы требовали с их стороны важных и крупных уступок в нашу пользу, угрожали им в случае неисполнения наших требований войной, но вместе с тем не прибегали к помощи пушек, как то непременно сделали бы англичане, а ограничивались пустозвонными фразами, никакой цены не имеющими.

Чтобы заставить китайцев уважать нас и бояться, надо было прежде всего показать твердость в своих действиях»[167].

Несмотря на неудачи в попытках России претворить в жизнь конкретные военные проекты помощи Китаю, эти планы в российской столице полностью не отбрасывались.

Сложные и длительные переговоры, которые вел Н. Игнатьев в Пекине, проходили на фоне продолжающейся вто-

---

[165] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 20.

[166] Цит. по: А.Н. Хохлов. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX — начале XX в // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 211.

[167] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 20.

рой «опиумной» войны Англии и Франции с Китаем. 25 июня 1859 года у крепости Дагу (Таку) произошел бой между китайской береговой артиллерией и морской эскадрой англичан, вошедшей в Печилийский залив во главе с посланником Брюсом для ратификации Тяньцзиньского договора. Требование англичан пропустить в Тяньцзинь военные корабли китайской стороной было отвергнуто, однако это не остановило Брюса.

Попытка морской эскадры проложить себе путь силой кончилась полной неудачей: все 13 кораблей получили серьезные повреждения, причем два были взорваны, один — потоплен, три получили подводные пробоины, но были спасены. Морской десант англичан силой 1200 человек потерпел тяжелое поражение при штурме береговых сооружений китайцев. 8 офицеров были убиты, 27 — ранены, в том числе тяжело ранен был адмирал Гон. 430 английских солдат были выведены из строя[168].

Англичане и французы, следя за развитием отношений России с Китаем и оценивая миссию Н. Игнатьева, подозревали, что Россия оказывает Цинскому Китаю военную помощь. В Англии были уверены в том, что в тот момент российско-китайские связи в военной сфере могли быть объективным ответом этих стран на внешнеполитические вызовы. В связи с инцидентом у Дагу 25 июня 1859 года появились слухи о российском военном участии в обороне китайской крепости. Барон А. Буксгевден в связи с этим отмечал:

«Хотя китайцы и не приняли предложенного Россией оружия, от которого потери англичан были бы еще значительнее, в Англии все были уверены, что русские управляли китайской обороной, а в шанхайской газете появилась даже статья, подтверждавшая, что англичане видели русских на батареях, слышали возгласы на русском языке и что многие англичане были ранены пулями от русских штуцеров»[169].

---

[168] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 22.

[169] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 23.

В июне 1860 года английские и французские войска начали военные действия на Ляодунском полуострове и в Северном Китае. 25 августа они захватили Тяньцзинь. 21 сентября на мосту Балицяо около Пекина произошло решающее сражение, в результате которого маньчжуро-монгольская конница была разбита англо-французской артиллерией. Войска европейских держав вошли в Пекин и подвергли его ограблению и разрушению.

В октябре 1860 года князь Гун заключил с представителями Англии и Франции Пекинские конвенции, которые подтверждали условия Тяньцзиньских договоров и налагали на китайскую сторону дополнительные обязательства. Избежать еще больших дипломатических и политических потерь помогла Цинам посредническая деятельность Н. Игнатьева.

Посредническая миссия Н.П. Игнатьева имела серьезное значение не только для урегулирования взаимоотношений европейских держав с Китаем, но и для укрепления позиций России на Дальнем Востоке.

В мае 1860 года российский посланник получил долгожданные инструкции из Петербурга. Предписывая внимательно следить за действиями Англии и Франции, Н. Игнатьеву указывалось на необходимость «действовать совместно с американским посланником в том же духе, в каком действовал граф Путятин в 1858 году, стараться принять на себя роль посредника и отнюдь не давать войне принять такие размеры, которые грозили бы царствующему дому свержением с престола. Иметь в виду, что замена Маньчжурской династии Китайской была бы крайне невыгодна нашим интересам. Перенесенный из Пекина на юг центр тяжести китайского правительства неминуемо вышел бы из-под влияния России и подпал бы под власть морских держав, главным образом — Англии»[170].

В ходе встреч с китайскими уполномоченными для переговоров Н.П. Игнатьев неоднократно пытался убедить их принять условия России, касающиеся разграничения в

[170] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 51.

Приамурье, в обмен на содействие и даже помощь в переговорах с европейскими державами. Еще до поездки на встречу к союзникам Игнатьев словесно передал китайским уполномоченным свои условия: «1) на Амуре, Уссури, морском побережье русские власти будут действовать на основании нашего понимания Айгуньского договора, а не китайского лжетолкования; 2) прекращение китайцами торговых сношений с Россией почтется ею за объявление войны и 3) если китайское правительство согласится на сделанные русским посланником предложения, он останется со своей эскадрой в Печилийском заливе для того, чтобы оказать в случае нужды дружественное содействие в пользу богдыхана во время переговоров с иностранными послами»[171].

Неоднократно Н. Игнатьев пытался убедить китайцев: «Вы очевидно не понимаете той пользы, которую может оказать Вам Россия. Мы искренне желаем содействовать Вашему примирению с иностранцами, от чрезмерных требований которых мы хотели бы Вас оградить, но Вы совершенно не цените нашего благорасположения к Вам»[172].

Выполняя взятую на себя миссию посредника, Н.П. Игнатьев быстро установил тесный, дружеский контакт с представителями США и Франции, а затем и Англии. Он сразу уведомил их: «Обязанный на основании полученных мною инструкций употребить все усилия к тому, чтобы привести дела к миролюбивой развязке и убедить китайское правительство исполнить обязательства, принятые им пред Англией, Францией и Соединенными Штатами, я, с самого приезда в китайскую столицу, приложил все старания к тому, чтобы достичь намеченной цели, но, к несчастью, они не имели успеха. События прошедшего года изменили взгляды и течение мысли в Пекине и бессмысленное упорство главнейших мандаринов лишь усилилось.

---

[171] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 57.

[172] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 58.

Долговременный опыт приводит нас к убеждению, что до тех пор, пока европейские державы, несмотря на естественное различие их положения, не будут связаны друг с другом общим ручательством, китайское правительство не будет исполнять добросовестно свои договорные обязанности. На основании этом, мне было предложено покинуть Пекин и прибыть к союзникам в Шанхай, дабы китайское правительство отнюдь не думало, что соблюдение Россией нейтралитета есть одобрение его поведению. Отъезд из китайской столицы и затем одновременное с союзниками присутствие русского представителя в Печилийском заливе заставит призадуматься китайцев и ясно укажет на серьезную опасность их нынешнего положения. Тяжелый урок, который союзники дадут затем китайским войскам, внушит, наконец, Маньчжурскому правительству сознание его бессилия»[173].

Главное противоречие, с самого начала вставшее в отношениях с английским посланником, — вопрос о поставках российского оружия Китаю — было сразу снято Н.П. Игнатьевым. Он пояснил, что «граф Путятин действительно собирался доставить китайцам несколько тысяч ружей, но (российское) правительство отказалось от этой идеи, как только узнало, что оружие будет направлено против союзных европейских держав»[174].

Дипломатический талант Н. Игнатьева, умение находить компромиссы из любых, казалось бы, самых безвыходных ситуаций, в которых он неоднократно оказывался по вине цинского правительства, дали свои плоды. Англичане, французы и американцы не могли обходиться без его советов и помощи. Китайцы оценили его роль посредника и в корне изменили отношение к российскому посланнику, пойдя на решительные уступки в российско-китайском диалоге. Вновь и вновь Игнатьев повторял цинским упол-

---

[173] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 72–73.

[174] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 76.

номоченным: «... Назначьте уполномоченных для решения ваших дел, обещайте следовать нашим советам в ваших действиях относительно союзников, и я ручаюсь, что Пекин будет спасен, что маньчжурская династия останется на престоле и что все ваши дела устроятся наилучшим образом... Пора вам понять, что одна Россия искренне благоприятствует маньчжурской династии и что она одна может спасти вас»[175].

А. Буксгевден в связи с этим писал: «Униженные, пристыженные и оробелые, некогда гордые и заносчивые сановники стали усиленно просить Игнатьева о забвении всего прошлого, сваливая все вины на самодурного Су Шуня, который своим упорством, грубостью и ложным взглядом на дело погубил китайское государство; они обещались соблюдать свято все трактаты, заключенные с Россией, и вновь повторили свою просьбу о посредничестве»[176].

Долгая, почти двухлетняя военно-дипломатическая миссия Н.П. Игнатьева в конечном счете закончилась полным успехом. 2 ноября 1860 года в Пекине был подписан русско-китайский договор, в котором подтверждались условия Айгуньского договора от 16 мая 1858 года. Цинское правительство признало за Россией территории к востоку от р. Уссури.

Поражение Китая в войне с западными державами и подписание новых неравноправных договоров с ними в октябре 1860 года утвердило цинское правительство в необходимости перевооружения своих войск и проведения военных реформ. В этих условиях помощь со стороны России могла бы быть полезной для Китая.

28 ноября 1860 года князь Гун (И Синь) направил русскому уполномоченному официальное письмо, в котором просил прислать оружие, инструкторов и оружейных мастеров в Кяхту. Просьба китайской стороны была передана

---

[175] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 205–206.

[176] Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Первый Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902. С. 206.

российскому правительству, которое рассмотрело этот вопрос на заседании Особого комитета в конце января 1861 года и решило удовлетворить просьбу Цинского двора. Одновременно российское правительство решило не вмешиваться во внутренние дела Китая, хотя цинские сановники настойчиво просили Н. Игнатьева оказать помощь в подавлении восстания тайпинов[177].

В соответствии с принятым решением, Россия пообещала китайской стороне предоставить современное оружие и военных инструкторов для обучения китайских войск. Первая партия оружия в количестве 2 тысяч нарезных ружей и 6 полевых орудий была отправлена в Кяхту. В свою очередь китайская сторона направила в Кяхту 60 солдат и 6 офицеров из состава столичных маньчжурских Восьмизнаменных войск для обучения под руководством русских военных инструкторов. Состав группы китайских военнослужащих был достаточно странным, хотя бы даже по возрасту. Младшему из офицеров было 54 года. Многие солдаты также были уже пожилого возраста. Старшим группы был назначен гражданский чиновник Си Лин, не сведущий в военном деле[178].

Занятия с китайцами начались в октябре 1861 года под руководством русских офицеров И.А. Зейфорта и И.И. Филипенко. Главное внимание уделялось изучению материальной части, обращению с оружием, а также строевой и тактической подготовке. Практические стрельбы намечалось провести после окончания морозной зимы, ближе к лету.

Однако, несмотря на первые успехи, достигнутые китайскими военнослужащими под руководством русских инструкторов, проект продолжался недолго. 20 января 1862 года Цинский двор дал указание китайским стажерам свернуть подготовку и вернуться в столицу. Причинами такого шага китайского правительства были и неверная информа-

---

[177] Цит. по: А.Н. Хохлов. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 211–212.

[178] Цит. по: А.Н. Хохлов. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 212–213.

ция пограничных китайских властей, и давление со стороны английского посольства в Пекине, и общее недоверчивое и подозрительное отношение Пекина к иностранцам, и не в последнюю очередь к русским.

Тем не менее китайская сторона успела получить в дар от российского правительства 10 тысяч ружей, батарею полевых орудий, а также большое количество боеприпасов и запасных частей[179].

Отказавшись от содействия российской стороны в деле переподготовки своих вооруженных сил, цинское правительство переориентировалось на помощь со стороны других европейских держав, в первую очередь Англии.

В целом дипломатические отношения между Россией и Китаем в середине XIX века после долгих десятилетий «застоя» характеризовались рядом «прорывов»: 16 мая 1858 года подписан Айгуньский договор; 1 июня того же года — Тяньцзиньский договор; 2 ноября 1860 года — Пекинский договор. Посредническая военно-дипломатическая миссия российских посланников в Китае (Е.В. Путятина и Н.П. Игнатьева) в середине XIX века позволила России не только сохранить, но и упрочить свое военно-политическое положение на Дальнем Востоке и в Приамурье.

Вместе с тем военно-политические отношения России и Китая в середине XIX века не получили фактически никакого реального развития, несмотря на стремление российской стороны их наладить и укрепить.

Отношение Цинского Китая к России отличалось устойчивым недоверием, подозрительностью, ярко выраженным отсутствием заинтересованности в диалоге со своим северным соседом. Китай, подвергаясь постоянной агрессии со стороны западных держав, фактически был лишен возможности и права самостоятельно решать свою судьбу и выбирать своих партнеров, в том числе и в военной сфере. Китай «добровольно и самостоятельно» отказался от протянутой руки военной помощи, причем помощи бескорыстной и высоко профессиональной. Такая помощь могла бы действи-

[179] Цит. по: А.Н. Хохлов. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 214.

тельно содействовать процессам реорганизации и реформирования китайских вооруженных сил.

Российская сторона не имела сил и возможности противодействовать влиянию западных держав в Китае и фактически «уступила» им Китай, в том числе и как перспективный рынок сбыта оружия. Военно-политическое и дипломатическое доминирование западных держав, прежде всего Англии, в Китае было полнейшим.

С другой стороны, несмотря на неудачи в развитии каких бы то ни было форм сотрудничества с Китаем в военно-политической области, Россия на протяжении всего XIX века не оказывалась с Китаем в состоянии войны и, в отличие от западных держав, не совершала никаких агрессивных действий в отношении слабого и беззащитного соседа. Более того, именно Россия взяла на себя роль посредника в трудных взаимоотношениях Маньчжурского Китая и европейских держав.

Русские войска в Илийском крае

Приамурье было не единственным регионом, в котором прямо или косвенно сталкивались интересы России и Китая. Другим таким районом выступала Центральная Азия.

Центрально-азиатский регион давно привлекал внимание Цинской империи, которая в своей завоевательной политике уделяла ему первостепенное место. На пути установления цинского господства в этом регионе стояло Джунгарское ханство.

Используя весь арсенал стратагемных приемов и принципов традиционной китайской дипломатии, Цины последовательно действовали в направлении проникновения в Центральную Азию и подчинения ее своему господству. Китайские дипломаты приложили много усилий для того, чтобы рассорить джунгарских родоплеменных вождей и ханских родственников. В результате в Джунгарии вспыхнула борьба за престолонаследие, которая серьезно ослабила государство.

Принимая меры по установлению своего господства в Центральной Азии, в Пекине понимали свои слабости: у

цинского правительства не было достаточно войск и средств для покорения «варваров» в таком отдаленном регионе. В 1730 и 1731 гг. Цинский Китай дважды обращался к России с предложением принять участие в карательной экспедиции против Джунгарии, однако царское правительство неизменно отказывалось от этого. Россия не была заинтересована в ссорах с Джунгарским ханством, равно как и в установлении Цинского господства на своих среднеазиатских рубежах.

Во время одной из междоусобиц в Джунгарском ханстве его правитель Амурсана был жестоко разбит своими противниками. Вынужденный бежать и скрываться в Китае, Амурсана обратился к цинскому императору за помощью, надеясь на китайскую помощь в деле возвращения на престол. Пекин согласился помочь Амурсане и послал в Джунгарию свои войска. Однако истинное намерение цинского императора стало ясно только тогда, когда маньчжуро-китайские войска вошли на территорию Джунгарии. Воспользовавшись обстановкой в этом центрально-азиатском государстве, Цины, в строгом соответствии со стратагемой № 5 «Грабить во время пожара», бросили свои войска на покорение Джунгарии. Обманутые джунгары подняли восстание, которое цинские войска подавили самым жестоким образом.

В 1758 году Джунгария была оккупирована маньчжуро-китайскими войсками. Практически все мужское население покоренной страны было физически уничтожено. Оставшиеся в живых были вынуждены бежать к границам России.

Вслед за Джунгарией в том же году Цины покорили и Кашгарию (Восточный Туркестан). Джунгария и Кашгария вошли в состав Цинской империи и стали называться Синьцзян («Новая граница»).

Изначально Синьцзяну отводилась специфическая и особо важная роль во внешнеполитической стратегии Пекина. Этот регион рассматривался Цинами как стратегический плацдарм для утверждения своего влияния в Центральной Азии. Такая политика Китая, естественно, входила в противоречие с интересами России, которая считала

себя ответственной за ситуацию в регионе Центральной и Средней Азии.

В первой половине XVIII века в русское подданство вступили два казахских жуза — Младший (1731 год) и Средний (1740 год). В 1846 году подданство России принял Старший казахский жуз, племена которого кочевали в районах Семиречья. В 1854 году русскими было основано укрепление Верный (Алма-Ата). Результатом этих событий стало то, что к 60-м годам XIX века все казахские земли вошли в состав Российской империи, получив от Москвы надежную защиту и гарантию своей безопасности от вторжения чужеземцев.

Вслед за казахами в подданство России перешли северные и южные киргизские племена, освободившиеся от власти Кокандского ханства. В результате Россия и Цинский Китай фактически вышли на границы друг друга. Это требовало проведения между двумя странами территориального разграничения.

В мае 1861 года цинская сторона обратилась к генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю с просьбой прислать русских уполномоченных в Чугучак для проведения переговоров о территориальном разграничении. Предложение было принято русской стороной. В конце июня 1861 года была составлена делегация русских комиссаров по разграничению в Синьцзяне. Уполномоченным России был назначен обер-квартирмейстер корпусного штаба в Омске полковник И.Ф. Бабков, а его помощником — капитан И. Андреев.

Впоследствии в состав делегации вошли в качестве второго комиссара — геодезист капитан А.Ф. Голубев, третьего комиссара — русский генеральный консул в Кульдже И.И. Захаров и управляющего делами — астроном К.В. Струве.

Со стороны цинского правительства делегацию пограничных комиссаров возглавил командующий левым крылом улясутайский цзянцзюнь Мин И.

Первая встреча русских и цинских уполномоченных прошла в Чугучаке 15 августа 1861 года. В августе—сентябре того же года состоялось еще несколько встреч, в резуль-

тате которых была достигнута договоренность об открытии официальных переговоров в следующем году.

Официально русско-китайские переговоры о демаркации западного участка границы между Россией и Китаем открылись в Чугучаке 17 июля 1862 года. Переговоры шли долго и постоянно откладывались: стороны не могли найти компромисса в начертании линии границы.

Параллельно с переговорным процессом цинские власти прибегли к испытанному приему военно-силового давления. Небольшие отряды и группы китайских войск проникали в глубь Казахстана и Киргизии, переходили линии своих постоянных пограничных пикетов, а также отодвигали линию постоянных пограничных пикетов все глубже на территорию казахских и киргизских земель.

Русская сторона ответила на цинские провокации мобилизацией своих войск в приграничной зоне. Весной 1862 года между русскими и цинскими воинскими частями произошли вооруженные столкновения. В связи с этим генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель направил на имя синьцзянского цзянцзюня специальное письмо, в котором выражал резкий протест против неоднократного появления в «пределах Великого Российского государства» маньчжуро-китайских отрядов.

В письме указывалось: «Подобное появление в пределах дружественного государства чужестранного отряда без предварительного о том сношения, с какою бы целью оно ни было, никогда не может быть оправдано и всегда нарушает международное право». Настаивая на прекращении подобного рода экспедиций, генерал-губернатор Дюгамель предупреждал цинские власти о том, что «может выйти неприятное для обоих государств столкновение»[180].

Однако, несмотря на все предупреждения русской стороны, цинские власти продолжали провокации. В дополнение к военным мероприятиям на линии границы Цины спланировали и осуществили целую серию скоординированных психологических акций по распространению сре-

[180] АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–9, 1861 г. Оп. 8. Д. 24. Ч. I. Л. 385.

ди местного казахского и киргизского населения антирусских подстрекательских слухов и инсинуаций.

28 августа 1863 года цинское правительство в конце концов все же согласилось принять русский проект прохождения линии границы между Россией и Китаем в Синьцзяне. Об этом официально был уведомлен русский поверенный в Пекине Н.А. Глинка. Однако еще целый год прошел в «утряске» всех деталей, связанных с прохождением линии границы на местах. Только 25 сентября 1864 года в Чугучаке был подписан протокол об установлении русско-китайской границы в Центральной Азии.

Переговоры между Россией и Китаем по пограничному размежеванию в Центральной Азии проходили в трудное для Пекина время. В 1864 году в Джунгарии и Кашгарии вспыхнуло мощное восстание местных мусульманских народов против власти маньчжуро-китайцев. Главную роль в этом восстании играли уйгуры и дунгане, которые были поддержаны казахами, киргизами и другими народами Синьцзяна. Восстание продолжалось 14 лет, причем уже в 1865 году цинское колониальное господство в Синьцзяне было фактически свергнуто.

Результатом восстания в Синьцзяне стало образование на южных границах России нескольких независимых от Цинов феодально-теократических образований: Джеты-Шаар («Семиградье») с центром в Кашгаре; Тарачинское султанство с центром в Кульдже и дунганский Союз городов с центром в Урумчи.

Наиболее сильным и влиятельным из новых образований был Джеты-Шаар или Восточный Туркестан во главе с Якуб-беком.

Столкнувшись с широкомасштабным народным восстанием в Синьцзяне, цинские власти оказались бессильны не только подавить, но даже и сдержать его. Крайне ограниченные военные силы и общие ресурсы Пекина в этом отдаленном районе не позволяли ему принять какие-либо решительные меры. Более того, Пекин находился в глубоком внутриполитическом кризисе, связанным с последствиями подавления мощнейшего Тайпинского восстания, сотрясавшего древнюю империю почти 15 лет — с 1850 по 1864 г.

В связи с этим, как пишет в своей работе «Русско-китайский вопрос» А.Н. Куропаткин, «китайцы снова становятся предупредительными к русским»:

«В 60-х годах прошлого столетия, когда Китаю пришлось переживать тяжкие внутренние мятежи, китайцы снова становятся предупредительными к русским. В особенности русские оказались нужны китайцам, когда китайские войска с Цзо Цзунтаном во главе стали продвигаться в Застенном Китае вперед, усмиряя мусульманское и дунганское восстания, и должны были одолеть пустыню Гоби. Наиболее тяжелый для них участок составлял путь от Хами до Кульджи в 1300 верст. Вся местность была разорена. К безводию присоединилось отсутствие продовольствия. Русские торговцы из сибирских местностей смело продвинувшиеся до пунктов сбора китайских войск, встречались на этот раз как дорогие гости»[181].

С ноября 1864 года цинские власти в Синьцзяне начали «зондировать» возможности соседних русских властей по оказанию помощи в деле «наведения порядка». Илийский цзянцзюнь Мин Сюй несколько раз напрямую обращался к начальнику Алатауского округа генерал-майору Г.А. Колпаковскому с просьбой прислать русские войска в Кульджу.

С аналогичной просьбой в адрес правительства России в августе 1865 года обращались и центральные китайские власти в Пекине. Через русского посланника Цины просили прислать илийскому цзянцзюню продовольствие, вооружение и порох, а также прислать русских военных инструкторов — артиллерийских офицеров и солдат[182].

Русское правительство с самого начала приняло решение не вмешиваться в события, имевшие место в Синьцзяне. Поэтому на все просьбы китайской стороны о военной помощи русский посланник в Пекине А.Е. Влангали отвечал вежливым отказом.

Между тем, по мере развития антицинского восстания в Синьцзяне, в большую политическую игру в регионе начали вмешиваться англичане. Правитель Джеты-Шаара

---

[181] Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.

[182] Цит. по: Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 149.

Якуб-бек, подстрекаемый английскими дипломатами и авантюристами, под панисламистскими лозунгами выдвинул территориальные притязания на соседние земли к северу — на территорию России. Попытки Якуб-бека добиться признания своего государства Россией закончились безрезультатно: посланцы Восточного Туркестана были сдержанно приняты в Петербурге. Более того, российское правительство отказалось признать Джеты-Шаар самостоятельным государством и четко заявило о своей позиции: Джунгария, как и весь Синьцзян, часть Китая, с которым Россия по-прежнему поддерживает нормальные дипломатические отношения.

Восстание в Синьцзяне негативным образом отразилось на режиме охраны российско-китайской границы и на поддержании в приграничных российских районах должного правопорядка. Вооруженные отряды, банды, группы свободно переходили границу с Россией, глубоко вторгались на ее территорию, грабя местных жителей, нарушая мирный труд местного населения. На это постоянно жаловался военный губернатор и командующий войсками Семипалатинской области генерал-майор И.Ф. Бабков.

Постепенно позиция Петербурга в отношении событий в Синьцзяне начала меняться и заставила Россию отказаться от политики невмешательства. Критическая ситуация безвластья в Синьцзяне, вмешательство в дела этого района Англии, полная неспособность ослабленного Тайпинским восстанием Пекина «навести порядок» рассматривались Россией как угроза ее торговым, экономическим и политическим интересам в этом регионе. В связи с этим царское правительство решило пойти навстречу просьбам цинского правительства и оказать последнему необходимую помощь войсками. При этом имелось в виду, что русские войска будут выведены обратно сразу же после восстановления цинской власти в Синьцзяне.

27 апреля 1871 года российский император Александр II утвердил указания российскому посланнику в Пекине А.Е. Влангали вступить в переговоры с цинским правительством по этому вопросу. В соответствии с этими инструкциями Влангали должен был разъяснить, что «вмешатель-

ство наше в дела Западного Китая имеет единственной целью оказать содействие китайцам к восстановлению их власти в отторгнутых западных провинциях Империи»[183]. Район предполагаемых действий русских войск, по решению царского правительства, ограничивался Илийским краем Синьцзяна.

30 июля 1872 года русские войска, не встречая никакого сопротивления со стороны местного уйгурского населения, заняли Илийский край с центром в городе Кульдже. Общая площадь занятой русскими войсками территории составила 1400 кв. миль с населением 130 тыс. человек.

В связи с военными мероприятиями России в Центральной Азии русский посланник в Пекине А. Влангали неоднократно подчеркивал перед цинским правительством временный и вынужденный характер этих действий. В инструкциях из Петербурга в адрес посланника говорилось: «Мы ни в коем случае не желаем присоединять Кульджинский округ к составу империи. Такой исход дела следует признать самым для нас невыгодным, но для нас важно, чтобы правитель соседней с нами страны дал нам такие материальные и нравственные гарантии, которые обеспечили бы спокойствие на нашей границе и способствовали свободному развитию нашей торговли».

Особое значение, по мнению российского правительства, имело установление принципов политического контроля над занятым районом Или. Местным властям и военному командованию рекомендовалось «воздерживаться» от установления сношений с Якуб-беком «Высочайшим именем Государя Императора». Все контакты с местными правителями, «независимыми владетелями» должны были осуществляться «непосредственно и притом от имени Туркестанского Генерал-Губернатора»[184].

Деятельность русского военного командования в занятом Илийском крае была многопланова и разнообразна. Прежде всего были созданы и обеспечены условия для нор-

[183] Цит. по: Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 154.

[184] Цит. по: Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 155.

мальной хозяйственной деятельности, торговли, развития сельского хозяйства и предпринимательства.

Стремясь к упрочению своего влияния в Илийском крае, русские власти направляли туда специалистов-медиков, инженеров, учителей, агрономов, которые быстро завоевали расположение местного населения и тем самым способствовали приобщению его к русской культуре. Крепли и развивались связи местного приграничного населения России и населения Илийского края.

Вскоре после занятия Илийского края цинское правительство предложило царскому правительству провести переговоры о возвращении этого края в Китай. В Петербурге отнеслись к этому предложению с пониманием и пошли навстречу китайскому предложению. Для ведения соответствующих переговоров по «принятию» края китайское правительство уполномочило илийского цзянцзюня Жун Цзюаня. Российское правительство направило в Сергиополь (Аягуз) генерала Богуславского.

Российский посланник в Пекине А. Влангали получил из Петербурга указания предупредить цинское правительство о двух русских предварительных условиях — возвращение Илийского края состоится только в том случае, если Жун Цзюань «1) будет снабжен достаточною вооруженною силой для вступления в фактическое обладание краем; 2) привезет амнистию всем жителям или замешанным в дунганском восстании»[185].

Аналогичные указания содержались в утвержденной российским императором 16 марта 1872 года инструкции генералу Богуславскому.

8 мая 1872 года в Сергиополе начались переговоры между двумя посланниками. Цзянцзюнь Жун Цзюань заявил, что прибыл на переговоры, имея полномочия взять на себя власть в Илийском крае, однако войск у него нет. В этой ситуации генерал Богуславский, выполняя волю императора, вынужден был отклонить настойчивые попытки цинского представителя утвердить свой авторитет. Переговоры в Сергиополе были прерваны.

---

[185] РГВИА.Ф. 447. Д. 9. Л. 1.

Между тем цинские власти, оправившись после тяжелых поражений от рук повстанцев в Синьцзяне, мобилизовали и собрали достаточные силы для ликвидации повстанческого движения в Северо-Западном Китае. Руководство карательной экспедицией цинских войск на запад было поручено генерал-губернатору провинций Шэньси и Ганьсу Цзо Цзунтану, одному из самых решительных и безжалостных военачальников цинской армии, «отличившемуся» в подавлении тайпинского восстания.

Первоначально действия китайских войск развернулись в приграничных районах провинций Ганьсу и Синьцзян, но уже весной 1875 года китайские войска вошли в Синьцзян.

Повстанческая армия Якуб-бека не могла противостоять организованной военной силе Пекина: один за другим населенные пункты Джунгарии оказываются в руках Цинов. Вторгшиеся в Синьцзян китайские войска наводят «порядок» самыми жестокими методами, не останавливаясь перед широкомасштабным уничтожением местного уйгурского и дунганского населения.

В критический момент борьбы — в июне 1877 года — Якуб-бек неожиданно умирает. Потеря яркого, авторитетного национального лидера катастрофическим образом сказалась на судьбе повстанческого движения в целом. К концу 1877 года положение Джеты-Шаар стало критическим. Новый правитель Бек Кулибек не смог сплотить и повести за собой народные массы. Военное давление Цинов было непропорционально мощным — военные отряды Джеты-Шаар были полностью разгромлены.

С остатками своих верных отрядов Бек Кулибек перешел на территорию России в Ферганскую область. Вместе с ним от преследования и репрессий цинских властей в пределы Ферганской и Семиреченской областей Российской империи бежало более 10 тысяч населения.

Китайские войска при подавлении народно-освободительного движения в Синьцзяне прибегли к самым жестоким репрессиям. По словам очевидцев, «все постройки сжигались, скот и имущество подвергались разграблению,

жители без различия пола и возраста убивались. Везде валялись трупы и лилась рекой кровь»[186].

Требуя от русских властей выдачи одного из вождей дунган — Баян-Ахуна, цинские сановники открыто похвалялись, что в течение двух лет карателями было убито более 100 тысяч повстанцев[187].

После подавления восстания в Синьцзяне правительство Цинской империи вновь предложило русскому правительству вывести войска из Илийского края. Переговоры начались в Петербурге в начале 1879 года и продолжались несколько месяцев.

20 сентября 1879 года в Ливадии был подписан Договор об уточнении границы между Россией и Китаем и порядке вывода русских войск. В статье I договора российская сторона соглашалась «на восстановление власти китайского правительства в Илийском крае, временно занятом русскими войсками с 1871 года». В статье VII определялось, что «западная часть этого края и долина реки Текес отходят в овладение России для поселения в них жителей Илийского края, которые пожелают принять российское подданство».

В статье VI было зафиксировано обязательство правительства Цинской империи уплатить российскому правительству суммы в 5 млн. металлических рублей на покрытие издержек, которые потребовались на занятие русскими войсками Илийского края с 1871 года, а также на удовлетворение разных денежных претензий русских подданных.

Ливадийский договор предусматривал также амнистию всем жителям Илийского края, порядок перехода их в российское подданство, право русских подданных на недвижимую собственность в этом крае, порядок передачи управления краем, учреждение русских консульств в ряде китайских городов и порядок сношения их с местными властями, право подданных Российской империи на веде-

---

[186] Цит. по: Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 159.

[187] Цит. по: Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 159.

ние торговли на китайской территории. Договором также уточнялась граница России с Китаем на ряде участков.

Этот договор, однако, не был ратифицирован цинским императором. Под влиянием провокационной деятельности англичан, крайне заинтересованных в ослаблении позиций России в Центральной Азии, цинское правительство стало открыто выступать против России, высказываться за объявление войны России и предприняло ряд мер, направленных на подготовку к войне.

Россия ответила тем же. На пограничных рубежах с Цинской империей было увеличено количество войск. На Дальний Восток была отправлена военная эскадра под командованием адмирала Лесовского.

И все же ни русская, ни китайская стороны не были заинтересованы (и не были готовы!) к большой войне. В конце концов конфликтная ситуация была передана на суд дипломатов — летом 1880 года в Петербург прибыл для переговоров уполномоченный цинского правительства, бывший китайский посланник в Лондоне Цзэн Цзицзэ.

Российскую делегацию на переговорах по передаче Китаю Илийского края возглавил управляющий Министерством иностранных дел Н. Гирс и чрезвычайный посланник и полномочный министр в Китае Е. Бютцов[188].

В общей сложности переговоры велись почти семь месяцев. Китайская сторона настаивала на полном возвра-щении Илийского края, в то время как русская сторона требовала определенных территориальных изменений, основывая свою позицию положениями Ливадийского договора. И все же компромисс был достигнут. 12 февраля 1881 года договор был подписан, а вскоре и ратифицирован обеими сторонами. 7 августа в Санкт-Петербурге состоялся обмен ратификационными грамотами.

Во многом положения Санкт-Петербургского договора были схожими со статьями Ливадийского договора. Так, в соответствии со статьей I, «Его Величество Император Всероссийский соглашается на восстановление власти китайского правительства в Илийском крае, временно занятом

[188] В документах встречается иное написание имени — Е.К. Бюцов.

русскими войсками с 1871 года. Западная часть этого края в пределах, обозначенных в VII статье настоящего договора, остается во владении России».

Статья VII уточняла: «Западная часть Илийского края присоединяется к России для поселения в оной жителей этого края, которые примут российское подданство и, вследствие этого, должны будут покинуть земли, которыми владели там».

В третьей статье договора жителям Илийского края предоставлялось право «выселиться в пределы России и принять российское подданство».

В соответствии с положениями Санкт-Петербургского договора 1881 года цинское правительство обязывалось уплатить российской стороне 9 млн. металлических рублей на покрытие издержек, связанных с занятием русскими войсками Илийского края. Как и в Ливадийском договоре, подтверждались права России на учреждение в ряде китайских городов российских консульств, на беспошлинную торговлю для русских купцов, на сохранение российской собственности в Илийском крае за русскими подданными.

Определенные изменения были внесены в прохождение линии государственной границы между Россией и Китаем, для чего были созданы специальные группы по демаркации границы.

Протокол о сдаче и приеме Илийского края был подписан 10 марта 1882 года. За период между ратификацией договора и подписанием протокола о передаче Илийского края Китаю в пределы Российской империи перешло около 70 тысяч уйгуров, дунган и казахов, принявших добровольно русское подданство. В результате этого Илийский край лишился более половины своего производительного населения, главным образом земледельческой его части, что не замедлило отрицательно сказаться на экономическом развитии края в целом.

А.Н. Куропаткин, бывший в те годы в капитанском звании, оставил свою оценку событиям в Синьцзяне в 60–80-е годы XIX века:

«Население Кульджи оказало русским войскам при занятии Илийского края очень слабое сопротивление и по-

корилось, получив обещание, что занимаемый русскими край никогда не будет передан китайцам. Несмотря на такое обещание, данное в Кульдже, в Пекине, за 4900 верст от Кульджи, наш посол Влангали обещал китайцам возвратить им Кульджу, когда в отложившихся от Китая областях китайцы восстановят свою власть и безопасность пограничных русских владений будет обеспечена на будущее время. Потом такое решение оправдывалось существовавшею уверенностью, что китайцы никогда до Кульджи не дойдут. Но сами русские и помогли им преодолеть пустыню, отделявшую Хами от Кульджи.

При деятельном содействии полковника Сосновского сибирский купец Каменский поставил в 1876—1880 годах в Гучен, в пункт сбора китайских войск, один миллион пудов пшеницы, вывезя ее из Кульджи. Китайцы охотно заплатили ему за пуд по 5 руб. Всего Каменский брался поставить три миллиона пудов. Пшеница в Кульдже в 1876 году стоила 15 коп. за пуд, а вследствие скупки ее Каменским, в 1877 году, поднялась до 60 коп., что отозвалось на стоимости продовольствия наших войск.

Бывший туркестанский генерал-губернатор Кауфман ясно сознавал невыгодность для России соседства в Туркестане с Китаем и был сторонником присоединения Кульджи к России и поддержания власти Якуб-бека в Кашгарии где этот даровитый хан уже правил 13 лет. Кауфману с основанием представлялось более выгодным для России иметь в соседстве с Туркестаном слабое мусульманское государство-буфер подобно Афганистану, чем сомкнуться в Туркестане с Китаем, располагающим неистощимыми материальными ресурсами.

Посланному генералом Кауфманом с дипломатической миссией к Якуб-беку капитану Куропаткину в 1876 году в целях определения границы между Ферганской областью и Кашгарией пришлось выслушать в г. Курля от Якуб-бека горькие упреки в двоедушии русских. Якуб-бек с основанием указывал, что не может верить словам русского посланца, когда недалеко от Курля, в Урумчи, в лагере его врагов-китайцев «такой же русский офицер, Сосновский, ста-

вит провиант китайцам, без которого они не могли бы продвинуться вперед».

Но как только китайцы с помощью русских достигли пределов Кульджи и разбили Якуб-бека, тон их по отношению к русскому правительству быстро изменился. Они стали требовать возвращения им Кульджи, а в случае отказа грозили войной. Для ведения переговоров в Петербург прибыл один из самых высших сановников, родственник царствовавшего дома Чунхау. После очень долгих переговоров, в течение которых китайский уполномоченный постоянно сносился со своим правительством, был выработан так называемый Ливадийский трактат, подписанный в октябре 1879 года в Ливадии. По этому договору часть Кульджи с Музартским проходом оставалась в русских руках.

Но затем произошел еще небывалый в истории сношений России с Китаем случай: богдыхан отказался от ратификации этого договора. Дипломатические сношения были прерваны, и обе державы начали готовиться к войне. Русский флот с Лисовским появился у китайских берегов: значительный отряд войск спешно сосредоточивался в Кульдже.

По мнению Ф. Мартенса, достоверные известия доказывают, что национальная партия пекинского двора с Цзо Цзунтаном во главе желала воспользоваться Ливадийским трактатом как поводом, чтобы вызвать общий кризис в сношениях с европейскими державами. Начав кровавую борьбу с Россией, партия эта намеревалась произвести общее избиение иностранцев.

Россия и на этот раз уступила и, по Петербургскому договору 1881 года, отказалась от Кульджи, выговорив обширные льготы по торговле в Застенном Китае и получив небольшое денежное вознаграждение на покрытие убытков русско-подданных, пострадавших от восстания в западных китайских провинциях. Ближайшим последствием Кульджинского договора было выселение из Кульджи в русские пределы 50 тысяч таранчей и дунган, обманутых в своих надеждах стать русско-подданными, оставаясь в Кульдже. Эти новые поселенцы заняли места, нужные для русской колонизации.

История с Ливадийским трактатом и возвращение Кульджи Китаю уронили престиж России в Азии и придали Китаю еще более веры в слабость России и свою силу»[189].

Судьба оставшегося в Илийском крае местного населения, равно как и судьба некитайского населения Синьцзяна в целом, не могла не заботить российское правительство и после вывода русских войск. Тем более что в этот стратегически важный регион все активнее и активнее проникали подданные Британской империи.

В соответствии с положениями Санкт-Петербургского договора в ряде городов Синьцзяна были учреждены российские консульства, нередкими были и визиты на его территорию чиновников различных рангов. Так, в 1885 году там появился чиновник для особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе поручик Бронислав Громбчевский, а двумя годами позже эту область Китая в связи с подозрениями на эпидемию чумы посетил врач Сибирского военного округа Н.Л. Зеланд.

Их путевые заметки довольно ярко характеризуют жизнь Синьцзяна и характер отношений между китайцами и коренным населением Синьцзяна: «Китайцы не дают себе ни малейшего труда ознакомиться с языком своих подданных сартов (узбеков), и чиновники принципиально считают такое знакомство унижением... Большую долю вины в частых восстаниях и беспорядках несут сами китайцы, которые не стараются вникать в нужды народа и, наоборот, доводят его до недовольства»[190]. Причин для последнего было вполне достаточно. Первой из них было крайне тяжелое материальное положение как крестьян, так и жителей городов, материальное положение которых, по мнению Зеланда, находилось если не в упадке, то в глубоком застое.

Сами же коренные жители Синьцзяна, по мнению путешественника, имели немало положительных качеств, главными из них он считал исключительное трудолюбие, терпение и честность.

Наибольшее количество упреков у российских военных специалистов вызывали китайские войска. О поряд-

---

[189] Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.

[190] Н.Л. Зеланд. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. Омск, 1888. С. 36.

ках, царивших в них, Зеланд писал: «Присмотревшись в течение почти четырехмесячного пребывания в Кашгарии к китайским порядкам, я вынес убеждение, что китайские начальники частей преднамеренно увеличивают разницу между списочным и наличным составом, а излишне полученное от казны содержание поступает в карманы командиров»[191]. С этой оценкой полностью соглашался Б. Громбчевский: «В войсках высшие чины наживаются за счет низших. Начальник лянзы, например, получает деньги на содержание своей команды, поэтому на бумаге всегда числится на треть или вдвое больше, чем состоит налицо, а содержание фиктивной части идет в его карман. Зачастую солдатам не выдается и того, что уже выслужено. Отсюда распущенность войск, на которую начальники смотрят сквозь пальцы»[192].

Распущенность китайских войск происходила во многом от того, что само материальное положение солдат заставляло их заниматься мелочной торговлей и даже грабежами, от которых страдали местные торговцы. Солдаты выпрашивали понравившиеся им товары, а в случае отказа жестоко избивали своих «обидчиков».

Весьма любопытно и описание внешнего вида китайского воинства: «Офицеры и солдаты одеты бабами... по атрибутам нельзя было узнать их профессию. На голове имелись синие платки, повязанные наподобие того, как это водится у наших женщин из простонародья. Сзади спускалась коса».

Боеспособность китайских войск оба автора оценивали крайне низко, откровенную усмешку Громбчевского вызвало то, что в кавалерии используются не только лошади, но и лошаки и ослы. Крайнее удивлен был поручик и тем, что оружие в частях китайской армии практически не чистится и даже перед парадом все внимание уделяется только поддержанию внешнего блеска. Боевые стрельбы проводились всего один раз в год, а строевые учения в одной из лянз Громбчевский назвал «танцем клоунов»: «Все

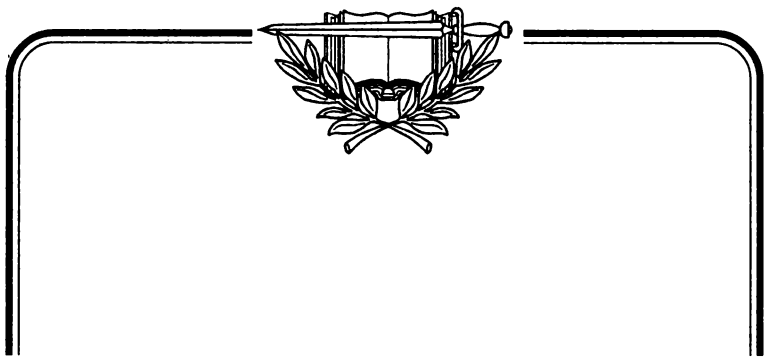
[191] Н.Л. Зеланд. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. Омск, 1888. С. 74.

[192] Б. Громбчевский. Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году. Новый Маргелан, 1885. С. 38.

движения производились под команду голосом стройно и однообразно. При этом, нанося удар, вся шеренга умори-тельно подпрыгивала, а защищающаяся приседала. Все это напоминало скорее танец клоунов в цирке, а не обучение войск»[193].

В целом, по мнению русских дипломатических чинов-ников и военных специалистов, власть Китая в Синьцзя-не была весьма непрочной, и в провинции ощущалось сильное тяготение к России. Для местного некитайского населения именно Россия была и долгие годы оставалась «землей обетованной», символом справедливости и спо-койной жизни.

[193] Б. Громбчевский. Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году. Новый Маргелан, 1885. С. 47.

ГЛАВА 5
РУССКИЕ ВОЕННЫЕ СОВЕТНИКИ В КИТАЕ В КОНЦЕ XIX В.

Вопрос о военных советниках для Китая

К концу XIX в. Китай являлся объектом ожесточенной колониальной политики западных держав. Политическая слабость, разложение правящих элит, экономическая отсталость, культурно-духовная деградация происходили на фоне активного внедрения Запада в древнюю страну. Попытки каких-то реформ в Китае сталкивались с таким количеством проблем, что неизбежно обрекались на неудачу.

Одним из направлений реформ в Китае того времени была военная сфера. Вооруженные силы Китая находились в глубочайшем кризисе, разложение охватило все слои и сферы военной жизни. Российский дипломат А. Максимов описывал состояние вооруженных сил Китая в конце XIX века: «Китайские офицеры, вообще, крайне неудовлетворительны. Офицерские должности раздаются зря, по протекции, происхождению или за бравый внешний вид и физическую силу. Такое чинопроизводство практикуется даже до настоящего времени в некоторых частях китайских войск, куда еще не успело проникнуть немецкое влияние. При этом кандидаты на звание командиров отдельных частей пускаются на всевозможные проделки и довольно успешно надувают экзаменационные комиссии, о чем нередко пишут даже в китайских газетах.

Вообще китайские офицеры невежественны, не имеют никакого понятия о военном деле, к которому относятся не более как ремесленники. Кроме того, они положительные хищники, смотрящие на казенный карман, как на собственный. Хищение пустило в китайской армии глубокие корни. Начальники частей обирают казну вполне беззастенчиво; они нередко распускают солдат по домам, оставляя под знаменами самое ограниченное число, а деньги, отпускаемые на их содержание, кладут в карман. Отпущенные солдаты возвращаются в свои части только ко времени инспекторских смотров, назначаемых обыкновенно раз в три года. В случае же какой-либо неисправности или внезапного приказания о выступлении в поход военачальники пополняют свои ряды насильственной вербовкой мирных граждан, которые, опасаясь наказаний, покорно несут солдатскую службу, пока их не отпустят»[194].

Видя свою слабость в военном отношении, Китай вынужден был прибегать к помощи извне, закупая военную технику и снаряжение, привлекая иностранных советников. Как это ни парадоксально, однако военную помощь Китай по-прежнему искал на Западе, не идя на более близкий контакт со своим потенциальным партнером — Россией.

Вплоть до конца XIX в. военные связи между Россией и Китаем так и не получили развития, несмотря на объективно благоприятные условия для их развития. Контакты между нашими двумя странами в военной сфере ограничились лишь несколькими проектами.

В Военном министерстве, Главном штабе, приграничных с Китаем военных округах, равно как и в российском представительстве в Пекине внимательно следили за развитием военно-политической обстановки в соседней стране, превращенной в арену ожесточенных политических и военных схваток европейских держав, США и Японии. Китайско-японская война 1895 года показала абсолютную слабость и неподготовленность Китая к защите своих собственных интересов и прав. Китайская армия, даже те ее

[194] А.Я. Максимов. Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. СПб., 1901.

части, которые были подготовлены немецкими инструкторами, оказались полностью деморализованными и неподготовленными к боевым действиям.

У России были свои военно-политические и экономические интересы на Дальнем Востоке, прежде всего в Маньчжурии. Развивая отношения с Китаем, Россия вызывала недовольство со стороны Японии и Англии, стремившихся помешать укреплению ее позиций на Дальнем Востоке. Объективно Россия была заинтересована в стабильном и сильном Китае, который мог бы самостоятельно противостоять другим державам. К таким выводам приходили в российском внешнеполитическом и военном ведомствах.

В ноябре 1895 года временно командующий войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант Н.И. Гродеков направил на имя начальника Главного штаба секретную аналитическую записку, в которой высказался за необходимость командирования в Китай российских военных инструкторов. В ней подробно анализировались состояние вооруженных сил Китая и перспективы их развития, а также возможности России оказать военную помощь своему соседу:

«Закончившаяся в настоящем году японо-китайская война в значительной степени выяснила не только политические отношения и задачи двух главнейших азиатских держав, но вместе с тем пролила свет и на целый ряд вопросов, которые доныне представлялись в известной доле сомнительными и гадательными. Таким образом, между прочим, сделалось прежде всего очевидным бесспорное стремление Японии занять на азиатском материке господствующее значение, не безопасное для интересов не только Китая, но и европейских государств; затем была вполне доказана совершенная несостоятельность китайских войск в настоящем их виде, и, наконец, наряду с этим и для нас как бы еще рельефнее выдвинулось громадное значение Приамурья, бывшего доныне предметом если не пренебрежения, то во всяком случае далеко незаслуженного невнимания в смысле политической окраины, требовавшей, несомненно, большей заботы для укрепления ее за нами.

Совместным и решительным давлением трех европейских государств ныне, по-видимому, обузданы поползновения Японии, опасные для азиатского политического равновесия, но не подлежит сомнению, что давление это не пришлось по нраву гордой и тщеславной японской нации, упоенной недавними победами, и стремления ее, задержанные на время, останутся в будущем ее политическим идеалом.

Естественным последствием такого положения дел является необходимость быть готовым к отражению притязаний, способных снова нарушить мир Далекого Востока, и из всех держав ближе и непосредственнее других заинтересованных в этом, конечно, должны быть признаны Китай и Россия. Общность наших интересов настолько очевидна, что едва ли было бы в настоящее время для нас целесообразным сохранять то обособленное и равнодушное по отношению к Китаю положение, которое доныне мы занимали, не обращая даже внимания на настойчивое стремление наших европейских соперников завоевать там преобладающее значение. Такая нарождающаяся «силою вещей» связь обязывает нас подробно ознакомиться с силами и средствами нашего соседа и позаботиться, чтобы в случае возникновения новой борьбы все бремя ее не пало бы исключительно на нас и на нашу Приамурскую окраину, а распределилось бы более равномерно и пропорционально интересам каждого из союзников.

Естественным исходом из подобного положения является необходимость отнестись с серьезным вниманием к положению в Китае военного дела, находящегося там ныне в безусловно критическом состоянии.

Только что миновавшая война доказала воочию, что Небесная Империя, невзирая на принимавшиеся ее выдающимся государственным деятелем Ли-Хун-Чаном и за несколько лет принятым мерам, вовсе не обладает армией в европейском смысле этого слова. Попытки названного сановника, не щадившего затрат для сформирования в Китае регулярного войска и прибегавшего с этой целью к европейским инструкторам, не дали, очевидно, никаких результатов. Вооруженные по европейскому образцу и обученные самым сложным эволюциям, батальоны китай-

цев на деле — в бою — оказались такой же беспорядочной ордой, как и остальные их неученые собратья, и отсутствие в этих войсках воинского духа и дисциплины обнаруживались систематически при каждом их столкновении с правильным строем японских войск. Положение это стало так очевидно в течение войны, что было признано самим правительством, откровенно заявившим богдыханским манифестом о полной негодности китайской армии.

Такое положение нельзя не признать весьма характерным, ибо оно несомненно является ручательством твердого намерения китайского правительства принять меры к изменению настоящего положения дел и к созданию у себя более действенной армии.

Как уже сказано выше, обучение некоторой части регулярных войск Небесной Империи было вверено иностранным инструкторам, между коими, однако, доныне не было, впрочем, русских представителей. Труд этих офицеров, как видно по результатам, не увенчался успехом, и каковы бы ни были причины этого, но можно с известной достоверностью сказать, что кредит означенным инструкторам в настоящее время в Китае значительно подорван.

При подобных условиях, то есть при признанной самим правительством необходимости создать действительную вооруженную силу, с одной стороны, и при потере им доверия к имевшимся доныне инструкторам — с другой, представляется более чем вероятным, что Китай был бы доволен переменить своих военных учителей и мог бы обратиться за таковыми к России, как к державе наиболее заинтересованной в создании у своего соседа регулярного, серьезного войска.

Наряду с этим и с нашей стороны несомненно предпочтительнее занять роль военных учителей Китая самим, нежели терпеть обучение его войск другими европейскими офицерами, которые, очевидно, независимо от их официального назначения являются естественными агентами своих национальных интересов, диаметрально противоположных интересам России.

Приступая к этому вопросу, прежде всего нельзя не высказать, что, невзирая на плачевные результаты войны для

Китая и несмотря на несомненно приниженное положение там военного сословия, к которому миролюбивое земледельческое население относится искони с крайним презрением, мы не имеем, однако, никаких серьезных данных для того, чтобы с достоверностью утверждать, будто в Китае окончательно невозможно создание сколько-нибудь порядочной армии. Если даже допустить, что сформирование ее на принципах гражданского и патриотического долга, лежащих ныне в основе каждого европейского войска, и было бы здесь недостижимо, то во всяком случае при наличности в этой громадной Империи массы бесприютного, полуголодного населения, это последнее должно, безусловно, дать с избытком материал, пригодный для образования из него военных ремесленников или даже специального служилого класса, наподобие того, который существовал до последнего столетия во многих европейских государствах и существует даже и доныне в Англии. Независимо сего, пригодным для этого дела элементом должно явиться собственно маньчжурское племя, к которому принадлежит ныне царствующая в Китае династия. Хотя до некоторой степени окитаенное, оно, однако, и доныне значительно отличается от покоренного им когда-то народа. В нем сохранились и даже в известной мере поддерживаются самим правительством прежние военные традиции, и, если не на самом деле, то по крайней мере в принципе, все маньчжуры и доныне составляют иррегулярное войско. Элементы эти при несколько обдуманной постановке не могут не представлять из себя военного материала, и если из них нельзя будет образовать непобедимых народных полчищ, в коих вовсе нет для нас и надобности, то во всяком случае из них будет возможно создать нечто более стройное, чем то, что имелось доныне, и в качестве вспомогательных эти войска, не представляя, может быть, сами по себе особой опасности, могли бы быть, однако, несомненно полезны.

Нельзя также с положительностью сказать, чтобы презрение китайцев к военному делу, ставшее ныне как бы ходячей истиной, было бы и на самом деле окончательно непреоборимо. Можно, напротив, предполагать, что подоб-

ный взгляд народа выработался здесь на почве многовекового мира, благодаря исключительно чисто китайской административной системе, опирающейся не на законах и справедливости, а на грубой солдатской силе, которая таким образом вместо того, чтобы служить гордостью и опорой нации, искони являлась здесь лишь инструментом угнетения в руках недостойных народоправителей.

Опыт перенесенной войны, пробуждающей уже китайское правительство, не может не заронить и в самом народе сознания необходимости и полезности для него регулярной армии, не имеющей ничего общего с ненавистными ей толпами грабителей, и при подобных условиях даже и в Китае вековой предрассудок против военного дела может во всяком случае постоянно ослабевать»[195].

В своей записке генерал Н.И. Гродеков сделал вывод, что китайское правительство после позорного поражения в только что закончившейся войне с Японией готово принять меры по реформированию своих вооруженных сил.

Одновременно с изучением военно-политической обстановки в Китае и приграничных с Россией провинциях этой страны в штабах войск Амурской, Приморской и Забайкальских областей в 1895 году начался по заданию Главного штаба поиск офицеров и нижних чинов со знанием китайского, маньчжурского и монгольского языков. Результаты исследования оказались неутешительными. Только среди казачьего населения нашлось лишь несколько десятков лиц, знающих немного монгольский и маньчжурский языки[196].

Переговоры с китайской стороной о посылке российских военных инструкторов или советников в Китай начались по инициативе российского правительства. Однако с самого начала они шли трудно, наталкиваясь на явный и скрытый саботаж и нежелание пекинских властей иметь дело с Россией. Это особенно хорошо понимали российские дипломатические и военные представители в Пекине, прежде

[195] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 29 (1). Л. 11–13 (об).
[196] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 29(1). Л. 4.

всего российский военный агент полковник К.И. Вогак. Именно поэтому донесения из Пекина в адрес Главного штаба в ноябре–декабре 1896 года нередко были противоречивы и непоследовательны.

25 ноября 1896 года полковник К.И. Вогак, донося в Военно-ученый комитет Главного штаба о начале предварительных переговоров с китайской стороной о посылке в Китай российских военных инструкторов, сообщил: «Все слухи о новых германских инструкторах не основательны. Китайское правительство принципиально согласно принять русских офицеров»[197].

Однако это сообщение не в полной мере соответствовало реальной действительности. Во-первых, сам К.И. Вогак в последующих своих донесениях неоднократно подчеркивал активные усилия Германии по внедрению в китайские войска немецких военных советников — как кадровых офицеров, так и отставных военнослужащих. В конце декабря того же года российский военный агент представил шифрованное донесение о проекте комиссара таможни в Тяньцзине немца Детринга о приглашении в Китай четырех старших инструкторов и 40 младших военных инструкторов для китайской армии. Условиями 5-летнего контракта предусматривалось, что китайские власти не могут вмешиваться в дела инструкторов[198]. Как показали последующие события, Германия действительно направила своих военных инструкторов в Китай. 13 октября 1897 года К.И. Вогак сообщил шифровкой в Петербург: «Несмотря на постоянное обещание Китая не приглашать немецких инструкторов, в Тяньцзинь прибыли в военное училище отставной германский поручик Тенке, ожидается еще один офицер»[199].

Во-вторых, «принципиальное согласие» китайской стороны принять российских военных советников мало чего значило в принципе. Китайская манера проведения переговоров и недоверие Пекинского двора по отношению к России как таковой не придавали оптимизма. Впоследствии

---

[197] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.
[198] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 29(1). Л. 114.
[199] РГВИА.Ф. 477. Оп. 1. Д. 31. Л. 55.

сам К.И. Вогак доносил в Главный штаб о том, что Пекин «уклонился от немедленного разрешения этого вопроса, ссылаясь на несвоевременность осуществления русского проекта».

Российский военный агент в своих донесениях подробно анализировал сложившуюся в Пекине ситуацию и выделял две главные причины, по которым китайское правительство пошло на отказ от предложения российской стороны. Он отмечал, что слабость центральных органов власти империи не позволяла Пекину эффективно влиять на положение дел в провинциях, где местные правители выступали категорически против любых реформ в военной области, резонно опасаясь ослабления личного влияния на местах. Кроме того, китайские дипломаты заявили российскому посланнику в Пекине, что принятие российского предложения вызвало бы «целую бурю» среди представителей иностранных держав, прежде всего Англии, Германии и Японии, которые не преминут воспользоваться этим предлогом для предъявления Китаю новых политических и экономических требований.

Оценивая ситуацию с принятием военных реформ в Китае в целом, полковник К.И. Вогак вновь подчеркнул: «... центральное правительство и местные власти оценивают всякое дело не с точки зрения его пользы для государства, а только в смысле выгоды своих личных интересов. Это тем более справедливо, что Китай, за редким исключением, никогда не вводил у себя по собственной инициативе европейские нововведения, а делал это под давлением дипломатии или войны»[200].

В декабре 1896 года, когда переговоры с китайской стороной уже начались, полковник К.И. Вогак донес рапортом в Главный штаб, что китайские власти просто не желали осуществлять реальные военные реформы. Официальным доводом китайской стороны было отсутствие денег. Все деньги, выделявшиеся военному ведомству, разворовывались китайскими чиновниками и шли фактически только на содержание войск и закупку некоторого количества во-

[200] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 29(2). Л. 214.

оружения. Обучение военному делу не считалось в Пекине делом важным и необходимым.

На основании анализа военно-политической обстановки в Китае полковник К.И. Вогак делал вывод: «...Китайское правительство ответит отказом, в том или другом виде, на сделанное нами Цзунли ямэню предложение о командировании в Китай наших офицеров и унтер-офицеров. Если китайцы и не решатся на категорический отказ, то ответ их, во всяком случае, будет уклончивого характера, в расчете на выигрыш времени».

Далее российский военный агент отмечал: «...я считаю своим долгом еще раз доложить, что, по моему глубокому убеждению, Китайское правительство согласится на реформы, в настоящем смысле этого слова, лишь под более или менее сильным дипломатическим давлением. Вся история Китая показывает, что Империя эта никогда не предпринимала каких-либо новшеств по своей собственной инициативе; ей всегда приходилось уступать силе оружия или дипломатическому давлению извне. Нет ровно никаких оснований допустить, чтобы в данном случае Китайское правительство сделало исключение для военных реформ, к которым оно относится более нежели равнодушно, чтобы не сказать враждебно».

В своем рапорте К.И. Вогак дал военно-политическую оценку состоянию и перспективам развития российско-китайских военных отношений, отметив необходимость проявить твердость в деле обеспечения российских интересов: «Решаюсь добавить к этому, что раз мы обратились к Китаю с предложением о присылке ему инструкторов для армии, то отступать нам уже нежелательно. Сказанное нами предложение, как и все те, с чем мы за последние два года обращались к Китаю, имело характер требования и принятие отказа со стороны Китая, а тем более допущение сюда военных инструкторов какой-либо другой нации, несомненно, нанесло бы удар нашему достоинству, нашему преобладанию в этой стране, для достижения которого нами принесено уже немало жертв»[201].

---

[201] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 29(2). Л. 159.

Миссия полковника Воронова

В декабре 1896 года китайский генерал Не-Ши-Чен (Не Шичен)[202], командующий войсками Печилийской провинции, обратился к российскому правительству с просьбой командировать в его войска одного офицера и одного урядника в качестве советников по кавалерии.

С самого начала предложение китайского генерала выявило принципиальные разногласия между дипломатическим и военным ведомствами России. МИД полностью поддержал просьбу Не-Ши-Чена, призывая развивать отношения с провинциальными китайскими властями на местах, в то время как российское Военное министерство настаивало на необходимости межгосударственного соглашения. Военное ведомство было озабочено статусом и полномочиями российских инструкторов в Китае, опасаясь превращения их в «простых наемников» при провинциальном генерале. На основании этого военными специалистами делался вывод, что деятельность российских военных инструкторов не будет отвечать стратегической цели — помощи вооруженным силам Китая в осуществлении военной реформы. В справке Главного штаба, составленной по материалам донесений полковника К.И. Вогака, в связи с этим отмечалось: «При таких условиях наши офицеры и унтер-офицеры, командированные в китайскую армию, не будут приносить никому пользы, и положение их не будет отвечать достоинству чинов Русской армии»[203].

В апреле 1897 года в Главный штаб пришло шифрованное донесение от полковника К.И. Вогака, в котором он возбужденно докладывал: «Поверенный в делах в Пекине сообщил частным письмом, что решено не навязывать Китайскому правительству наш проект об инструкторах, ограничившись частными командировками офицеров из Приамурского ВО в качестве советников к разным генералам, и просить моего ходатайства. Ввиду полного противо-

[202] В архивных документах встречаются различные варианты написания имени китайского генерала: Не-Ши-Чэн; Неши-Ченг и др.

[203] РГВИА.Ф. 477. Оп. 1. Д. 29(2). Л. 214–215(об).

речия этого с полученными мною инструкциями, прошу указаний»[204].

Несмотря на разногласия, оба российских ведомства находили важным и необходимым всемерно развивать с Китаем отношения в военной области. Российский император 20 декабря 1896 года «изъявил признать возможным и желательным командировать наших инструкторов для китайских войск»[205].

Однако уже через десять дней императору докладывается поступившее из Пекина шифрованное донесение от полковника К.И. Вогака: «По вопросу инструкторов китайцы ответили уклончиво, отложив обсуждение на неопределенное время, что равносильно отказу, — Китай вовсе не думает о серьезных реформах». На поступившем из Военного министерства документе российский император собственноручно написал «Странно»[206].

В действительности ничего странного в позиции китайской стороны не было. О ней в своих донесениях в Главный штаб неоднократно сообщал российский военный агент в Китае, и в российском военном ведомстве внимательно отслеживали обстановку вокруг проблемы военных инструкторов.

В создавшихся условиях российская сторона вынуждена была удовлетворить просьбу китайского генерала Не-Ши-Чена.

Первоначально предполагалось подобрать соответствующих кандидатов в Приамурском военном округе, однако вскоре выяснилось, что округ найти достойных кандидатов для выполнения задания в Китае не может. И все же 10 февраля 1897 года командующий войсками Приамурского ВО генерал-лейтенант Духовский донес в Главный штаб о своем решении командировать в Китай корнета Родственного и одного сверхсрочного унтер-офицера в качестве инструкторов в кавалерию генерала Не-Ши-Чена, запросив при этом средства на командировку. Не получив никаких указаний и разрешения из столицы, Духовский в

[204] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 29(2). Л. 218.
[205] РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 29(1). Л. 23.
[206] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 29(1). Л. 108, 110.

конце февраля приостановил все мероприятия по командированию корнета Родственного[207].

И только 17 мая 1897 года начальник Главного штаба генерал-адъютант Обручев доложил Военному министру: «Имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что Лейб-Гвардии Гусарского полка полковник Воронов изъявил полную готовность отправиться в Китай для исполнения там обязанностей кавалерийского инструктора при войсках Печилийской провинции...»[208].

Вместе с рапортом докладывалась краткая записка о службе полковника Воронова:

«Родился 26 июля 1862 года.

Из дворян Костромской губернии.

Воспитывался в Николаевском кавалерийском училище и окончил курсы по 1-му разряду.

Произведен в полковники 6 декабря 1895 года.

Назначен помощником командующего полком по строевой части 2 мая 1896 года.

Штрафам не подвергался. Холост.

В походах и делах против неприятеля не был.

Получает содержание:

— жалованье 687 р.
— столовых 849 р.
— квартирных 250 р.»[209].

Полгода шло оформление документов, согласование всех вопросов и технических деталей, связанных с отправкой российского офицера в Китай. Вместе с ним направлялись также два унтер-офицера того же полка — Тимофей Запорожцев и Сидор Артамонов, а также рядовой Петр Лебедев в качестве прислуги[210].

В августе 1897 года полковник Воронов получил секретную инструкцию от начальника Главного штаба, где в общем виде указывались его права и обязанности. Одним из принципиально важных пунктов был следующий: «Равным образом Вы не будете непосредственно подчинены генера-

[207] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 29(2). Л. 194, 195.
[208] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.
[209] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 31. Л. 11.
[210] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 31. Л. 35.

лу Не-Ши-Чену, а все вопросы, касающиеся Вашего положения при названном генерале, будут решаться соглашением между Цзунли ямэнем и нашей миссией в Пекине.

Все подробности исполнения возлагаемого на Вас поручения будут Вам выяснены нашим Китайским Посланником, советами и указаниями коего Вы обязаны руководствоваться»[211].

Аналогичные инструкции и указания от Главного штаба в последующем неоднократно получал наш военный агент в Китае полковник К.И. Вогак: «Передайте полковнику Воронову Высочайшее повеление ограничиваться ролью инструктора, не стремясь стать самому начальником китайских войск. Он должен установить наилучшие отношения к китайским властям и подчиняться всем указаниям нашего представителя»[212].

Тем самым с самого начала российской стороной ставилась перед Вороновым конкретная двуединая задача: организация обучения китайской кавалерии и ведение военно-политической работы по линии российского дипломатического представительства. Российская сторона неизменно подчеркивала особенный статус своего военного советника в китайских войсках. Будучи независимым от китайской стороны прежде всего в финансовых вопросах, он не подчинялся китайскому командованию, в том числе и самому генералу Не-Ши-Чену. Этим статус Воронова отличался от статуса военных советников из других стран, деятельность которых китайцы оплачивали непосредственно.

В этом была, возможно, одна из основных причин, почему китайская сторона не пошла на более тесные военные связи с Россией, несмотря на очевидную для себя выгоду. Независимость российских советников и их неподчиненность китайским генералам, в основной своей массе весьма спесивым, не могла не вызывать раздражения последних.

Западный стиль военной помощи Китаю был более эффективным: стандартный прием «кнута и пряника» сраба-

---

[211] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 31. Л. 29.
[212] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 31. Л. 69.

тывал в условиях китайской действительности превосходно. Западные страны не останавливались перед применением силы против Китая и в то же время при необходимости могли проявить требуемую по китайскому этикету лицемерную «покорность».

Вместе с тем нельзя не отметить, что деятельность российских военных советников при китайских войсках получила высокую оценку самого генерала Не-Ши-Чена. Об этом он писал в своем благодарственном письме в адрес полковника Воронова: «Недавно я имел случай лично ознакомиться с ходом обучения войска (в Кайпине) и не могу не выразить мою радость по поводу образцового порядка и солидарности наших взглядов... Могу только пожелать, чтобы занятия продолжались с таким же усердием, дабы успехи увеличивались с каждым днем»[213].

Повседневная деятельность российских военных инструкторов заключалась в помощи китайской стороне в организации быта и обеспечения войск и в обучении китайских военнослужащих основам строя и тактики. Помимо этого, занятия с китайскими военнослужащими охватывали также и общеобразовательные предметы обучения, прежде всего элементарные знания в области арифметики.

В соответствии с оговоренными с Не-Ши-Ченом условиями срок пребывания полковника Воронова истекал в августе 1900 года. Однако китайский генерал по военно-дипломатическим каналам обратился к российской стороне с просьбой о продлении срока пребывания российских военных инструкторов. Россия пошла навстречу этой просьбе.

5 марта 1900 года полковник Воронов собственноручно написал рапорт в Главный штаб: «Нахожу для себя вполне возможным продлить срок пребывания в Китае еще на три года, т.е. до 16 августа 1903 года»[214]. 30 мая 1900 года поступило высочайшее соизволение на продление срока пребывания русских военных инструкторов в Китае. При этом вновь подчеркивалось одно важнейшее условие: «В отличие от прочих иностранных инструкторов, нанятых Кита-

[213] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 31. Л. 95.

ем за деньги, названному штаб-офицеру указано не получать от китайского правительства никакого вознаграждения и, не находясь в непосредственном подчинении генералу Не-Ши-Чену, состоять при нем лишь в качестве военного советника»[215].

Однако согласие российской стороны на дальнейшее продолжение сотрудничества с генералом Не-Ши-Ченом так и не реализовалось. Резко обострявшаяся в начале 1900 года обстановка в Китае и вокруг Китая к середине того же года достигла критической черты. Европейские державы, в том числе и Россия, начали военные действия в Китае. Деятельность российских военных инструкторов в Китае приобретала непонятный характер.

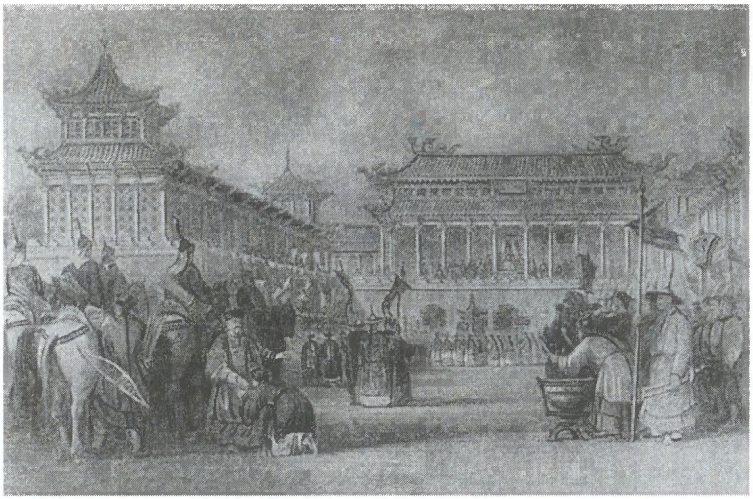
Полковник Воронов и два его унтер-офицера 22 мая 1900 года перебрались в Тяньцзинь, где вместе с другими иностранцами, проживавшими в Китае, выдержали месячную блокаду со стороны китайских войск. Ни о какой инструкторской деятельности речи уже быть не могло.

В конце июня 1900 года генерал-лейтенант А.И. Куропаткин в докладной императору прямо написал: «Ввиду происходящих в настоящее время в Китае событий последующее пребывание нашего офицера советником при китайских войсках представляется неуместным, и, в соответствии с сим, полагал бы как полковника Воронова, так и состоящих при нем унтер-офицеров ныне же прикомандировать к войскам экспедиционного отряда, а по прекращении настоящих обстоятельств отозвать из командировки...». Император собственноручно написал на докладной резолюцию «Согласен»[216].

Решение императора не было доведено до самого Воронова вплоть до декабря 1900 года. Находясь в неведении, он вынужден был написать рапорт в Главный штаб с ходатайством о предоставлении ему полугодового отпуска по состоянию здоровья с выездом в Россию[217].

---

[214] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 31. Л. 110.
[215] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 31. Л. 120.
[216] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 31(2). Л. 127.
[217] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 31(2). Л. 152.

Парад императорских войск у Пекинского дворца

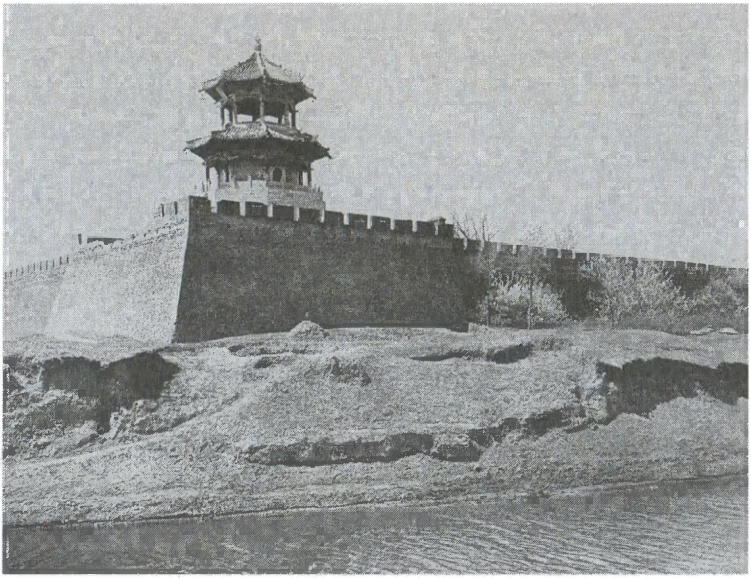
Маньчжурский министр и начальник знамени

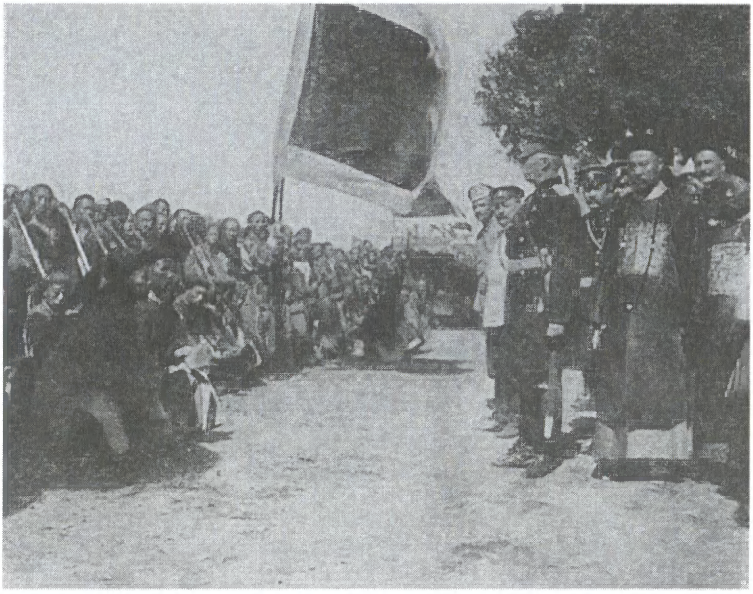
Контр-адмирал Г.И. Невельской

Командир Петропавловского порта контр-адмирал Завойко

Ляоянская городская стена

Китайские власти приветствуют генерала барона Каульбарса

Китайский отряд «Пинтуй»

Городские ворота Ляояна

Начальник китайского отряда

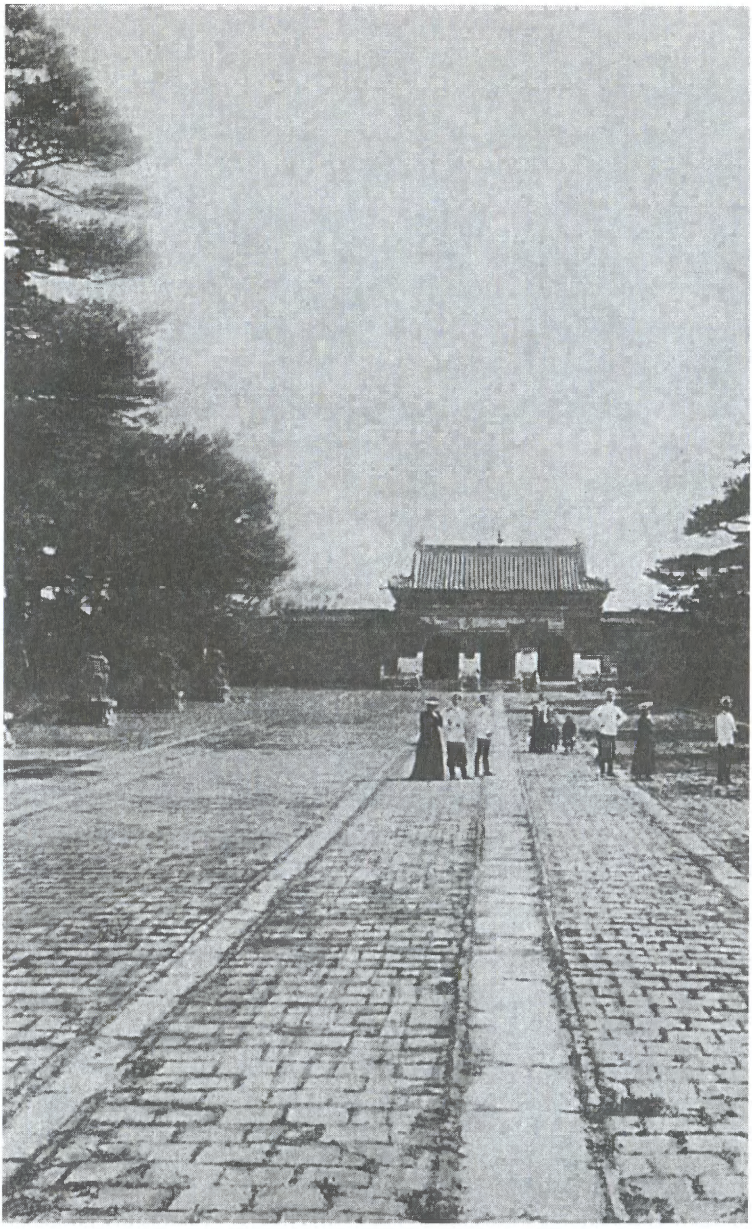
Писарь и ординарцы китайского отряда на службе у полковника Мадритова

Засада 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка в гаоляне

Китайский чиновник со своим семейством

Главная аллея в ограде императорских могил

Русско-китайский пост у деревни Таулу

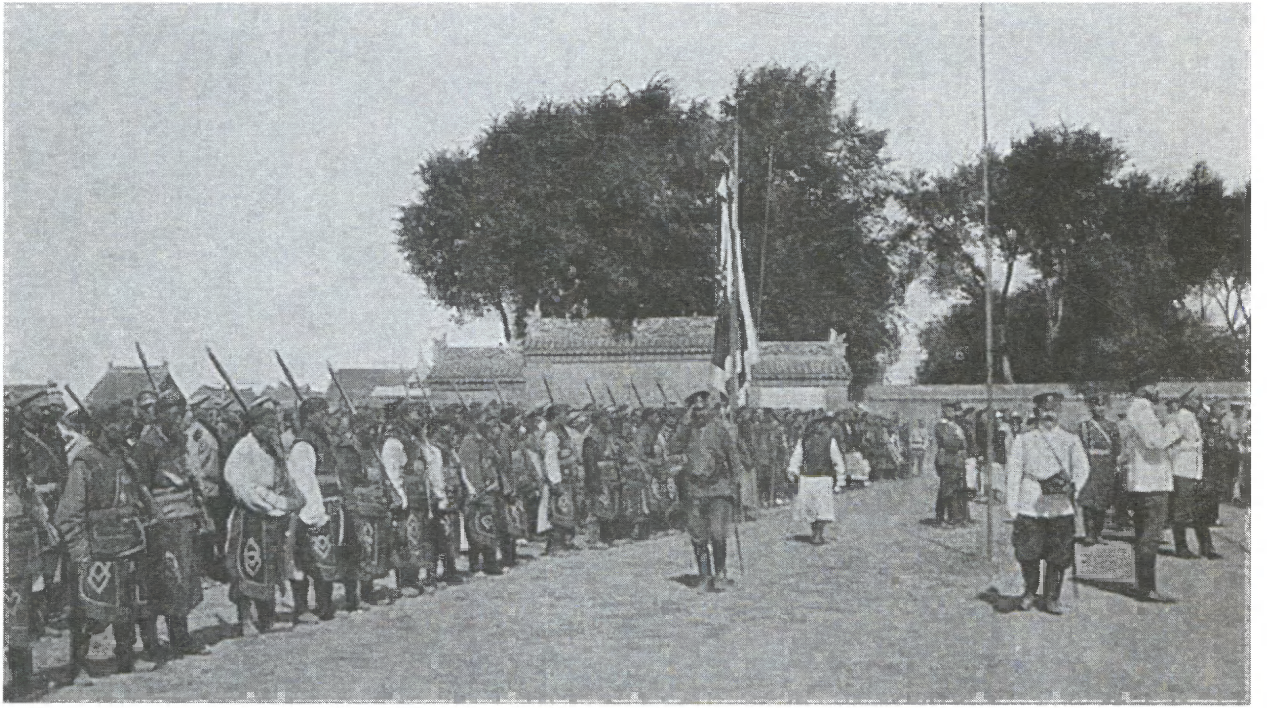
Тип оборонительных казарм пограничной стражи вдоль железной дороги

400 георгиевских кавалеров 11-го Восточно-Сибирского полка

Ворота в Маймыкае

Китайский почетный караул для встречи главнокомандующего

Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии генерал-адъютант Линевич

Командующий 1-й Маньчжурской армией генерал-адъютант Куропаткин

Генерал-квартирмейстер при главнокомандующем генерал-майор Орановский

Командующий 2-й Маньчжурской армией генерал от кавалерии барон Каульбарс

Положение российского офицера в Китае было действительно странным. Ограниченный в своих правах и обязанностях, он испытывал огромные трудности и с материально-бытовым положением. Положение усугублялось тем, что, находясь в Тяньцзине, он всю вторую половину 1900 года не получал вообще никаких денежных средств. 15 октября Воронов направил телеграмму в Главный штаб, 15 декабря он вновь вынужден был написать рапорт: «По сие время мною и состоящими в моем распоряжении унтерофицерами не получено содержание за вторую половину текущего года...»[218].

И, наконец, только 21 февраля 1901 года на докладной записке А.Н. Куропаткина императору об отзыве из Китая Воронова и двух унтер-офицеров появилась резолюция «Согласен»[219]. Однако российские военные инструкторы продолжали свою службу в Китае еще почти целый год — вплоть до декабря 1901 года. После этого российские военные советники были окончательно отозваны из Китая.

Китайская сторона высоко оценила деятельность Воронова и двух его помощников. В марте 1901 года они были награждены от имени императора Китая орденами Двойного Дракона и другими памятными подарками.

Заслуги Воронова были отмечены и российской стороной. За выполнение задания в декабре 1899 года он был награжден орденом Святой Анны 2-й степени. В середине июня 1901 года за боевое отличие, «мужество и распорядительность при обороне Тяньцзиня» он был удостоен ордена Святого Владимира 4-й степени с бантом[220].

Таким образом, первый опыт военной помощи России Китаю советниками и специалистами в 1896—1901 гг. оказался в целом неэффективным.

Уровень и масштабы этой помощи не соответствовали ни китайским, ни российским интересам и возможностям. России не удалось убедить Пекин поставить эти отношения на межгосударственный уровень. Китайская сторона

[218] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 31(2). Л. 154.
[219] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 31(2). Л. 157.
[220] РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 31(2). Л. 182.

отказалась от каких-либо крупномасштабных проектов. Деятельность трех российских военных инструкторов носила фактически частный характер.

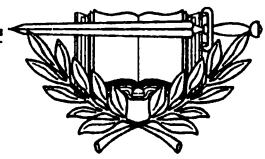
Отказ Пекина от сотрудничества с Россией в области подготовки военных кадров и проведения реформ в китайской армии объективно был большой ошибкой. Китай упустил возможность получить квалифицированную и во многом бескорыстную военную помощь от своего северного соседа, ориентируясь в основном на позиции западных держав.

Неудачи в стремлении России укрепить Китай в военном отношении, прежде всего перед лицом растущей угрозы со стороны Японии, безусловно сказались через несколько лет на ходе и исходе русско-японской войны.

Проблема посылки в Китай военных советников выявила большие расхождения во взглядах среди политических элит России, между позициями дипломатических и военных ведомств внутри страны. Это свидетельствовало об отсутствии в России единой государственной концепции в отношении целей, путей, средств и методов военной помощи Китаю.

Кроме того, опыт командирования первых российских военных инструкторов в Китай показал необходимость учета специфики этой страны, ее политических, культурно-исторических, национально-психологических и иных особенностей.

Итак, миссия полковника Воронова и двух его унтерофицеров в Китае продолжалась 4 года и 3 месяца. Сложившаяся к тому времени военно-политическая обстановка в регионе не позволила продолжать эту деятельность, равно как и расширить масштабы российской военной помощи своему северному соседу. Опыт деятельности первых российских военных инструкторов в Китае оказался фактически невостребованным.

ГЛАВА 6
ВОЕННЫЙ ПОХОД ВОСЬМИ ДЕРЖАВ НА ПЕКИН В 1900 Г.

Военные действия союзников в провинции Чжили

С началом 1900 года военно-политическая обстановка в Китае резко обострилась. Страну охватила мощная волна народного восстания под руководством тайного общества Ихэтуань, самих же участников этого всенародного восстания на Западе называли «боксеры». Цинское правительство теряло контроль над страной, накопившиеся внутриполитические противоречия в обществе дошли до крайней точки, чреватой социальным взрывом.

В попытке удержать власть Цинский двор проявил себя двулико: с одной стороны, официальный Пекин принимал меры к установлению порядка и спокойствия в Поднебесной, с другой стороны, он поддержал движение народных масс, попытавшись направить народное недовольство против иностранного влияния и иностранцев в Китае. Необразованные, голодные массы людей организовывались в группы и отряды, вооружались пиками и дубинами и шли убивать «заморских дьяволов-иностранцев», от которых, по их убеждению, и были все беды.

На начальном этапе цинские власти объявили движение ихэтуаней преступным и даже пытались его остановить силовыми методами и средствами. Так, 24 мая войска генерала Не Шичена (именно в этих войсках военным инструктором

был российский полковник Воронов) разгромили отряды «боксеров» у станции Янцун, «перебив их до 600 человек».

По мере роста движения ихэтуаней маньчжурские власти в центре и на местах начали оказывать ему вначале скрытую, а впоследствии и открытую поддержку. Кризис достиг своей высшей точки в мае 1900 года, когда «боксеры» стали жечь дома всех христиан и иностранцев, разрушать железные дороги и станции. Огнем восстания оказалась охвачена вся столичная провинция Чжили, повстанцы вошли в Пекин.

Движение ихэтуаней, с каждым днем принимавшее в отношении иностранцев все более жесткие и жестокие формы, поставило под угрозу жизнь и имущество посольств и всех граждан европейских держав и Японии, находившихся в Пекине и Тяньцзине.

18 мая цинское правительство разрешило сводному отряду союзников силой в 350 человек проследовать в Пекин для охраны своих национальных посольств. В течение мая десантные отряды европейских держав и Японии один за другим последовательно высаживались в Дагу. Немедленно после высадки войска направлялись в Тяньцзинь для охраны иностранных концессий.

В середине мая 1900 года из Порт-Артура на Печилийское побережье в Чжили был отправлен отряд десанта под командованием контр-адмирала М.Г. Веселаго. 24 мая в Дагу на крейсере «Россия» подошел еще один русский отряд под командой вице-адмирала Я.П. Гильтебрандта. 30 мая в Дагу прибыл 12-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.

К 27 мая в Тяньцзине сосредоточилось до 3 тысяч союзных военнослужащих.

Действия экспедиционного отряда адмирала Сеймура

На совещании командного состава национальных воинских контингентов в Тяньцзине было принято решение выслать в Пекин сводный отряд для охраны и усиления оборонительных возможностей иностранных посольств. Командование сводным отрядом было поручено английскому адмиралу Сеймуру. В состав отряда вошли 915 англичан,

450 немцев, 312 русских, 158 французов, 112 американцев, 52 японца, 40 итальянцев, 25 австрийцев[221].

Движение в Пекин было решено организовать с использованием железнодорожной ветки Тяньцзинь—Пекин. Несмотря на то, что она была во многих местах разрушена «боксерами», союзники считали марш по железной дороге более эффективным, чем движение своим ходом колоннами через враждебную местность, где были сосредоточены многочисленные китайские войска и отряды повстанцев.

27 мая в сторону Пекина вышел первый поезд с войсками союзников. Реальность оказалась значительно более сложной, чем планы союзного командования. Столкнувшись в пути с множеством трудностей — нападениями «боксеров», недостатком продовольствия и воды, жарой и необходимостью частых остановок для ремонта железнодорожного пути, — отряд Сеймура в конце концов вынужден был остановиться. На совещании командного состава было принято решение двигаться к Пекину не по железной дороге, а вверх по реке Пейхо.

Однако с 4—5 июня отряд адмирала Сеймура вдруг неожиданно для себя обнаружил, что боевые действия с ним начали вести регулярные китайские войска. 5 июня в 14.30 крупная группировка войск из состава дивизии генерала Дун Фусяна численностью около 2 тысяч человек кавалерии и пехоты вместе с отрядами «боксеров» внезапно напали на союзные войска у Ланфана. Завязался жестокий бой, в котором приняли участие 1100 солдат союзников. Китайцы «сопротивлялись мужественно и признали себя побежденными только к 4 часам пополудни, оставив на поле сражения убитыми около 400 человек; у союзников выбыло из строя около 50 человек»[222].

4 июня стало рубежным днем в развитии военной ситуации в Китае. Войска союзников штурмом овладели фортами и укреплениями Дагу. С этого момента начались ожесточенные нападения на иностранные посольства в Пеки-

[221] Военные события в Китае (1900—1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 106—107.

[222] Военные события в Китае (1900—1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 110.

не и концессии в Тяньцзине. Фактически это было необъявленным началом военных действий иностранных держав против Китая.

Столкнувшись с непреодолимыми трудностями, отряд Сеймура 7 июня в 6.00 утра вынужден был начать отступление вниз по реке Пэйхо к Тяньцзиню. На всем пути союзники подвергались ожесточенным атакам со стороны войск генерала Не-Ши-Чена и «боксеров», общая численность которых достигала 5 тысяч человек. Противник удерживал каждую деревню, каждый населенный пункт, широко применял засадные действия и каждый раз отходил на новый, заранее подготовленный рубеж.

9 июня сводный отряд закрепился в арсенале Сику, заняв круговую оборону и оказавшись фактически отрезанным от Тяньцзиня. Нападения китайских войск продолжались и днем, и ночью. Несмотря на то, что в арсенале Сику союзники взяли в качестве трофеев большое количество оружия и боеприпасов, а также 4 тонны риса, их положение с каждым днем безуспешных попыток прорыва к Тяньцзиню становилось все более критическим. К 11 июня общие потери отряда составили более 10% личного состава: 62 убитых и 229 раненых.

В соответствии с решением командования сводного отряда решено было остаться в арсенале и просить прислать на выручку войска из Тяньцзиня.

12 июня на помощь отряду адмирала Сеймура в Сику прибыли союзные войска численностью около 2 тысяч человек (из них 1 тысяча — русские) под командой русского подполковника Ширинского. Теперь сил у осажденных было достаточно для отражения нападений противника и для выхода из окружения. 13 июня в 3.30 утра колонны союзников вышли из Сику и организованно к 10.30 достигли Тяньцзиня. Небольшой отряд англичан, оставленный в Сику, подорвал арсенал со всеми его запасами, чтобы не допустить их попадания в руки китайцев. Китайцы пропустили колонны беспрепятственно.

Однако возвращение отряда адмирала Сеймура не могло качественным образом изменить военную обстановку. Гарнизон Тяньцзиня оказался в полной блокаде, отрезан-

ным от побережья. Интенсивные бомбардировки и атаки на союзников начались уже с 1 июня и продолжались более месяца.

Военная неудача первого похода союзных войск в Пекин явилась шоком для командования союзных держав. Как отмечалось в обзоре, подготовленном в разведывательном управлении генерального штаба Франции, «моральное действие неудачи экспедиции было крайне прискорбно; она возбудила спесь китайцев и дала надежду реакционной партии, господствовавшей тогда в императорском дворе, на возможность победить коалицию и загнать чужеземцев в море»[223].

После провала военной экспедиции на Пекин провидчески стали звучать слова русского военного агента в Китае полковника К. Вогака, который, рассматривая принципиальную возможность посылки русского отряда в Пекин, еще в марте 1900 года в своей записке предупреждал:

«В Чжили, в треугольнике Шаньхайгуань –Дагу–Пекин, сосредоточено около 50 тысяч обученных войск, вооруженных современными магазинными ружьями и скорострельными орудиями, не считая гарнизона Пекина и местных войск.

Сколь бы плохи эти войска ни были, сколь бы слабы ни были их начальники, их подавляющая численность не может быть оставлена без внимания, в особенности потому, что нашему отряду придется следовать без карт, без проводников, по совершенно незнакомой местности, пересеченной реками, каналами и наводненными пространствами, везя за собой все необходимое на колесном обозе, очень мало пригодном, чтобы не сказать более, для здешних дорог. Хорошо, если отряду удастся дойти до Пекина и войти туда, — тогда риск операции будет покрыт благополучным окончанием оной; но если невозможность пробиться в Пекин станет очевидной, то отряду придется отступать к морскому берегу и сесть здесь на суда.

Допуская даже, что эта деликатная операция при искусном маневрировании нашего отряда совершена будет бла-

---

[223] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 114.

гополучно, нельзя не признать, что общий результат будет все-таки весьма неблагоприятный. Он нанесет чувствительный удар нашему положению здесь и потребует немедленного принятия мер для восстановления нашего престижа, что может быть достигнуто только войною»[224].

В случае с военной экспедицией союзников под руководством адмирала Сеймура получилось все именно так, как предостерегал российский военный агент.

Операция союзников по штурму фортов Дагу

Пока экспедиционный отряд адмирала Сеймура продвигался в направлении Пекина, резко изменилась обстановка возле Тяньцзиня. Появилась информация о том, что «боксеры» перерезали путь от Дагу до Тяньцзиня, находившегося всего в 45 км от побережья. Для союзников удержание порта Дагу и дороги до Тяньцзиня, где сосредоточивались десанты и войска европейских держав и Японии, было принципиально важным. Дагу был фактически единственным наиболее удобным портом Китая, где союзные войска могли успешно высадиться и начать свое движение по кратчайшему пути к Пекину на выручку своих осажденных посольств.

Стратегическое значение укреплений Дагу и всего порта хорошо понимали китайцы. Туда начали стягиваться регулярные войска, форты готовились к обороне, в устье реки Пэйхо началась установка минных заграждений.

2 июня представители союзных держав на встрече на борту русского крейсера «Россия» пришли к мнению о необходимости упредить противника в развертывании и овладеть инициативой. С этой целью вечером 2 июня японский десант численностью 300 человек высадился и занял железнодорожную станцию Тангу (Тонгку) рядом с Дагу. На другой день к японцам прибыло подкрепление в составе 180 русских, 250 англичан, 120 немцев и некоторого количества представителей других держав. Общая числен-

---

[224] Военные действия в Китае 1900–1901 гг. Составил Генерального штаба генерал-майор А.З. Мышлаевский. Часть I. С.-Петербург, 1904. С. 1–6.

ность сводного отряда составила около 900 человек. Его возглавил капитан германского флота Поль.

3 июня командный состав союзников вновь собрался на борту «России» и составил ультиматум в адрес китайских властей, в котором говорилось, что союзники «решили временно занять мирно или силою форты Дагу. Эти сооружения должны быть сданы союзникам не позже 2 часов ночи 4 июня. Это решение должно быть немедленно сообщено вице-королю Тяньцзиня и начальнику фортов»[225].

В 21.00 3 июня ультиматум союзного командования был доставлен начальнику фортов адъютантом вице-адмирала Я.П. Гильтебрандта. Китайский генерал принял российского посланника «очень любезно» и пообещал немедленно передать ультиматум вице-королю и сообщить ответ последнего.

Мнения сторон по вопросу об ультиматуме Китаю с самого начала не были идентичными. Американский представитель его даже не подписал.

Позиция России по отношению к судьбе Китая была в целом наиболее сдержанной. Об этом свидетельствует, в частности, секретная телеграмма министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева вице-адмиралу Е.И. Алексееву от 5 июня, в которой доводилось мнение российского императора:

«Задача России на Дальнем Востоке совершенно расходится с политикой всех прочих держав... Не следует терять из виду, что наш отряд вступил на китайскую территорию без всяких враждебных намерений по отношению к соседней дружественной империи, с которой, в интересах наших, желательно тотчас по прекращении смут восстановить самые лучшие отношения»[226].

Таким образом, российская сторона с самого начала стремилась подчеркнуть отсутствие «враждебных намерений по отношению к соседней дружественной империи».

Однако логика развития военно-политической ситуации в Китае уже не позволяла русскому командованию на

---

[225] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 116.

[226] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 1-я. С. 28—29.

месте занять особую позицию, отличную от позиций союзников. Русские войска, как и отряды других держав, втягивались в военные действия. И все же даже в этих условиях Военное министерство России требовало от адмирала Е.И. Алексеева не допускать излишнего кровопролития в ходе боевых действий и насилия над местным населением. 6 июня А. Куропаткин направил в Порт-Артур высочайше одобренную телеграмму, где указывалось:

«Войска должны прибегать к действию оружием только в силу необходимости, не допуская излишнего пролития крови. За все забираемые продукты у мирных жителей надлежит уплачивать наличными деньгами. Все войска должны знать, что в течение двухсот лет мы жили с китайцами в мире и, если призваны ныне на китайскую территорию, то лишь для поддержания законного правительства против бунтовщиков»[227].

Форты Дагу представляли собой три земляных оборонительных сооружения, занимавших стратегическое положение в устье реки Пэйхо. Южный форт находился к югу от реки вдоль побережья моря. Другой находился на северном берегу реки также фронтом к морю и представлял собой продолжение Южного форта. Третий форт находился в 800 метрах к северо-западу от Северного форта и соединялся с последним земляным валом.

Форты предназначались для отражения вторжения противника с моря и могли выдержать даже огонь крупнокалиберных корабельных орудий. С суши форты были защищены слабо.

Вооружение фортов включало 177 орудий разных калибров и систем, из которых 19 были современными скорострельными орудиями калибра от 120 до 240 мм. Гарнизон фортов достигал 2—3 тысяч человек. Кроме того, китайцы имели на вооружении современные по тем временам вспомогательные оборонительные средства: прожектора, броневые укрытия.

Союзное командование имело для борьбы за Дагу лишь сводный отряд и канонерские лодки, миноносцы и другие

---

[227] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 1-я. С. 15.

небольшие корабли с малой осадкой. Флот союзников, в котором насчитывалось 22 броненосца и крейсера, стоял на рейде и не мог подойти к берегу ближе, чем на 10—12 км.

К исходу 3 июня, по мере истечения срока ультиматума союзников, становилось очевидным, что военная операция неизбежна. На борту русской канонерки «Бобр» командующие национальными контингентами провели совещание и выработали общий план действий. Десантный отряд должен был наступать из Тангу на первый форт северного берега, одновременно канонерки своим огнем должны заставить умолкнуть орудия фортов.

Неожиданно в 0.50 все корабли и суда на реке Пэйхо внезапно осветились прожекторами с китайских фортов, и артиллерия китайцев начала ожесточенный прицельный огонь. Еще засветло противник засек координаты всех целей союзников и внезапно ночью применил прожектора для их подсветки. Это произвело большой психологический эффект, застало союзников врасплох, вынудив их корабли начать маневрирование, в результате которого некоторые суда сели на мель.

Всего в бою приняли участие 6 канонерских лодок: три русских («Бобр», «Гиляк», «Кореец»), одна французская («Лион»), одна германская («Илтис»), одна английская («Алжерин»). Морской бой с союзными кораблями был неравным: орудия форта по калибру и разрушительной силе значительно превосходили артиллерийское вооружение канонерок. Однако союзники своим огнем все же смогли нанести большие разрушения оборонительным сооружениям китайцев: несколько снарядов попали в китайские склады боеприпасов, вызвав взрывы и серьезные пожары.

К 3.30 ночи артиллерийский огонь китайцев стал ослабевать.

В это время десантный отряд союзников начал наступление из Тангу на первое укрепление китайцев. Войска двигались, применяясь к местности, освещенные в ночной темноте только светом луны. Боевой порядок строился в три эшелона: впереди — русские, затем — англичане и немцы, сзади — японцы. Примерно в 4000 м от китайских укреплений войска первых двух эшелонов рассыпались в цепи в готовности к штурму.

Сигнал о переходе в атаку поступил примерно в 4.30. Отряд ринулся на штурм первого северного форта. Китайцы открыли сильный огонь по наступающим войскам союзников. Под воздействием огня и трудностей наступления в темноте по скользкой, глинистой почве наступление русских замедлилось.

В это время японцы натолкнулись на канаву для спуска воды, позволившую им скрытно продвинуться к самым стенам форта. Японцы бросились на штурм, поддержанные войсками других держав. Решительные действия завершились полным успехом. К 5.00 форт был взят.

Второй северный форт не оказал практически никакого сопротивления и был взят уже через час.

Теперь уже все корабли и захваченные союзниками орудия двух северных фортов сосредоточили огонь на южном форте. Часть союзного десанта была переброшена на южный берег реки и приняла участие в штурме. К 6.50 4 июня все форты в Дагу были в руках союзного командования. Противник бежал на юго-запад.

Потери союзников в боях за Дагу составили 33 убитых и 103 раненых. Причем самые тяжелые потери понес русский контингент — 28% личного состава. 19 русских военнослужащих погибли, 70 человек получили ранения. Абсолютное большинство потерь союзников пришлось на флотские экипажи; штурмовые колонны, действовавшие на суше, потеряли всего 3 солдат убитыми (один англичанин и два японца) и 14 человек ранеными (из них — трое русских)[228].

На сооружениях форта после боевых действий было обнаружено до тысячи трупов защитников китайской крепости.

Все три форта были распределены между союзными войсками: северо-западный форт был передан англичанам, северный — японцам, южный — русским и немцам. С утра 5 июня союзные войска приступили к их восстановлению, укреплению и переоборудованию к обороне с суши. В качестве трофеев союзники взяли 4 китайских миноносца,

---

[228] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 123, 126.

которые по одному были переданы России, Франции, Англии и Германии.

Овладение фортами Дагу имело огромное военное значение. Союзники получили выгодный стратегический плацдарм для сосредоточения своих воинских контингентов для последующего проведения военных операций в направлении Тяньцзиня и затем Пекина. С другой стороны, как констатировал генеральный штаб Франции, «взятие фортов Дагу открыло период открытых враждебных действий; оно показало возможность союзным войскам действовать сообща; с военной же точки зрения, оно еще лишний раз доказало, что материальное превосходство вооружения не может искупить недостатка в войсках нравственных качеств, дисциплины и военного обучения»[229].

Тяньцзиньская операция союзников

Закрепившись в Дагу, союзники приступили к организации операции по овладению Тяньцзинем, где китайцы блокировали ранее сосредоточенные союзные войска. Руководить операцией было поручено начальнику 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады генерал-майору Стесселю.

К 8 июня под командованием генерала Стесселя было собрано около 2800 человек (2100 русских, 250 немцев, 450 англичан и американцев). Для выдвижения из Дагу было принято решение использовать железнодорожный маршрут, который позволил союзным войскам быстро преодолеть половину 45-километровой дистанции до Тяньцзиня. Дальше движение шло своим ходом.

10 июня союзные войска, успешно маневрируя и отражая атаки китайцев, в 15.00 соединились с осажденным гарнизоном в Тяньцзине в районе железнодорожной станции. В рапорте генерала Стесселя адмиралу Алексееву отмечалось: «...Про поведение наших стрелков, артиллеристов, саперов, казаков я не буду подробно доносить; скажу, что оно выше всяких похвал и на поле брани Русские были тара-

[229] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб, 1902. С. 125.

ном, возле коего шли другие нации, отдавая дань удивления выдержке и исполнению долга за честь и совесть, без какой бы то ни было рисовки»[230].

С приходом в Тяньцзинь отряда генерала Стесселя силы осажденных укрепились, 13 июня гарнизон Тяньцзиня пополнился также и отрядом адмирала Сеймура. Однако китайские войска по-прежнему контролировали все ключевые оборонительные объекты — Восточный и Западный арсеналы в пригороде, так называемый «китайский город» в самом Тяньцзине. Превосходство китайцев в силах и средствах было полным. Союзники были утомлены до предела предыдущими боями и сильной жарой. Недостаток продовольствия, отсутствие питьевой воды, болезни и враждебность местного населения — все это создавало огромные дополнительные трудности.

В создавшейся обстановке главным для гарнизона союзников в Тяньцзине было обеспечение беспрепятственного сообщения между этим городом и стратегическим плацдармом союзников на берегу — Дагу. Выполнению этой задачи мешал сильно укрепленный китайцами Восточный арсенал, занимавший выгодное стратегическое положение, позволявшее ему доминировать над железнодорожной линией на Дагу.

Гарнизон Восточного арсенала насчитывал до 3 тысяч солдат. Укрытые за мощными земляными валами, китайцы не испытывали недостатка в артиллерии и боеприпасах.

К 10.00 14 июня под прикрытием сильного артиллерийского огня союзники начали штурм арсенала. К 11.00 развернутые цепи атакующих приблизились на дистанцию около 600 м. После полудня поступил сигнал о переходе в штыковую атаку, и уже к 13.00 арсенал был взят. Китайцы бежали, оставив убитыми более 800 человек, все свое вооружение и продовольствие.

Потери союзников составили всего 45 человек убитыми и ранеными.

Овладев Восточным арсеналом, где в качестве гарнизона был оставлен русский отряд, союзники обеспечили бе-

[230] Военные действия в Китае 1900—1901 гг. Составил Генерального штаба генерал-майор А.З. Мышлаевский. Сб., 1904. Часть I. С. 85—88.

зопасность сообщения по железнодорожной трассе Тяньцзинь — Дагу. К тому времени общее количество всех войск союзников в Китае достигло 14 тысяч человек, из которых 8—10 тысяч сосредоточились в Тяньцзине. Силы китайцев оценивались в 10 тысяч хорошо вооруженных солдат в Тяньцзине и около 50 тысяч регулярных войск и «боксеров» вокруг города[231].

Несмотря на успех действий союзников по овладению Восточным арсеналом, их положение продолжало оставаться все последующие дни очень тяжелым. Выматывающие интенсивные обстрелы и атаки продолжались китайцами и днем, и ночью. Положение в Тяньцзине становилось тупиковым: союзники не имели сил для полного овладения городом и его окрестностями.

К концу июня в Тяньцзинь из Дагу прибыли свежие воинские контингенты союзников, и уже к 29 числу численность войск держав достигает 18 тысяч человек при 90 орудиях.

29 июня по указанию Военного министра в Тяньцзинь приехал командующий войсками Квантунской области и морскими силами в Тихом океане вице-адмирал Е.И. Алексеев. Накануне своего приезда адмирал Е. Алексеев получил новые, одобренные императором еще 24 июня, инструкции, призывавшие его взять на себя всю полноту военной власти в Тяньцзине[232].

По инициативе русского командования союзники решили начать решительный штурм Тяньцзиня 1 июля двумя колоннами. По левому берегу реки Пэйхо должны были выступить русские войска (три батальона и две полевые батареи общей численностью 2600 человек), германская рота и одна французская батарея. Общая численность колонны достигала 3 тысяч человек. Возглавил эти войска генерал-майор Стессель.

По правому берегу реки Пэйхо должны были выступить японцы (около 2400 человек), англичане (700 человек), американцы (600 человек), французы (800 человек).

---

[231] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 136.

[232] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 1-я. С. 67—68.

Русские войска начали наступление в ночь с 29 на 30 июня, тремя колоннами нанеся удар по китайской обороне за Лутайским каналом. В результате ожесточенных боев русские войска полностью заняли левый берег реки Пэйхо. В полночь 1 июля русский отряд вновь перешел в наступление и полностью овладел всеми китайскими позициями.

Правобережный отряд союзников выступил в 3.00 1 июля в направлении Западного арсенала тремя национальными колоннами. Тяжелые условия местности, сильное противодействие противника и, главное, несогласованность действий различных национальных контингентов правобережного отряда привели к большим потерям. В какой-то момент речь шла даже об отказе от проведения операции, ввиду несогласованности позиций командиров национальных контингентов. Успех действий правобережного отряда обеспечили мужественные действия японских солдат. Потери союзников при овладении Тяньцзинем только за 30 июня составили 175 убитыми и 722 человека ранеными[233]. При этом наибольшие потери понесли русские, японцы и американцы:

Контингент	Убито офицеров/ нижних чинов	Ранено офицеров/ нижних чинов
Русские	1/54	2/178
Японцы	1/50	5/250
Англичане	1/14	1/91
Американцы	1/40	5/125
Австрийцы	–/–	–/5
Французы	–/13	–/60
ИТОГО	4/171	13/709

Среди контуженных оказался и генерал-майор Стессель.

По донесению генерал-лейтенанта Линевича, находившегося в Тяньцзине, русские войска проявили себя с самой лучшей стороны, действуя мужественно и стойко. В то

[233] Военные действия в Китае 1900–1901 гг. Составил Генерального штаба генерал-майор А.З. Мышлаевский. СПб., 1904. Часть I. С. 287–294.

же время «иностранные войска дрались все хорошо, особенно японцы и немцы, но уклончивее всех дрались французы и англичане... Все в отряде говорят, что исполнительностью отличаются главным образом русские, затем японцы и немцы. Прочие уклоняются при всяком удобном случае»[234].

К исходу 1 июля Тяньцзинь со всеми его укреплениями и близлежащие местности были полностью очищены от китайских войск. Несмотря на то, что гарнизон защитников Тяньцзиня составлял 14—15 тысяч солдат и до 10 тысяч «боксеров», китайцы не оказали серьезного сопротивления иностранным войскам. Более того, большая часть регулярных китайских войск еще 30 июня с боями покинула город и отошла на запад. Войска союзников, утомленные предыдущими боями и жарой, не имели возможности преследовать противника.

Потери противника, по мнению генерала Стесселя, составили одну тысячу человек убитыми и ранеными. Пленных китайцев вовсе не было, так как, по свидетельствам очевидцев, «союзники убивали всех пленных китайских солдат и «боксеров»[235].

Со 2 июля союзные войска приступили к закреплению в Тяньцзине, ликвидации последствий военных действий, накапливанию сил и средств для будущих операций. С этого времени китайские войска перестали предпринимать активные наступательные действия.

Для управления занятым союзными войсками Тяньцзинем по предложению адмирала Е.И. Алексеева было учреждено временное военное управление из трех членов — представителей России, Англии и Японии. Российским представителем был назначен полковник К. Вогак. 5 июля 1900 года адмирал Алексеев направил в Петербург ходатайство о присвоении полковнику Вогаку генеральского звания «за военное отличие 30 июня сего года под Тяньцзинем». В нем обоснованно указывалось: «...нашим представителем назначил

---

[234] Военные действия в Китае 1900—1901 гг. Составил Генерального штаба генерал-майор А.З. Мышлаевский СПб., 1904. Часть I. С. 287—294.

[235] Янчевецкий Д. У стен недвижного Китая. Часть III. СПб., 1903. С. 575.

полковника Вогака, который на этом посту своим прекрасным знанием местных условий, тактом в сношениях с иностранцами принесет пользу нашему делу, будучи вместе с тем старшим по чину между своими коллегами, еще более возвысит значение нашего представителя»[236].

Разведывательное управление французского генерального штаба в связи с победой союзников в Тяньцзине отмечало: «Взятие этого города представляет самую важную операцию кампании, так сказать, кульминационную точку ее. Китайцы защищались на своих позициях с такой энергией, на которую никто не предполагал их способными, и с таким успехом, который не один раз заставлял подумывать об отступлении на Дагу. Именно здесь упорство китайцев достигло наибольшего напряжения; и, действительно, Тяньцзинь был для них и большой крепостью, и главным арсеналом, и фактическим центром их военной организации; кроме того, это был оплот, охранявший Пекин... Падение же Тяньцзиня совершенно переменило положение вещей: с этого момента исчезла самонадеянность императорского двора, а боксерская партия потеряла мужество»[237].

Итак, военные действия восьми европейских держав и Японии в китайской провинции Чжили на первом этапе операции союзников (до похода на Пекин) были непродолжительными и закончились для них полным успехом. Цинский двор оказался неспособным предотвратить военное вмешательство европейских держав и Японии политическими и дипломатическими мерами. Более того, своим поведением и бездействием Пекин фактически спровоцировал внешнюю агрессию.

С другой стороны, внешняя агрессия помогла Цинской династии в определенном смысле консолидировать общество, отведя недовольство народных масс от себя и направив его против иностранцев. Узкоэгоистические интересы ставились правящей верхушкой маньчжурской династии

---

[236] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 1-я. С. 253—254.

[237] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 152.

превыше всего. Однако правящая Цинская династия устраивала все европейские державы и Японию, поэтому целью военной операции союзников являлось вовсе не ее свержение.

Военный успех союзников был обусловлен качественным превосходством в силах и средствах, под которым понимается превосходство управления и организации, высокая профессиональная военная выучка и обученность личного состава, его высокие боевые качества. Главным условием победы союзников стала политическая и военная слабость Цинского Китая.

Союзники смогли на первоначальном этапе установить друг с другом взаимодействие, решить проблемы подчиненности и командования войсками и сводными отрядами. Однако отсутствие у союзников единой политики и стратегии в отношении Китая негативно отразилось на ходе и исходе военных действий. В обзоре разведывательного управления генерального штаба Франции отмечалось: «Каждый из союзников за неимением высшего объединяющего направления действовал только по собственному усмотрению, и многочисленные жертвы были принесены совершенно бесполезно; несогласованность движений, проистекавшая из такого положения вещей, заставляла союзников держаться только чисто оборонительного образа действий, не уменьшавшего, тем не менее, ежедневных весьма чувствительных потерь»[238].

Планы действий и все важнейшие проблемы обсуждались и решались союзными командующими и командирами в ходе встреч-совещаний на основе принципа равноправия. В военных условиях принципы демократии нередко оказывают вредное воздействие. Не учитывались при организации военных действий и различные масштабы военной вовлеченности сторон. За ошибки в планировании боевых действий отвечали жизнями своих солдат прежде всего те страны, которые предоставили наибольшие контингенты войск.

---

[238] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 152.

Россия предоставила в состав экспедиционного корпуса союзников наибольший по численности контингент. Так, по состоянию на середину июня 1900 года силы восьми держав характеризовались следующими данными[239]:

Страна	Количество офицеров	Количество нижних чинов
Россия	117	5187
Франция	17	387
Англия	184	1700
Германия	44	1300
США	20	327
Япония	119	3709
Австрия	12	127
Италия	7	131
ВСЕГО:	520	13498

Данные цифры показывают, что русские офицеры составляли около 23% от всего числа союзных офицеров, а количество русских солдат превышало 38%. В то же время этот показатель для англичан составлял соответственно свыше 35% офицеров и чуть более 12% солдат. Таким образом, каждый третий офицер союзной группировки был англичанин, а каждый третий солдат — русский. Другими словами, Россия и Япония выступали в качестве «поставщиков пушечного мяса» для военной операции, в то время как западные державы предпочитали посылать командные кадры.

Трудности, с которыми встретились союзники на первом этапе военных действий в Китае, были многоплановыми. Тыловое обеспечение войск, высаженных на берег, особенно экспедиционных отрядов, было организовано слабо.

[239] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 136.

Большие затруднения союзникам доставляли сложные физико-географические и неблагоприятные климатические условия театра военных действий: отсутствие в достаточном количестве питьевой воды и продовольствия; 40-градусная жара в конце июня месяца.

Военные действия летом 1900 года в провинции Чжили в полной мере выявили неспособность регулярных китайских войск вести боевые действия с армиями современных держав. Китайская армия во всех отношениях была значительно слабее своих противников. Цинский двор вновь имел возможность убедиться в необходимости проведения эффективных военных реформ.

Поход союзных войск на Пекин

С овладением Тяньцзинем 1 июля 1900 года окончился первый этап военной операции войск восьми европейских держав и Японии по «усмирению» беспорядков в Китае. Необъявленная война иностранных держав за сохранение своих позиций в Китае, имевшая своим непосредственным поводом защиту жизней и имущества иностранных посольств в Пекине, вступала в свою заключительную стадию. Войска союзных держав готовились к военной экспедиции на Пекин.

27 мая 1900 года российский посланник в Китае М.Н. Гирс отправил в Петербург телеграмму: «Мое личное убеждение, что роль посланника окончена в Пекине и дело должно перейти в руки адмиралов. Только быстрый приход сильного отряда может спасти иностранцев в Пекине». Это было последнее сообщение посланника, вслед за этим телеграфное сообщение с китайской столицей было окончательно прервано[240].

К этому времени в русском посольстве уже находился присланный еще 18 мая десант — отряд моряков и казаков общей численностью 100 человек.

Информация о том, что ситуация в Пекине с каждым днем становилась все более критической, поступала в Пе-

---

[240] Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С. 4.

тербург и из других источников. 17 июня вице-адмирал Е.И. Алексеев доложил в Главный штаб:

«Из Пекина доставлено следующее достоверное сообщение от 10 июня: германский посланник убит китайскими солдатами на пути в Цзунли-ямэнь. Умер в ямэне. Русское посольство наполовину разрушено. Все посольства сожжены, кроме английского, французского и германского, в которых собрались все европейцы и десанты. Окружены боксерами. Начинает ощущаться недостаток провизии.

Положение критическое. Необходима помощь. В Пекине сосредоточено до 30 000 войск».

4 июля Приамурский генерал-губернатор генерал-лейтенант Н.И. Гродеков подробно доложил Военному министру о положении в Китае. При этом он подчеркнул, что на Россию легла задача не просто «усмирения мятежа» в Китае, а необходимость «вести открытую войну с этим государством».

К 5 июля в Тяньцзине, ставшем исходным плацдармом для планируемой военной операции, сосредоточилось 29 пехотных батальонов, 11 кавалерийских эскадронов и 18 артиллерийских батарей союзников общей численностью 30 800 человек. Костяком союзных войск по-прежнему выступали русский (10 000 человек) и японский (9000 человек) контингенты. Англия послала в район боевых действий 6000 человек, Франция — 2600, США — 2600 солдат и офицеров. Германия, Австрия и Италия ограничились символическим военным присутствием, послав свои контингенты численностью в несколько сот человек каждый[241].

Русское военное командование, учитывая сложившуюся на театре военных действий обстановку, сочло необходимым выделить для похода на Пекин не менее половины своего воинского контингента. В связи с этим вице-адмирал Е.И. Алексеев получил от Военного министра в телеграмме от 18 июля распоряжение императора: «1) на Печилийском театре сосредоточить для наступления к Пекину возможно большую часть наших войск, находящихся в распоряжении

---

[241] Военные события в Китае (1900—1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 155.

вице-адмирала Алексеева; 2) непосредственное командование этим отрядом возложить на генерала Линевича»[242].

Назначенный начальником Печилийского отряда генерал-лейтенант Линевич находился в то время в Порт-Артуре. Получив извещение адмирала Е.И. Алексеева о своем новом назначении, генерал в тот же день отбыл на броненосце в Дагу. 18 июля Линевич был уже в Тяньцзине, где принял командование от генерала Стесселя.

Генерал Линевич пользовался в армии репутацией «опытного боевого начальника». Большую часть своей службы он провел на Кавказе, где принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и за отличие при взятии Карса получил орден Св. Георгия 4-й степени.

К моменту вступления генерала Линевича в должность состав Печилийского отряда был следующим:

В Тяньцзине: 9-й, 10-й и 12-й Восточно-Сибирские стрелковые полки, 2-я и 3-я батареи Восточно-Сибирского артиллерийского дивизиона, осадная батарея из шести полевых мортир, 2-я и 6-я сотни Верхнеудинского и 4-я сотня Читинского казачьих полков, полевой запасный госпиталь № 14.

В Тангу: 1-й батальон 2-го стрелкового полка и полевой запасный госпиталь № 3.

На линии железной дороги Дагу – Тангу – Тяньцзинь: 2-й батальон 2-го полка, рота Уссурийского железнодорожного батальона, взвод саперов Квантунской роты и рота Восточно-Сибирского саперного батальона.

В ожидании отправления в Дагу из Порт-Артура: 5-я рота 1-го Уссурийского железнодорожного батальона.

Всего в Печилийском отряде было 6250 штыков, 377 шашек, 16 легких орудий, шесть полевых мортир и 8 пулеметов[243].

Подготовка военной экспедиции на Пекин к середине июля 1900 года заняла первое место в системе приоритетов военных усилий России в Китае. Именно поэтому Военное министерство главное внимание обращало на нара-

---

[242] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел II. Книга 2-я.

[243] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910. С. 6.

щивание своей военной группировки в Тяньцзине, даже в ущерб военным операциям на других направлениях — в Маньчжурии.

23 июля Военный министр направил две телеграммы отдельно генерал-лейтенанту Н.И. Гродекову в Хабаровск и вице-адмиралу Е.И. Алексееву в Порт-Артур (Док. 25). Играя на амбициях военачальников, генерал А.Н. Куропаткин обязал их выслать на Печилийский театр военных действий по четыре стрелковых батальона из вверенных им войск. В послании Гродекову Военный министр писал: «Для России неважно, будет ли Нингута взята двумя или тремя неделями позже, но неудача наших войск под Пекином составит тяжелое горе для всей русской армии, подорвет наш престиж в Азии и ослабит уважение к нашей военной силе на востоке среди всех народов. Обстоятельства так серьезны, а нравственная ответственность, на вас лежащая, так велика, что позволите мне не сомневаться в том, что подкрепления к отряду Линевича, направленные вашей железной рукой, не опоздают»[244].

Наряду с укреплением группировок войск в Тяньцзине союзники вели разведку противника. В середине июля, в ходе проведенной по приказанию генерала Стесселя разведки, было установлено, что к северу от Тяньцзиня в районе Бейцана сосредоточено до 10 тысяч китайских войск. Противник вел активные инженерные работы по разрушению и минированию железнодорожной линии и всех дорог на Пекин, созданию искусственных препятствий на пути к Пекину, в частности обширных зон затопления.

Параллельно с русскими разведывательными партиями действовали японские отряды, которые также нащупывали слабые места в системе китайской обороны.

21 июля все командующие национальными воинскими контингентами в Тяньцзине собрались на совещание, созванное Линевичем. Военачальники, оценив оперативную обстановку, решили действовать немедленно, лишив противника возможности укрепить свою систему обороны.

---

[244] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 2-я. С. 43.

После проведенных рекогносцировок и разведки союзники знали, что китайцы занимают сильно укрепленные позиции южнее Бейцана, охватывая его полукругом. Правый фланг примыкал к Лутайскому каналу, а левый — к железной дороге. Местность перед фронтом и левым флангом была искусственно затоплена. Общее количество китайских войск оценивалось в 25 тысяч человек. Союзных войск предполагалось выделить до 10 тысяч человек[245].

Наступление решено было вести двумя колоннами:

Восточная (правая) колонна под командованием генерал-майора Стесселя — из русского и французского контингентов с включением подразделений из состава немецких, австрийских и итальянских войск — должна была обойти левый фланг противника.

Западная (левая) колонна — из японских, английских и американских отрядов — должна была обойти по каналу правый фланг китайской обороны под Бейцаном.

Помимо двух обходных колонн предусматривалось создание двух демонстрационных колонн, которые должны были своими действиями отвлечь противника и ввести его в заблуждение относительно направления главного удара.

Наступление было намечено на полночь с 22 на 23 июля с таким расчетом, что к утру обе обходные колонны смогут атаковать противника.

Для защиты Тяньцзиня оставались 6000 союзных войск под командованием командира 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковника Анисимова.

В 3.00 утра 22 июля японские войска пошли в наступление. С рассветом японские части и вслед за ними англичане с американцами вступили в схватку с китайскими войсками. Под ударами союзников китайцы начали отступать.

Действия русской колонны с самого начала оказались невозможными в связи с условиями местности: затопленная местность была непроходима. Поэтому генерал Стессель передислоцировал свои войска на правый берег Лутайского канала в резерв.

---

[245] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910. С. 9.

Уже в 9.00 в Бейцан прибыл генерал Линевич и провел краткое совещание с командирами национальных отрядов. Было принято решение весь оставшийся день дать войскам отдохнуть, а с 24 июля с рассветом двинуться вперед к Янцуню.

Потери союзников за первый день наступления убитыми и ранеными составили: у японцев — до 200 человек, у англичан и американцев — по 20 человек. Русские войска потеряли 6 человек ранеными[246]. По данным же французского генерального штаба, только одни японцы потеряли убитыми 49 и ранеными 247 человек. На поле сражения было найдено 300 трупов китайских военнослужащих[247].

24 июля с 4.00 утра русские и союзные войска продолжали интенсивное наступление к Янцуню по обоим берегам реки Пейхо. Двигаться приходилось через густонаселенную местность, изобиловавшую заранее созданными китайцами укрепленными позициями и засадами. Китайцы действовали небольшими кавалерийскими отрядами, нанося удары по наступающим и сразу отступая, скрываясь в высоких зарослях гаоляна вдоль дорог. Огромную трудность для действий союзных войск представляла сильная жара — температура доходила до 40 градусов.

Боевой порядок союзников строился следующим образом: авангард составили две сотни казаков и отряд бенгальских улан. Далее следовали англичане и американцы. Вслед за ними — главные силы русских войск.

По мере приближения к Янцуню союзники встречали все более ожесточенное сопротивление китайцев. Из опросов местных жителей стало известно, что перед наступающими были китайские войска численностью около 30 тысяч пехоты.

Около 7.00 утра авангард союзных войск был остановлен сильным огнем и контрударом противника под деревней Сяоцзецзы в нескольких километрах от Янцуня. К 10.00

---

[246] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910. С. 18.

[247] Военные события в Китае (1900–1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 160.

на помощь к авангарду подошли английский и американский отряды, а вслед за ними и главные силы русских войск вместе с генералом Линевичем. Артиллерия союзников вела борьбу с артиллерией противника и разрушала его оборону.

Налево вдоль по реке Пейхо наступали русские и французы, в центре — англичане и американцы. На правом берегу действовали японские войска, так и не вступившие в тот день в бой.

Сопротивление противника было непродолжительным. Артиллерия союзников подавила китайские батареи, обеспечив успех действий пехоты. Русские войска штурмом заняли железнодорожную насыпь и, расположив на ней свою артиллерию, получили возможность контролировать город Янцунь и всю местность к северу от него своим огнем. В ходе атаки железнодорожной насыпи были убиты 3 русских военнослужащих, в том числе капитан Пирогов, и ранено 19 человек, в том числе подполковник Высоцкий.

Неприятный инцидент произошел в ходе штурма Янцуня: английская артиллерия по ошибке открыла огонь по американцам, нанеся им серьезные потери[248].

К 15.00 24 июля Янцунь был взят, а отступающий противник обратился в паническое бегство. К 16.00 по приказу генерала Линевича преследование китайских войск прекратилось.

В связи с сильным утомлением личного состава войск союзников после боев 23 и 24 июля было решено дать войскам суточный отдых. Кроме того, союзники, страдая от жажды и недостатка продуктов питания, ожидали прибытия судов с продовольствием из Тяньцзиня.

На совещании в Янцуне, проведенном утром 25 июля, союзные командующие наметили планы дальнейших действий на Пекинском направлении и утвердили нормы отношения к местному населению. Было постановлено, чтобы «на пути движения союзных войск, хотя бы все население бросило свои деревни, союзным войскам селения ни

---

[248] Военные события в Китае (1900—1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 161.

под каким предлогом не жечь». Союзные военачальники обязались «строго преследовать тех, которые поджигают дома». И действительно, с этого времени поджоги китайских селений почти совершенно прекратились[249].

Главным вопросом, обсуждавшимся на совещании в Янцуне, было определение планов на будущее. По мнению генералов, китайцы были полностью деморализованы и не могли оказать организованного сопротивления вплоть до самого Пекина. Поэтому участники совещания решили воспользоваться создавшимся положением и выступить на Пекин немедленно. Для охраны линий коммуникаций выделялись небольшие контингенты немецких, австрийских и итальянских войск, которые должны были вернуться в Тяньцзинь, и французы, которые должны были остаться в Янцуне. На Пекин должны были идти войска России, Японии, Англии и США. 27 июля Военный министр направил указания адмиралу Алексееву, в которых отмечалось:

«На депешу вашу от 20 июля ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР приказал ответить:

1. Движение наших войск вместе с войсками других государств по направлению к Пекину, но только до Янцуня, где железная дорога переходит на правый берег реки Пейхо, должно быть допущено на основании соглашения вашего с начальниками японских войск.

2. Дальнейшее движение наших войск по достижении ими Янцуня к Пекину должно быть приостановлено до окончания периода дождей и получения особого на то ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения.

3. Вы и генерал Линевич должны принять все меры, дабы японские войска, продолжая совместные с нами дружные действия, отказались от отдельного от нас похода к Пекину.

4. Относительно состава наших войск, назначенных для движения к Пекину, вы получите особые указания.

---

[249] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910. С. 28.

5. С занятием Янцуня необходимо вести самым энергичным образом работы по исправлению железнодорожного пути и восстановлению железнодорожного моста.

6. Вашему усмотрению предоставляется оставаться в Порт-Артуре или снова переехать в Тяньцзинь.

7. По соглашению нашего ГОСУДАРЯ с императором Вильгельмом, общее командование при наступлении на Пекин нашими и германскими войсками вверяется германскому фельдмаршалу Вальдерзее.

8. Крайне необходимо, чтобы японские войска тоже подчинялись начальствованию фельдмаршала Вальдерзее, имеющему общеевропейский военный авторитет»[250].

В соответствии с принятым решением экспедиционные войска союзников выступили из Янцуня в 3.30 утра 26 июля. Теперь союзники двигались по большому Пекинскому тракту, который шел на север по правому берегу реки Пейхо.

Походный порядок предполагалось построить по национальным колоннам: впереди — японцы, затем — русские, вслед за ними — американцы и в арьергарде — англичане. В качестве авангарда и охранения выступал смешанный отряд под командой японского полковника Карота, состоявший из двух сотен казаков, двух японских эскадронов и двух эскадронов бенгальских улан.

Однако в связи с задержкой с прибытием продовольствия русские войска выступили в поход только в 15.30. Поэтому сразу вслед за японской пехотой еще в 4.00 утра выступили англичане и американцы.

Китайские войска при поддержке «боксеров» оказывали постоянное противодействие союзным войскам артиллерийским огнем, засадами и контратаками. Противник не ввязывался в серьезные бои и при малейшем отпоре немедленно отступал. Это позволяло войскам союзников организованно двигаться вперед, ограничиваясь действиями своих кавалерийских подразделений.

---

[250] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 2-я. С. 69—70.

30 июля после 5-дневного похода на Пекин войска союзников фактически без боя вошли в Тунчжоу — крупный укрепленный населенный пункт в непосредственной близости от Пекина. Первыми, еще в 10.00 утра, в Тунчжоу вступили японские войска. Русские, а вслед за ними английские и американские отряды встали южнее города. Вместе с главными силами союзников в Тунчжоу прибыл и сборный отряд из французов, немцев, австрийцев и итальянцев, прибывший из Янцуня.

Сразу после своего падения Тунчжоу был разграблен победителями. В военном журнале участвовавшей в походе 6-й роты 9-го Восточно-Сибирского полка 30 июля была сделана запись: «...часов в 5 дня я тоже пошел посмотреть город и ужаснулся: все разграбили... мы встречали под стеною головы китайцев, привязанные за косу к деревьям, воротам... в озерце две женщины и ребенок...»[251].

Очевидцем того, что произошло в Тунчжоу, был русский финансовый агент в Китае Покотилов, который писал: «Приехал в Тунчжоу около 6 часов вечера. Город этот сожжен до основания. Говорят, что его пришлось сжечь во избежание заражения воздуха от массы трупов, лежавших по домам и на улицах. Более печальную картину разорения богатого города трудно себе представить»[252].

После падения Тунчжоу китайцы отступили по направлению к Пекину. Союзная кавалерия преследовала их до самых стен китайской столицы и остановилась возле них вечером 31 июля.

Пекин с населением около 700 тысяч человек в военном отношении представлял собой сильно укрепленную крепость. Площадь города составляла 53 кв. км, окружность — более 30 км. Пекин делился на две части: Нэйчэн (Внутренний город) или Маньчжурский город, где размещались дворцы, здания правительственных учреждений и казармы, и Вайчэн (Внешний город) или Китайский го-

[251] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Приложение. Часть II. С. 145—147.

[252] Покотилов. Дневник. Издательство министерства финансов, 1900., С. 33.

род. Во Внутреннем городе центральный квартал с дворцами именовался Запретным городом.

Оба «города» были обнесены высокими стенами: Нэйчэн — длиной свыше 21 км, высотой 15 м, шириной около 12 м; Вайчэн — длиной свыше 15 км, высотой более 10 м, шириной 5 м. Помимо стен Пекин был окружен еще и рвом, наполненным водой из канала Дунхэ[253].

Для взятия Пекина союзники обладали войсками общей численностью свыше 15 тысяч человек. Наиболее многочисленным контингентом располагали японцы: пехоты — 6600 человек; кавалерии — 220 человек; инженерных войск — 450 человек и 53 орудия. За японцами по численности следовали русские войска: пехоты — 3300 человек; кавалерии — 180 человек и 22 орудия. Англичане имели 1830 человек пехоты; 400 кавалеристов и 13 орудий, а американцы — 1600 человек пехоты, 150 моряков, 75 кавалеристов и 6 орудий. Французы ограничились 400 пехотинцами и 18 орудиями[254].

30 июля в 17.00 у генерал-лейтенанта Линевича состоялось очередное совещание союзных военачальников. На нем шло обсуждение планов дальнейших действий и овладения Пекином. Во время этого заседания японским генералом вновь было сделано сообщение, что «положение посланников в Пекине совершенно безвыходное и что необходимо спешить выручкой их, пока они еще живы»[255].

Для разведки ближайших подступов к Пекину был создан особый передовой разведывательный отряд под командой генерал-майора Василевского. В него вошли: 4-я, 5-я и 7-я роты 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, 7-я рота 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка; 3-я батарея Восточно-Сибирского артиллерийского диви-

---

[253] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910., С. 57.

[254] Военные события в Китае (1900—1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902., С. 169—170.

[255] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910., С. 39.

зиона (4 орудия); два пулемета, полусотня 3-й сотни и 6-я сотня Верхнеудинского казачьего полка[256].

Командующий союзным Печилийским отрядом поставил перед генералом Василевским конкретные задачи: изучить местность и систему охраны и обороны противника перед крепостными воротами Пекина; выявить возможности преодоления русскими войсками всех препятствий, каналов, мостов; «если ... у крепостных ворот китайская охрана будет слабой и явилась бы возможность овладеть воротами, то без промедления артиллерией разрушить ворота и ворваться в город Пекин»[257].

Передовой разведывательный отряд Василевского выступил из Тунчжоу в полдень 31 июля и к вечеру того же дня остановился на отдых в непосредственной близости от китайской столицы. Поздно вечером разразилась сильная гроза, которая длилась почти два часа. В 23.00 генерал Василевский отправил на разведку 15 охотников во главе с подпоручиком Феоктистовым.

Акция оказалась неудачной: русская разведка напоролась на заставу китайцев и вынуждена была под их огнем отступить, потеряв раненым своего командира.

Около 24.00 весь отряд генерала Василевского, соблюдая полную тишину, выступил по направлению к Пекину. Впереди продвигалась 7-я рота 10-го Восточно-Сибирского полка под командой штабс-капитана Горского (по выражению генерала Стесселя, — «человека надежного», бывавшего в Пекине и владевшего китайским языком). В качестве проводника вместе с 7-й ротой шел корреспондент газеты «Новый Край» Янчевецкий, также бывавший в прошлом в Пекине.

Скрытно приблизившись к мосту и убедившись в его полной исправности, штабс-капитан Горский со своим подразделением двинулся дальше к столичным воротам Дунмэнь (Дунбяньмэнь), т.е. Восточным воротам. Рота, укры-

---

[256] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910., С. 41.

[257] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910., С. 41.

ваясь в тени зданий, подступила к крепостным стенам китайской столицы столь скрытно и тихо, что ни с ворот, ни со стен никто не заметил подступающих к воротам людей.

Когда 7-я рота вступила на второй мост, перед русскими в нескольких шагах появились запертые ворота крепости. В этот момент рота Горского наткнулась на китайскую заставу силой 30 человек. Часть китайцев спала, а другие проявили полную беспечность, не ожидая увидеть перед собой европейцев. «Для избежания тревоги и шума, штабс-капитан Горский приказал тут же у ворот переколоть всех китайцев, что и было успешно исполнено в несколько минут»[258].

Получив известие от Горского о том, что его рота овладела внешней стороной городских ворот Дунмэнь, генерал-майор Василевский приказал выдвинуть к воротам два артиллерийских орудия и разбить ворота огнем. Застигнутые врасплох, китайцы открыли беспорядочную стрельбу из орудий и ружей. Через 10—15 минут внутренний засов и сами ворота Дунмэнь были разбиты. Проход для русской пехоты был открыт. Первым через городские ворота прошел сам генерал-майор Василевский.

Вторые, внутренние крепостные ворота оказались закрытыми, однако под ударами и огнем стрелков в них образовалась щель, через которую внутрь города протиснулись генерал Василевский, полковник Модль и несколько стрелков. Противника вблизи ворот не оказалось, и группа русских заняла улицу. Таким образом, русские войска проникли в город Пекин в 2.30 ночи 1 августа.

Укрываясь от огня противника со всех направлений, группа русских воинов во главе с самим генералом Василевским взобралась на городскую стену. Вместе с Василевским был капитан Карликов и взвод 7-й роты 1-го стрелкового полка с подпоручиком Пороговым. На китайской стене был водружен русский флаг. Китайцы быстро, без боя, очистили стену и отступили за угловую башню. В 2.30 ночи

---

[258] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910., С. 46.

генерал-майор Василевский отправил с подпоручиком Ивановым донесение командующему Печилийским отрядом о том, что удалось ворваться в город, овладеть стенами и водрузить на них русский флаг[259].

Вслед за этим вторые — внутренние — ворота Дунмэнь в город были разбиты артиллерией, и русский отряд вошел в Пекин.

Овладев участком стены вблизи ворот и расставив пулеметы и орудия на позициях, разведывательный отряд начал закрепляться. Генерал Василевский лично с капитаном Карликовым во главе отряда стрелков с двумя орудиями выступил в город, намереваясь из китайского города (южной укрепленной части Пекина) проникнуть в маньчжурский город (северную укрепленную часть Пекина), где круглыми сутками отбивались иностранные посольства. Однако вылазка русских в глубь китайской столицы оказалась безрезультатной: под шквальным огнем китайцев генерал Василевский вынужден был возвратиться обратно.

Ожесточенный огневой бой с китайцами продолжался все утро. Генерал Василевский был ранен в грудь навылет. Принявший командование отрядом полковник Модль был легко ранен, но остался в строю.

Таким образом, как отмечается в военном обзоре Главного штаба России, «рекогносцировочный отряд под командой генерал-майора Василевского, нечаянным (внезапным) нападением захватив ворота в Пекин и утвердившись на стенах, прилегающих к Дунмэньским воротам близ обсерватории, и привлекши на себя противника с обоих флангов расположения, достиг следующих целей:

1. облегчил русским главным силам вход в Пекин;

2. облегчил прочим иностранным войскам штурм Пекина;

3. способствовал скорейшему освобождению всех европейских посольств от осады их китайцами»[260].

---

[259] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910., С. 47.

[260] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910., С. 51.

В ходе ночного боя разведывательный отряд русских войск потерял 48 человек, из них убитыми — 4 нижних чина; ранеными — один генерал, один штаб-офицер, два обер-офицера и 40 нижних чинов[261].

В 7.30 утра 1 августа к воротам Дунмэнь подошел авангард главных сил русских войск во главе с генерал-лейтенантом Линевичем. Судьба Пекина была решена, хотя сопротивление китайцев продолжалось еще несколько часов. Только к 11.00 огонь противника ослабел, и «лишь фанатики в 4-ярусной башне продолжали стрелять».

Когда русские войска получили информацию о том, что ворота русской миссии в Пекине открыты нашими моряками, генерал Линевич лично повел в маньчжурский город две сотни казаков и четыре роты стрелков. Для охраны и обороны Дунмэньских ворот были оставлены две роты стрелков.

Около 15.00 1 августа 1900 года начальник Печилийского отряда со своим штабом вошел в освобожденную русскую миссию. Его встречал российский посланник М.Н. Гирс, вместе с которым в осажденном посольстве находилось 122 человека русских подданных (дипломаты, обслуживающий персонал и их семьи, в том числе 10 женщин и 9 детей) и вооруженная охрана в составе 3 офицеров (лейтенант барон Раден, мичман Ден и штабс-капитан Врублевский) и 79 матросов и казаков десанта[262].

Немедленно генерал Линевич отправил приказание генерал-майору Стесселю вступить с главными силами в город Пекин и встать биваком снаружи южной стены и Дунмэньских ворот. Это и было исполнено.

Всего по итогам боев 1 августа по взятию Пекина потери русских войск составили: убитыми — 21, в том числе один штаб-офицер (полковник Антюков); ранеными —

---

[261] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910., С. 50.

[262] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910., С. 63.

[263] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910., С. 55.

107 человек, в том числе 1 генерал (генерал Василевский), 4 обер-офицера[263].

В то время как русские войска штурмом овладевали Дунмэньскими воротами и городскими стенами в восточной части Пекина, союзники действовали на своих направлениях. Японские войска, узнав о ночном успехе русских, к 9.00 1 августа подошли к Цихуамэньским воротам, находящимся севернее Дунмэньских ворот, и начали штурм с этой стороны города. Только поздно вечером 1 августа, когда русские войска уже вошли в Пекин, а часть японских подразделений тоже прошла через Дунмэньские ворота, японцы пробились, наконец, через Цихуамэньские ворота. Потери их в этом бою составили 120 раненых и 30 убитых.

Англичане и американцы, которые в соответствии с ранее согласованным планом должны были брать ворота китайского города южнее Дунмэньских ворот, избежали прямого столкновения с китайцами, сосредоточившими все свои силы на противодействии русским и японцам. Воспользовавшись тем, что предназначенные им для штурма ворота оказались без охраны, союзники уже в 13.00 вошли в Пекин. Проследовав без выстрела по пустому городу, англичане преодолели стену маньчжурского города и в 14.00 достигли английской миссии.

Уже в самой миссии у англичан было ранено два сипая. Американцы потеряли на улицах Пекина до 20 человек.

Французы — численностью 500 человек при 3 орудиях — находились в составе русских войск, но вошли в Пекин после окончания штурма[264].

По данным французского генштаба, картина боев в Пекине была несколько иной: успех операции был достигнут благодаря героическим действиям англичан, американцев и французов. В частности, английские войска достигли своей миссии в 15.30, американцы — в 17.00, а русские и японцы — к 20.00 1 августа[265].

---

[264] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910., С. 56.

[265] Военные события в Китае (1900–1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902., С. 167.

Вошедшие в Пекин союзники к своему удивлению обнаружили, что столица в значительной степени опустела. Город покинули богдыхан, вдовствующая императрица, двор и все высшие сановники. Вслед за ними бежало и множество жителей, бросивших на произвол судьбы все свое имущество. И днем, и ночью из столицы через Западные ворота уходили китайские войска, потерявшие надежду защитить город от европейцев. Остались лишь фанатики — маньчжурские солдаты, занимавшие Запретный (Императорский) город и укрывавшиеся по дворцам и задворкам[266].

2 августа бои на улицах Пекина продолжались. Американские 9-й и 14-й пехотные полки пошли на штурм Императорского города с юга и начали артиллерийский обстрел дворцов, но, под воздействием протестов со стороны генерала Линевича и иностранных посланников, обстрел был прекращен. В ходе этого боя американские войска потеряли 20 человек убитыми и 40 человек ранеными. К исходу дня американцы отступили в Маньчжурский город.

Японцы продолжали в течение всего дня 2 августа атаковать императорский дворец. Как отмечается в обзоре французского генштаба, японцы, «боясь попортить заключающиеся в нем художественные богатства, ограничивались только вытеснением защитников ружейным огнем и штыками»[267].

3 августа очаговые бои в Пекине продолжались. Командир французского контингента генерал-майор Фрей выступил со сборным отрядом союзных войск на штурм католического монастыря Бэйтан (Северного храма), находившегося в Императорском городе. Там уже длительное время держали осаду европейские посольства и около 2700 китайцев-католиков с миссионерами и епископом Фавье. Военный гарнизон Бэйтана составляли 30 французских и 10 итальянских моряков. Бэйтанский квартал осаждало от 3 до 5 тысяч фанатиков-маньчжуров[268].

---

[266] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910., С. 58.

[267] Военные события в Китае (1900—1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902., С. 168.

[268] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910., С. 59—60.

В отряд генерала Фрея помимо французов вошли русские (2-й батальон 9-го полка, три пулемета, полурота сапер, полусотня казаков общей численностью 720 человек под командой подполковника Бема), а также по батальону англичан и американцев. Им помогали японцы. Общая численность отряда достигала 1750 человек.

Отряд выступил на запад, затем резко повернул на север, с боями пробиваясь через укрепленные китайцами кварталы города. Несмотря на отчаянное сопротивление китайских фанатиков, погибавших под огнем союзников сотнями, сводный отряд вступил в район Императорских дворцов и на западных воротах города поднял русский и французский флаги. По итогам этого боя русские потеряли 5 человек ранеными, а французы — 5 убитыми и 25 ранеными[269].

В тот же день генерал Линевич телеграфировал Военному министру:

«Сегодня, 3 августа, русские и французские войска, соединившись вместе, освободили французских миссионеров и их монастырь Бэйтан, находившийся в осаде боксеров два месяца. Боксеры защищали подступы к миссионерам с крайним фанатизмом и ожесточением из-за множества баррикад и даже с крыш; тем не менее русские и французы шаг за шагом подвигались вперед и выбивали китайцев. Все улицы были завалены трупами боксеров; более тысячи тел лежали по пути следования войск.

К полудню Бэйтан был освобожден; после сего русские и французы выбили боксеров из императорского китайского города, заняли ворота с западной стороны, где подняли русский и французский флаги; с других сторон императорского дворца поставлены караулы других наций, которые тоже пробивались к воротам с боем.

Императрица, весь двор и правительство бежали в провинцию Шэньси, с ними император и наследник.

---

[269] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910., С. 62.

В этот день русские потеряли пять (человек) ранеными и французы пять убитыми и двадцать пять ранеными.

С сегодня в Пекине более нет боксеров. Предполагаю делать рекогносцировки в окрестностях Пекина»[270].

С 3 августа все кварталы Пекина были заняты союзными войсками. 4 августа происходили лишь небольшие стычки в разных местах города.

Общие потери союзных войск в операции по овладению Пекином составили более 450 человек. При этом, как и раньше, наиболее тяжелые потери понесли японцы: убитыми 49 человек, ранеными 219 человек. Русские войска потеряли 21 человека убитыми и 109 ранеными. Американцы потеряли 10 убитыми и 33 ранеными; французы — 4 убитыми и 5 ранеными; англичане — 6 ранеными[271].

В результате проведенной союзниками военной экспедиции в Пекине было освобождено 1009 европейцев. Кроме того, в посольствах спаслось около 2300 китайцев-христиан — мужчин, женщин и детей. В католическом монастыре Бэйтан нашли укрытие около 1700 китайцев. Всего было спасено почти 4000 китайцев, принявших христианскую веру.

В составе международных десантов, осуществлявших защиту посольств в китайской столице, было убито и умерло от ран 75, ранено 169 офицеров и нижних чинов. Более всех пострадал французский десант, в котором из 75 человек было ранено 43 и убито 18. Потери японского десанта составили 29 раненых и 10 убитых из 43 человек первоначальной численности[272].

По данным французского генштаба, за время осады иностранные посольства потеряли 11 человек убитыми и 19 ранеными из гражданского состава и 54 убитыми и 112 ранеными из военного[273].

---

[270] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 2-я. С. 265—266.

[271] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 171.

[272] Военные действия в Китае 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. С.Пб, 1910. С. 63.

[273] Военные события в Китае (1900—1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 171.

Потери русского десанта составили: убитыми — 4 матроса, умершими от дизентерии — 2 матроса и ранеными — 18 человек[274]. Церковь и здания русской духовной миссии Бэйгуань были уничтожены «боксерами». Около 500 православных китайцев частью были перебиты, частью успели бежать. До 100 православных китайцев оставались в Пекине вместе с членами русской духовной миссии.

За взятие Пекина генерал-лейтенант Линевич был награжден российским императором орденом Св. Георгия 3-й степени. Генерал-майор Василевский и полковник Модль, по представлению генерала Линевича, получили ордена Св. Георгия 4-й степени.

6 августа генерал Линевич отправил небольшой отряд русских войск (две роты 10-го полка, две сотни казаков) под командой подполковника Генерального штаба Илинского для занятия летних дворцов богдыхана, находившихся в 15 км от Пекина. Подобные частные операции и походы в пригородах китайской столицы продолжались фактически всю вторую половину года.

Таким образом, военная экспедиция союзных войск по овладению городом Пекином закончилась для западных держав полным успехом в политическом и военном отношениях. Китайские войска фактически не смогли оказать организованного сопротивления ни на маршруте выдвижения, ни на подходах к столице, ни в самом городе.

Главную роль в операции союзников по овладению Пекином сыграли русские войска. Командиром Печилийского отряда, объединившего воинские контингенты восьми государств, был российский генерал-лейтенант Линевич.

Наличие в экспедиционном корпусе союзников воинских контингентов различных стран создавало немало проблем политического и психологического плана. Взаимоотношения между командующими союзных отрядов были

---

[274] Раден Ф.В. Журнал событий русской десантной роты, команд броненосцев «Наварин» и «Сисой Великий» в г. Пекине, от 18 мая по 2 августа 1900 года // Цитадель. 1997. № 2(5). С. 31–39.

достаточно тесными, однако каждая из сторон преследовала свои цели. На это сетовал 10 августа начальник Печилийского отряда союзников русский генерал-лейтенант Линевич: «Вообще все наши силы действуют сами по себе, кто как хочет и кто что может захватить. Со всеми иностранными начальниками войск я пока еще в добром согласии, но сейчас неудовольствия уже нарастают»[275].

Основную массу солдат экспедиционных войск союзников составляли русские и японцы. Именно они понесли соответственно и максимальные потери в живой силе.

Русские были первыми из союзников, вошедшими в Пекин и водрузившими национальное знамя на стенах китайской столицы. Благодаря смелым и инициативным действиям русского передового отряда под командованием генерал-майора Василевского союзные войска смогли достичь внезапности в своих действиях и, как следствие, добиться быстрого успеха всей военной операции.

Генерал-лейтенант Линевич по итогам взятия Пекина докладывал адмиралу Алексееву: «В атаке нашего участка крепости нам никто не помогал, а наоборот, когда войска генерал-майора Василевского, распространившись влево по стене Пекина в сторону стены, каковую должны были атаковать американцы, то они с значительною частью своих войск, повернув вправо, прямо вошли через ворота, взятые нами, тогда как для них были назначены другие ворота; японцы же сами просили нашу батарею обстрелять фас крепости между обсерваторией и мандаринскими воротами для способствования атаки японских войск; эта их просьба была уважена, и 2-я батарея стрелкового дивизиона с 10 часов утра и до 5 часов вечера с расстояния 700 саженей громила с большим успехом означенную стену, а два наших батальона 9-го и 12-го полков стояли нетронутыми в резерве близ батареи.

Также считаю необходимым доложить, что если бы генерал-майор Василевский в данном благоприятном случае,

---

[275] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910. С. 70.

в силу соглашения, ушел бы со своим отрядом из-под ворот Пекина и не воспользовался бы оплошностью китайцев, то таковое ненаходчивое деяние было бы поставлено всеми в огромный упрек нашим войскам и генералам.

Предположение о выручке, оказанной иностранцами нашим, будто бы зарвавшимся войскам, является, вероятно, одним из обыкновенных маневров иностранцев всегда, даже из-под Тяньцзиня, стремящихся умалить славу русского оружия. Тот факт, что русские войска первыми вошли на стены Пекина и тем открыли вход для вступления союзников, уже, казалось бы, достаточно для опровержения таких слухов»[276].

Вскоре после окончания военных действий в зарубежной печати появились публикации, в которых «факты были искажены не в нашу пользу». Опровергая такого рода публикации о взятии Пекина, вице-адмирал Е.И. Алексеев, основываясь на рапорте генерала Линевича, доносил Военному министру 19 августа 1900 года:

«Нам не только никто не помогал, но всем успехом воспользовались американцы, направив часть своих войск в занятые нами ворота. Наша же батарея, по просьбе японцев, обстреливала фас, намеченный ими для штурма, и два наших батальона стояли при батарее в резерве.

Появившиеся в печати известия о якобы выручке, оказанной иностранцами, не более как вымысел. Тот факт, что русские первыми вошли на стену Пекина и тем открыли доступ в него иностранцам, опровергает все подобные вымыслы»[277].

Операция по овладению Пекином показала, что китайское общество, несмотря на бурное развитие антиимпериалистического, антизападного движения «боксеров», в целом было не готово к восприятию идей патриотизма. Любовь к родине, готовность защитить ее от внешней агрессии — все это не стало доминирующими настроениями в китайском

---

[276] Материалы для описания военных действий в Китае 1900–1901 гг. Приложение. Часть II. С. 160–161.

[277] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 3-я. С. 42.

обществе. Одна из причин того заключалась в том, что сама политическая власть в Китае находилась в руках некитайской — маньчжурской — династии, интересы которой были чужды китайскому народу.

П.А. Бадмаев в своей записке от 17 ноября 1896 года, еще задолго до событий 1900 года в Китае, отмечал: «Китайцы при всем их трудолюбии и прочих качествах, при их привязанности к своей земле, при всем природном богатстве населяемой ими страны, не только не достигли полного расцвета своих умственных сил, но даже не могли возвыситься до патриотизма, чтобы, по собственному почину и с полною готовностью, отдать свою жизнь на защиту своей родины. Их духовная природа не облагораживается теми идеалами и чувствованиями, которыми сильны христианские народы. Узкий материализм и преследование личных интересов делает их во всем прочем инертною массою без инициативы и возвышенных целей. В этом их сила и слабость»[278].

По итогам военных действий в Китае в 1900 году российские военные специалисты сделали вывод о полной боевой неподготовленности китайских вооруженных сил. П. фон-Ланг в книге «Военные события в Китае. 1900—1901 гг.» пишет:

«По штатам, к началу военных событий у китайцев числилось: провинциальных войск около 650 тысяч, в том числе около 80 генералов, 1000 штаб-офицеров, 6000 обер-офицеров. Из всех войск, около 50 тысяч обучены при помощи иностранных инструкторов. Кроме того, восемь знамен маньчжурских войск составляли около 100 тысяч. Цифра довольно высокая, но... маловероятная.

Пехота во многих провинциях была вооружена малокалиберными магазинными ружьями, но однообразия вооружения далеко не было. Артиллерия имела около 500 новейших орудий и была кое-как обучена. Конница плоха — на плохих лошадях, прескверно обучена. Вспомогательные войска — в зачаточном состоянии.

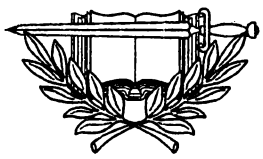
---

[278] П.А. Бадмаев. Россия и Китай. С. -Петербург, 1900.

В нравственном отношении войска оставляли желать много лучшего. Не пользуясь уважением в стране, набираясь из подонков народа, они не могли быть оплотом страны от вторжения сколько-нибудь сильного противника.

Отзыв Н.М. Пржевальского после посещения им Китая и ознакомления с войсками: «Нравственные качества китайских войск представляют такое полное безобразие во всех отношениях, что европейцу трудно поверить, возможно ли существование подобной армии, тем более на театре военных действий. Начать с того, что как офицеры, так и солдаты почти без исключения преданы курению опиума и не могут пробыть без этого даже и одного дня. Не только в казармах, но и во время похода, хотя бы под самым носом у неприятеля, китайские воины не покидают пагубной своей привычки и ежедневно накуриваются до бесчувствия одуряющего зелья. Результатом этого является расслабление как физическое, так и нравственное и решительная неспособность переносить труды и лишения военного времени»[279].

[279] П. фон-Ланг. Военные события в Китае. 1900—1901 гг. Варшава, 1911.

ГЛАВА 7
ИНОСТРАННЫЕ ВОЙСКА В СЕВЕРНОМ КИТАЕ

Оккупация союзными войсками Пекина

Поверженный Пекин летом 1900 года, по свидетельствам очевидцев, представлял собой страшное зрелище. Военные действия, голод, разгул грабежа и бандитизма на улицах столицы обусловили большое количество жертв среди мирного населения. Улицы в разных местах были перерыты и перекрыты баррикадами, многие дома сожжены и разграблены. Повсюду валялись трупы «боксеров» и мирных жителей. По улицам бегали своры одичавших собак, которые пожирали валявшиеся повсюду трупы людей. Ситуация была критической.

Жестокость проявлялась в ходе боевых действий всеми сторонами. Грабежи и насилия союзных войск во многом были спровоцированы теми жестокостями, которые обрушились на европейцев и китайцев-христиан с самого начала «боксерского» восстания.

Так, Русская духовная миссия в Бэйгуане подверглась полному разорению со стороны «боксеров». Об этом вспоминал один из очевидцев, дипломат И.Я. Коростовец: «Не довольствуясь разрушением и сожжением церкви и монастыря, «боксеры» перебили почти всю православную паству и многих христиан-албазинцев как в самой миссии, так и в окрестностях. Трупы наших христиан были броше-

ны ими в колодцы, причем вместе с мертвыми бросали и живых. Вообще, «боксеры» поработали здесь начистоту. На месте Бэйгуаня — церкви и жилищ наших миссионеров, я увидел развалины; даже деревья были спилены, «боксеры» разрушили также русское кладбище за городской стеной, уничтожили надгробные памятники и выбросили кости погребенных»[280].

По мере военной оккупации Пекина перед командованием союзными войсками вставала главная задача — не допустить разграбления и мародерства, поддержать порядок в городе и его окрестностях, успокоить жителей и вернуть их в брошенные ими жилища. Эта задача решалась с большим трудом.

Еще 2 августа 1900 года, когда в самом Пекине шли напряженные бои, командующие национальными военными контингентами и посланники союзных держав собрались на совещание, на котором было принято решение взять под охрану международных сил все дворцы и «богдыханские дворы» китайской столицы. Ко всем наружным воротам дворцов были поставлены вооруженные караулы союзных войск.

В связи с тем что китайское правительство покинуло столицу, союзники, стремясь «спасти город от грабежа», решили разделить Пекин на кварталы (зоны ответственности) с назначением в каждый из них военных губернаторов (комендантов). Маньчжурский город был разделен на четыре квартала: северный под управлением японцев; западный и южный под управлением англичан и американцев; восточный под русским управлением.

Первым русским комендантом в Пекине был назначен командир 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковник Модль.

Необходимость поддержания строгого порядка в занятом союзными войсками Пекине была очевидной. Свидетель событий того времени журналист Дм. Янчевецкий писал:

«В 1900 году, в течение одного месяца Пекин был так же разграблен цивилизованными союзниками, как не-

[280] Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С. 87—88.

сколько столетий раньше его грабили и разоряли маньчжуры, монголы и другие полудикие кочевники Азии. Несмотря на все усилия отдельных командиров, благодаря разноплеменному составу войск, укоренившемуся презрению к китайцам и отсутствию единой власти над международными отрядами, — не было никакой возможности прекратить грабеж столицы и насилия над жителями»[281].

Аналогично оценивал ситуацию в Пекине русский финансовый советник Покотилов: «Китайцы оказали всюду сильное сопротивление, что сильно озлобило войска, которые производят теперь большие насилия, убивая массу нейтральных мирных китайцев, и страшно грабят. Особенно отличаются в этом японцы. Последние ведут себя в Пекине полными хозяевами, расставляют караулы, захватили казначейство, в котором денег оказалось, впрочем, немного. Японцы немедленно перевозят их к себе.

Императрица и богдыхан, все правительство бежали из Пекина неизвестно куда. Вести переговоры не с кем»[282].

О недостойном поведении союзных военнослужащих в разграбленном Пекине докладывал 10 августа Военному министру и сам генерал Линевич:

«Также докладываю, что японцы и сипаи начали свои обычные грабежи, разбои и насилия над женщинами. Это я лично заметил, и мне об этом сказал один из иностранных посланников. Если таким примером заразятся все войска, то бедствию, разбоям, поджогам и насилию конца не будет...»[283].

Грабежи и беззакония, творимые в Пекине, отражались на настроениях и поведении русских войск. 5 августа генерал-лейтенант Линевич в своем приказе по Печилийскому отряду строго предупреждал: «Сегодня мне заявили частные лица, что русские солдаты все же продолжают грабить в Пекине китайцев и учинять всякого рода насилия над китайцами...

---

[281] Янчевецкий Д. У стен недвижного Китая. СПб., Порт-Артур, 1903. С. 478.

[282] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 2-я. С. 278—279.

[283] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910. С. 70.

Присовокупляю, что если и засим нижний чин будет пойман на грабеже, то ротный командир будет отрешен от должности»[284].

Во избежание возможных инцидентов генерал Линевич приказал запретить выход солдат в город. В случае необходимости такие выходы разрешались исключительно по специальным пропускам — увольнительным запискам от непосредственных командиров. В национальных зонах оккупации Пекина была организована патрульная служба, которой было предписано «арестовывать всех тех нижних чинов, которые будут шататься по улицам без письменного вида».

Этот приказ был «прочитан и пояснен» в каждой роте.

Проблема взаимоотношений между союзными войсками и местным китайским населением оставалась очень острой в течение всего периода нахождения в Китае иностранных экспедиционных войск. И если в русских войсках этой проблеме со стороны командования уделялось самое серьезное внимание, то в войсках других европейских держав и, особенно, в японских частях, допускалось множество нарушений и даже преступлений.

Военный министр непрерывно телеграфировал в Хабаровск и Порт-Артур свои требования о поддержании в русских частях высочайшего уровня дисциплины:

«Действия союзных войск в Печилийской провинции, по получаемым и требующим проверки сведениям, сопровождаются жестокостями, разорением и, в результате, озлоблением местного населения. Кроме вреда, такие действия принести ничего не могут.

Действия наших войск, как о том мною, согласно с ВЫСОЧАЙШИМИ указаниями несколько раз телеграфировалось, должны укреплять в сознании местного населения, что мы сильны, непобедимы, но в то же время справедливы и человечны. Мы должны тотчас после боя внушать самое полное доверие со стороны не только мирных жителей, но и побежденных врагов. В результате население оценит наше отношение к нему сравнительно с отношением союзных войск.

---

[284] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Приложение. Часть II. С. 156—167.

Этим путем можно и должно облегчить нам, после пролитой крови, возвращение к мирным соседским отношениям между нами и китайцами»[285].

15 августа 1900 года в центре Пекина в Императорском городе был проведен парад союзных войск. Парад открывали русские войска (800 человек), затем следовали японцы (800 человек), англичане (400 человек), американцы (400 человек), французы (200 человек) и вновь прибывшие: немцы (200 человек), итальянцы (60 человек) и австрийцы (60 человек). Принимал парад как старший по чину генерал-лейтенант Линевич.

Этот парад имел огромное морально-психологическое значение как для союзных войск, так и для китайского населения. Никто из простых смертных не имел права вступать на территорию дворцов Императорского города. Тем большим позором для Цинской империи стал парад иностранных войск под стенами и башнями Запретного города. Как отмечал вице-адмирал Е.И. Алексеев, «части союзных войск с музыкой прошли через двор внутреннего императорского дворца, чтобы показать китайцам, что дворец потерял свою запретность для иностранцев»[286].

По свидетельству Покотилова, после парада в Запретном городе европейцы «поспешили захватить себе на память разные безделушки, по возможности ценные. Супруга одного из посланников вынесла в своем изящном зонтике золотые каминные часы, усеянные драгоценными камнями. Брали, одним словом, все, что удобно было скрыть в платье; те же, которым не удалось запастись «сувенирами» в этот раз, решили вознаградить себя в другое время, что и было ими благополучно исполнено... Есть полное основание предполагать, что в ближайшем будущем во дворцах и павильонах «Запрещенного города» останутся лишь футляры, самые же вещи найдут себе достойное и выгодное помещение»[287].

---

[285] Материалы для описания военных действий в Китае 1900–1903 гг. Отдел II. Книга 5-я. С. 114.

[286] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 3-я. С. 52–53.

[287] Покотилов. Дневник. Издательство министерства финансов, 1900. С. 21.

Помимо иностранцев, в грабежах ценностей из императорских дворцов принимали участие и сами китайцы. После окончания военных действий в столице была создана специальная международная комиссия, в задачу которой входило выявление ущерба, виновников грабежей и установление контроля над ценностями.

Захваченные в боях с «боксерами» и регулярными китайскими войсками военные трофеи составили предмет дележа между союзниками. 21 августа 1900 года Военный министр дал соответствующие указания в этой области:

«Необходимо всю военную добычу, нами взятую или взятую совместно с иностранными отрядами и нами охраняемую, передать в распоряжение фельдмаршала Вальдерзее и, после отделения им нашей части, считать себя вправе перевозить таковую в Порт-Артур, иначе мы вызовем справедливые нарекания.

Склады риса надо особо заботливо оберегать от расхищения. Вероятно, этот рис понадобится для продовольствия населения Пекина»[288].

24 августа в Пекин на пять дней прибыл вице-адмирал Е.И. Алексеев. В тот же день генерал Линевич получил от Военного министра Высочайшее повеление от 13 августа о выводе русских войск из Пекина и переводе их в Тяньцзинь. С занятием Пекина Печилийский район терял свое прежнее значение и отходил на второй план. Там планировалось оставить лишь самое небольшое количество войск. Принимая во внимание кроме военных еще и политические соображения, решено было оставить на Печилийском театре 2-ю и 3-ю Восточно-Сибирские стрелковые бригады, каждую в три полка, с соответствующим числом частей других родов войск под начальством генерал-лейтенанта Линевича[289].

Намечавшийся вывод русских войск с Печилийского театра военных действий совпал по времени с назначени-

---

[288] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 3-я. С. 27.

[289] Военные действия в Китае 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть II. СПб., 1910. С. 72.

ем главнокомандующим союзными войсками в Печилийском районе германского фельдмаршала графа Вальдерзее. 8 августа 1900 года последний отбыл из Генуи в Китай, к месту своей новой службы. 12 сентября граф Вальдерзее прибыл в Дагу, где ему была устроена официальная встреча. Пробыв там около недели, он отбыл в Тяньцзинь, а затем — в Пекин.

Численность личного состава союзных войск в Печилийском районе к моменту прибытия нового главнокомандующего составляла: японцев — 20 934, немцев — 8178, британцев — 8353, французов — 6757, американцев — 5608, итальянцев — 2541, австрийцев — 494 человека. Одновременно с приездом Вальдерзее в Китай в массовом количестве прибывали и немецкие войска, численность которых вскоре превысила 20 тысяч человек.

Русских войск насчитывалось в Печили 12 батальонов, 5 сотен, 24 полевых орудия, 6 полевых мортир, 6 осадных орудий, 8 пулеметов, а также другие силы и средства. Общая численность русского контингента составляла 13 234 человека, 3180 лошадей[290].

Назначение нового главнокомандующего вызвало необходимость четкого определения статуса русских войск и прав союзного командующего по отношению к русскому контингенту. Прежде всего, для сопровождения союзного главнокомандующего и поддержания связи между ним и российскими войсками к штабу Вальдерзее прикомандировывались Генерального штаба полковник князь Енгалычев и поручик Кригмейер.

15 августа российский император одобрил основные принципы взаимоотношений союзного главнокомандующего и русских войск в Печили:

«ВЫСОЧАЙШЕ утвержденные основания подчинения находящихся на Печилийском театре русских войск фельдмаршалу Вальдерзее содержат следующие положения:

1. Фельдмаршал ведает действиями сих войск исключительно в оперативном отношении.

---

[290] Военные действия в Китае 1900—1901 гг. Составил генерал-майор Овсяный. Часть III. СПб., 1910. С. 108—109.

2. Ведение это касается лишь действий на линии Дату — Тяньцзинь — Пекин или севернее и северо-восточнее этой линии до пределов Маньчжурии и не распространяется на возможные для союзных войск предприятия в Южном или Центральном Китае.

3. Так как с освобождением посольства военная задача России на Печилийском театре может считаться оконченной, наши войска, вверяемые начальству Вальдерзее, могут быть уменьшаемы в составе, или даже, когда то будет признано необходимым, направлены для действий на Маньчжурском театре, или возвращены в Порт-Артур и Владивосток.

4. Мероприятия по укомплектованию и снабжению всеми видами довольствия войск, подчиненных фельдмаршалу, остаются на вашей обязанности и к вам направляются непосредственно все соответствующие представления начальника русских войск.

5. Русские войска действуют на основании существующих для русской армии узаконений, уставов, инструкций.

6. Начальник русских войск доносит непосредственно о военных действиях и нуждах войск Военному министру и вам.

7. Начальник русских войск представляет отличившихся к наградам через вас.

8. Главнокомандующий относительно действий вверенных его командованию русских войск находится в сообщении с русским Военным министром и вами, а в случаях особо важных непосредственно доносит ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

9. Все распоряжения по подчиненным фельдмаршалу войскам он передает через состоящего при нем полковника князя Енгалычева, которому присваивается звание русского военного уполномоченного при главнокомандующем союзными войсками.

Полный текст ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного соглашения будет выслан с лейтенантом Виноградским. Генералу Линевичу вместе с сим телеграфируется, а по получении вами полного текста благоволите сообщить копии с него генералу Линевичу и князю Енгалычеву»[291].

---

[291] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 2-я. С. 180—182.

С 31 августа 1900 года русские войска в соответствии с принятым решением российского императора начали организованно покидать Пекин. Вывод войск из китайской столицы продолжался вплоть до 14 сентября. В самом Пекине были оставлены саперная рота, один стрелковый батальон с двумя пулеметами для охраны дворцов и для прикрытия железной дороги.

29 сентября вице-адмирал Алексеев обратился с ходатайством о выводе из Печилийского отряда 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады в связи с тем, что она на протяжении четырех месяцев переносила все тяжести военного похода, потеряв убитыми и ранеными 27 офицеров и 700 нижних чинов. Было решено три полка этой стрелковой бригады как можно скорее отправить в Порт-Артур, заменив их в Тяньцзине 8-м Восточно-Сибирским стрелковым полком. Князь Енгалычев получил указание обосновать перед графом Вальдерзее причины сокращения российского воинского контингента окончанием военных действий. В соответствии с Высочайшим решением императора весь Печилийский район должен был быть передан союзникам к 1 января 1901 года. Вывод русских войск происходил как в Порт-Артур, так и во Владивосток.

Деятельность русского военного уполномоченного при союзном главнокомандующем полковника Енгалычева высоко оценивалась Военным министерством. Во всеподданнейшем докладе императору 5 ноября генерал-лейтенант А. Куропаткин отмечал: «Признаю верноподданническим долгом высказать мнение, что именно в настоящее время мы особенно нуждаемся в деятельности полковника Енгалычева, направленной в Печилийской провинции к поддержанию дружеских отношений наших войск к германским и к графу Вальдерзее и к устранению всего того, что могло бы обострить наши отношения к английским войскам»[292].

В Петербурге еще 13 августа было признано «временно бесполезным» пребывание в Пекине русской дипломатической миссии, поэтому посланник вместе со всем соста-

[292] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел I. Книга 5-я. С. 66–67.

вом миссии, десантом и русскими подданными переехал в Тяньцзинь. Для охраны территории русского посольства в Пекине была оставлена рота стрелков и 10 казаков. Впоследствии численность казаков была увеличена до 150.

По возвращении русской миссии в Пекин эта команда была подчинена русскому военному агенту генерал-майору К. Вогаку.

К 1 января 1901 года русские войска фактически полностью покинули Печили, оставив небольшие подразделения лишь в Пекине и Шаньхайгуане. Полковник Енгалычев оставался при графе Вальдерзее в качестве российского уполномоченного до середины января того же года. Поручик, а затем штабс-капитан Кригмейер оставался и после того еще некоторое время при союзном главнокомандующем. Более того, он даже отличился 29 марта 1901 года во время пожара в доме Вальдерзее, когда ему удалось спасти от гибели самого графа.

С окончанием военных действий на Печилийском театре военных действий и выводом русских войск из этого района встала необходимость отдания последних воинских почестей павшим в этом походе русским воинам, увековечения их памяти и ухода за «дорогими нашему сердцу могилами». Во Всеподданнейшем докладе Военного министра императору от 13 октября 1900 года отмечалось:

«С уходом наших войск из Печилийской провинции они оставят в Таку, Тяньцзине и Пекине довольно многочисленные могилы русских воинов, убитых и умерших от ран и болезней.

Для охраны этих дорогих для нас могил полагается необходимым исполнить следующее:

1) Возложить наблюдение за русскими могилами в Печилийской провинции после ухода наших войск на нашего военного агента в Пекине.

2) Поручить генералу Линевичу привести могилы в порядок, окружить их оградами, поставить простые памятники с надписями и построить небольшие сторожки для помещения вольнонаемных сторожей. Произвести эти работы при содействии войск. На расходы по сим работам отпустить шесть тысяч рублей из военного фонда.

3) Установить ежегодный отпуск из сметы военного министерства по одной тысяче восемьсот рублей в распоряжение нашего военного агента в Пекине на наем сторожей и поддержание в порядке памятников, оград и сторожек»[293].

Итак, военная операция союзников по овладению столицей Китайской империи городом Пекином закончилась для России к 1 января 1901 года. Однако другие державы продолжали сохранять свое военное присутствие в китайской столице. Одновременно небольшие операции союзных войск с ограниченными целями планировались и осуществлялись еще достаточно долго — и из Пекина, и из Тяньцзиня.

Военная операция в Печили на первом этапе считалась главной среди приоритетов военных усилий России в Китае. Однако со взятием Пекина Россия полностью переключила свое внимание и усилия на обеспечение своих военно-политических позиций в Маньчжурии. Именно Маньчжурия традиционно считалась регионом российского влияния, там строилась Китайско-Восточная железная дорога, именно в том регионе, на полуострове Квантун, находилась главная военно-морская база России на Тихом океане — город Порт-Артур.

О значении Маньчжурии и возникавших перед русскими войсками в связи с этим задачах Военный министр указал адмиралу Алексееву 10 ноября 1900 года: «Ввиду определившегося Высочайшею волею срока очищения Печилийской провинции нашими войсками к 1 января необходимо:

1. К этому сроку сдать железную дорогу до Шаньхайгуаня Вальдерзее.

2. Оставить в Шаньхайгуане определенный ранее гарнизон, изменив его по вашему усмотрению.

3. По возможности очистить к 1 января Печилийскую провинцию от наших запасов и трофеев.

4. Кроме охранного отряда в Пекине, не оставлять наших небольших караулов, кроме Тяньцзиня и Дагу, а если

---

[293] Материалы для описания военных действии в Китае в 1900—1901 гг. Отдел I. Книга 4-я. С. 86—87.

удастся вывезти из этих пунктов запасы, то не оставлять караулов и в этих пунктах.

5. Передать в распоряжение Вальдерзее занятые нами угольные копи; передать в его же распоряжение по вывозе запасов Восточный арсенал в Тяньцзине; передать нашим дипломатическим представителям дальнейшее ведение вопроса о концессии в Тяньцзине; прекратить какое-либо участие в управлении Тяньцзинем.

6. По возможности очистить себя от военных интересов в Печилийской провинции, сосредоточив усилия и средства на Маньчжурии»[294].

Несмотря на то, что главную роль в операции по овладению Пекином сыграли русский и японский воинские контингенты, Россия фактически отказалась возглавить усилия союзников по установлению порядка в Печили. Роль главнокомандующего союзными войсками была передана графу Вальдерзее, представителю Германии, хотя (а может быть, именно потому что) немецкий контингент сыграл наименее значимую роль в военных действиях в Китае. Такой выбор устраивал Петербург, так как Германия была дружественно настроена к России, в отличие, например, от Англии, и решать проблемы послевоенного устройства в Пекине для России было легче и удобнее с представителем Германии.

В целом, оценивая события в Печили летом 1900 года, возникает вопрос, насколько целесообразно было посылать крупные контингенты российских войск в Дагу и Тяньцзинь, а затем — и в Пекин. Вынеся на своих плечах основную тяжесть военного похода, понеся большие расходы и жертвы, Россия по окончании военной операции «сдала» свои позиции союзникам. Последние, как это всегда и было, не преминули воспользоваться уступчивостью России, чтобы навязать Китаю те условия, которые их — союзников — более всего устраивали. Русские войска первыми вошли в Пекин, освободили свое посольство, помогли другим державам, однако даже военная слава была у России «сворована» союзниками.

---

[294] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 5-я. С. 108.

В то же время в китайском национальном сознании царская Россия стала ассоциироваться с самыми агрессивными и жестокими международными силами. Национальное самосознание китайцев было оскорблено разрушением Пекина, вторжением иностранцев в святая святых — Запретный императорский город, резиденцию самого императора. Эта обида и ненависть по отношению к европейцам, к России в том числе, осталась надолго в глубине души китайской нации.

«Агрессия восьми держав» против Китая

На второй день после оккупации Пекина, на рассвете 2 августа императрица Цыси в сопровождении членов императорской фамилии и примерно 20–25 высокопоставленных сановников спешно покинула Пекин. Скромно одетые (на императрице был синий будничный халат, отсутствовали всякие украшения), почти без прислуги, а также привычных предметов быта высочайшие особы тайком бежали из города, уже фактически занятого иностранными войсками. Беглецов охраняли войска генерала Ма Юйкуня.

Население Пекина отнеслось к иностранному вторжению и оккупации как к величайшему позору. Многие чиновники, авторитетные политические деятели предпочли в этой ситуации смерть. Одни сжигали себя, другие принимали яд, третьи бросались в колодцы. По подсчетам китайского историка Ян Дяньгао, 1798 человек в те дни добровольно лишили себя жизни. По принятым издревле в Китае нормам, некоторые высокопоставленные чиновники принимали смерть целыми семьями[295].

В современной китайской историографии события, связанные с восстанием ихэтуаней, оцениваются как «подавление империалистическими державами антиимпериалистического патриотического движения, поднятого народом Китая». В качестве примера китайских взглядов на события тех лет можно привести отрывки из книги «Краткая

[295] Цит. по: Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней. 1898–1901 гг. М., 1978. С. 320.

военная история всех династий Китая», вышедшей в Пекине в 1993 году. Один из параграфов этого труда называется «Наступление восьми держав на Пекин»[296]:

«1900 год. Крупные империалистические государства в целях подавления антиимпериалистического патриотического движения, поднятого народом Китая, воспользовались моментом, когда маньчжуро-цинское правительство попыталось «начать борьбу с иностранным влиянием», для реализации своих намерений по разделу Китая и направили в большом количестве свои войска в Китай.

После окончания китайско-японской войны (1894–1895 гг.) империализм активизировал свои шаги по разделу Китая, стремясь расширять сферы своего влияния в Китае, арендовать новые военные порты, строить форты, создать многочисленные военные базы вдоль побережья морей от Порт-Артура и Дальнего на севере до бухты Гуанчжоувань на юге... Одновременно ими постоянно расширялись экономическая, религиозная и прочие виды агрессии.

Цинская династия, находясь в состоянии кризиса, развала и глубокой депрессии, не только не препятствовала агрессии, но и сама подавляла антиимпериалистическую борьбу народных масс, выступала против реформ капиталистического образца в стране. В таких исторических условиях китайский народ осознанно не мог смотреть на раздел страны и агрессию империалистических государств в Китае и непротивление цинского правительства и сам поднялся на смертельную борьбу, чтобы защитить суверенитет своей территории и существование нации. Именно поэтому вспыхнуло антиимпериалистическое патриотическое движение Ихэтуань, опорой которого стало крестьянское население страны.

Ихэтуань — это антиимпериалистическое патриотическое движение народных масс, развившееся на основе существовавших в народе тайных обществ типа Ихэцюань. Оно началось на границе провинций Чжили и Шаньдун. И когда крупные империалистические державы начали расширять и активизировать в отношении Китая политическую, эко-

[296] «Чжунго лидай чжаньчжен цзяньши». Пекин, 1993. С. 494–498.

номическую и религиозную агрессии, движение Ихэтуань стало активно расширяться в провинции Чжили, Пекин — Тяньцзиньском и других районах. Империализм воспользовался этим поводом и организовал военное вторжение в Китай.

В апреле 1900 года Англия, США, Франция и Германия через своих послов в Китае направили цинскому правительству общую ноту с требованием в течение двух месяцев подавить движение Ихэтуань, «в противном случае они пошлют свои морские и сухопутные силы в две провинции: Шаньдун и Чжили, чтобы самим уничтожить его». Цинское правительство, испугавшись запугиваний со стороны империалистов, снова послало войска на подавление движения Ихэтуань и согласилось на введение небольших военных сил в Пекин (на защиту своих посольств). После этого Англия, США, Франция и другие страны в течение 4 дней направили в Пекин 442 своих военнослужащих. Движение Ихэтуань в это время имело в своих рядах только в Пекине «не менее 100 тысяч человек от простого люда и солдат до представителей цинских властей».

В мае 1900 года размещавшиеся в Тяньцзине дипломатические и военные представители организовали совещание, на котором решили собрать не менее 2000 своих военнослужащих в тяньцзинском сеттльменте, откуда посадить их на поезда и под командованием английского адмирала Сеймура и американского капитана I ранга Майкэла[297] и направить их в Пекин. Но как только первая группа в количестве 800 человек во главе с Сеймуром выступила в путь, она сразу столкнулась с сопротивлением боксеров и цинских вооруженных сил, была окружена, подверглась мощному удару мятежников, потеряла 290 человек убитыми и ранеными и вынуждена была вернуться в Тяньцзинь. Когда группа Сеймура находилась в Ланфане, другая группа объединенных сил восьми государств неожиданным ударом захватила Дагу и начала готовиться к захвату Тяньцзиня.

К тому времени на обоих берегах реки у входа на рейд в Дагу были созданы 4 артиллерийских форта, в которых

---

[297] Транскрипция иероглифов. Имеется в виду американский контр-адмирал М. Кемпф.

было установлено 180 стволов артиллерии разных калибров с гарнизоном цинских войск в количестве более 2000 человек. В первой декаде мая свыше 20 военных кораблей разных стран были сосредоточены у входа в Дагу, желая этим оказать давление на цинское правительство и, в случае необходимости, захватить форты, расширив тем самым масштабы войны.

19 мая[298] в Тангу высадился морской десант числом более 900 человек, и 10 военных канонерок вошли в устье реки Хайхэ (Байхэ) и приняли боевой порядок для удара по фортам. 20 мая иностранное командование направило ноту высшему начальнику в Тяньцзине Ло Жунгуану, установив срок ультиматума — 14.00 21 мая для принятия решения о передаче фортов иностранцам.

Ло Жунгуан ответил категорическим отказом. Тогда, не ожидая установленного ими времени, в 0 часов 50 минут объединенные войска подвергли артобстрелу форты. Цины ответили огнем артиллерии форта. Напряженный бой длился 6 часов. У противника были выведены из строя 6 кораблей, убито и ранено более 200 человек. Но общий итог был не в пользу китайцев — форты были разрушены.

25 мая цинское правительство объявило войну всем вторгшимся государствам. К этому времени боксеры и правительственные войска уже наносили удары по иностранным войскам на станции Лаотоу и в сеттльменте Чайчжулинь, разрушили железнодорожное полотно, связь, прервав их сообщение с внешним миром. В первой декаде июня численность правительственных войск в Тяньцзине достигла 25 тысяч человек.

Наместник Чжили Лу согласовал свои действия с руководителями боксеров и начал наступление на Тяньцзиньский сеттльмент с трех направлений.

Левый фланг охранных войск под командованием начальника гарнизона Ма Юйкуня вместе с группировкой боксеров Цао Футяня наступали на сеттльмент с севера; они же

[298] В данном фрагменте китайского текста все даты приводятся по новому стилю, в отличие от дат старого стиля, по которым дается хронология событий в нашей книге.

в районе восточного арсенала нанесли сильный удар по иностранным войскам, захватили железнодорожную станцию.

Группировка Чжан Дэчена в составе обученных войск хуайцзюнь и ляньцзюнь наносила удар с запад.

Охранные войска Не Шичэна наступали на ипподром, Балитай и форт Сяоинмэнь с юга. 13 июня части европейцев ударили в южном направлении из сеттльмента, Не Шичен вел жестокие бои в Балитай, где и погиб.

В то время как боксеры и регулярные части правительственных войск, наступая «по плану с трех направлений», достигли определенных успехов, Цинский двор назначил новым наместником в Чжили и командующим Северного (Бэйянского) фронта Ли Хунчжана, поручив ему вести переговоры с европейцами. 14 июня прибывший на помощь Ли Хунчжану командир Северного фронта Сун Цин начал жестокое уничтожение боксеров, что сразу сбило настрой повстанцев.

17 июня объединенные войска европейцев численностью свыше 7000 человек начали наступление на Тяньцзинь по двум направлениям. Юй Лу, Сун Цин и Ма Юйкунь с частями свыше 20 тысяч человек покинули город, отступив на Янцунь, Бэйцан. 18 июня пал Тяньцзинь, создалась непосредственная угроза Пекину.

После падения Тяньцзиня Цинский двор стягивал отовсюду войска для укрепления обороны Пекина и его окрестностей. Чтобы воспретить европейцам продвигаться вдоль северного канала, части Ма Юйкуня численностью в 10 тысяч человек на рубеже южнее Бэйцана создали две оборонительные позиции. Первая — от переправы Люцзя (пристань Матоу) через Ханьцзятунь (Ханьцзяшу), Хоцзяньцзюй (вблизи Янцзяцзюй), Люцзяфан, Танцзявань и т.д. с размещением на ней цинских войск в количестве 9 тысяч человек. Вторая — от расположенного южнее Бэйцана Ванчжуана как центра позиции протяженностью 3 км с расположением на ней более 4 тысяч человек цинских войск. Кроме того, войска Сун Цина в районе станции Янцунь (как центр позиции) вдоль северного канала соорудили насыпь протяженностью около 5 км, где находились

5 тысяч человек. Всего сил на пути к Пекину насчитывалось 170 тысяч человек войск плюс 70 тысяч боксеров.

В начале августа в войсках европейцев насчитывалось свыше 18 тысяч человек и 81 орудие. Они выступили из Тяньцзиня двумя колоннами вдоль Северного канала в направлении Бэйцана. По правому берегу шли японские, английские и американские войска общей численностью свыше 13 тысяч человек, 53 орудия. По левому берегу шли русские, германские, французские, итальянские, австрийские подразделения числом свыше 4800 человек и 28 орудий.

5 августа объединенные войска прорвали первую линию обороны... вскоре была прорвана и вторая линия и занят опорный пункт Бэйцан, а потом, на другой день, был занят Янцунь.

Части Сун Цина и остатки войск Ма Юйкуня отошли к Тунчжоу. Губернатор Чжили Юй Лу отошел к Янцуню, где покончил с собой. 9 августа части европейцев охватили Хэсиу, где столкнулись с войсками Ли Бинхэна, но цинские войска, переоценив силы союзников, не приняли боя и бежали. Их командир У Цзинь, не зная, как организовать сопротивление, покончил с собой. Европейцы заняли Чжанцзявань, Тунчжоу и прямиком направились к Пекину.

В это время в Пекине собралось 70 тысяч правительственных войск. Сун Цин, Ма Юйкунь с группировкой в 10 тысяч человек заняли Наньюань; Дун Фусян с 25 батальонами прикрывали ворота в город Гуанцюймэнь, Чаоянмэнь, Дунчжимэнь; Жун Лу с 30 батальонами взял под охрану Синьхуамэнь, Ципаньцзе; 20 тысяч Восьмизнаменных войск охраняли 9 ворот Внутреннего города и 7 ворот Внешнего города; 39 батальонов охраняли все башни городской стены...

13 августа под сильным дождем войска европейцев численностью в 15 тысяч человек под прикрытием более 100 орудий по трем дорогам из Тунчжоу подошли к Пекину. 14 августа[299] пробили ворота Гуанцюймэнь, Дунбяньмэнь, Дунчжимэнь и вступили во Внутренний город. На

[299] 1 августа 1900 года (по старому стилю).

следующий день рано утром Цыси, прихватив с собой императора Гуансюя, бежала из города. Вслед за этим войска западных стран заняли все городские ворота и Цзицзиньчэн (Запретный императорский город в Пекине). 17 августа был занят весь город. Три дня в городе шел сплошной грабеж, растащены были ценности императорского дворца, все накопленное при династиях Мин и Цин.

После занятия города европейцами был создан «Совет управления Пекина», город был разделен на 11 районов, каждый из которых управлялся одной из 11 стран, чьи войска вошли в Пекин в составе объединенных сил западных стран[300].

Для дальнейшего расширения захваченных районов европейцы принудили цинское правительство к безусловному принятию выдвинутых этими странами «Условий искупления вины». Иностранные отряды были направлены из Пекина и Тяньцзиня в четырех направлениях с целью грабежей и наказаний местного китайского населения войсками европейцев. В течение 7 месяцев это истребление китайцев охватило пространство в пределах провинции Чжили на юг до Чжэндина, на север до Чжанцзякоу, на восток до Шаньхайгуаня и на запад до Нянцзыгуаня. Каждый рейд сопровождался грабежами, насилиями и убийствами, поджогами. А в местах, где обнаруживались следы деятельности боксеров, расправлялись по-колониальному: сжигали и грабили.

7 сентября 1901 года высокие представители Цинского двора Бянь Лэ и Ли Хунчжан подписали «Договор Синьчоу»[301] государственного позора в Пекине. Этот большой позор лег на плечи китайского народа. Он стал свидетельством еще большего национального кризиса, превратив Китай в полуколонию».

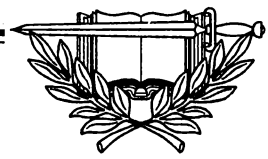
[300] В переговорах участвовали представители держав, как участвовавших в интервенции в Китай, так и не участвовавших в этом: Англия, США, Франция, Германия, Россия, Япония, Италия, Австро-Венгрия, Бельгия, Испания и Голландия.

[301] «Синьчоу» — циклическое обозначение 1901 года. Речь идет о так называемом «Заключительном протоколе», оформившем полуколониальный статус Китая почти на полвека — формально до 1949 года.

* * *

По положениям «Заключительного протокола», на Китай возлагалась контрибуция в объеме 450 млн. лянов серебра сроком на 39 лет из расчета 4% годовых, что в общем итоге составляло сумму почти 1 млрд. лянов серебра. Цинскому правительству запрещалось ввозить в страну оружие и предлагалось срыть форты в Дагу. Войскам иностранных держав разрешалось занимать ряд пунктов в Северном Китае «для поддержания свободного сообщения между столицей и морем».

Империалистические державы сохранили правление в Китае императрицы Цыси. Удержавшись на престоле ценой жестокой расправы над ихэтуанями и уступок в адрес иностранных держав, цинское правительство во главе с вдовствующей императрицей в январе 1902 года вернулось в Пекин. Движение «боксеров» постепенно сошло на нет.

ГЛАВА 8
МАНЬЧЖУРИЯ НАКАНУНЕ «БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ»

Строительство КВЖД: военные аспекты

В истории военно-политических отношений между Россией и Китаем в начале XX века особое место занимает проблема Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Железнодорожная трасса пересекала Маньчжурию с запада на восток и на юг и представляла собой своеобразную «кровеносную артерию» Северо-Восточного Китая. Этот объект имел важнейшее военно-стратегическое значение для России, и ему суждено было сыграть серьезную роль в жизни и судьбе многих и многих тысяч русских граждан, проживавших в Китае и до, и после революционных событий 1917 года в России.

22 мая 1896 года Россия, воспользовавшись военно-политической обстановкой, сложившейся в Китае после поражения в войне с Японией, «желая укрепить счастливо восстановленный на Дальнем Востоке мир и охранить азиатский материк от нового иностранного вторжения», заключила в Москве секретный Русско-китайский оборонительный союз (договор). Он носил отчетливо выраженный антияпонский характер. Суть этого договора объявлялась в его первой статье:

«Всякое нападение Японии как на русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи,

будет рассматриваться как повод к немедленному применению настоящего договора. В этом случае обе высокие договаривающиеся стороны обязуются поддержать друг друга всеми сухопутными и морскими силами, какими они будут располагать в этот момент, и, елико возможно, помогать друг другу в снабжении их обоюдных сил»[302].

Однако для России более важной статьей была не первая, а четвертая: «Чтобы облегчить доступ русским сухопутным войскам в угрожаемые пункты и для обеспечения их съестными припасами, китайское правительство соглашается на сооружение железнодорожной линии через китайские провинции Амурскую и Гиринскую в направлении на Владивосток. Соединение этой железной дороги с русской железной дорогой не может служить предлогом к какому-либо захвату китайской территории или покушению на верховные права его Величества императора Китайского. Постройка и эксплуатация этой железной дороги будут представлены Русско-Китайскому банку, и статьи контракта, который будет заключен для этой цели, будут надлежащим образом обсуждены китайским посланником в Санкт-Петербурге и Русско-Китайским банком»[303].

Добившись от китайского правительства согласия на постройку на территории Маньчжурии железнодорожной линии, Россия получила возможность связать напрямую Забайкалье с Уссурийским краем. Это имело огромное экономическое и военно-стратегическое значение для укрепления положения Российской империи на Дальнем Востоке. Договор заключался на 15 лет с условием дальнейшей пролонгации.

В соответствии с условиями русско-китайского секретного договора в августе 1896 года китайский посланник в Берлине подписал с Русско-Китайским банком соответствующий контракт. Для практического решения задач по стро-

---

[302] Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С. 105–106.

[303] Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С. 105–106.

ительству и организации эксплуатации железной дороги банк специально создал Общество Китайско-Восточной железной дороги. По высочайше утвержденному 4 декабря 1896 года уставу это общество получило также права на ведение хозяйственной деятельности вдоль линии будущей железной дороги, прежде всего разработку каменноугольных месторождений.

Концессия на эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги предоставлялась русской стороне на 80 лет со дня открытия движения по всей линии. Через 80 лет КВЖД должна была быть передана китайскому правительству, однако, по условиям соглашения, Китай имел право выкупить железную дорогу через 36 лет.

Правление общества КВЖД было образовано в начале 1897 года и находилось в Петербурге, а его отделение — в Пекине. В состав правления входили: председатель, назначаемый китайским правительством, и девять членов. Вице-председателем правления был назначен инженер С.И. Кербедз, директором-распорядителем — инженер Циглер фон-Шафгаузен, главным инженером (строителем) дороги — инженер А.И. Югович, его заместителем (помощником) — инженер С.В. Игнациус. Правление общества по назначению китайского правительства возглавил Сюй Цзинчен, бывший посланник при берлинском и петербургском дворах. Судьба этого деятеля впоследствии оказалась трагической: в 1900 г. он был казнен в Пекине в ходе «боксерского» восстания «за службу русскому делу»[304].

Русское правительство взяло на себя обязательство гарантировать Обществу КВЖД покрытие всех расходов. Фактически строительство дороги перешло в руки Комитета сибирских железных дорог и лично министра финансов С.Ю. Витте.

Первым этапом деятельности общества КВЖД являлись изыскательские работы на местности. Предполагалось, что на завершение всех работ по строительству и наладке железной дороги потребуется 6 лет.

---

[304] Штейнфельд Н. Русское дело в Маньчжурии с XVII века до наших дней. Харбин, 1910. С. 49.

В апреле 1897 года первая партия русских инженеров и техников из Владивостока была направлена в Маньчжурию для проведения изыскательских работ. 4 августа того же года состоялась торжественная церемония освящения начала земляных работ по сооружению железной дороги. Она проходила на пограничной реке Уше, недалеко от Никольское-Уссурийское.

Первоначальными планами предусматривалось сооружение железной дороги через всю Маньчжурию с запада на восток. Однако вскоре после целой серии территориальных захватов европейских держав в Китае и получения Россией прав на аренду на 25-летний срок Порт-Артура и Даляня на Ляодунском полуострове встал вопрос о сооружении железной дороги вплоть до этого района.

Концессия на южную ветку КВЖД была оформлена в июне 1898 года. Начальником этой линии был назначен инженер Ф.О. Гиршман.

Экономическое и военно-стратегическое значение Порт-Артура для России было огромным. Это был фактически единственный выход России к незамерзающим портам Тихого океана. Поэтому для России было так важно связать этот ключевой район надежным сухопутным сообщением с собственно территорией России.

В 1898 году в Северо-Восточном Китае развернулись крупномасштабные строительные работы. К концу мая 1900 года строительные работы продвинулись столь быстро, что сдача железнодорожной линии в эксплуатацию ожидалась уже в 1902 году.

В административном плане вся Китайско-Восточная железная дорога была разделена на три части:

— западную от Кайдолово до Харбина;
— восточную от Харбина до Никольского;
— южную от Харбина до Порт-Артура.

Протяженность главной трассы составляла 1535 км и южной ветви — 1054 км. Общая длина железной дороги достигала 2580 км. Однако с учетом подъездных путей и боковых вспомогательных веток длина всех железнодорожных путей достигала 3 тысяч км. На трассе началось сооружение и реконструкция 107 железнодорожных станций,

поселков, городов, в том числе Харбина и Дальнего, а также целого ряда мостов, туннелей и других объектов.

Все три части КВЖД делились на 22 участка во главе с собственным инженером и техническим персоналом. Всего на железной дороге было задействовано 150 русских инженеров и техников, а также внушительный медицинский персонал — 24 врача и 75 фельдшеров. Должности технического персонала дороги — мастеров, десятников и мастеровых (слесарей, кузнецов) — занимались рабочими из России. Прочий же персонал железной дороги численностью 100 тысяч человек набирался среди местного населения. В ведении всего этого огромного по численности предприятия находились значительные пространства Маньчжурии, по которой проходила сама железная дорога.

Для несения охраны и поддержания внутреннего порядка на КВЖД была специально создана русская охранная стража, набиравшаяся преимущественно из запасных нижних чинов под начальством кадровых офицеров. Специфика статуса охранной стражи состояла в том, что их содержание производилось не из государственного бюджета, а за счет фонда самого общества КВЖД.

Формирование корпуса охранной стражи, по предложению Военного министра, было поручено командиру 4-го Закаспийского стрелкового батальона полковнику А.А. Гернгроссу. Первые пять сотен стражи (Терская, две Кубанских, Оренбургская и смешанная, состоящая частично из нижних чинов Закаспийского батальона) прибыли из Одессы во Владивосток в декабре 1897 года. В 1899 году прибыло еще 14 сотен казаков с Кавказа и Урала. В 1898—1899 гг. было сформировано и размещено вдоль дороги 8 рот охранной стражи численностью 2 тысячи человек, набранных из числа солдат, служивших в войсках на Дальнем Востоке. Однако Высочайшим повелением еще в октябре 1898 года Обществу КВЖД было разрешено постепенно довести численность охранной стражи до 5 тысяч человек.

Служба в охранной страже засчитывалась как действительная, причем отличалась целым рядом льгот (в частности, два дня службы засчитывались за три). Охранная стража имела российское военное обмундирование, однако по-

гоны и знаки различия отсутствовали. Кокарды и знаки в петлицах несли изображение дракона.

Охрана дороги осуществлялась смешанными постами по 3–4 человека и более крупными отрядами в городах и портах. Кроме линии железной дороги охранялась также река Сунгари и лесозаготовки[305].

К июню 1900 года общая численность охранной стражи достигала 69 офицеров и 4658 нижних чинов.

С началом восстания «боксеров» в Китае для усиления охраны железнодорожных путей КВЖД началось наращивание численности охранной стражи. 2 июня министр финансов обратился к императору с просьбой об увеличении численности охранной стражи до 6 тысяч человек. Согласие на это он сразу получил.

19 июля 1900 года Военный министр обратился к императору с предложением немедленно перевести в запас почти 3 тысячи солдат из Московского и Киевского военных округов, изъявивших желание перейти на службу в охранную стражу КВЖД. В том же докладе отмечалось, что численность стражи достигла 8 тысяч человек — и, по плану, должна была возрасти в ближайшее время до 11 тысяч солдат и офицеров[306].

Несмотря на широкий размах охватившего всю страну движения «боксеров», в Маньчжурии, на линии КВЖД, вплоть до середины июня 1900 года, обстановка была более или менее нормальной. На отдельных участках трассы имели место конфликты локального масштаба, которые достаточно быстро урегулировались администрацией железной дороги. Однако общая напряженность усиливалась.

Одним из серьезных конфликтов между администрацией дороги и местным населением стали дикие слухи о том, что в качестве паровозной смазки на КВЖД используется «сало» — жировые ткани — покойников. Дело зашло столь далеко, что А. Югович вынужден был 14 июня издать

---

[305] Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 41.

[306] Материалы для описания военных действий в Китае 1900–1901 гг. Отдел I. Книга 2-я. С. 5–6.

специальный приказ, запрещающий хоронить китайцев в полосе отчуждения КВЖД и вскрывать трупы в железнодорожных больницах.

День ото дня обостряющаяся обстановка на КВЖД вызывала обеспокоенность у Военного министерства и русских военных властей на Дальнем Востоке. Еще 28 мая 1900 года начальник Главного штаба предупреждал Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова:

«По сведениям из Китая, положение дел там ухудшается, и является опасение, что восстание может распространиться, направляясь к Маньчжурии и к нашим границам. Посему благоволите принять соответственные меры к предотвращению столкновений с соседним китайским населением и к бдительному надзору за нашими границами»[307].

14 июня уже сам Н. Гродеков доносил в Главный штаб: «Верное обеспечение нашего положения в Маньчжурии может быть достигнуто только немедленным движением отряда наших войск в Маньчжурию для прочного занятия Харбина и вообще среднего течения Сунгари, откуда его можно будет своевременно направить для действительного прикрытия южной ветки Харбин — Порт-Артур. Охранная стража сослужила службу при обыкновенном течении дел, теперь же настает время возложить охрану на войска. Полковник Гернгросс на сделанный ему вопрос, задолго еще до сего, категорически заявил, что от охранной стражи, по слабости ее, не может быть выделено для действия в поле ни одного человека. Таким образом, на стражу может быть возложено лишь охранение непосредственно самой линии железной дороги; сохранять же в области порядок и безопасность возможно не иначе как при условии занятия ее нашими войсками ранее, чем расширится в ней мятеж, поднятый партией «Большого кулака»[308].

Однако обеспокоенность военных руководителей по поводу развития ситуации в Китае и вокруг КВЖД не разде-

---

[307] Материалы для описания военных действий в Китае 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 1-я. С. 4.

[308] Материалы для описания военных действий в Китае 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 1-я. С. 73—74.

лялась администрацией железной дороги и российским МИД. Так, 19 июня чиновник МИД на правах консула в Северной Маньчжурии В.Ф. Люба сообщал: «В Гиринской и Хэйлунцзянской провинциях за последние месяцы не произошло никаких событий, которые вызвали бы серьезные опасения за будущее или необходимость в крайних мерах здесь»[309].

24 июня главный инженер А. Югович доносил телеграммой из Харбина, что на линиях все обстоит благополучно и что губернаторы трех провинций Маньчжурии ручаются за безопасность русского персонала, если только русские сами не начнут враждебных действий[310].

22 июня враждебные действия восставших китайцев неожиданно разразились в Мукденской провинции на всем участке Телин — Генкоу. В Мукдене была разрушена католическая миссия, сожжена церковь, разграблены европейские магазины.

Между тем официальные китайские власти продолжали признаваться в дружественном отношении к русским на КВЖД. А. Югович был уведомлен о начале мобилизации в Цицикарской провинции самим губернатором, который объяснил эту меру желанием «охранять русские постройки от нападения мятежников». Однако на следующий день этот губернатор совместно с губернатором Гирина заявили главному инженеру, что в случае нападений на русских подданных они «не ручаются за поведение своих солдат»[311].

24 июня русские телеграфисты со станции Телин перехватили указ маньчжурского императора, предписывавший войскам присоединиться к «боксерам».

В развитие этого 25 июня губернаторы трех маньчжурских провинций предложили А. Юговичу сдать китайским агентам весь железнодорожный материал и удалиться из

---

[309] Материалы для описания военных действии в Китае 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 1-я. С. 115.

[310] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 27.

[311] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 28.

Маньчжурии с русскими служащими и войсками охраны. На этот фактический ультиматум китайских властей главный инженер КВЖД ответил категорическим отказом.

На следующий день китайские войска совместно с отрядами «боксеров» начали выдвигаться со всех сторон к железнодорожной трассе.

27 июня главный инженер А. Югович, понимая всю опасность положения, отдал приказ об эвакуации русского персонала и запросил войска из Квантуна для охраны Южной линии дороги.

Командующий войсками Квантунской области вице-адмирал Е.И. Алексеев немедленно направил отряд русских войск для взятия под охрану железнодорожной линии. Отряду предписывалось «ограничиться только охраной пути и телеграфа, воздержаться от враждебных действий против китайских войск и населения»[312].

В соответствии с планом отступление персонала КВЖД должно было проводиться в строгом порядке. Персонал трех восточных участков Западной части линии и трех западных участков Восточной (т.е. шести центральных железнодорожных участков) сосредоточивался в районе Харбина. Служащие участка севернее Телина на Южной линии собирались на станции Сунгари II, в 120 км к югу от Харбина на пересечении железнодорожного пути с рекой Сунгари.

Персонал с остальных участков должен был отступать по наикратчайшему пути прямо к русской границе: с западных участков — в Забайкальскую область; с восточных — в Приморскую область; с участков южнее Телина — в Квантун.

Отступление русского персонала КВЖД и охранной стражи с китайской территории сопровождалось множеством трудностей. Прежде всего отступающие находились под непрерывным и в некоторых местах ожесточенным воздействием со стороны китайских войск и «боксеров». Неоднократно русским инженерам, техникам и стражникам приходилось отражать атаки и нападения противника.

---

[312] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 28.

Сложность операции по эвакуации с КВЖД заключалась в том, что вместе с персоналом следовали их семьи — женщины и дети, а также небольшие группы представителей других европейских государств (миссионеры, инженеры, дипломатические представители) и китайцы-христиане. За-трудняло движение отступающих русских колонн наиболее ценное имущество КВЖД, которое персонал вынужден был везти с собой (кассы, документацию, некоторое оборудование).

Наиболее сложно и во многом трагично складывалось отступление русского персонала железной дороги и охранной стражи с Южной ветви КВЖД.

Одной из первых — еще 14 июня — нападению со стороны китайцев подверглась станция Ляоян (60 км к югу от Мукдена), где находились основные силы охранной стражи под командованием полковника Мищенко. Это атака была отбита. Однако 22 июня китайцы осадили Ляоян, где к тому времени находились 208 чинов охранной стражи и 104 железнодорожных служащих со своими семьями.

Утром 24 июня китайцы начали интенсивный артиллерийско-ружейный обстрел Ляояна, продолжавшийся почти 12 часов до самого вечера. Воспользовавшись тем, что китайцы так и не решились перейти в атаку днем, полковник Мищенко решил ночью отойти из Ляояна на юг. Колонна Мищенко смогла вырваться из блокированного Ляояна, совершив ночью 32-километровый марш вне дорог по вспаханным полям. Утром к ней присоединился отряд штабс-капитана В.М. Страхова силой в 100 сабель, присланный из Инкоу.

Постепенно отряд Мищенко, отбиваясь от постоянных атак китайских войск и «боксеров», вырос численно за счет присоединения к нему отдельных групп и застав охранной стражи с КВЖД и подошедшей на помощь роты 7-го Восточно-Сибирского полка из Квантуна. 1 июля отряд Мищенко, отступив к Дашицяо, соединился с русскими войсками, двигавшимися с Квантуна.

За весь период отступления от Ляояна потери отряда Мищенко составили 50 военнослужащих и 5 железнодо-

рожных служащих, из которых убито — 18; ранено — 22; контужено — 4; без вести пропало — 6[313].

Действия отряда Мищенко нашли высокую оценку со стороны администрации КВЖД. Инженер Гиршман 1 июля донес в Главный штаб:

«Само предприятие Мищенко, при слабых силах отряда, недостатке лошадей и обоза и свидетельствуемых им самим высоких качествах, прекрасном вооружении и многочисленности неприятеля, рискованно и, вероятно, вполне бесполезно.

Мнение Мищенко подтверждает мое мнение о необходимости быстрой, сильной помощи для спасения дороги.

Служащие сообщают, что путь вполне разорен. Подвижной состав, мосты, здания, склады сожжены; телеграф уничтожен; рельсы развинчены. Разгром полный...»[314].

Отступление русских служащих и охранной стражи с других участков Южной ветви КВЖД оказалось не менее трагическим. 23 июня китайцы напали на станцию Суетунь между Мукденом и Ляояном, где находилось в то время 5 служащих и 12 чинов охранной стражи. Русский отряд отбивался до последнего патрона, а затем попытался прорваться врукопашную. В короткой ожесточенной схватке в живых остались лишь пятеро. С большими трудностями и лишениями им удалось по реке Ляохэ 13 июля добраться до Инкоу и выйти к своим. Один из пятерых вскоре умер от изнеможения. Остальные русские погибли, а над их телами надругались, вырезав на груди кресты[315].

Еще более трагической оказалась судьба русского отряда в Мукдене. После нескольких дней провокаций и диверсий, 23 июня, китайские войска силой 5 тысяч человек начали наступление на русский гарнизон, состоявший из 39 чинов охранной стражи и 21 служащего, в числе которых было две женщины.

---

[313] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 32.

[314] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900 — 1901 гг. Отдел III. Книга 1-я. С. 207—208.

[315] Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 66.

Первый налет китайцев русский отряд под командованием поручика Валевского отразил. Видя безвыходность дальнейшего сопротивления, в ночь на 24 июня русские отступили на юг вдоль железной дороги, стараясь обходить китайские населенные пункты стороной. По пути к ним присоединялись одиночные солдаты и группы охранной стражи. К вечеру 24 июня отряд Валевского наткнулся на многочисленные китайские войска. Русскому отряду пришлось «прочистить» дорогу штыками. Взяв одну из маленьких станций, Валевский нашел «два русских трупа, ужасно изуродованных, с отрубленными головами и руками и вскрытой грудью»[316].

Продолжавшееся несколько суток днем и ночью движение отряда поручика Валевского закончилось во многом трагически. Не застав в Ляояне русских войск, которые к тому времени уже успели покинуть этот город, Валевский решился отступать не на юг, где было много китайских войск, а на восток — к корейской границе.

28 июня русский отряд был завлечен в засаду китайским проводником. В ожесточенном бою поручик Валевский погиб, получив смертельное ранение.

Гибель командира вызвала панику и разногласия в рядах русского отряда. Инженер Б.А. Верховский отказался возглавить отряд и незаметно отделился от него с группой в 10 человек, намереваясь пробиваться к югу. Остальная часть отряда в количестве 58 человек под командованием унтер-офицера Филипенко продолжила путь к востоку, как и планировал погибший Валевский.

После целого ряда трудностей и лишений, ожесточенных стычек с китайцами отряд Филипенко 8 июля достиг корейской территории, где был «радушно принят корейцами». За весь период отхода его потери составили 12 человек, включая поручика Валевского, 10 нижних чинов и одного служащего. Пройдя 340 километров в тылу противника, отряд в составе 56 человек добрался до Сеула, а затем — Порт-Артура.

Судьба отколовшейся от общего отряда группы инженера Верховского была трагична. Эта группа вскоре вновь

---

[316] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 34.

разделилась, и уже маленькие группки русских просачивались в направлении юга и востока. Большинство из них попало в плен к китайцам, 5 человек были замучены в плену до смерти. Самого Верховского китайцы убили, отрезали голову и выставили ее в клетке на обозрение на крепостной стене в Ляояне. Тело русского инженера не было найдено, а голова только 16 сентября специально отряженной русской военной экспедицией была захоронена[317].

Отступление русских гарнизонов на Южной ветке железной дороги, находящихся севернее Мукдена, производилось в сторону Харбина. Гарнизон Телина под командованием штабс-капитана С.А. Ржевуцкого, состоявший из 200 чинов охранной стражи, мужественно отражал атаки и нападения китайцев начиная с 20 июня.

В ночь с 24 на 25 июня, получив информацию о подходе регулярных китайских войск, Ржевуцкий решается отступить в сторону Харбина. Вместе с его отрядом выступили 200 служащих с семьями и 250 китайцев-христиан. Отряд шел с ежедневными боями, неся большие потери. Одновременно отряд вырос численно почти в два раза за счет присоединения к нему русских гарнизонов и караулов.

7 июля отряд вошел в Харбин, потеряв 10 человек убитыми и умершими, 30 — ранеными и 3 — без вести пропавшими.

Харбин — главный административный центр русской железной дороги. Город был основан в 1898 году, именно здесь основная трасса КВЖД соединялась с Южной веткой. Река Сунгари связывала этот город с Амуром и, соответственно, с российской территорией.

С самого начала обороны Харбина главный инженер А.И. Югович и генерал-майор А.А. Гернгросс отправили из города по реке Сунгари семьи служащих железной дороги. На пароходах из Харбина в Россию были переправлены помимо семей документация и деньги правления железной дороги. 11 июля ушел последний транспорт, увозивший раненых при отступлении с КВЖД рабочих и охранников. На

---

[317] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 35.

обратном пути все пароходы везли в город оружие и боеприпасы. Город готовился к осаде.

Главную роль в осаде Харбина сыграли войска из Хуланьчена — города, находившегося в 7–8 километрах к северу от Харбина. Во всех окрестных китайских населенных пунктах велась активная пропаганда против иностранцев, в отряды повстанцев вербовались добровольцы, китайские войска вели активную боевую учебу.

Цицикарский цзянцзюнь Шоу Шань готовился к войне, но наступать на Харбин не решался. Он надеялся, что русский гарнизон покинет город добровольно. Шоу Шань предлагал А. Юговичу временно покинуть Маньчжурию со всем русским персоналом, пока китайские власти не наведут порядок в стране.

Однако когда Россия в конце июня заявила о вводе своих войск в Маньчжурию, Шоу Шань объявил о мобилизации войск для защиты от русского вторжения. В послании Юговичу цицикарский цзянцзюнь писал: «Обе страны находятся в войне между собой. Война объявлена давно, вследствие общего раздражения нашего народа, и ни наш император, ни я, цзянцзюнь, не можем восстановить порядок. Надеюсь, что вы прикажете своим войскам жестоко сражаться, но не убивать беззащитных жителей».

В ответ на это главный инженер КВЖД ответил, что «войны между Китаем и Россией не существует и что ее не будет никогда».

Комментируя слова Юговича, Приамурский генерал-губернатор генерал Н.И. Гродеков в донесении Военному министру писал: «Донося об этом, обязываюсь прибавить, что настояние Юговича, будто и теперь все еще не дошли до войны, идут против очевидности фактов, так как по всей границе округа ведутся военные действия, отнюдь не против каких-либо мятежников, а против отрядов китайских войск, направляемых высшими представителями власти от имени императорского пекинского правительства»[318].

---

[318] Материалы для описания военных действии в Китае в 1900–1901 гг. Отдел. Книга 2-я. С. 43 – 44.

Местные китайские власти, подчиняясь приказаниям Пекина, объявили открытую войну русским гарнизонам. Губернатор Цицикара Шоу Шань телеграфировал главному инженеру КВЖД, что он «сравняет с землей порт и город Харбин, уничтожит всех русских и победоносно войдет в Хабаровск»[319].

В Харбине находилось большое количество локомотивов и вагонного парка железной дороги, склады и мастерские, которые китайцы сделали главными объектами своего нападения.

К середине июля русские караулы и заставы полностью покинули все станции и объекты на Южной ветке железной дороги, отошли в Харбин. К этому времени в городе оставалось около 4000 человек, из которых около 2000 — охранная стража и около 1000 — запасные чины с КВЖД. Из запасников, вооруженных берданками, были организованы полицейская, пожарная, музыкальная команды и «вольная Осетинская дружина», состоявшая в основном из кавказских мусульман.

К 13 июля, когда Харбин подвергся первому масштабному натиску со стороны противника, его гарнизон состоял из 8 рот, 10 сотен, т.е. 2300 штыков и 1130 сабель с тремя орудиями. Силы осадивших Харбин китайцев оценивались русской разведкой в 8000 человек.

12 июля китайские войска численностью около 2000 человек с 20 орудиями вышли из Хуланьчэна в поход против Харбина. 13 июля в 4.00 начался артиллерийский обстрел Затона, левобережного пригорода Харбина. Русский отряд под командованием командира роты охранной стражи поручика Апостолова по приказу генерала А.А. Гернгросса отошел на правый берег Сунгари.

В ночь на 13 июля другой отряд китайских войск численностью 2000 человек переправился через Сунгари выше Харбина и начал продвигаться к городу с севера.

В это время весь русский гарнизон Харбина был сосредоточен на Пристани. В 8.00 первого дня наступления ки-

---

[319] Военные события в Китае (1900—1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 40.

тайцы заняли кирпичный завод в километре от Нового города. Они установили там 4-орудийную батарею и начали обстрел Пристани и Нового города. Вслед за тем в атаку пошла китайская пехота. Однако контратакой двух сотен охранной стражи с фланга китайская атака была сорвана.

Китайские войска отошли к винокуренному заводу южнее города, но остались смертники, спрятавшиеся и нападавшие на русских сзади. Ими был убит командир сотни штабс-ротмистр Чаленков с двумя казаками. После отчаянного штурма русскими войсками винокуренного завода, в стенах которого осталось 400 убитых китайцев, противник в панике бежал. К 15.00 бой закончился. Цицикарские войска, потеряв до 800 человек убитыми, отступили. Потери русских составили 5 человек убитыми и 10 — ранеными. Русским войскам удалось взять богатые трофеи, в числе которых оказалось 3 артиллерийских орудия.

Первая победа оказала огромное вдохновляющее влияние на русский гарнизон Харбина и одновременно деморализовала китайские войска. Китайцы так и не предприняли никаких решительных действий против защитников города.

Осада Харбина закончилась только с подходом русских войск из Хабаровска и Пограничной. 22 июля в Харбине состоялся совместный парад гарнизона защитников города и подошедших накануне из России войск подкрепления. Общие потери харбинцев за месяц боев и осады составили более 60 человек убитыми, более 100 ранеными и несколько пропавшими без вести. Китайцам не удалось вытеснить русских из Харбина ни дипломатическим путем, ни путем психологического давления, ни с помощью военной силы[320].

Столица КВЖД осталась за русскими. Ей суждено было сыграть важную роль в развернувшихся к тому времени военных действиях в Маньчжурии.

Таким образом, сооружение Китайско-Восточной железной дороги явилось одним из крупнейших экономических и военно-стратегических проектов Российской империи на Дальнем Востоке в начале XX века.

---

[320] Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 83–84.

Несмотря на достаточно выгодные условия российско-китайского соглашения о КВЖД, Пекин относился к этому проекту неоднозначно. Центральные китайские власти и местная администрация в Маньчжурии, получая определенные дивиденды от этого проекта, не предпринимали решительных мер по содействию строительству. С началом антиимпериалистического, «антииностранного» движения «боксеров» недовольство народных масс было направлено на объекты железной дороги и на русский персонал КВЖД.

Одной из причин такого недовольства были, естественно, действия российской стороны — администрации КВЖД и охранной стражи. Не всегда в своей деятельности они учитывали специфику своего положения на территории суверенного государства, допуская нарушение прав и обычаев местного населения. Мукденские власти, например, сообщали в Пекин, что «русские в разных деревушках самовольно занимали дома, насиловали женщин, обманом вымогали деньги, отбирали имущество, силой брали хлеб и провиант, всякими способами беспокоили и обижали население, так что последнему от них житья не стало»[321].

Китайские войска в первой половине июня еще не имели четких инструкций о том, как относиться к русским гарнизонам. В результате этого в большинстве районов КВЖД русским удавалось избегать боевых стычек с китайскими гарнизонами. Последние ставили перед собой цель не столько уничтожение русских, сколько их изгнание, «выдавливание» с территории Маньчжурии и разрушение железнодорожного полотна и станционных построек.

Отступление русского персонала КВЖД и охранной стражи продолжалось в течение полумесяца. Отход с Южной ветви происходил с тяжелыми боями и сопровождался значительными потерями русских отрядов. Вооруженные стычки происходили вдоль КВЖД и в северной части Маньчжурии.

Отход русских отрядов из всех пунктов КВЖД осуществлялся в целом организованно. Вместе с тем админис-

---

[321] Цит. по: Аварин А. Империализм и Маньчжурия. Этапы империалистической борьбы за Маньчжурию. М., 1931. С. 43.

трацией КВЖД и охранной стражей не все было сделано для того, чтобы вовремя вывести персонал и имущество железной дороги из-под ударов мятежников. По мнению генерал-лейтенанта Линевича, огромная доля вины лежала на инженере Юговиче, о котором он писал:

«В сколь тяжелое положение поставил свою охрану и своих служащих инженер Югович! Потеря 48 человек, павших у полковника Мищенко, должна лечь тяжелым камнем на душу инженера Юговича. Он один дозволил себе дерзко и преступно обманывать Министра финансов и всех других начальников о спокойствии в Маньчжурии.

Всех своих служащих он третировал словами, что они свои нервы распустили, и потому им будто бы грезится какое-то волнение между китайцами. Неужели же это тяжкое Юговича преступление пройдет бесследно?

Кто же возместит потерю жизни несчастных 48 человек и чем? А равно, кто возместит десятки миллионов рублей, потерянных с разрушением пути, станций, мостов и разных складов железнодорожного имущества? Господи!!! Как велико преступление перед отечеством господина инженера Юговича, это один Бог ведает...»[322]

В общей сложности русские отряды при отступлении с КВЖД потеряли около 100 человек погибшими и пропавшими без вести, включая не только военнослужащих, но и железнодорожных служащих и членов их семей.

Китайцы проявили крайнюю жестокость по отношению к тем русским, кто попадал в их руки. С другой стороны, отступающие русские отряды не были ограничены в применении оружия против мирного населения китайских деревень, через которые они отступали.

По мере отхода русского персонала с КВЖД все более актуальным становился вопрос о дальнейшей судьбе дороги. Комментируя это, Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков еще 11 июля 1900 года доносил Военному министру:

«Считаю теперь вопрос об усилении охранной стражи не отвечающим обстоятельствам. Стража эта свою роль

---

[322] Военные действия в Китае 1900—1901 гг. Составил Генерального штаба генерал-майор А.З. Мышлаевский. СПб., 1904. Часть I. С. 294.

выполнила, но с самого возникновения серьезных тревог оказалась бессильной...

Сила сопротивления почти 5 тысяч отборных русских людей фактически свелась на нет; железная дорога разгромлена, престиж наш подорван. Теперь очевидно, что участь постройки нами Китайской железной дороги может быть решена только силой оружия.

Надо сначала завоевать Маньчжурию, необходимы войска, необходимо объединение всего дела в руках одного Военного министерства»[323].

Все это обусловило необходимость проведения в Маньчжурии решительной военной операции российских войск.

Только с окончанием военных действий в Маньчжурии русский персонал вернулся на КВЖД, полотно и постройки на трассе были в кратчайшие сроки восстановлены и сданы в эксплуатацию.

Военные действия на Амуре

В мае—июне 1900 года военно-политическая обстановка в Приамурье обострилась до предела. Китайская сторона усиливала свои пикеты вдоль реки, укрепляла оборону населенных пунктов. Китайское население, проживавшее на территории России, в массовом порядке отзывалось за Амур. Российская сторона готовилась к войне.

12 июня началась мобилизация местного населения.

26 июня последовало Высочайшее повеление о вступлении русских войск в Маньчжурию. 29 июня первый отряд под командованием генерал-майора Сахарова в составе четырех батальонов, трех сотен, 26 орудий и команды саперов уже двинулся из Хабаровска и Благовещенска вверх и вниз по Амуру и далее вверх по Сунгари[324].

Благовещенск начал подготовку к обороне 1 июля. На заседании городской Думы было принято решение создать

---

[323] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 1-я. С. 341.

[324] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел I. Книга 5-я. С. 46—47.

6 участков обороны и сформировать городское ополчение в количестве 1000 человек. Но никаких конкретных шагов к организации обороны вплоть до 1 июля предпринято не было[325].

Военный конфликт на Амуре начался 1 июля 1900 года. В этот день российский пароход «Михаил» с пятью баржами, груженными артиллерийским имуществом, шел из Благовещенска в Харбин и был встречен ружейным огнем в районе Айгуня. Китайцы сигналами приказали прекратить движение по реке.

На пароходе в качестве охраны находилось всего 10 солдат во главе со штабс-капитаном Кривцовым.

Прибывшие на борт российского судна три китайских офицера заявили, что из Пекина получен приказ, запрещающий плавание по Амуру. Для объяснений айгуньский амбань потребовал к себе капитана и офицера с корабля-«нарушителя». На переговоры с китайскими властями пошел сам Кривцов с одним из своих солдат. После встречи с амбанем они были направлены под конвоем в сторону Благовещенска берегом реки. По пути русские военнослужащие были «связаны, подверглись разным оскорблениям, насилиям и угрозам быть убитыми».

Через три часа — к 13.00 по местному времени — к району конфликта подошел пароход «Селенга», на борту которого находился пограничный комиссар Амурской области подполковник Кольшмидт со взводом казаков Амурского казачьего полка.

Оценив обстановку, подполковник Кольшмидт приказал капитанам обоих судов продолжать плавание. Китайцы открыли огонь из ружей и артиллерийских орудий, пытаясь остановить «нарушителей». В ответ казаки с «Селенги» начали обстреливать китайские береговые сооружения. Объединенный отряд вернулся в Благовещенск, понеся потери: семь человек, включая самого Кольшмидта, были ранены. Серьезный ущерб был нанесен пароходам и грузам.

---

[325] Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 86.

В тот же вечер военный губернатор Амурской области генерал-лейтенант К.Н. Грибский снарядил отряд в составе двух рот пехоты от 2-го Восточно-Сибирского линейного батальона, трех взводов артиллерии (6 орудий) 2-й батареи 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады и сотни казаков Амурского казачьего полка для того, чтобы «очистить свободный путь нашим пароходам по Амуру мимо Айгуня»[326]. Отряд был отправлен по левому берегу Амура к Айгуню, находившемуся всего в 37 км от Хабаровска.

Вместе с сухопутным отрядом в экспедицию были отправлены и оба парохода — «Селенга» с двумя орудиями на борту и «Михаил». Их задача заключалась в содействии сухопутному отряду, прежде всего при необходимости организации переправы на правый (китайский) берег реки. На борту «Селенги» в качестве командира экспедиции находился сам генерал К.Н. Грибский.

2 июля, когда русский отряд спустился по реке ниже пограничного поста № 1, с китайской стороны был открыт сильный огонь из ружей и артиллерийских орудий. По оценкам генерала К. Грибского, на правом берегу Амура китайцы соорудили целую полосу укреплений и огневых сооружений общей длиной около 12 км, в которых сосредоточили большое количество войск с 40 орудиями. К вечеру 2 июля огневой бой с китайцами был прекращен в связи с тем, что русский отряд услышал артиллерийскую канонаду, раздававшуюся со стороны Благовещенска, и вынужден был немедленно вернуться в город. Русские потери составили 2 матроса убитыми и 6 ранеными; оба парохода были сильно повреждены.

В воскресенье 2 июля 1900 года в 18.35 с правого берега со стороны Сахаляна по Благовещенску был открыт сильный беспорядочный ружейный и артиллерийский огонь. По оценкам, в тот момент на китайской стороне находилось около 2 тысяч пехоты и 8 орудий.

В самом городе Благовещенске 2 июля находились две роты 2-го Восточно-Сибирского линейного батальона, ме-

---

[326] Материалы для описания военных действии в Китае в 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 1-я. С. 206—207.

стная команда, два легких орудия, сотня казаков и запасные нижние чины, вооруженные топорами. Начальником гарнизона был оставлен полковник Волковинский.

Китайский обстрел продолжался почти три часа, вызвав в городе панику и беспорядки. Часть местных жителей стала покидать город, другие, вооружившись чем попало, бросились на берег реки для отпора возможной переправе китайцев. В городе произошли столкновения с местными китайцами, принятыми за переправившегося врага. Толпа из 3 тысяч горожан окружила оружейный склад, требуя немедленной выдачи оружия. На руки горожанам было роздано без всякого учета 546 ружей[327].

Когда паника немного улеглась, оказалось, что ущерб от китайской акции оказался не слишком серьезным. Повреждения городских зданий и сооружений оказались «незначительными». Однако в результате китайского нападения было убито 3 и ранено 6 человек. В то же время русский ответный огонь разрушил и поджег в китайском Сахаляне «казарму и много жилых фанз»[328].

На следующий день китайский обстрел вновь повторился и продолжался до 20.00. Русская сторона потеряла ранеными 2 человек.

3 июля в город вернулся отряд генерала К. Грибского. С учетом всех подразделений, общая численность русских войск в Благовещенске составила 1300 человек пехоты, 600 казаков и 8 орудий[329]. Для обороны подвергшегося нападению Благовещенска и для восстановления судоходства по Амуру из Хабаровска и из Забайкалья началось формирование и выдвижение подкреплений в составе 9 батальонов пехоты, 8 сотен казаков, 30 легких орудий, 2 мортир, 12 медных орудий[330].

---

[327] Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 87–88.

[328] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 1-я. С. 230–231.

[329] Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 87.

[330] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел I. Книга 2-я. С. 12–14.

Обстановка на Амуре вызвала серьезную озабоченность у Военного министерства. А.Н. Куропаткин направил послание К.Н. Грибскому, в котором выразил свое крайнее неудовлетворение: «Надеюсь, что по сборе необходимых сил и средств вы проявите со всеми вверенными вам чинами огромную энергию к полному поражению китайцев. Этим вы изгладите тяжелое и невыгодное для вас впечатление, результат незнакомства вашего с тем, что происходит на другом берегу Амура против Благовещенска»[331].

5 июля Военный министр послал короткую телеграмму-молнию Приамурскому губернатору генералу Н.И. Гродекову в Хабаровск:

«Незнакомство генерала Грибского с тем, что происходило у него на глазах против Благовещенска, производит недоумение и тяжелое впечатление»[332].

Такие оценки неизбежно вызывали соответствующие шаги Амурского генерал-губернатора, который вынужден был своей энергией и жесткостью принимаемых мер реабилитировать себя в глазах Петербурга.

По донесению генерала К. Грибского, доложенному Всеподданнейшим докладом российскому императору, китайских войск на линии Айгунь — Благовещенск было около 18 тысяч человек с 45 орудиями. Из Цицикара выдвигалось подкрепление с 10 орудиями. Генерал К.Н. Грибский уже 3 июля доносил Военному министру свои принципиальные соображения: «Произведенное движение отряда по левому берегу Амура к Айгуню и бомбардировка Благовещенска показали, что нам приходится иметь дело с противником серьезным своею многочисленностью, массою выбрасываемых снарядов, что свидетельствует о больших огнестрельных запасах китайцев»[333].

3 июля цзянцзюнь Хэйлунцзяна Шоу Шань телеграфировал Приамурскому генерал-губернатору Н.И. Гродеко-

---

[331] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 1-я. С. 138.

[332] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 1-я. С. 120.

[333] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 1-я. С. 227.

ву в Хабаровск о том, что, в связи с переходом русскими войсками границ Маньчжурии, он приказал китайским войскам открывать огонь по ним. Это предупреждение последовало вслед за изданием 28 июня воззвания «К властям и населению Маньчжурской провинции Дайцинского государства от Приамурского генерал-губернатора и командующего войсками Приамурского военного округа», в котором говорилось о решении России ввести свои войска для защиты КВЖД.

Обстановка на Амуре становилась все более неуправляемой и опасной.

В ночь с 4 на 5 июля 1900 года китайский отряд с 18 орудиями переправился через Амур в Зазейский район, населенный в основном маньчжурами. Китайцы потеснили русские отряды и сожгли казарму поста № 1. Однако атака противника была отбита казаками. В этот район был послан небольшой отряд под командованием полковника Печенкина, командира Амурского конного казачьего полка. Пограничные посты № 1 и 2 еще накануне были усилены крестьянской дружиной численностью в 480 человек[334].

6 июля левый берег Амура был очищен от противника. По приказу генерала К. Грибского вслед за этим и все маньчжурское население Зазейского района было в течение пяти суток выселено на правый берег Амура, а жилые дома китайцев сожжены крестьянскими дружинами.

В Благовещенске и всей Амурской области было введено военное положение.

С 6 июля русское военное командование начало организовывать и проводить ночные вылазки в расположение китайских войск с разведывательными и диверсионными целями. В ночь на 6 июля отряд под командованием подпоручика Юрковского численностью в 150 человек переправился через Амур, завязал бой в районе деревни Сахалян и сжег несколько китайских фанз. Китайцы были ошеломлены дерзостью русских и понесли большие потери. В ночной схватке погибли командир отряда и один солдат.

---

[334] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 2-я. С. 12–14.

Подобные акции предпринимались русским командованием и в последующие ночи. Так, 13 июля от Верхне-Благовещенска вверх и вниз по реке были посланы два казачьих разъезда. В донесении по итогам казачьей вылазки говорилось: «Сотник Резунов внезапно напал на китайский пикет, изрубил, поджег деревню. Потерь нет»[335].

В ночь на 17 июля отряд казаков численностью 60 человек с тремя офицерами под командованием Генерального штаба капитана Запольского скрытно переправился на китайскую сторону реки. В бою погиб сотник Резунов, и один казак был ранен. Потери китайцев составили 20 человек убитыми. Русский отряд захватил 2 орудия и вернулся утром в город[336].

Вылазки против китайцев не были ограничены окрестностями Благовещенска. К.Н. Грибский издал приказ, в котором призвал казаков «снять» все китайские пограничные караулы. Большинство постов было уничтожено станичниками, но некоторые разбиты совместными действиями казаков и проходивших войск. В течение нескольких дней русские стали хозяевами положения на Амуре, опасность вторжения неприятельских сил была устранена[337].

Военные действия, начавшиеся между русскими и китайцами на Амуре, спровоцировали резкое ухудшение и так достаточно натянутых отношений местного русского населения к китайцам, проживавшим и работавшим на российской территории. Насилия над китайцами, отмечавшиеся уже с середины июня, после 2 июля стали массовыми. Военный губернатор Амурской области К.Н. Грибский, учтя «массу просьб избавить город от проживающих в нем китайцев, якобы злоумышлявших поджечь город», приказал собрать и отправить за Амур всех китайцев. Полицейскими, к которым присоединились мобилизованные горожане, был прочесан город. Всех китайцев собрали в полицейс-

---

[335] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 1-я. С. 391–392.

[336] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел I. Книга 2-я. С. 14.; Отдел III. Книга 2-я. С. 42–43.

[337] Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 89.

кие участки, к тем, кто сопротивлялся, применили силу. Некоторые китайцы, опасаясь погромов, сами искали спасения в полиции. Горожане вполне обоснованно опасались присутствия большого количества китайских подданных в Благовещенске в такой критический момент.

Общее количество оставшихся в Благовещенске китайцев неизвестно. В официальном докладе К.Н. Грибский говорил о 2800 человек, а в письме Приамурскому губернатору речь шла о 4—5 тысячах[338].

В официальном обзоре русского военного ведомства, посвященном анализу военных действий в Китае, подробно описана акция по выселению китайского населения из Благовещенска:

«Недостаток войск и оружия и появившиеся в городе прокламации «Большого Кулака» о том, что будто бы в ночь на 4 июля назначены, при содействии находившихся в городе китайцев, общая высадка маньчжур и грабеж города, усилили беспокойство горожан до высшей степени. При таких обстоятельствах местные власти пришли к сознанию необходимости выселения китайцев на противоположный берег Амура. В этом смысле и даны были инструкции полиции генерал-лейтенантом Грибским (без указания подробностей), причем самую переправу он приказал совершить у поселка Верхне-Благовещенского, в 7 верстах от города. Общее число китайцев, подлежащих выселению, предполагалось в 800 человек; в действительности же их оказалось несколько тысяч.

Первая партия китайцев была отправлена полицмейстером Благовещенска титулярным советником Батаревичем 4 июля, о чем предварительно было сообщено председателю Амурского войскового управления полковнику Карпенко-Волковинскому. Последний отдал приказание подъесаулу Плотникову отправиться в поселок для наблюдения за порядком при переправе, а поселковому атаману приказал наблюсти, чтобы «ни один китаец не оставался на нашей

[338] См.: Данные приводятся В.Г. Дацышеном по материалам Российского Государственного исторического архива Дальнего Востока. Ф. 702. Оп. 1. Д. 347. Л. 97.

стороне», и переправлять их вплавь. Впоследствии привлеченный к следствию по этому делу полковник Волковинский оправдывался тем, что перевозочных средств было мало, да и тех нельзя было дать из опасения, чтобы ими не воспользовался неприятель.

Первая партия переправляемых китайцев состояла из нескольких тысяч (от 3 до 6) человек всякого пола и возраста. Никакого сопротивления они не оказали и шли под конвоем 80 человек новобранцев, вооруженных за отсутствием ружей топорами, трех конвоиров и двух казаков, а также толпы добровольцев из местных жителей, из которых некоторые имели ружья. Во время пути некоторые китайцы подверглись ограблению, а иные были убиты, главным образом те, которые отставали или совсем не могли следовать за партией. Самая переправа совершалась таким образом: в наиболее узкой части реки за поселком, где глубокое место (свыше сажени глубины) простиралось в ширину почти на 50 сажень, китайцев загоняли в воду и приказывали плыть. Те, которые поплыли, стали тонуть; другие же, видя это, приостановились и не хотели идти вперед. Тогда их стали подгонять нагайками, а затем в них стали стрелять из ружей, рубить шашками и топорами; в стрельбе в китайцев принял участие и казачий разъезд. По предположению некоторых допрошенных впоследствии участников, переправилось на другой берег Амура из первой партии всего несколько десятков, а по другим — несколько сотен китайцев.

Того же 4 июля была отправлена вторая партия китайцев численностью до 24 человек, которая тоже почти вся погибла при переправе. 6 и 8 июля были высланы еще две партии китайцев — в 170 и в 66 человек; из первой переправилось человек двадцать, а из второй большая часть доплыла до противоположного берега Амура. Вслед за тем в станице Поярковской местными жителями было уничтожено 85 китайцев»[339].

---

[339] Военные действия в Китае 1900—1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 79—80.

Все лица, виновные в Благовещенской трагедии, фактически не понесли за свои преступления никакой ответственности. В 1902 году после расследования, проведенного по представлению Военного министра, военный губернатор и командующий войсками области генерал-лейтенант Грибский был снят с должности и прикомандирован на год в распоряжение начальника Главного штаба. Председатель Амурского войскового управления полковник Карпенко-Волковинский был «уволен без прошения от службы и подвергнут аресту на гауптвахте в течение трех месяцев». Со своих должностей были сняты некоторые другие должностные лица. Все нижние чины были освобождены от ответственности.

Трагические события в Благовещенске описал один из очевидцев той эпохи И. Коростовец: «...События в Благовещенске — потопление в Амуре нескольких тысяч китайцев, вызванное обстрелом города с китайского берега реки. Эта жестокая мера, принятая губернатором генералом Грибским, не могла, конечно, содействовать примирительной и дружественной политике, которую у нас проводили, к сожалению, только на словах.

Это трагическое происшествие произошло при следующих обстоятельствах. Как мы видели, боксерский мятеж застал русских в Маньчжурии совершенно неподготовленными. Имевшийся в Благовещенске гарнизон был почти целиком отправлен на помощь Харбину, и город остался без защиты. Между тем на население в 30 000 там имелось около пяти тысяч китайцев-рабочих, слуг и мелких ремесленников. Неизвестность относительно событий в Китае и преувеличенность слухов об успехах мятежа вскоре создали напряженную атмосферу, вызвав предположение, что местные китайцы замышляют вероломное нападение при соучастии жителей городов Сахаляна и Айгуня на другом берегу Амура. Так как для подобной переправы не оказалось ни лодок, ни плотов, то китайцев, всех без разбора, просто пригнали к реке и заставили перебираться вплавь. Экзекуция эта была поручена полиции. Большая часть их, конечно, погибла, и лишь несколько десятков добралось до правого берега. Жертвы потопления были предварительно ог-

раблены. Вслед за тем отряд добровольцев перебрался на ту сторону реки и сжег Сахалян»[340].

Вслед за трагедией в Благовещенске начались массовые избиения, грабежи и убийства китайского населения по всей Амурской области. Антикитайские настроения достигли в русском обществе своего апогея и граничили с паникой. Страх перед китайским вторжением был всеобъемлющ и вызывал дикие бесчинства по отношению даже к женщинам и детям.

Расправы над китайцами в Благовещенске и его окрестностях стали достоянием широкой российской общественности и заставили власти отреагировать на них. В связи с этим генерал К. Грибский издал специальное постановление: «До сведения моего дошло, что некоторые жители города Благовещенска, а также лица из крестьянского и казачьего населения вверенной мне области допускают различного рода насильственные действия против живущих на нашей территории мирных маньчжур и китайцев. Нападение на безоружного и беззащитного врага не в характере русского человека...»

«В устранение дальнейших каких-либо посягательств на личность и имущество проживающих у нас мирных китайцев, а также в видах предупреждения заразных болезней от разлагающихся по берегам Амура трупов убитых китайцев, плывущих в значительном числе по реке...», генерал Грибский объявил, что виновные в преступлениях будут предаваться суду и «подвергаться наказаниям по всей строгости законов военного времени». Русские военные власти обязали все население области вылавливать трупы и закапывать их или сжигать[341].

Опасное развитие военно-политической обстановки в Приамурье вызвало тревогу у центральных властей в Петербурге. Ситуация внесла коррективы в планы военных действий. Необходимо было оперативно усилить группировку

---

[340] Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922.

[341] Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 92.

русских войск в Благовещенске и довести ее до такого уровня, который позволил бы решить проблему активными наступательными действиями против китайских войск.

Уже 5 июля в Хабаровске был сформирован и отправлен речным путем первый отряд под командованием полковника Сервианова. В него вошли два батальона 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, 10-й батальон пограничной стражи, сотня амурских казаков, 4-я батарея Восточно-Сибирской артиллерийской бригады (8 орудий и 2 мортиры). Экспедиция полковника Сервианова заняла почти две недели. В пути отряду неоднократно приходилось вести огневой бой с китайскими береговыми укреплениями и высаживаться для боя на суше. Китайцы несли серьезные потери убитыми, ранеными и пленными. В бою у населенного пункта Радде, в частности, приняли участие две роты отряда Сервианова, которые подорвали три пороховых погреба, уничтожив 300 китайцев[342].

19 июля отряд полковника Сервианова прибыл в Благовещенск.

Еще два отряда формировались в Сретенске под командой полковника Шверина и генерал-майора П.К. Ренненкампфа. Их общие силы составляли 5 батальонов пехоты, 2 сотни казаков и 18 орудий. Отряд Шверина выступил поэтапно по рекам Шилке и Амуру 8—10 июля. Вечером 19 июля он был уже в Благовещенске.

Отряд Ренненкампфа выступил из Сретенска двумя эшелонами 11 и 13 июля. Отряд прибыл в Благовещенск 20—21 июля, очистив от противника правый берег Амура.

К этому времени силы русского гарнизона Благовещенска достигали 10 батальонов пехоты, 11 сотен казаков, 52 орудия. Для организации и проведения операции против китайцев на Амуре в распоряжение К.Н. Грибского были отправлены генералы Александров и Д.И. Суботич[343]. 15 июля они прибыли в Благовещенск.

---

[342] Военные события в Китае (1900—1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 71—72.

[343] Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 93.

В соответствии с разработанным русским командованием планом 20 июля в 1.00 ночи должна была начаться переправа через Амур первого эшелона русских войск в составе 15 рот, сотни казаков и 16 орудий под командованием генерал-майора Суботича. Затем переправу должен был начать второй эшелон в составе 11 рот, сотни казаков и 8 орудий под командованием генерала Александрова.

Переправа русских отрядов через Амур прошла успешно. В 3.00 ночи 20 июля пехота и казаки были переправлены на правый берег Амура, где вошли в боевое соприкосновение с китайским гарнизоном Сахаляна. Противник понес значительные потери и сдал Сахалян вместе с оружейными складами. Одновременно артиллерия русских вела сильный огонь по Айгуню.

Решающий бой за Айгунь произошел 21 июля на сильно укрепленных китайцами высотах у деревни Колушань. В этом бою отличились казаки. Три сотни Амурского и одна сотня Нерчинского казачьих полков под командованием полковника Печенкина неоднократно атаковали укрепленные позиции китайцев, «встречаемые в упор сильным ружейным и артиллерийским огнем». Казаками взято два стальных дальнобойных орудия с передками, лошадьми, снарядами, а также множество значков и два знамени с надписями: «Народ Большого Кулака» и «Помогаем Цину уничтожить европейцев»[344].

В результате упорного боя высоты были взяты, потери русских убитыми составили 6 человек: сотник Амурского полка Волков, 4 казака и один стрелок. 10 казаков и 14 рядовых стрелков были ранены. Китайцы потеряли убитыми более 200 человек[345].

22 июля начался решающий штурм Айгуня. Бои длились с 14.00 до 21.00. Китайцы были выбиты с четырех сильно укрепленных выдвинутых позиций и начали отступление в Цицикар и сам Айгунь, где укрылись в городских здани-

---

[344] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 2-я. С. 108–109.

[345] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 2-я. С. 109.

ях и постройках. После жестокого боя Айгунь был очищен, противник бежал. Российские войска потеряли 9 человек ранеными. Китайцы в плен не сдавались, многие боролись до последнего и, будучи в окружении, взрывали себя на пороховых погребах или сгорали в фанзах[346].

Основным силам китайцев удалось отойти на юг на Цицикар, несмотря на попытки русского отряда под командованием полковника Сервианова и конным сотням Ренненкампфа перекрыть все дороги. Другая группа китайцев отошла по берегу Амура и преследовалась отрядом полковника Врублевского.

Преследование противника продолжалось в течение вечера 23 и весь день 24 июля. Силы противника оценивались русским командованием в количестве 3 тысяч пехоты, четырех сотен конницы и 12 орудий. Ренненкампф вернулся в Айгунь в ночь с 24 на 25 июля с боевыми трофеями — двумя пулеметами и девятью знаменами[347].

23 июля Военный министр направил телеграмму в адрес генерала Н.И. Гродекова в Хабаровск за № 3036, в которой коротко и ясно говорилось: «Государь Император высказал мнение, что Айгунь должен быть снесен»[348]. В ответном донесении 24 июля Н. Гродеков заверил Военного министра:

«Айгунь будет снесен; на правом берегу приказал возвести укрепления и строиться по-зимнему. Отныне зазейским маньчжурам нет места на российской территории — освободившиеся земли получат русские переселенцы теперь же»[349].

25 июля в Благовещенск во главе русских войск с триумфом вернулся генерал-лейтенант К.Н. Грибский. На Соборной площади был отслужен торжественный молебен и

---

[346] Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 94.

[347] Военные события в Китае (1900—1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. С. 73—74.

[348] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 2-я. С. 45.

[349] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 2-я. С. 137.

розданы награды. В честь избавления города от опасности 20 июля стало праздничным днем в Благовещенске[350].

31 июля генерал-лейтенант К.Н. Грибский донес в Петербург Военному министру основные сведения о трофеях и потерях противника. Эти сведения были доложены 3 августа российскому императору. В донесении генерала К. Грибского, в частности, отмечалось: «Зарыто и сожжено по 29 июля до 700 трупов. Сахалян и Айгунь сожжены дотла. Остались в Айгуне стены инпаня и каменный пороховой погреб, которые будут приспособлены для наших целей»[351].

Успешные действия русских войск под Айгунем сопровождались победами над китайцами в других районах Северной Маньчжурии. К концу июля 1900 года все Приамурье фактически было очищено от китайцев. Войска противника были или разбиты, или отошли в глубь страны, а население в большинстве своем бежало из родных мест. Часть разбитых китайских отрядов, бежавших в тайгу, объединилась с местными хунхузами и совершала нападения на русские населенные пункты и гарнизоны. Для борьбы с ними использовалось местное население, прежде всего казаки.

10 июля начальник штаба Приамурского военного округа генерал-майор Селиванов донес начальнику Главного штаба в Петербург: «Пограничное казачье население снабжено оружием в достаточной степени. Последняя партия винтовок Бердана в числе 3 тысяч, из коих 2 тысячи предназначены для крестьянского и инородческого населения Амурской области, 1 тысяча для казачьего и 300 тысяч патронов отправлены 5 июля под прикрытием в Балговещенск. Гражданскому населению Приморской области отпущено 1255 винтовок. О дальнейшей потребности запрошен военный губернатор области. В Хабаровском и Никольском артиллерийских складах имеется запас до 6 тысяч винтовок Бердана»[352].

---

[350] Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 94.

[351] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 2-я. С. 231–232.

[352] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 1-я. С. 333.

Приказом военного губернатора Амурской области от 28 июля казаки обязывались в свободное от работ время «переправляться через Амур в поисках китайских шаек».

4 августа в «Амурской газете» было опубликовано постановление генерала К. Грибского для населения Маньчжурии, в котором отмечалось:

«...месяц тому назад вы имели дерзость и безумие начать нападение на г. Благовещенск и жителей России, забыв, как страшно силен Великий Русский Государь землями, людьми и оружием. За это вы страшно наказаны. Город Айгунь и деревни по берегам Амура, которые смели напасть на русских, сожжены, войска ваши разбиты. Амур грязен от массы маньчжурских трупов. Никто из жителей Маньчжурии да не посмеет вернуться в деревни, на берегу Амура находившиеся...»[353].

Укрепив свои позиции на Амуре, Приамурский губернатор Н.И. Гродеков развернул активную деятельность по закреплению занятых русскими войсками земель за Россией. 6 августа на имя Военного министра он посылает телеграмму с обоснованием необходимости присоединения к России части маньчжурских земель по правому берегу Амура. Он отмечал:

«...При сведении счетов совершающихся на Востоке событий будет поставлен вопрос о правом береге Амура. Обязываюсь теперь же заблаговременно донести, что для нас возможно решение этого вопроса только в одном смысле, именно в том, чтобы весь правый берег Амура был закреплен за нами. Обратная передача береговой полосы китайцам явится смертным приговором для нашего Амурского побережья. Китайцы очень скоро войдут в силу, будут в состоянии со своего даже берега разгромить Благовещенск и другие цветущие наши поселения на Амуре и сделают невозможным для нас всякое сообщение по этой реке. Потому считаю безусловно необходимым отодвинуть нашу Государственную границу с Китаем к югу, присоединив к на-

---

[353] Цит. по: Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 95.

шим владениям часть Маньчжурии по правому берегу Аргуни и Амура и левому берегу Уссури»[354].

Это и другие обращения военного руководства с мест не нашли поддержки в Петербурге. 14 августа 1900 года Военный министр поставил Н. Гродекова в известность: «Государь император в видах скорейшего восстановления дружеских соседских отношений к Китаю соизволил решить не присоединять какой-либо части Китая к русским владениям, а ограничиться принятием мер, необходимых для спокойного и прочного пользования железными дорогами, проводимыми нами через Маньчжурию, и для свободного плавания наших судов по Амуру»[355].

Фраза о свободном плавании по Амуру была вписана лично рукой российского императора.

Вопрос о территориальном размежевании между Россией и Китаем был снят.

Обеспечив в военном отношении границу по Амуру, русское военное командование имело возможность сосредоточить основные усилия на ведении боевых действий в самой Маньчжурии.

Таким образом, военные действия между Россией и Китаем в бассейне Амура в июле 1900 года явились составной частью военной акции России в Маньчжурии летом 1900 года, которая, в свою очередь, согласовывалась с общей политикой восьми европейских держав и Японии в отношении Китая.

Прежде всего события на Амуре показали, что долго аккумулировавшиеся российско-китайские противоречия на границе достигли своего апогея и вылились в ожесточенные военные действия.

Военная сила России даже в этом отдаленном от центра регионе превосходила возможности Китая. Это преимущество достигалось не численностью воинских контингентов (в этом Китай превосходил Россию), а превосходством мо-

---

[354] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 2-я. С. 294–295.

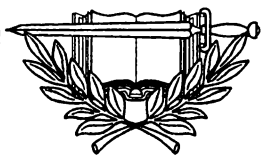
[355] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел II. Книга 2-я. С. 170.

рального духа и обученностью личного состава, качеством и количеством техники и вооружения. Китай понес огромные потери, еще раз убедившись в своем полнейшем бессилии.

Россия давно стремилась быть полноправной и единственной хозяйкой на Амуре, и китайская политика фактически создавала удобные предлоги и условия для решения этой задачи.

Кроме того, военные действия в Приамурье показали, что отношения между местными органами власти и населением двух государств в приграничной зоне были далекими от гармонии. В них достаточно долго накапливались взаимное непонимание, недоверие, враждебность. Избиения мирного китайского населения в Благовещенске и Приамурье в целом наиболее ярко отразили недоверие русского населения к своим соседям и одновременно огромный страх перед ним.

Наконец, военный успех русских на Амуре и «усмирение» китайского населения насильственными методами не могли не оставить глубокий след в памяти китайских жителей Приамурья. Ответственность за военные действия несли в той или иной степени политические власти обеих империй, однако жестокости и насилия чинились на местах самими жителями и войсками. И это не могло не отразиться на дальнейших взаимоотношениях русского и китайского населения на Дальнем Востоке.

ГЛАВА 9
ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ РОССИЙСКИХ ВОЙСК В МАНЬЧЖУРИИ 1900–1901 ГГ.

Военные действия в Северной Маньчжурии

Кризис в отношениях между Россией и Китаем на Дальнем Востоке достиг своего пика к середине лета 1900 года. «Боксерское» восстание набрало свою силу, а военная вовлеченность иностранных держав в события в Китае приобрела широкомасштабный характер. К этому времени русский персонал Китайско-Восточной железной дороги с боями и трудностями покинул все объекты на трассе, отойдя к русским границам или сосредоточившись в Харбине. Русские войска под командованием генерала К.Н. Грибского ликвидировали опасность со стороны китайцев Хабаровску и, переправившись через Амур, взяли Айгунь.

Необходимость организации и проведения решительной военной операции в Маньчжурии становилась для России все более очевидной. Неизбежность проведения такой операции определялась прежде всего экономическими факторами: начав широкомасштабное строительство железной дороги, вложив в это предприятие огромное количество финансовых и иных ресурсов, Россия не могла безучастно смотреть на разрушения, чинимые «боксерами» на железнодорожной трассе.

С другой стороны, и это признается в подготовленном в 1910 году труде под грифом «Доверительно», составлен-

ном генерал-майором Овсяным, «главной причиной враждебных действий против нас Китая, заменивших продолжительные мирные добрососедские отношения, была предпринятая нами постройка Восточно-Китайской железной дороги и занятие Порт-Артура: в этом китайцы увидели тайное желание России завладеть потом Маньчжурией»[356].

С самого начала военные действия на всем протяжении границ России с Маньчжурией начались в неблагоприятных для нас условиях. Ослабленные в результате переброски части сил в Квантунскую область, войска Приамурского военного округа (ВО) находились в процессе реорганизации. Удаленность театра военных действий от европейской части России вызывала огромные трудности с переброской дополнительных войск и военных грузов. Это усугублялось и малой провозоспособностью Сибирской железной дороги и недостатком речных транспортных судов.

Имея крайне ограниченные силы и средства, Приамурский ВО имел задачу: во-первых, не допустить переноса военных действий на нашу территорию и, во-вторых, сдержать военными средствами развитие «боксерского» восстания на китайской территории и вернуть утраченные позиции на КВЖД.

Принципиально важно при этом было решение российского императора о неприсоединении к России какой-либо части Маньчжурии, что предполагало борьбу с китайскими войсками и вооруженным населением и возможно более быстрое восстановление нормального китайского управления в занятых районах.

Для претворения в жизнь намеченного плана вся Маньчжурия была разделена на две части (зоны): Северную и Южную.

Северная Маньчжурия с юга ограничивалась условной линией, проходящей через железнодорожную станцию Телин. В ней должны были действовать войска Приамурского ВО под командованием командующего войсками округа генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова.

---

[356] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 2.

Южная Маньчжурия — к югу от условной линии по станции Телин — предназначалась для действий войск Квантунской области под командованием начальника Квантунской области вице-адмирала Е.И. Алексеева.

План русского командования состоял в овладении всей линией КВЖД, что предполагало занятие прежде всего Цицикара и Нингуты, а затем — овладении Южной ветвью железной дороги от Харбина до Порт-Артура, в том числе взятие Гирина и Мукдена.

По данным русской разведки, общая численность китайских войск в Маньчжурии составляла около 100 тысяч человек, включая части резерва, военизированные отряды и другие формирования нерегулярных войск.

Подготовка к военным действиям

Главной транспортной артерией, связывающей Маньчжурию с русской территорией, была река Сунгари. Именно по этой реке проходил кратчайший и наиболее удобный путь к осажденному китайцами Харбину.

Генерал Н.И. Гродеков еще 17 июня докладывал о готовности выдвинуть к Харбину русский отряд под командованием генерал-майора Алексеева. Однако российский император наложил на том донесении резолюцию: «До особого приказания не выступать за нашу границу».

22 июля 1900 года Военный министр генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин доложил российскому императору основания для ввода русских войск в Маньчжурию и получил его собственноручное одобрение на документе. На следующий день срочная телеграмма ушла генерал-лейтенанту Гродекову в Хабаровск:

«Вынужденные двинуть наши войска в Маньчжурию, мы несомненно сломим после ряда побед вооруженное сопротивление мятежных войск и мятежного населения. Несомненно также, что под охраной наших победоносных войск возможно будет возобновить государственной важности работы по проложению через Маньчжурию железной дороги.

Но этого недостаточно. Настоятельно необходимо принимать меры, дабы мирное до сих пор население Маньчжурии не было увлечено мятежниками и не создало нам тяжелой необходимости бороться с народной войной.

В этих видах ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно поручить вам и адмиралу Алексееву принятие энергичных мер, дабы военные действия поражали со всей неумолимостью, присущей войне, лишь китайские войска и вооруженное население. Войска и вооруженное население надлежит разбивать, укрепления уничтожать и оружие отбирать. Но мирные жители, их жилища и имущество не должны служить предметом действий наших доблестных войск или приграничного казачьего населения. Никаких излишних жестокостей и разорения не допускайте. Уничтожение городов, деревень, пожары, наиболее озлобляющие против нас население, могут быть допускаемы лишь как редкое возмездие за тяжелые и кровавые против наших подданных и войск преступления. Грабеж со стороны воинских чинов и казачьего населения во всех видах должен преследоваться суровыми мерами, включительно до полевого суда, по законам военного времени. За все поставляемые населением продукты надо уплачивать наличными деньгами. Страшные в бою, наши войска должны быть и в Маньчжурии, как были до сих пор на всех театрах войн и во все века, человечными, не только к мирному жителю, но и к побежденному силой оружия врагу. На другой день после боя надо стремиться устанавливать с населением мирные отношения, как то нам удавалось на Кавказе и в Средней Азии.

Предписывая эти указания, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР выражает полную уверенность, что молодецкие войска, вам вверенные, не омрачат своей славы жестоким отношением к мирным жителям, а, напротив того, будут всемерно содействовать восстановлению к туземному населению нормальных, мирных отношений»[357].

Высочайшее повеление о введении русских войск в Маньчжурию последовало 26 июня (9 июля) 1900 года.

---

[357] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел II. Книга 2-я. С. 44–45.

28 июня генерал Н.И. Гродеков на основе императорского решения издал свое воззвание к «Властям и населению Маньчжурской провинции Дайцинского государства от Приамурского генерал-губернатора и командующего войсками Приамурским военным округом». В нем, в частности, говорилось: «Государь Император Всероссийский, снисходя к печальному положению законного китайского правительства и ради устранения опасности, грозящей нашему трудовому русскому народу, работающему над постройкой Восточно-Китайской железной дороги, повелеть соизволил: ввести в Маньчжурию свои войска»[358].

Первой задачей, требующей наиболее оперативного вмешательства русских войск, стало освобождение Харбина. С этой целью был сформирован так называемый Харбинский отряд под командованием начальника штаба корпуса охранной стражи генерал-майора В.В. Сахарова с возложением на него обязанностей командующего войсками Северной Маньчжурии и подчинением его командующему войсками Приамурского ВО. Начальником штаба к генералу В.В. Сахарову был назначен Генерального штаба подполковник Скерский.

В состав Харбинского отряда вошли:

1. Хабаровская колонна под командованием генерал-майора Алексеева в составе 17-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, 3-го Восточно-Сибирского линейного батальона, саперной команды с телеграфным отделением, 1-й батареи 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады и других подразделений.

2. Благовещенская колонна под командованием полковника Багенского в составе 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона, 1-й батареи 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады и двух сотен Амурского казачьего полка.

3. Никольский отряд под командованием полковника Чижа в составе 13-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, роты охранной стражи, 5-й горной батареи 1-й Во-

[358] Голицын В.В. Очерк участия охранной стражи КВЖД в событиях 1900 г. в Маньчжурии. Харбин, 1910. С. 6.

сточно-Сибирской артиллерийской бригады, четырех эскадронов Приморского драгунского полка, 17-й сотни охранной стражи.

4. Охранная стража под командованием генерал-майора А.А. Гернгросса в составе семи рот и 18 сотен.

Генерал-майор В.В. Сахаров, прибывший к отряду из Хабаровска 2 июля, получил следующие указания:

«1) Прежде всего занять и укрепить Харбин и устроить предмостные укрепления на переправах Сунгари I и Сунгари II;

2) Харбинской и Никольской колоннам войти в связь, восстановить телеграфное сообщение Никольска с Харбином и под прикрытием войск вести укладку на участке Харбин — Пограничная;

3) Со стороны Цицикара ограничиться обороной;

4) Главной целью для наших отрядов должно быть уничтожение мятежников, двигающихся из Мукдена, к которым пристали китайские войска с артиллерией»[359].

В соответствующих приказах и инструкциях командующий войсками Приамурского ВО генерал-лейтенант Н.И. Гродеков требовал: «... употреблять в дело оружие следует только ввиду действительной надобности, ... излишне проливать кровь не следует. К мирному населению надлежит относиться с полной гуманностью». Генерал Гродеков предупреждал: «Войска должны знать, что в течение 200 лет мы жили с китайцами в большом согласии и мире, а если и призваны в настоящее время на территорию Китая, то лишь для усмирения мятежников против законного китайского правительства. Обиженных китайцев, без повода с их стороны, быть не должно. Особенно строго следует относиться к имущественной собственности каждого китайца. За все забираемые продукты у мирных жителей следует уплачивать наличными деньгами»[360].

Параллельно с формированием военных отрядов, предназначенных действовать на территории Маньчжу-

---

[359] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 69.

[360] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 69–70.

рии, шла мобилизация местного населения, прежде всего казаков. Из них создавались небольшие партии, которым ставилась задача овладеть пограничными постами на китайском берегу. Помимо этого, на срочно сформированные группы и команды из состава местного населения и новобранцев возлагалось несение караульной службы и охрана населенных пунктов.

Действия отряда генерал-майора В.В. Сахарова

Авангард отряда генерала В.В. Сахарова выступил из Хабаровска по реке Сунгари на 12 пароходах и 22 баржах в направлении осажденного Харбина уже 29 июня. Постепенно состав русского отряда пополнялся новыми частями и подразделениями. На пути к Харбину ему необходимо было выдержать натиск и преодолеть сопротивление многочисленных китайских войск. По обоим берегам Сунгари в заранее оборудованных тяжелых оборонительных сооружениях размещались крупные китайские гарнизоны. По мере движения вверх по реке, когда китайцы оказывали сильное огневое сопротивление русским судам, отряд генерала В.В. Сахарова делал остановки, высаживал на берег десантные подразделения и уничтожал противника.

11 июля русские силы подошли к крепости Баянтунь, гарнизон которой оценивался разведкой в 2 тысячи солдат противника. Попытка провести переговоры с китайцами не удалась. На следующее утро крепость в ходе 2-часового боя была штурмом взята. Противник бежал, бросив около 10 артиллерийских орудий разного типа.

13 июля отряд Сахарова подошел к сильно укрепленному городу Саньсин. Высланная на рекогносцировку русская разведка была обстреляна китайцами. Генерал В.В. Сахаров направил два письма фудутуну с предложением явиться на переговоры. Ответа не последовало. Тогда генерал В.В. Сахаров занял своими войсками позиции к северу и востоку от городских стен.

Все утро 15 июля шел обстрел китайских позиций. В полдень пехотные части и казаки форсировали водные преграды вброд по горло в воде и начали штурм китайских пози-

ций. Несмотря на ожесточенное сопротивление китайской стороны, русские войска последовательно выбили из всех укреплений около 4 тысяч солдат противника, которые в панике обратились в бегство. Вместе с солдатами бежало и местное население, сам же город был предан огню. Военные трофеи русских войск составили 22 артиллерийских орудия и большое количество ружей и боеприпасов. В боях за Саньсин погиб один русский солдат и семеро получили ранения.

После этого боя судьба военной экспедиции в Харбин была фактически решена. Русские войска больше не встречали какого-либо серьезного организованного сопротивления.

21 июля русский отряд достиг Харбина, сняв китайскую блокаду нашего гарнизона.

В течение июля —сентября 1900 года русские войска под командованием В.В. Сахарова занимались очищением окрестностей Харбина от китайских войск. На железнодорожной трассе начались восстановительные работы. Однако, несмотря на первые победы, у русского военного командования постоянную тревогу вызывал находящийся в 50 километрах от Харбина город Ажэхэ (Ашихэ). Там размещалась резиденция фудутуна и достаточно большой гарнизон китайских войск, без уничтожения которого восстановление восточного участка железной дороги было невозможно.

27 июля генерал Сахаров в письменной форме потребовал удалить из Ажэхэ китайские войска. 3 августа пришел ответ: китайские войска уйдут, если русская армия покинет Маньчжурию. Китайская сторона не приняла предложенные ей условия капитуляции.

В такой ситуации генерал В.В. Сахаров вынужден был предпринять решительные военные меры. 4 августа с отрядом в составе 16 пехотных рот, 12,5 сотен, 16 орудий и взвода саперов он выступил в сторону Ажэхэ. После нескольких незначительных стычек русские войска на следующий день подошли к границам города.

С 8 часов утра началась артиллерийская подготовка атаки, а в 12.00 в пределы укрепленного города ворвалась русская пехота. Китайский гарнизон и практически все население Ажэхэ в панике покинуло город, в нем остались лишь

около 100 человек — больные и калеки, а также китайцы-мусульмане, укрывшиеся в местной мечети. Русская кавалерия взяла в плен часть защитников города, а также захватила в качестве трофеев 7 орудий и большое количество боеприпасов и продовольствия. Потери русских составили ранеными — 8 человек. В самом городе был найден труп замученного китайцами казака Остапенко, в связи с чем Военному министру было доложено: «В Ажэхэ у ворот дома фудутуна был найден изуродованным и зарезанным бывший в плену казак охранной стражи. Генерал Сахаров приказал, не трогая частных домов и кумирен, свалить городские стены и ворота, разрушить казармы, казенные здания и усадьбу фудутуна»[361]. В Ажэхэ был оставлен русский гарнизон под командованием полковника Рутковского.

19 августа генерал Сахаров направил небольшой отряд из Харбина к Цицикару с задачей на месте изучить обстановку и состояние коммуникаций КВЖД. Вскоре выяснилось, что железнодорожный путь и телеграфная линия пострадали незначительно и фактически находятся в рабочем состоянии. Параллельно стало известно, что войска генералов Ренненкампфа и Орлова уже заняли Цицикар, поэтому отряд генерала Сахарова повернул обратно в Харбин.

28 августа два небольших отряда были отправлены из Харбина в Хуланьчен, находившийся в 40 км к северу. Китайские войска пытались остановить русских на хорошо укрепленных подступах к городу, однако были разбиты. Тогда местный фудутун направил письмо российскому генералу с просьбой не обстреливать город. Исполняя требования русского ультиматума, фудутун 30 августа вышел навстречу русским войскам и лично сдал город[362]. Китайский гарнизон численностью около 5 тысяч человек бежал на север, бросив 6 орудий и огромное количество имущества. Местное население Хуланьчена частью бежало, частью осталось в городе. Это означало, что китайское население постепенно начинало осознавать, что мирным гражданам со

[361] Материалы для описания военных действии в Китае в 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 3-я. С. 11—12.

[362] Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 100.

стороны русских войск ничего не грозит. Это было принципиально важно для успешного выполнения миссии русских войск в Маньчжурии.

14 сентября небольшой отряд, посланный в Лялиньчен (40 км к югу от Харбина), «был приветливо принят гражданскими властями»[363].

Таким образом, действия отряда генерала В.В. Сахарова привели к тому, что весь участок КВЖД от Харбина на запад до Цицикара и на восток до Муданьцзяна вместе с полосой отчуждения полностью перешел под контроль русских войск. В этих пунктах произошли встречи с русскими войсками, наступавшими соответственно с запада и востока.

Отряд генерал-майора Н.А. Орлова

Одновременно с Харбинским отрядом генерала Сахарова в Забайкальской области началось формирование отряда под командованием Генерального штаба генерал-майора Н.А. Орлова в составе 3-го, 4-го 5-го и 6-го батальонов Забайкальского казачьего войска, 2-й конно-артиллерийской батареи казачьего войска (6 орудий) и 3-го Верхнеудинского казачьего полка (шесть сотен). Всего в распоряжении генерала Орлова было 3814 штыков, 1205 шашек и 6 орудий. Отряд сосредоточивался в районе Старого Цуруxайтуя с задачей вторгнуться в Маньчжурию с запада, «занять Хайлар, прочно утвердиться в нем, образовать промежуточную базу и постепенно занять линию строящейся железной дороги до Хингана»[364]. Главной целью действий отряда генерала Орлова был город Цицикар — центр провинции Хэйлунцзян.

Сосредоточение войск генерала Орлова закончилось к 11 июля, а уже 12 июля передовой отряд в составе 4-го и 6-го батальонов и одной сотни охранной стражи во главе с самим Н.А. Орловым перешел границу и занял станцию Далайнор.

---

[363] Военные события в Китае (1900—1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского Генерального штаба. СПб., 1902 С. 90.

[364] Военные действия в Китае 1900—1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 69.

Китайские войска, противостоявшие русским, не были готовы к активным боевым действиям. Они имели приказ вытеснить русских граждан с территории Маньчжурии, охранять оставленное имущество дороги и не допустить вторжения русских войск в Китай.

По мере продвижения отряда генерала Орлова в глубь Маньчжурии, сопротивление китайских частей нарастало. Наиболее упорно оборонялись части монгольской конницы, составлявшие основу китайских войск в регионе.

После занятия Далайнора отряд Н.А. Орлова начал наступление на запад, вдоль линии КВЖД. 16 июля с боями была взята станция Онгун. Китайцы в боях потеряли 800—900 человек убитыми, а также два орудия, два знамени и большое количество стрелкового оружия и боеприпасов. Потери русского отряда составили убитыми — 8 и ранеными — 18 человек. После этих боев на станции Маньчжурия начались восстановительные работы под руководством инженера Н.Н. Бочарова.

20 июля русские войска подошли к Хайлару. Попытки китайцев сдержать отряд генерала Орлова оказались безуспешными, и 21 июля Хайлар оказался в руках русских. Гарнизон, оборонявший город, бежал еще до прихода русских, оставив в распоряжении генерала Орлова большое количество продовольственных запасов.

Овладев Хайларом, генерал Орлов продолжил успешное наступление вдоль железнодорожной трассы далее. В бою 1 августа, когда китайские войска попытались контратаковать, погиб один из лучших китайских военачальников — генерал Пао, который командовал всеми китайскими войсками на КВЖД.

После небольшого отдыха русские войска под командованием генерала Н.А. Орлова 8 августа перешли в решительное наступление. Посланные в обход противника пять казачьих сотен ударом с тыла обратили китайцев в бегство. После этого организованное сопротивление цицикарских войск было сломлено.

17 августа к Орлову прибыли парламентеры от китайского губернатора Шоу Шаня с предложением прекратить военные действия. Однако, имея инструкции из столицы,

генерал Орлов настаивал на безусловной капитуляции китайских войск.

20 августа войска генерала Н.А. Орлова соединились в городе Фулаэрди, недалеко от Цицикара, с войсками генерала П.К. Ренненкампфа.

Отряд генерал-майора П.К. Ренненкампфа

После взятия 23 июля русскими войсками города Айгунь часть сил и средств, преследовавших отступавшего противника от самого Благовещенска, была перенацелена на продолжение наступления по дороге на Цицикар. Этот город — столица провинции Хэйлунцзян, считался центром антирусского сопротивления в Северной Маньчжурии и оборонялся большим количеством хорошо подготовленных и вооруженных войск.

24 июля Приамурский генерал-губернатор генерал Гродеков донес на имя Военного министра свои соображения о важности овладения Цицикаром: «Со взятием Хайлара и падением Айгуня необходимо сломить Цицикар — сильный центр противодействия русским интересам как по значительности гарнизона, так и по местопребыванию цзянцзюня Шеу (Шоу Шань), заявившего себя ярым нашим противником.

Удобнейшим направлением для движения на Цицикар признаю большую дорогу от Благовещенска через Айгунь и Мэргэнь; это направление представляет значительные преимущества перед направлением Хайлар — Цицикар...

В настоящее время конница Благовещенского отряда преследует по Цицикарской дороге бежавших из Айгуня китайцев и рекогносцирует путь на Цицикар, за которым и будет постоянно наблюдать.

Скорейшему овладению Цицикаром придаю особо важное значение: это отдаст в наше распоряжение всю Северную Маньчжурию и вполне обеспечит безостановочность работ на магистральной линии Маньчжурской дороги»[365].

---

[365] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 2-я. С. 133–134.

Успех, который сопутствовал решительным и умелым действиям кавалерии генерала Ренненкампфа под Айгунем, было решено закрепить и развить. Отряд был увеличен до 6 стрелковых батальонов, 5,5 сотни и 20 орудий. Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, войска генерала Ренненкампфа взяли перевал на Малом Хингане и 4 августа овладели городом Мэргэнь. За десять дней боев захвачены большие военные трофеи и значительные запасы продовольствия. На этом организованное сопротивление китайских войск было сломлено. Отряд генерала Ренненкампфа потерял убитыми: 3 офицеров и 22 нижних чина и ранеными: 5 офицеров и 79 нижних чинов[366].

8 августа отряд генерала Ренненкампфа выступил из Мэргэня на юг, в сторону Цицикара. Китайцы никакого серьезного сопротивления уже не оказывали.

9 августа к русскому генералу прибыл парламентер от начальника Хэйлунцзянской походной канцелярии и передал послание от цицикарских властей: «Принимая во внимание дружественные отношения двух государств, как было прежде, в настоящее время отношения к двум государствам в делах прекратились, почему решаюсь обратиться снова к почтенному государству письменно, посредством переговоров, довести до сведения высших административных палат двух государств, по взаимному соглашению, прекратить военные действам. Войска нашего государства никоим образом не будут продолжать войны против почтенного государства, и ввиду того, что настоящее положение дел поистине становится нашему государству безвыходно, а тем более для народа, который рассеялся в разные стороны и у которого движением войск почтенного государства разрушены деревни и уничтожено все имущество, а потому, согласно приказанию высших властей, прекращаю военные действия отзывом войск с боевой позиции, о чем сообщаю командующему войсками области и прошу обратить внимание, ради критического положения народа прекратить военные действия».

---

[366] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 3-я. С. 100.

Само китайское послание было помечено датой 6 августа. 11 августа на переговоры с генералом Ренненкампфом приходил начальник штаба китайских войск, однако никакого компромисса достигнуто не было. Русские настаивали на безусловной капитуляции всей провинции, чего самолюбие китайских чиновников не могло себе позволить.

15 августа отряд генерала Ренненкампфа подошел к Цицикару. На подступах к городу, обнесенному двумя крепостными стенами, китайцы соорудили множество оборонительных инженерных сооружений, отрыли окопы, подготовили позиции для артиллерийских орудий. Однако русская кавалерия смелым обходным маневром обошла город с тыла. В ответ на ультиматум Ренненкампфа сдать город в течение часа, китайские войска немедленно начали отступление на юг. Из городских ворот выехал начальник штаба китайских войск с представителем населения и официально сдали Цицикар. Однако в связи с тем что китайские войска пытались бежать, вместо того чтобы организованно сдаться, русская артиллерия открыла огонь по отступающим, а казачьи сотни перерезали пути отступления. За свои решительные, а нередко и жестокие действия в Маньчжурии генерал П.К. Ренненкампф получил от китайского населения прозвище «генерал-тигр».

16 августа Цицикар был окончательно взят. Комендантом города был назначен есаул Пешков. Помимо больших трофеев, захваченных в городе, было освобождено 14 русских пленных. В тот же день отряд генерала П.К. Ренненкампфа в районе станции Фулаэрди вступил в связь с отрядом генерала Н.А. Орлова, а затем — генерала В.В. Сахарова. Отряд Ренненкампфа вышел на КВЖД и соединил ее телеграфом с Благовещенском.

Таким образом, к концу августа цицикарские войска были разбиты, а их остатки укрылись в лесах или отступили на юг. Почти вся провинция Хэйлунцзян оказалась оккупированной русскими войсками.

Цзянцзюнь Хэйлунзцянской провинции Шоу Шань покончил с собой. Согласно легенде, он, как положено по ритуалу, проглотил золото и лег в гроб. Но смерть не приходила к нему, и тогда он приказал своему помощнику заст-

релить его. Лишь третья пуля оказалась смертельной. Тело Шоу Шаня жена вывезла в Монголию[367].

Уже к 20 августа вся магистраль КВЖД на протяжении 1200 км полностью перешла в руки русских войск. Вслед за воинскими частями шли команды строителей, которые немедленно начинали восстановительные работы на железнодорожной трассе. Охранная стража по мере освобождения железнодорожных станций брала их под охрану. В руках китайцев оставался последний самый крупный населенный пункт — Гирин, столица провинции Цзилинь.

В походе на Гирин приняли участие русские войска общей численностью 18 стрелковых батальонов, 25 сотен и 78 орудий. В резерве находилось еще 8 стрелковых батальонов и 24 орудия, а также 12 конных и две пешие сотни охранной стражи.

23 августа командующий Приамурским ВО Н.И. Гродеков утвердил план наступления. Со стороны Цицикара через Бодунэ и Чанчунь двигался отряд П.К. Ренненкампфа. От Нингуты и Хуньчуня приближался отряд под командованием генерала Айгустова. С севера наступать должен был отряд генерал-майора В.В. Сахарова. Общее руководство операцией по овладению Гирином возлагалось на генерала А.В. Каульбарса, выехавшего из Харбина 29 августа. Взятие Гирина намечалось на 5 октября.

Гиринский цзянцзюнь Чан Шунь неоднократно пытался убедить русское командование не занимать город. 19 августа к В.В. Сахарову прибыл парламентер, сообщивший, что Чан Шунь отправил в Харбин генерала для переговоров и поэтому просит прекратить наступление.

24 августа Н.И. Гродеков приказал генералу В.В. Сахарову:

«1. Относительно переговоров с китайцами о прекращении военных действий руководствоваться Высочайшей резолюцией на докладе о подобных переговорах, начатых бывшим цицикарским цзянцзюнем, именно:

«От китайцев самих зависит не возобновлять военных действий».

---

[367] Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 104.

2. На все предложения китайцев потребовать от них сдачи их войсками нам решительно всего оружия, как ручного, так и пушек, ввиду вероломного нападения на нас китайских войск заодно с мятежниками-боксерами; сдачи нам всех укреплений, также Гиринского арсенала и других военных заведений и складов; предоставления инпаней в Гирине и в других пунктах под помещение наших гарнизонов; наконец, установления добрых отношений к нам населения по выставке рабочих, продаже продовольственных продуктов, найма подвод. При исполнении вышепоставленных требований, обещать полное покровительство мирному населению, а властям, с самим цзянцзюнем во главе, полную поддержку для умиротворения края и для управления провинцией.

3. Из-за ведения переговоров отнюдь не терять времени для наискорейшего выполнения экспедиций против Гирина, дабы не дать китайцам лишнего времени усилить сопротивление в Гирине.

4. С Гирином поступить так, как поступлено нами в Цицикаре и Нингуте, именно: сопротивляющиеся войска разбить и обезоружить, а жителей со всем их добром суметь сохранить так, чтобы не разбежались и доверились нам вполне.

5. Отправление в Хабаровск цзянцзюня или другого уполномоченного для переговоров со мною безусловно отклоняю, тем более что, по трактатам, цзянцзюню не предоставлено права сноситься с генерал-губернатором, а только с губернаторами»[368].

6 сентября генерал Гродеков через российский МИД получил телеграмму князя Цина, оставшегося в Пекине для переговоров после бегства из китайской столицы императорского двора. Телеграмма предназначалась для передачи гиринскому цзянцзюню Чан Шуню. В ней, в частности, говорилось: «Для облегчения приступления к переговорам, конечно, следует прекратить военные действия. Прошу строго приказать всем войскам принять это к немедленно-

[368] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 3-я. С. 100.

му исполнению, ибо без прекращения военных действий трудно начать переговоры... Опасность для династии представляет чрезвычайную важность. Настоятельно требую не делать новых осложнений, дабы не вредить общему делу»[369].

Для вручения данного послания Чан Шуню из отряда генерала Айгустова был отправлен разъезд Приморского драгунского полка во главе с корнетом Васильевым. Утром 10 сентября Васильев встретился с гиринским цзянцзюнем и от имени генерала Гродекова вручил ему документ.

В этот же день в Гирин вошли передовые части отряда Ренненкампфа. У городских ворот его встретили китайские парламентеры, попытавшиеся отговорить русские войска вступать в город. Рысью отряд русских направился в сопровождении парламентера к губернаторскому дворцу, по дороге обезоруживая китайский гарнизон. Во дворе дворца Ренненкампф обнаружил 220 китайских всадников и «заставил их побросать свои карабины в Сунгари». Всего в этот день в Гирине было захвачено 1500 китайских солдат, 61 орудие, 900 пудов серебра.

Китайцы фактически не оказали какого-либо существенного сопротивления. Только один из фортов города пытался обороняться, некоторое сопротивление русские войска встретили также на патронном заводе. Захваченные в Гирине вооружение и боеприпасы общим количеством 48 тонн пороха, один миллион патронов и 5 тысяч ружей были затоплены в реке Сунгари[370]. По сообщениям китайской стороны, сам город был подвергнут ограблению.

13 сентября войска генерала Ренненкампфа выступили из Гирина в сторону Мукдена, а в город с востока вошли казаки генерал-майора Крыжановского из отряда генерала Айгустова. Гиринский правитель Чан Шунь в письме на имя инженера А.И. Юговича в связи с этими событиями писал о том, что русские войска, «запасшись мулами, лошадьми, золотом и серебром, отправились из Гирина. Я никогда не

---

[369] Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 143 (Китайский стол). Д. 768. Л. 10.

[370] Военные события в Китае (1900–1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского Генерального штаба. СПб., 1902. С. 86.

мог допустить, чтобы армия почтенной России, которая известна своей дисциплиной, сделала бы столько зла и насилия... Я слышал еще, что с востока к Гирину идет генерал Айгустов. Если генерал, пренебрегая миром, поступит с городом так же, как и первый отряд, то в Гирине не останется не только жителей, но убегут и куры, и собаки»[371].

Впереди перед русскими войсками лежал последний крупный город Маньчжурии — Мукден.

Военные действия на границе с Приморской областью

С военно-стратегической точки зрения Приморская область в начавшихся военных действиях с Китаем была одним из наиболее уязвимых мест Российской империи. Эта уязвимость обусловливалась прежде всего географической «оторванностью» региона от остальной России. Положение усложнялось также тем, что большая часть русских войск была отправлена из Приморья в Квантун и Чжили. Фактически летом 1900 года главной задачей, стоявшей перед военным губернатором Приморской области генерал-майором Чичаговым, было обеспечение безопасности русских границ и поддержание порядка в приграничных районах. Ситуация еще более стала сложной с началом военных действий в Маньчжурии, когда в Южно-Уссурийский край начали прибывать беженцы с КВЖД.

Русское военное командование не исключало активных действий китайцев в отношении Южно-Уссурийского края и готовилось дать надлежащий отпор в случае вторжения китайцев. Еще 4 июля Приамурский генерал-губернатор генерал-лейтенант Н.И. Гродеков, оценивая ситуацию в регионе, отмечал: «...весь ход событий на Печилийском театре и на Амуре показывает, что на нас легла задача не только усмирить мятеж в Китае, но вести открытую войну с этим государством. Неизбежным из сего выводом служит то, что необходимо без потери времени выставить соразмерные с

[371] Цит. по: Дацышен В.Г. Русско-Китайская воина. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 110.

громадными средствами противника силы на каждом из отдельных театров — Печилийском, Квантунском, Маньчжурском, имея резерв также в Южно-Уссурийском крае, в виду готовой к войне Японии. По мере дальнейшего промедления силы противника быстро растут, и задачи будут тяжелее и тяжелее»[372].

Опасения российского военного командования по поводу возможного вмешательства Японии в Южно-Уссурийском крае нашли свое отражение и в других документах того времени. Это придавало событиям на границе с Китаем особый характер. Так, в письме Извольского, российского посланника в Токио, сообщалось: «Япония считает себя серьезным фактором во всяких событиях, интересующих крайний Восток. Как держава, соседняя с Китаем и обладающая внушительными морскими и сухопутными силами, она, несомненно, хочет дать почувствовать, что с нею надо считаться при разрешении настоящего кризиса и что, если понадобится, она может оказать Европе существенную военную поддержку в Китае.

Мы получили от Японии положительное уверение, что она намерена действовать не иначе как в полном согласии с нами и со всеми державами и не ищет никакой особенной роли или особенных выгод. Таким образом положен конец попытке Англии возбудить вопрос о международном поручении Японии умиротворить Китай и учредить порядок в Пекине и Тяньцзине.

Участие Японии в происходящих в Китае событиях, конечно, под нашим контролем и сдерживаемое в надлежащих пределах, может оказаться для нас выгодным; оно даст удовлетворение японскому самолюбию и воинственному пылу, расстроит всякие попытки к специальному сближению с Китаем нам во вред, отвлечет на время внимание японцев от Кореи и, наконец, может быть, приведет Японию к соревнованию и недоразумениям с европейскими державами»[373].

---

[372] Материалы для описания военных действии в Китае в 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 1-я. С. 241—242.

[373] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 2-я. С. 54—55.

Проведенные на российско-китайской границе в Приморском крае разведывательные мероприятия показали, что в районе Хунчуня происходила концентрация китайских войск, а их поведение «с каждым днем становилось все более дерзким».

Во второй половине июня почти все русские войска покинули Владивосток. 15 июня Военный министр приказал Н.И. Гродекову сформировать отряд в составе не менее двух стрелковых батальонов, двух сотен казаков и одной батареи. Отряд, получивший название Никольского, должен был действовать под руководством генерала Чичагова из Никольска-Уссурийского в направлении на Харбин.

Операция началась 1 июля. Авангард Никольского отряда выступил на двух поездах в сторону станции Мэурэнь, где к нему присоединились три сотни и одна рота охранной стражи КВЖД. 5 июля китайские войска, выйдя из крепости Эхэ, перешли в наступление. Натиск китайцев был отбит, русские войска даже вступили в форт Эхэ, вывезли из него все китайские орудия и подожгли сооружения.

После этого первого боя обстановка на восточном участке КВЖД стабилизировалась вдоль реки Муданьцзян. У китайцев и русских не было сил для ведения боевых действий с решительными целями. Лишь 20 июля произошел серьезный бой у крепости Эхэ. Русские подразделения, высланные на рекогносцировку, напоролись на китайские войска численностью 1000 человек пехоты и 250 кавалеристов с двумя пушками. В результате «жаркого» боя русские потеряли убитыми — 8 драгун и ранеными — 11 человек, однако китайцы были «опрокинуты».

Для успеха действий русских войск на восточном участке КВЖД необходимо было овладеть крупным и хорошо укрепленным китайским населенным пунктом Нингута, расположенным на дороге, которая вела к Гирину и далее — к Мукдену. Однако овладение Нингутой было невозможно без предварительного овладения крепостью Хунчунь, где сконцентрировалось большое количество китайских войск и повстанцев-«боксеров». Эту задачу было поручено решить командиру 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады генерал-майору Айгустову, возглавившему так назы-

ваемый Ново-Киевский отряд. О взятии Хунчуня Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков доложил Военному министру 18 июля:

«...Нам надо было взять инициативу в свои руки, так как до сих пор мы играли пассивную роль, отбиваясь лишь от самых дерзких и вероломных нападений китайцев. Отряд выступил из Ново-Киевского 16 июля, ночевал в деревне Новой. 17 июля в 8 часов вечера овладели Хунчунем. Походное движение к Хунчуню отряд совершил ночью. Боевые действия начались в 5 часов утра 17 июля, китайцы сопротивлялись упорно. С нашей стороны убиты командир 6-й горной батареи подполковник Постников и подпоручик 16-го стрелкового полка Квятковский 2-й, ранен подхорунжий Читинского казачьего полка Епифанцев; нижних чинов убито 6, ранено 4. Потери неприятеля свыше 1000 человек; захвачены орудия на фортах и при преследовании.

Потрясение китайцев так велико, что ни одного жителя не осталось в городе и его окрестностях; многие бежали почти голыми. Китайские войска из Савеловки, не выдержав удара, еще 14 июля отступили в Хунчунь. Падение крепости Хунчуня со значительным гарнизоном лучших войск и артиллерии, бывшей всегда передовым оплотом китайцев против нас, имеет важное значение для всего хода военных действий на северном Маньчжурском театре. Подвиг под Хунчунем доказал, что молодые Приамурские войска с помощью Божьей достойно поддержат боевую славу Русских войск»[374].

Айгустов с частью сил вернулся в Никольский отряд, а 16-й стрелковый полк и сотня казаков под общим командованием полковника Орлова остались в Хунчуне и впоследствии продолжили наступление в сторону Омосо.

15 августа Никольский отряд под командованием генерала Айгустова перешел в наступление и на следующий день, переправившись через реку, в 10.00 утра вступил в Нингуту. Город оказался брошенным китайским гарнизоном и жителями. Еще накануне комендант с 2000 солдат и

[374] Материалы для описания военных действии в Китае в 1900—1901 гг. Отдел III. Книга 2-я. С. 41—42.

двумя пушками бежал на повозках, отобранных у местного населения. В погоню за ним по направлению к Омосо был отправлен конный отряд генерала Крыжановского. Вслед за ним выступил 14-й стрелковый полк. 25 августа русские войска вошли в город Омосо, завладев богатыми трофеями.

Русские войска продолжали движение к Гирину, до которого было около 150 км. 13 сентября конница генерала Крыжановского в составе пяти эскадронов и одной казачьей батареи вошла в Гирин, сменив там войска генерала Ренненкампфа, выступившего с их подходом на юг Маньчжурии.

Последующие военные действия на приморском направлении представляли собой отдельные операции по поиску и уничтожению небольших групп и отрядов (шаек) беглых китайских солдат и «боксеров»-хунхузов, скрывавшихся в горно-лесистой местности восточных районов Маньчжурии. Вся линия КВЖД была освобождена, и на ней немедленно начались полномасштабные восстановительные и строительные работы.

Русские войска продолжали наступление на юг Маньчжурии, к Мукдену, навстречу двигавшимся по Южной ветви железной дороги нашим войскам из Квантуна. Впереди еще предстояли операции по полному очищению Северной Маньчжурии от продолжавших сопротивление китайских военных отрядов, повстанческих групп и банд хунхузов.

С начала сентября 1900 года началась постепенная и поэтапная демобилизация войск Приамурского военного округа.

С занятием русскими войсками Гирина Военный министр 18 сентября телеграфировал генералу Гродекову: «Ныне боевая задача вверенных вам войск окончена. Надо, не медля ни одного дня, пользоваться лучшим временем года, чтобы возвратить запасных домой и продать лишних лошадей с возможною пользою для населения. Вы проявили железную волю и настойчивость при мобилизации и направлении военных действий. Признаю настоятельно необходимым, чтобы вы ныне возможно шире воспользовались предоставленным вам правом частной демобилизации и в этом деле проявили ту же энергию, настойчивость и бы-

строту, как и в деле мобилизации и ведении военных действий»[375].

20 сентября российский император повелел начать демобилизацию русских войск немедленно после овладения Мукденом и всем Южно-Маньчжурским участком КВЖД.

Таким образом, военные операции русских войск в Северной Маньчжурии были в истории взаимоотношений наших двух государств самыми крупномасштабными военными действиями России на территории Китая.

Военное участие России в событиях в Маньчжурии в 1900 году было обусловлено начавшимся в Китае и распространившимся на северо-восточные провинции страны массовым народным движением Ихэцюань («боксеров»), выступавшим против иностранного закабаления Китая. Цинский двор, с самого начала занявший двуличную позицию в оценке этого движения, пытался извлечь выгоду из создавшейся ситуации, фактически бросив против вторгшихся иностранных войск свою армию. В результате военные действия приобрели характер настоящей войны, в которой участвовали все рода войск и все доступные средства поражения.

Вторжение России в Маньчжурию преследовало главную цель — обеспечить экономические, политические и военные позиции Российской империи на Дальнем Востоке и, прежде всего, на строящейся линии Китайско-Восточной железной дороги. В этом было принципиальное отличие военных действий в Маньчжурии от операции по овладению Тяньцзинем и Пекином.

На Печилийском ТВД русские войска внесли фактически решающий вклад в общую победу союзных войск и покинули его, предоставив союзным державам возможность максимально воспользоваться всеми плодами победы.

В Маньчжурии русское правительство с самого начала предупредило остальные державы и свои войска о недопустимости чьего-либо вмешательства в происходившие в этом регионе события.

---

[375] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 158.

Русскими войсками в ходе военных действий в Северной Маньчжурии были взяты большие военные трофеи. За период с 1 июля по 30 ноября 1900 года войсками Приамурского военного округа было захвачено 283 орудия. Помимо этого позднее было зарегистрировано в качестве трофеев еще 90 орудий, которые в большинстве своем были найдены в входе последовавшего после окончания военных действий разоружения китайских частей. В числе отобранных орудий находилось 5 пушек, взятых китайцами в Албазине в 1689 году, которые, таким образом, «после 200-летнего плена вновь попали в наши руки»[376].

Многочисленные сражения и бои, имевшие место в Северной Маньчжурии, равно как и на других ТВД, характеризовались непропорциональным соотношением потерь сторон. Если русские войска при взятии населенных пунктов или крепостей теряли обычно несколько десятков человек убитыми и ранеными, то потери китайцев оценивались сотнями и тысячами человек. Какой-либо подробный и достоверный учет китайских потерь никем никогда не велся.

В целом русские войска в кратчайшие сроки успешно выполнили поставленную перед ними задачу. Линия КВЖД была полностью взята под контроль русских войск, налажена ее охрана и оборона. Русские войска готовились к действиям по дальнейшей стабилизации обстановки в Маньчжурии и гарантированному обеспечению восстановления, постройки и эксплуатации железной дороги.

Цинский двор, в условиях победы русского оружия, выразил полную покорность и фактически приветствовал военное вмешательство России. В Маньчжурии русское правление в какой-либо форме введено не было, маньчжурская администрация с приходом русских войск вновь начинала функционировать во всех населенных пунктах. Местное население, плохо разбирающееся в перипетиях сложнейшей политической борьбы в Цинском Китае, покорно следовало указаниям властей.

---

[376] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 220.

Несмотря на присутствие в своей стране огромной военной силы иностранной державы, население Северо-Восточного Китая не поднялось на «народную войну», чего первоначально опасались в Петербурге.

Военные действия в Южной Маньчжурии

Успешные действия русских войск в Северной Маньчжурии создавали благоприятные условия и для действий на южной части КВЖД с Квантунского плацдарма. Главным объектом наступательных действий русских войск стал город Мукден — последний опорный пункт китайцев в Маньчжурии. Задача разгрома войск Мукденской провинции и оккупации Южной Маньчжурии легла на войска Квантунской области под командованием вице-адмирала Е.И. Алексеева.

6 августа 1900 года Военный министр телеграфировал адмиралу Алексееву в Порт-Артур:

«Государь император соизволил отдать следующие приказания:

1. С занятием Пекина, Печилийский театр становится второстепенным, а потому главной задачей для войск, вам подчиненных, является овладение Мукденом и замирение Мукденской провинции.

2. Общее число войск, которое необходимо временно оставить на Печилийском театре, определяется в 12 батальонов, три батареи, одну мортирную батарею, одну пулеметную батарею, от четырех до шести сотен казаков, две роты саперов, две железнодорожные роты и небольшой осадный парк.

3. Войска эти желательно держать возможно сосредоточенно.

4. Дабы уменьшить смешение организационных частей, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ угодно, чтобы в состав Печилийского корпуса вошли 2-я и 3-я Восточно-Сибирские стрелковые бригады из трех полков каждая, для чего необходимо дослать в Дату один батальон 7-го полка и возвратить в Инкоу и Порт-Артур 2-й и 15-й стрелковые полки и два эскадрона драгун.

5. На Южно-Маньчжурском театре ГОСУДАРЬ изволил указать собрать 1-ю Восточно-Сибирскую стрелковую бригаду из 1-го, 2-го и 3-го полков и держать эти полки совершенно в совокупности, почему 1-й полк надо собрать с малых постов полностью.

6. Руководство действиями в направлении к Мукдену Государь определил возложить на генерала Суботича, соизволив на производство его в генерал-лейтенанты, вследствие чего все войска на Южно-Маньчжурском театре вне Квантунской области должны быть подчинены в оперативном подчинении названному генералу. Ваше превосходительство, сохраняя права главного начальника, определяете цели действий, а выбор времени и способов будет зависеть от генерала Суботича, которому даны будут через вас указания относительно согласования его операций у Мукдена с операциями войск, могущих быть выделенными для той же цели со стороны Приамурского округа.

7. Войска 4-й стрелковой бригады, по мере подхода, должны быть направляемы в отряд генерала Суботича.

8. Необходимо теперь же принять меры для подготовки передовой базы для наступления к Мукдену, начав безотлагательно сосредоточивать там в соответственном количестве запасы. В этом отношении, быть может, будет удобен взятый нами Хайчен или какой-либо другой пункт, который, по вашим соображениям, представит наибольшие выгоды»[377].

Генерал Д.И. Суботич прибыл в Порт-Артур в середине августа и приступил к подготовке наступления. 31 августа от Военного министра пришла телеграмма, в которой генералу Суботичу указывалось на недопустимость вступления в переговоры с китайскими властями:

«Согласно сообщенной вам Высочайшей воле никаких переговоров о прекращении военных действий не должно быть допускаемо. Требуется полная покорность, выдача всего оружия, сдача укрепленных пунктов, складов; в случае же сопротивления — овладение всем этим силой оружия.

---

[377] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 2-я. С. 136—137.

Сообщите Высочайшие указания Гиршману и Кристи и строго запретите им ведение каких бы то ни было переговоров с китайскими властями, касающихся военных действий. Переговоры не разрешается вести и вам. Надо идти вперед, обезоруживать сдающихся и поражать сопротивляющихся»[378].

В ходе подготовки войск Квантунской области к наступлению адмирал Е.И. Алексеев, равно как и генерал И.И. Гродеков, получил несколько категоричных указаний Военного министра и начальника Главного штаба о характере действий русских войск в Китае. 17 августа 1900 года Военный министр телеграфировал:

«Вынужденные двинуть наши войска в китайские пределы, мы почти уже сломили, и несомненно окончательно сломим, вооруженное сопротивление мятежных войск и мятежного населения. Но этого недостаточно. Настоятельно необходимо принимать меры, дабы мирное население не было увлечено мятежными и не создало нам тяжелой необходимости бороться с народной войной.

В этих видах ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было указать на необходимость принятия со стороны всех начальствующих лиц энергичных мер, дабы военные действия поражали со всею неумолимостью, присущей войне, лишь китайские войска и вооруженное население. Войска и вооруженное население надлежит разбивать, укрепления уничтожать, оружие отбивать. Но мирные жители, их жилища и имущество не должны служить предметом действий наших доблестных войск.

Никаких излишних жестокостей и разорений не допускайте. Уничтожение городов, деревень, пожары, наиболее озлобляющие против нас население, могут быть допустимы лишь как редкое возмездие за тяжелые и кровавые против наших подданных и войск преступления.

Грабеж со стороны воинских чинов во всех видах должен преследоваться суровыми мерами включительно до полевого суда по законам военного времени.

---

[378] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 3-я. С. 72.

За все поставляемые населением продукты надо уплачивать наличными деньгами.

Страшные в бою, наши войска должны быть, как были до сих пор на всех театрах войны и во все века, человечными не только к мирному жителю, но и к побежденному силою оружия врагу.

После боя надо стремиться устанавливать с населением мирные отношения, как то нам удавалось на Кавказе и в Средней Азии. Предписывая эти указания, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР выражает полную уверенность, что молодецкие войска, вам вверенные, не омрачат своей славы жестоким отношением к мирным жителям и, напротив того, будут всемерно содействовать восстановлению к туземному населению нормальных мирных отношений»[379].

1 сентября генерал-лейтенант Д.И. Суботич получил от Военного министра указания о немедленном наступлении на Мукден. Штаб генерала Суботича во главе с опытным штабистом полковником Л.К. Артамоновым приступил к планированию и организации военных действий.

2 сентября адмирал Е.И. Алексеев выдал генералу Суботичу дополнительные собственные директивные указания:

«Сверх изложенного считаю необходимым довести до вашего сведения некоторые указания, сообщаемые мне по Высочайшему повелению Военным министром, и которые в общих чертах заключаются в нижеследующем:

Усилия наши в Маньчжурии должны быть направлены к скорейшему окончанию военных действий и восстановлению в этой части Китая порядка и спокойствия.

Главной задачей России в настоящее время в Маньчжурии ставится продолжение и окончание строящихся нами железных дорог, и усилия наши должны быть направлены к тому, чтобы облегчить восстановление работ и затем охранять производимые работы.

Присоединять к своим владениям какой-либо части китайской территории Россия не предполагает.

Ввиду такого направления нашей политики следует искать достижения поставленных целей по возможности мир-

---

[379] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900 – 1901 гг. Отдел III. Книга 3-я. С. 100.

ным путем, а потому, когда вверенный вам отряд подойдет к Мукдену, прежде чем приступить к овладению этим городом силой, предписываю предложить сдать его на капитуляцию, причем, однако, требование о капитуляции должно быть предъявлено самым категорическим образом и отнюдь не давать неприятелю возможности выигрыша времени для лучшей подготовки сопротивления, а в числе условий капитуляции должно заключаться требование о выдаче всего оружия под угрозой репрессий за сокрытие такового.

Во всяком случае, каким бы способом Мукден ни достался в наши руки, должны быть приняты строжайшие меры для предотвращения в нем поджогов и грабежей, и количество вводимых для занятия города войск должно быть по возможности ограниченное»[380].

В свете полученных от вышестоящего командования указаний и директив начальник созданного Южно-Маньчжурского отряда генерал-лейтенант Д.И. Суботич 6 сентября издал приказ № 6 по своим войскам, в котором он потребовал гуманного отношения к местному населению. В приказе, в частности, отмечалось:

«Вменяю в непременную обязанность всем начальникам отдельных частей под личной тяжкой ответственностью по законам военного времени следить за тем, чтобы подчиненные им части без особого на то моего приказания отнюдь не были вводимы во внутрь мирных населенных китайских городов и деревень, а равно неосторожным обращением с огнем не причиняли бы пожаров. Вина за нарушение данного указания всецело падет на командира отдельной части, к которой будут принадлежать виновные»[381].

К 15 сентября силы русских войск Квантунской области, собранных в районе Инкоу — Хайчен для наступления в направлении Мукдена, достигли 18,5 батальона стрелков, 2 кавалерийских эскадронов и 6 сотен казаков, 68 полевых и 18 осадных орудий[382].

---

[380] Военные действия в Китае 1900—1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 256—267.

[381] Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского ВО в 1901 г. Выпуск XXШ. СПб., 1901.

[382] Военные действия в Китае 1900—1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный СПб., 1910. С. 259—260.

Наступление на Мукден началось 10 сентября 1900 года, когда войска генерала Суботича выступили из Хайчена. Для ведения операции силы русских были разбиты на три колонны: левая под командованием генерала Флейшера в составе шести батальонов 1-й и 3-й Восточно-Сибирских стрелковых бригад и двух сотен; средняя под командованием полковника Генерального штаба Артамонова в составе пяти батальонов из 13-го, 14-го и 15-го Восточно-Сибирских стрелковых полков; правая под командованием полковника Мищенко в составе 4 сотен охранных войск.

Первой 11 сентября вышла левая колонна генерала Флейшера, которая уже на следующий день овладела китайскими укреплениями у Старого Ючжуана. Бой был тяжелым, прежде всего из-за сильнейшей жары. Русским войскам пришлось действовать на незнакомой и очень неудобной для развертывания артиллерии местности. Потери русских составили убитыми — один нижний чин, ранеными — 2 офицера и 18 нижних чинов. Китайцы понесли большие потери в живой силе и отступили.

13 сентября отряд генерала Суботича решительными действиями с флангов и с фронта овладел хорошо укрепленными оборонительными сооружениями китайцев на высотах у города Аньшань.

14 сентября утром китайские войска попытались остановить русских на позициях у города Шахэ. На какое-то время им даже это удалось сделать, однако уже к вечеру стало ясно, что оборона китайцев прорвана. С этого момента китайская армия, брошенная своими генералами, вынуждена была в панике отступать в направлении Мукдена.

15 сентября последнее организованное сопротивление китайцев у города Ляоян было сломлено войсками генерала Суботича. Русские войска не стали входить в брошенный противником город, остановившись перед крепостными стенами. Главной задачей для них было непрерывное наступление на Мукден. Отступающие китайские войска уничтожали все на своем пути, грабя и сжигая населенные пункты.

18 сентября отряд генерала Суботича сосредоточился в 12 км от Мукдена в небольшой деревушке. Вечером от жи-

телей Мукдена, в основном купцов и христиан, в адрес русского военного командования поступило письмо с просьбой скорейшего прихода в их город. В письме, написанном на английском языке, говорилось: "«Дорогой сэр! Мы очень рады известить Вас, что здешний монгольский генерал Шоу и все власти бежали отсюда ночью третьего дня благодаря Вашей храбрейшей армии. Узнав об этом, здешняя китайская чернь стала производить беспорядки, сжигая дома купцов и обывателей, вследствие чего мы находимся в самом горячем ожидании, что вы прикажете немедленно Вашим знаменитым войскам как можно скорее прибыть в Шэньцзинь (Мукден)...

Любящие Вас Ваши купцы и христиане»[383].

Первой в Мукден уже 18 сентября ворвалась сотня охранной стражи под командованием есаула Денисова. Казаки заняли внешние городские ворота и открыли огонь по городу с крепостных стен. К ночи все восемь городских ворот Внутреннего города были в руках русских. Большая часть китайского гарнизона и местных жителей города разбежалась.

Утром 19 сентября в Мукден прибыл с авангардом своего отряда генерал Д.И. Суботич. На площади Императорского дворца полковым священником Пивоваровым был отслужен торжественный молебен. К полудню главные силы русских проследовали через весь город и остановились в 5 км к северу от него. Немедленно русские войска приступили к ликвидации мародерствующих китайских шаек, наведению порядка в городе и его окрестностях и разминированию объектов города.

20 сентября в оккупированном Мукдене началось создание местных органов управления — китайской администрации. Военным комендантом города был назначен полковник П.К. Домбровский. Сам город был разделен на четыре района, во главе каждого из которых был поставлен русский полицмейстер с пятью помощниками.

Главной задачей русских войск в Мукдене стало поддержание порядка и спокойствия. Работа местной админис-

[383] Янчевецкий. У стен недвижного Китая. СПб., 1903. С. 558.

трации затруднялась непрекращающимися попытками террористических актов, поджогов и грабежей в городе. Неоднократно бандитами делались попытки взорвать или поджечь некоторые объекты Мукдена, а также Императорский город.

Одним из наиболее важных объектов, взятых под охрану русскими войсками в городе и его окрестностях, стал комплекс Императорских сооружений — дворец и гробницы. Для определения ущерба, нанесенного этим сооружениям, была образована специальная комиссия, в которую вошли полковник Нищенков (председатель), подполковник Гаитенов, капитан Масальский, представитель Государственного контроля чиновник Успенский и делопроизводитель подпоручик Мяновский. Комиссия констатировала попытки грабителей и мародеров из числа местных жителей и китайских солдат проникнуть на территории дворца и гробниц. Однако русские войска успели взять под свою охрану все наиболее ценные вещи и сооружения. В частности, район Императорских гробниц, находившийся к северо-западу от Мукдена, был занят двумя эскадронами драгун, двумя стрелковыми ротами и взводом конной артиллерии.

В конце сентября в Мукден прибыл представитель китайского императора, который «был очень тронут таким вниманием к их святыне и заявил, что Китай никогда не забудет такой услуги со стороны России»[384].

В Мукдене русские войска взяли богатые военные трофеи, в частности 50 орудий новейших систем, 8 тысяч артиллерийских выстрелов, 7 тысяч ружей разных систем, свыше 20 миллионов патронов к ним, а также несколько тысяч пудов пороха на патронном и пороховом заводах. 27 сентября при уничтожении пороховых запасов на одном из складов произошел взрыв, в результате которого погибло 27 русских военнослужащих и 5 человек было ранено. Проведенное расследование показало, что причиной тра-

[384] Нищенков. Военные действия в Южной Маньчжурии в сентябре 1900 г. // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1901 г. Выпуск XXIII. СПб., 1901.

гедии было взрывное устройство, заложенное отступавшими из города китайскими войсками.

В целом местное китайское население Южной Маньчжурии достаточно доброжелательно отнеслось к русским войскам. Это обусловливалось несколькими причинами. Прежде всего китайская армия и «боксеры» своими грабежами и мародерством полностью скомпрометировали и себя, и национально-освободительное движение Ихэтуань. Кроме того, в русских войсках строго следили за поведением военнослужащих и их отношениями с местным населением.

В частности, как пишет генерал-майор Нищенков, «Южно-Маньчжурский отряд может гордиться тем, что во время похода в Мукден им не было сожжено ни одной деревни. В отряде все время был образцовый порядок. Считаю своим долгом указать, что и до приезда генерала Субботича в Южно-Маньчжурском отряде был большой порядок, ибо генерал Флейшер обращал постоянное внимание на установление правильных отношений войск к жителям. Благодаря этому в скором времени явилось доверие жителей к нашим властям»[385].

Далее участник тех событий генерал Нищенков отмечает: «Дисциплина в войсках отряда, покупка предметов продовольствия и фуража на наличные деньги, отсутствие насилий над жителями и поджогов деревень со стороны войск, создали добрую славу про наших солдат. Все чаще и чаще стали повторяться случаи донесений жителями о пребывании в том или другом месте хунхузов. По этим указаниям не раз производились захваты хунхузов и шаек китайских войск. Очень часто жители обращались с просьбой поставить у них в деревне хоть несколько наших солдат.

Единственное исключение составили жители города Мукдена, не сразу возвратившиеся в свои дома и сумрачно посматривавшие на нас. Но это объяснялось тем, что они ожидали возмездия с нашей стороны и казней; только ме-

---

[385] Нищенков. Военные действия в Южной Маньчжурии в сентябре 1900 г. // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1901 г. Выпуск XXIII. СПб., 1901.

сяц спустя после занятия Мукдена стали возвращаться жители сперва поодиночке, потом целыми семьями; в то же время началась и торговля...

Принимая во внимание крайнее миролюбие и трудолюбие коренного населения Маньчжурии, прихожу к заключению, что если суждено будет отойти этому краю под скипетр нашего Государя, то при хорошей администрации и справедливом отношении к жителям очень скоро край станет цветущим, а жители его сделаются такими же верными подданными нашего обожаемого монарха, как и коренные жители России»[386].

С овладением городом Мукденом была решена первая часть возложенной на генерала Д.И. Суботича задачи. Следующим шагом русского военного командования был перевод оккупированных территорий на путь мирного развития. В связи с этим 22 сентября начальник Южно-Маньчжурского отряда в своем приказе № 36 по войскам указывал:

«Ныне предстоит нам еще успокоить волнуемую мятежниками страну.

Помните, что в Азии надо быть всегда начеку. Требую от всех начальников частей отнюдь не распускать своих людей и держать их в постоянной боевой готовности. Безусловно запрещаю ослаблять меры охранения на биваках, особенно в ночное время.

В части войск, стоящих на биваках или размещенных казарменным порядком, всегда должна быть в полной готовности дежурная часть. Команды, посылаемые в предместья или окрестности города, должны быть при оружии.

В сношениях с жителями войска должны стремиться ласковым, справедливым обращением и своевременной уплатой за забираемые продукты или товары приобретать себе друзей, но отнюдь не восстановлять их против себя и русского имени грубым обращением и самоуправством.

Предписываю начальникам всех отдельных частей внушить указания настоящего приказа своим подчиненным,

---

[386] Нищенков. Военные действия в Южной Маньчжурии в сентябре 1900 г. // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1901 г. Выпуск XXIII. СПб., 1901.

дабы высоко держать во вновь занятой нами стране честь русского оружия и доброе имя своей части»[387] .

23 сентября отряд полковника Мищенко вступил в Телин, где вошел в контакт с казачьей сотней под командованием есаула Кузнецова из авангарда генерала Ренненкампфа. В результате этого русские войска, вошедшие в Маньчжурию с севера и юга, соединились в Телине. Вся трасса КВЖД, включая ее Южную ветвь, была полностью очищена от китайских войск, отрядов «боксеров», банд и шаек хунхузов. Таким образом, к концу сентября военные операции русских войск в Маньчжурии окончились.

4 октября 1900 года российский император утвердил инструкции, подготовленные Военным министром и адресованные вице-адмиралу Е.И. Алексееву в Порт-Артур:

«В виду овладения Мукденом и всей южной ветвью Маньчжурской железной дороги ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР приказал сообщить вам для руководства следующее:

1) Все части войск, вступившие в район Маньчжурии южнее Телина, подчиняются вам на правах командира отдельного корпуса войск.

2) Особые полномочия генерала Суботича по ведению военных действий с занятием Мукдена и принятием мер к преследованию бежавших китайских войск прекращаются. По командованию вверенными ему войсками, генералу Суботичу сохраняются присвоенные ему права командира неотдельного корпуса.

3) Наши войска должны занимать пункты на железной дороге и близ нее. Поэтому если и представится необходимость производить отдельные небольшие экспедиции в глубь страны, то отнюдь не должно оставлять вдали от железной дороги наших гарнизонов. Надлежит спешить передать дело управления занятыми местностями в руки китайских властей и им же поручить, при помощи китайской полицейской конной и пешей стражи без артиллерии, борьбу с мелкими партиями вдали от линии железной дороги.

---

[387] Нищенков. Военные действия в Южной Маньчжурии в сентябре 1900 г. /// Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1901 г. Выпуск XXIII. СПб., 1901.

Надо быть возможно бережливым в расходовании войск для занятия различных пунктов, не имеющих особого значения.

4) Ставя основной целью для действий наших войск успокоение занятого нами края и содействие восстановлению железной дороги, в то же время надлежит возможно быстрее возвращать войска к обычной мирной деятельности по обучению войск и хозяйству.

Заботы наших начальников частей, при содействии инженеров и врачей, ныне должны быть направлены к возможно хорошему приспособлению на зиму помещений и самой тщательной дезинфекции их. Надо ожидать усиленного заболевания и готовиться бороться даже против эпидемий. Все меры к ослаблению заболеваемости должны быть принимаемы; главная из них это поддержание твердого внутреннего порядка, хорошая пища, соответственная одежда, возможно сухие помещения и непременно достаточная ежедневная работа.

Переход войск от форсированных трудов к бездействию весьма вреден. Открывайте скорее походные церкви, примите меры, дабы размещение офицеров было возможно удобнее: разрешите, после восстановления железной дороги, не стесняясь некоторой опасности, приезд семей в Мукденский район. Надо организовать быстро в Мукдене, в районе расположения войск, офицерское собрание. Надо также принять меры к улучшению быта нижних чинов: надо закупить табак, устроить гимнастики, игры и, главное, бани.

Соберите сведения и телеграфируйте, какие вам необходимы денежные средства сверх уже отпущенных: 1) на надежное приспособление помещений для нижних чинов и офицеров; 2) на улучшение быта офицеров; 3) на улучшение быта нижних чинов. Сделайте расчеты отдельно по Маньчжурскому, отдельно по Печилийскому районам военных действий. Для расходов по Мукденскому району ассигнуется в ваше распоряжение из военного фонда авансом 70 000 рублей. Все работы производите при содействии войск и пленных китайских солдат.

5) Ввиду наступающего зимнего времени надо спешить устройством или приведением в порядок грунтовых путей, связывающих отдельные части войск между собой и с их штабами»[388].

Таким образом, русские войска, вошедшие в Маньчжурию, закреплялись и обустраивались вдоль линии КВЖД, готовились к зимованию на новых местах.

В лесах и труднодоступных горных районах Северо-Восточного Китая еще продолжали скрываться отряды китайских войск и повстанцев, которые совершали регулярные набеги на русские гарнизоны. Борьба с ними продолжалась еще полтора года.

Итак, военная операция в Южной Маньчжурии по овладению провинциальным центром Мукденом представляла собой акцию, согласованную с общими военными усилиями русских войск в Северо-Восточном Китае. Она была естественным продолжением военных действий в Северной Маньчжурии и отличалась скоротечностью, решительностью действий, ограниченным пространственным размахом операций.

Действия русских войск в Южной Маньчжурии характеризовались соблюдением гуманных норм обращения с китайским населением и не вызвали резкого протеста со стороны местного населения. Более того, местное население нередко выступало на стороне русских войск, указывая последним места расположения скомпрометировавших себя китайских войск и отрядов повстанцев. В отличие от действий в Северной Маньчжурии, где русскими войсками предавались огню оказавшие сопротивление населенные пункты, в Южной Маньчжурии русские войска даже старались намеренно не заходить в оставленные китайскими гарнизонами населенные пункты.

Действия русских войск проводились целенаправленно вдоль трассы КВЖД и имели четкие и понятные цели: взятие под охрану всей железнодорожной линии. Ясность

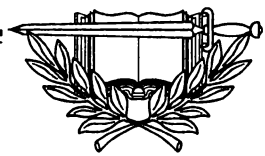
---

[388] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел I. Книга 4-я. С. 49–51.

политических и военных целей обеспечивала успех боевых действий русских войск. Успешная операция по овладению Мукденом и прорыв на Телин означали, что вся линия КВЖД, включая ее Южный участок, была освобождена. Восстановительные и строительные работы начинались немедленно по мере занятия русскими войсками железнодорожной трассы и станций.

Потери Южно-Маньчжурского отряда генерала Д.И. Субботича за 8 дней боев составили всего 42 человека убитыми и 80 — ранеными, причем, как уже говорилось, 2/3 безвозвратных потерь были вызваны взрывом на пороховом складе в Мукдене.

В целом военные действия в Южной Маньчжурии укрепили позиции России в ключевом стратегическом районе Дальнего Востока — на Квантунском полуострове. В то же время Россия еще раз убедилась в огромной значимости и важности своей арендованной военно-стратегической базы в Китае, из-за которой вскоре ей предстояла ожесточенная схватка с Японией.

ГЛАВА 10
ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ «УСПОКОЕНИЕ» МАНЬЧЖУРИИ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ

«Военное успокоение» Маньчжурии

Оккупация русскими войсками практически всей территории Маньчжурии, и прежде всего крупных китайских городов, а также установление полного контроля над всей линией КВЖД означали окончание военной стадии операции русских войск в Маньчжурии. Теперь на первый план выдвигалась задача так называемого «успокоения» края — разоружение китайской армии, установление порядка на оккупированной территории и последующая передача ее в управление местным китайским властям.

Однако решение этой задачи требовало скорейшего уничтожения остатков продолжавших сопротивление китайских войск и «боксеров». Военный министр в связи с этим требовал от русских войск «наносить бунтовщикам возможно тяжелые удары». Генерал А.Н. Куропаткин считал, что только быстрыми и решительными военными действиями возможно было достичь политического успеха всей военной кампании. В указаниях Военного министра в адрес вице-адмирала Е.И. Алексеева от 27 октября 1900 года отмечалось: «Воля государя, дабы в Маньчжурии не осталось ни одной организованной военной китайской части, ни одного китайского орудия и был восстановлен порядок, должна быть выполнена неуклонно. Потери наших войск не должны приос-

танавливать выполнение Высочайшей воли. Больными и умершими от болезней потеряем более»[389].

Далее в том же документе А.Н. Куропаткин ориентировал командование русских войск в Маньчжурии на то, чтобы «не разбрасывать силы», не оставлять гарнизоны в занятых китайских городах и деревнях. Русское военное присутствие в регионе должно было ограничиваться только трассой КВЖД.

К осени 1900 года русские войска в Маньчжурии были разведены по зимним квартирам. Наступившая уже с конца ноября зима вынудила русское командование прекратить военные операции против хунхузов, хотя незначительные столкновения с укрывшимися бандитами продолжались.

Собранные русским военным командованием сведения из разных источников говорили о том, что разбитые нашими войсками китайские формирования отошли от городов и больших дорог в глубь Маньчжурии, где обосновались в труднодоступных районах. В служебной записке командира 2-го Сибирского корпуса генерал-лейтенанта А.В. Каульбарса от 6 ноября 1900 года на имя командующего войсками Приамурского округа говорилось о существовании трех больших группировок хунхузов (каждая численностью от 10 до 30 тысяч человек) и нескольких малых групп, общей численностью 10 тысяч человек.

Крупные группировки противника действовали в районах:

1. К юго-востоку и востоку от Мукдена. Численность группировки составляла до 15 тысяч человек. Руководство группировки поддерживало отношения с японцами.

2. В запретных лесах императорской охоты, которые покрывают горы Сахалян и Куле, к востоку от императорской дороги, против городов Кайюаньсянь и Итун. Силы этой группировки достигают 10—15 тысяч человек.

3. В восточной Монголии, куда ушли китайские войска, отступившие от Мукдена, Цицикара и Бодунэ и, возмож-

---

[389] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 5-я. С. 44—45.

но, Гирина. Численность группировки составляла, по оценкам, 30 тысяч человек.

Далее в своей записке генерал Каульбарс дает военно-политическую оценку противостоящих сил противника и района военных действий как такового:

«...Нашими действиями мы лишили китайцев только артиллерии: бежавшие перед нами отряды сохранили ручное оружие, тайные склады которого помогали образованию новых шаек. Китайцы организуют отряды быстро; например, в городе Итунджоу была сформирована, вооружена хорошими ружьями и обмундирована команда полицейской стражи в 100 человек через 4,5 часа по получении на то фудутуном разрешения.

Вообще китайские войска, хотя и являются главным источником образования разбойничьих шаек, продолжают подчиняться одному общему руководству свыше: последнее выражается в систематическом уклонении от борьбы на менее пересеченной местности и упорном сопротивлении в горах.

Жители Маньчжурии относятся к нам в городах благожелательно (непритворно — когда боятся хунхузов, и притворно — когда хунхузы им не угрожают), в деревнях — со страхом.

Сторона вообще густо населена и богата продовольствием: сведения наши в этом отношении, по мнению барона Каульбарса, были ниже действительности.

Полное успокоение края совершенным уничтожением шаек, то рассеивающихся, то вновь появляющихся, является делом трудным»[390].

Ликвидация остатков сопротивления китайских повстанцев в различных местностях Маньчжурии действительно была делом крайне тяжелым для русских войск. Анализ тактики действий противника, проведенный русскими специалистами, позволил выделить сильные стороны китайских отрядов, действовавших по принципам партизанской войны.

---

[390] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 151—152.

Генерал-майор Овсяный в своем обзоре пишет: «Основной прием китайской тактики заключался в борьбе издалека, из-за закрытий, благодаря чему потери их от огня были невелики. Малейший признак обходного движения заставлял их оставлять свои крепкие позиции, так что, несмотря на широкое применение обходов, как, например, в Аньсаньчжане или под Ляояном, никогда не удавалось достигнуть окружения и пленения китайских отрядов, отличительным свойством которых являлась легкость снаряжения, отсутствие обозов и способность к быстрому отступлению врассыпную. Притом же китайский солдат, сбросив форменную куртку и спрятав свое ружье и снаряжение, легко обращается, как это постоянно и практиковалось при наседании неприятеля, в обыкновенного простолюдина, ничем не отличающегося от массы мирных жителей. Одна конница могла нагонять китайцев и причинять им более или менее значительные потери, но как раз на маньчжурском театре у нас оказалось мало конницы»[391].

С тем, что «окончательное успокоение» Маньчжурии является делом трудным, было полностью согласно военно-политическое руководство России.

В начале ноября 1900 года от Военного министра в адрес генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова и вице-адмирала Е.И. Алексеева поступили подробные указания и инструкции по организации службы и быта русских войск в оккупированной Маньчжурии на период приближающейся зимы. Генерал А.Н. Куропаткин признавал, что «нашим войскам еще не менее года предстоит боевая деятельность по отысканию, преследованию, разбитию и уничтожению вооруженных шаек китайцев»[392]. В связи с этим ставилась задача экономить силы, беречь войска и, по возможности, проводить плановые занятия и давать им отдых.

«Военная деятельность» в форме рейдов (генерал А.Н. Куропаткин называл их «движениями») должна была проводиться непрерывно, но только частью сил и средств. В пе-

[391] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 282.

[392] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 5-я. С. 84—86.

хотных и артиллерийских частях и подразделениях 3/4, а в коннице 2/3 сил должны быть в пунктах постоянной дислокации. Таким образом, от пехотного полка в постоянных рейдах участвовали две роты, от артиллерийской батареи — 2 орудия, а от казачьего полка — две сотни. Особое внимание Военный министр уделял полному и всестороннему тыловому обеспечению подразделений, выделенных для проведения «движений».

По мнению Военного министра, выполнение задач, поставленных перед русскими войсками в Маньчжурии, было невозможно без опоры на лояльные русской власти местные органы китайской администрации: «Движение наших войск с целью уничтожения шаек беглых солдат, хунхузов, боксеров ... производится при содействии цзянцзюней непрерывно, впредь до восстановления китайских властей, китайской полицейской стражи и полного порядка».

Вместе с тем успех рейдовых действий, как отмечал генерал Куропаткин, мог быть обеспечен только высочайшей дисциплиной русских войск, их гуманным и доброжелательным отношением к местному населению: «Надо добиться, чтобы китайское население встречало наши войска с радостью».

В одной из телеграмм войскам Военный министр подчеркивал значимость работы с местным населением: «Действия наших войск... должны укреплять в сознании местного населения, что мы сильны, непобедимы, но в то же время справедливы и человечны. Мы должны тотчас после боя внушать самое полное доверие со стороны не только мирных жителей, но и побежденных врагов... Этим путем можно и должно облегчить нам, после пролитой крови, возвращение к мирным соседским отношениям между нами и китайцами»[393].

Работа с местным населением и органами власти на местах предполагала и проведение специальных операций разведывательного и иного характера: «Так как уничтожение при этих движениях шаек беглых солдат, боксеров и хунхузов во многом зависит от своевременного извещения о шай-

---

[393] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 5-я. С. 114.

ке и скрытного окружения ее, то для найма хороших лазутчиков из местных жителей, их содержание и вознаграждение доносителям, проводникам, расходы на переводчиков ... назначается аванс в 10 тысяч рублей из военного фонда»[394].

11 ноября 1900 года было опубликовано официальное российское Правительственное сообщение о ситуации в Маньчжурии. В нем, в частности, говорилось: «Несмотря на то, что китайские войска разбиты, рассеяны, орудия у них отобраны, еще не скоро удастся водворить в Маньчжурии полный порядок. Боксеры продолжают свою пропаганду и беспорядки. Рассеявшиеся по всей стране многочисленные китайские солдаты занялись разбойничеством и составляют тяжкое бремя для населения, встречающего ныне приход наших войск с искреннею радостью. Мелкие и крупные шайки китайских солдат, хунхузов и боксеров продолжают борьбу с нашими войсками: избегая боя со сколько-нибудь значительными силами, они нападают на разъезды и на небольшие партии наших казаков и солдат.

Волею государя Императора генералу Гродекову и адмиралу Алексееву предложено принятие мер к скорейшему восстановлению в занятых нами провинциях власти цзянцзюней. Гиринский цзянцзюнь не бежал при приближении наших войск, а остался во главе управляемой им провинции и оказывает полное содействие к скорейшему успокоению Гиринской провинции.

Не признавая возможным допустить существование в Маньчжурии китайских войск, мы предоставляем цзянцзюням организовать пешую и конную хорошо вооруженную полицию (состав китайских полицейских войск определен: в Гиринской области в 1900 человек; в Цицикарской — в 1670 человек), при помощи которой они и должны вести вне линии железной дороги борьбу с боксерами, мелкими шайками беглых китайских солдат и хунхузами, обращаясь к содействию наших войск, лишь когда то потребуется.

Поддержание же полного спокойствия на линии дороги ляжет на заботу войск и чинов охранной стражи.

---

[394] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел II. Книга 5-я. С. 84–86.

По полученному донесению от 9 октября, гиринский цзянцзюнь действует успешно. По его требованию уже сдано нам до 2000 ружей и 25 орудий.

Мукденский цзянцзюнь бежал при приближении наших войск к стороне Монголии. Адмиралу Алексееву разрешено вступить с ним в переговоры о возвращении его в Мукден. Условие для сего неизменно ставится: выдача оружия, орудий, роспуск войск.

Труднее решается вопрос о цицикарском цзянцзюне, который обнаруживает особую неприязнь и враждебность к нам и похвалялся явиться в Харбин. При приближении наших войск он бежал и, по одним сведениям, лишил себя жизни, а по другим — спасся.

При настоящем тревожном положении Маньчжурии одной охранной страже даже и после значительного ее усиления поддерживать спокойствие и порядок на линии в 2000 верст, главное, обеспечивать эту линию от нового разрушения, не по силам. Поэтому временно в Маньчжурии останется часть введенных туда наших войск. Первоначально, в течение настоящей зимы, будут расквартированы в Маньчжурии 1-я, 4-я и 5-я Восточно-Сибирские стрелковые бригады с соответствующим числом частей других родов оружия. Затем, по мере успокоения страны, силы эти будут уменьшаться. Есть надежда, что уже в первой половине будущего года окажется возможным еще одну из бригад, оставляемых в Маньчжурии, возвратить в пределы Приамурского военного округа.

Вследствие окончания военных действий в Печилийской провинции повелено приступить к обратной перевозке наших расположенных там войск в Квантунскую область и Приамурский военный округ.

Что касается обратной перевозки частей войск, прибывших на Дальний Восток из Европейской России, то можно надеяться, что и все эти части в первой половине будущего года уже будут находиться в пунктах своего постоянного квартирования»[395].

---

[395] Военные события в Китае (1900—1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского генерального штаба. СПб., 1902. Часть III. С. 11—13.

В официальном Правительственном сообщении приводились также наличные силы русских войск в Китае по состоянию на 1 октября 1900 года. Общая численность войск составляла 3900 офицеров и 173 000 нижних чинов, сведенных в 126 батальонов, 118 эскадронов (сотен) и 4 крепостных артиллерийских батальона. На их вооружении имелось 336 орудий разных систем и 8 пулеметов. Этими силами и средствами достигалось выполнение боевых задач в Маньчжурии.

Конец «китайской вольницы»

Осенью 1900 года русскими войсками в рамках борьбы с хунхузами было проведено несколько крупных операций, наиболее известной из которых стала операция против «разбойничьей республики Цзяпигоу», находившейся к югу от Гирина в верховьях реки Сунгари.

Эта «республика» существовала задолго до описываемых событий и де-факто признавалась даже гиринскими властями. Экономической основой этого образования была нелегальная золотодобыча, начавшаяся еще в середине XVIII века. В 1900 году во главе «хунхузской республики» стоял Хань Дэнцзюй, известный русским как Хандегю, который полностью контролировал территорию своей «республики». Под его командованием имелись вооруженные отряды — своеобразная армия и полиция.

Именно на территории этой «хунхузской республики» в труднодостижимых районах Маньчжурии нашли укрытие многочисленные отряды регулярных вооруженных сил Китая и шайки «боксеров», разгромленные русскими войсками летом 1900 года.

В ночь на 20 сентября русским стало известно, что в Гирин приехали два сына Хандегю, которые остановились в доме отца. Подполковник Дуров с тремя сотнями казаков оцепил усадьбу и захватил одного сына, секретаря, оружие, боеприпасы и два ящика серебра. От имени русского военного командования Хандегю было направлено требование явиться в Гирин и сдаться на милость победителя. Параллельно с этим русские войска готовились к походу в горы, в «хунхузскую республику».

Для уничтожения противника в Цзяпигоу командир 2-го Сибирского армейского корпуса барон генерал А.В. Каульбарс сформировал два отряда. Отряд под командованием генерал-майора А.В. Фока выступил из Гирина 16 октября, с упорными боями прошел по верховьям реки Сунгари и через десять дней вернулся в Гирин.

Второй отряд под командованием генерал-майора П.К. Ренненкампфа состоял из пяти сотен казаков без артиллерии и выступил в поход 15 октября. Эта экспедиция была кратковременной — всего 4 дня: русские войска попали в окружение и под ударами превосходящих сил противника вынуждены были отступить в Гирин. Отряд потерял 5 казаков убитыми, два офицера и 19 казаков были ранены[396].

11 ноября неожиданно для русского командования в Гирин явился и сдался сам Хандегю. Это послужило своеобразным сигналом для новой операции русских войск против Цзяпигоу.

Операция началась 13 ноября. Уже через два дня отряды П.К. Ренненкампфа и А.В. Фока под общим командованием самого А.В. Каульбарса соединились в городке Янтушань. Общая численность русских войск составила 15 пехотных рот, 10 эскадронов и сотен, 20 орудий. 21 ноября русские войска разгромили в ожесточенном бою 6-тысячный отряд противника под командованием заместителя Хандегю — Лю Данцзы, известного в России под именем Люданзыр или Лиутацзы. После занятия города Куантай основные силы барона Каульбарса выступили обратно, а летучий отряд А.В. Фока продолжил преследование китайцев вплоть до имения самого Хандегю. Остатки разбитых китайских войск и шаек хунхузов ушли дальше в горы, а генерал Фок 7 декабря вернулся в Гирин.

С этого времени главным организатором хунхузского сопротивления в Северной Маньчурии стал Люданзыр. Именно с ним и верными ему формированиями русские войска вели военные действия вплоть до осени 1901 года.

---

[396] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел I. Книга 5-я. С. 68.

В Южной Маньчжурии для борьбы с немногочисленными шайками и бандами хунхузов привлекались конные отряды генерала барона Штакельберга и полковника Мищенко, а также небольшие отряды есаула Денисова, капитана Кушакова, подполковника Кушлянского и войскового старшины Кабылкина.

В ноябре 1900 года успешную операцию против 3-тысячного китайского гарнизона в Синцзинтине провел отряд полковника Мищенко в составе двух рот, конной охотничьей команды, сотни казаков, 35 конных стражников и 4 орудий. Китайцы до прихода нашего отряда успели разграбить и сжечь город и ранили фудутуна, а затем рассеялись на мелкие отряды. Город был занят русскими 26 ноября, а 5 декабря отряд Мищенко вернулся в Мукден. Занятием Синцзинтина «была достигнута задача умиротворения района к востоку от Мукдена и положен конец существованию в этом районе строевых китайских войсковых частей»[397].

В целом проводившиеся осенью 1900 года операции против остатков китайских войск и хунхузов показали, что опасения русского военного командования о больших силах и возможностях противника в Маньчжурии были сильно преувеличенными. Не случайно в ходе проведенных в 1901 году экспедиций против повстанцев выяснилось, что «противник оказался слабее численностью и очень малостойким. Перечисленные выше группы после этих поисков растаяли и рассеялись в небольших шайках по всему краю, без определенной группировки»[398].

Фактически уже к середине июля 1901 года все более или менее крупные и значимые группы и отряды хунхузов были разгромлены или разогнаны русскими войсками в ходе проведенных экспедиций. После этого имели место лишь незначительные столкновения и стычки с остатками бродячих шаек.

18 февраля из поездки по гарнизонам Южно-Маньчжурского района возвратился в Порт-Артур вице-адмирал

[397] Военные действия в Китае 1900–1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 286.

[398] Военные действия в Китае 1900–1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 152.

Е.И. Алексеев. В ходе своей инспекции он сделал вывод, что вверенные ему войска «в полном порядке, вид людей был здоровый и добрый, конский состав содержался хорошо». Определенные проблемы были с размещением воинских частей, так как удобные для этих целей помещения отсутствовали. Адмирал Е.И. Алексеев донес императору: «Отношения местных жителей к войскам везде были дружественны и миролюбивы. Гражданское управление было введено везде, кроме г. Инкоу. Благодаря энергичной деятельности инженера Гиршмана на всей линии железной дороги от Порт-Артура до Телина было восстановлено движение поездов с перевозкой грузов»[399].

В конце лета — начале осени 1901 года русскими войсками в Северной Маньчжурии были организованы и проведены операции по пленению последних остававшихся на свободе руководителей движения хунхузов — Люданзыра и Сышеявана. Общее руководство этими операциями еще в мае было возложено на командира 2-го Сибирского корпуса генерал-лейтенанта А.В. Каульбарса с подчинением ему на время военных действий генерал-лейтенанта Церпицкого с войсками Южно-Маньчжурского отряда[400].

Еще до указанных операций против главарей китайского повстанческого движения генералом Церпицким были проведены несколько частных операций против хунхузов в Южной Маньчжурии. Итогом этих действий явилось пленение китайского генерала Шеу, который по согласованию с министерством иностранных дел был выслан в Приамурский край, и сдача в плен еще одного предводителя хунхузов Фуланго[401].

Вместе с тем проведенные в конце марта — начале апреля 1901 года войсками Северной и Южной Маньчжурии операции против отрядов Люданзыра и Сышеявана закончились неудачно. 8 мая Военный министр поставил задачу

---

[399] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 289.

[400] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 8-я. С. 4.

[401] Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 290.

вице-адмиралу Е.И. Алексееву: «По сведениям, полученным от генерала Волкова, Люданцза с отрядом в 4000 человек находится в горах Люншань, к северо-востоку от Синцзинтина, другой его отряд в 4000 человек укрепляется близ деревни Тайшань. Люданцза предполагает снова напасть на Синцзинтин, для чего приглашает к совместным действиям Сышеявана, находящегося близ Чифу. С этими двумя прославившимися предводителями больших и опасных скопищ необходимо во что бы то ни стало покончить»[402].

Люданзыр (Люданцзыр, Лиутайцзы, Люданцза или Лю Данцзы) был одним из самых известных и популярных предводителей китайской вольницы. Для его пленения был послан отряд под командованием командира 6-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковника Манаева. Когда русский отряд выследил предводителя хунхузов, к нему был послан китаец по имени Танжи, служивший переводчиком в отряде у Манаева. Танжи вошел в доверие к Люданзыру, расположил его к себе, однако сдаваться китайский генерал не собирался.

Полковник Манаев попытался организовать встречу с Люданзыром с глазу на глаз, однако из этого намерения ничего не получилось. 25 августа Люданзыр в сопровождении нескольких своих приближенных явился сам к Манаеву для переговоров. В ходе беседы Люданзыр отказался признавать себя предводителем хунхузов и доказывал, что он действовал как патриот для спасения отечества[403].

Гарантировав китайскому авторитету полную безопасность и покровительство главного начальника Приамурского края, полковник Манаев в конце концов склонил его к сдаче и поездке в Хабаровск, и уже 2 сентября Люданзыр был представлен генералу Н.И. Гродекову.

4 сентября в Гирине с отрядом из 6 офицеров и 327 солдат сдался русским войскам Сышеяван.

Оба предводителя китайской «вольницы» были пленены с соблюдением всех норм и почестей, которые были по-

[402] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел III. Книга 8-я. С. 3.

[403] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 212.

ложены военачальникам капитулирующей стороны. Российским императором им было определено место пребывания — территория России. Люданзыр был отправлен в Хабаровск, а Сышеяван — в Читу. Каждому из них было положено денежное содержание генерала.

Судьба Люданзыра долго находилась в поле зрения политического руководства России. По дальнейшей его судьбе долго никак не могли принять однозначного решения. Так, 4 октября 1901 года генерал Н.И. Гродеков получил указания от начальника Главного штаба: «Государь император 29 сентября повелел отправить Лиутайцзы военнопленным на жительство в Тамбов».

13 декабря Военный министр направил новую депешу генералу Гродекову: «Прошу возможно заботливо обставить отправление и содержание в пути генерала Лиутайцзы и обеспечить его переводчиком в Тамбове за счет кредита на непредвиденные надобности, находящегося в вашем распоряжении».

Но уже 24 декабря начальник Главного штаба послал Гродекову новые указания: «Государь император в 22-й день декабря Высочайше повелел китайского предводителя Лиутайцзы не отправлять в Тамбов, оставив на жительство в Хабаровске. Если Лиутайцзы находится в пути, немедленно вернуть его в Хабаровск. Вместе с сим, Высочайше повелено выслать в пособие Лиутайцзы 1200 руб., отнеся расход на запасной кредит»[404].

Через неделю, 30 декабря 1901 года, генерал Н.И. Гродеков получил от начальника Главного штаба более подробную телеграмму о дальнейшей судьбе пленного китайского генерала: «Военный министр приказал сообщить, что, в виду достигнутого замирения края и происходящих ныне переговоров об очищении Маньчжурии, государь император не изволили признать необходимым отправлять Люданзыра в Россию, находя, что в распоряжении местного начальства имеются достаточные средства для установления бдительного за ним надзора.

---

[404] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 8-я. С. 43, 52, 54.

Вместе с тем Военный министр просит вас сообщить, не считаете ли вы нужным, в виду дороговизны жизни в Хабаровске, еще более увеличить назначенное Люданзыру содержание»[405].

Со сдачей в плен последних авторитетных руководителей китайских повстанцев в Маньчжурии началась массовая сдача в плен всех верных им отрядов. Первая крупная партия китайских солдат численностью 4000 человек была взята в плен войсками генерала А.В. Каульбарса еще в июле–августе 1901 года. Под свою ответственность он приказал разоружить пленных и передать их местным китайским органам власти для организации из них отрядов полиции. Эта инициатива была одобрена российским императором, который повелел: «...принять на службу в полицию с сохранением оружия 4000 сдавшихся с тем, чтобы обезоружение их проводить постепенно, как возможно по местным условиям, с выдачей пособия от 2 до 5 лан каждому»[406].

В период с 8 сентября по 22 октября 1901 года в Северной Маньчжурии сдалось в общей сложности 2216 бывших китайских солдат. Из них 1324 человека были переданы для зачисления в полицейскую стражу, 121 отправлен на родину в Застенный Китай[407], 615 человек отправлены по местам жительства в пределах Маньчжурии, а 156 человек разошлись. С конца октября и до декабря 1901 года сдалось еще 263 бывших китайских солдата»[408].

Наиболее сложной операцией осени 1901 года стало уничтожение крупных отрядов хунхузов численностью в 2000 человек, которыми командовал бывший подручный Люданзыра — Ванлоуху. Его уничтожение было поручено отряду в составе 320 стрелков, 200 конных охотников, 143 аргунских казаков с шестью орудиями под общим ко-

---

[405] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел II. Книга 8-я. С. 54.

[406] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отдел II. Книга 8-я. С. 32.

[407] Застенный Китай — территория страны, ограниченная с севера Великой Китайской стеной.

[408] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 212–213.

мандованием полковника Ирмана, командира Забайкальского артиллерийского дивизиона.

В начале 1902 года русским командованием в Северной Маньчжурии были организованы и проведены две последние крупномасштабные военные экспедиции в бассейне реки Сунгари и на Чанбошаньском нагорье. Эти операции «подтвердили окончательно, что китайские войска и крупные скопища хунхузов в Северной Маньчжурии были искоренены»[409].

В Южной Маньчжурии экспедиционными отрядами русских войск руководили генерал Мищенко и полковник Добронравов. Однако отряды и шайки противника были немногочисленны и при приближении русских войск сразу разбегались. В ходе военных операций нашим войскам сдалось в плен свыше 3000 бывших китайских солдат и один из их предводителей — Линчи, который был выслан на жительство в Читу[410].

В соответствии с Высочайшим повелением российского императора сроком окончания военных действий в Маньчжурии было приказано считать 26 марта 1902 года. Таким образом, вооруженная стадия российско-китайского конфликта в Маньчжурии продолжалась почти два года. Однако и после марта 1902 года некоторые русские войска и военные учреждения оставались в Маньчжурии и продолжали эвакуацию на родину. Постепенно функция обеспечения русского военного контроля в этом регионе Китая полностью переходила в ведение корпуса Охранной стражи КВЖД.

«Политическое успокоение» Маньчжурии

Параллельно с «военным успокоением» Маньчжурии русским военным командованием решалась задача так называемого «политического успокоения» этого региона Китая.

Еще в конце сентября 1900 года адмирал Е.И. Алексеев направил Военному министру секретную телеграмму с

---

[409] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 219.

[410] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 292.

предложениями о послевоенном устройстве Маньчжурии. В документе говорилось: «На первое время оккупация в интересах наших должна иметь характер преимущественно политический, почему полагал бы желательным сохранить в Мукденской провинции, насколько возможно, прежний административный строй, не вмешиваясь без особой надобности в дела внутреннего управления. В этих видах следует оставить во главе управления цзянцзюня, предоставив ему право, для поддержания порядка, иметь полицейскую охрану в определенном числе.

Для руководства и контроля при нем должны состоять уполномоченные военные и Министерства иностранных дел...

Дабы сохранить подобающее значение цзянцзюня среди населения, считаю полезным сохранить его нынешнюю независимость и вести мои сношения с ним через наших уполномоченных...»[411].

В начале ноября 1900 года в Петербурге состоялось так называемое Особое совещание трех министров: военного, иностранных дел и финансов, на котором была принята соответствующая инструкция — «Основания русского правительственного надзора в Маньчжурии». Этот документ фактически являлся программой политического устройства Северо-Восточного Китая вплоть до заключения официального договора или соглашения с китайским правительством.

Основным принципиальным положением вышеназванного документа, состоявшего из 21 пункта, являлся пункт первый: «Маньчжурия остается составной частью Китайской империи и сохраняет те же административные подразделения и тот же порядок управления, которые существовали до занятия сей области русскими войсками». Далее в инструкции оговаривалось, что русские войска «временно оккупируют эту страну»[412].

---

[411] Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Т-во «Восточное Просвещение». Типо-литография Российской Духовной Миссии. Пекин, 1922. С. 126. Примечание.

[412] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 5-я. С. 99—105.

В пунктах 6—8 «Оснований русского правительственного надзора в Маньчжурии» обосновывались необходимость и легитимность российского вмешательства:

«6. Китайские войска, расположенные в Маньчжурии, приняли самое деятельное участие во враждебных по отношению к России действиях и поэтому были уничтожены и рассеяны. Ввиду бесполезности в настоящее время китайских войск для водворения и поддержания в Маньчжурии порядка китайскому правительству будет предложено отказаться от содержания своих войск в Маньчжурии.

7. С упразднением в Маньчжурии китайских войск значение цзянцзюней и фудутунов по командованию войсками, расположенными во вверенных им провинциях и фудутунствах, уничтожается, и посты эти должны явиться чисто административными, с сохранением за цзянцзюнями и фудутунами тех прав, которые они до сих пор имели, за исключением права командования войсками.

8. Для полицейской службы и поддержания порядка в Маньчжурии вне линии железной дороги при цзянцзюнях и фудутунах формируется вооруженная пешая и конная полицейская стража. Численность означенной полицейской стражи при цзянцзюнях и фудутунах определяется в провинциях Цицикарской и Гиринской командующим войсками Приамурского военного округа, а в провинции Мукденской — командующим войсками Квантунской области.

В вооружении полицейской стражи орудия не допускаются. Иностранцы на службу в полицейскую стражу не принимаются»[413].

В соответствии с положениями выработанного тремя российскими министрами документа на командующих русскими войсками в регионе возлагалась задача «установления надзора за деятельностью цзянцзюней и фудутунов и оказание им содействия в восстановлении и поддержании порядка». Российский военный контроль над местной китайской администрацией заключался прежде всего в том, чтобы их деятельность «не имела по отношению к России враждебного характера».

---

[413] Материалы для описания военных действий в Китае в 1900—1901 гг. Отдел II. Книга 5-я. С. 99—105.

Помимо общего контроля над китайской администрацией со стороны командующих русскими войсками, при каждом из цзянцзюней учреждались должности русского военного комиссара в штаб-офицерском чине. Именно через них должно было осуществляться сношение между местными китайскими властями и командирами (начальниками) русских войск и гарнизонов в Маньчжурии. При этом цзянцзюни и фудутуны в процессе сношений с представителями русских властей приравнивались по служебному положению: первые — к губернаторам, вторые — к уездным начальникам. Помимо военных комиссаров, при цзянцзюнях учреждались также должности российских дипломатических агентов.

В компетенцию Цицикарского, Гиринского и Мукденского цзянцзюней и командующих войсками Приамурского военного округа и Квантунской области, как устанавливало русское правительство, входил широкий круг вопросов административного и хозяйственного значения. Однако при этом действовал категорический запрет «затрагивать какие бы то ни было вопросы политического характера», обсуждение которых должно было вестись на уровне правительств.

Российско-китайские переговоры о будущем устройстве в Маньчжурии велись на межгосударственном уровне около года, однако закончились безрезультатно. Значительно больших успехов русские власти добились при проведении переговоров на местах, непосредственно с маньчжурскими властями. Однако в начале осени 1900 года ведение таких переговоров были затруднено в связи с тем, что многие китайские чиновники бежали со своих мест вместе с отступавшей китайской армией.

Мукденский цзянцзюнь Цзэн Ци бежал вместе с армией. Однако вскоре он вышел на русское военное командование с инициативами о прекращении военных действий. 30 сентября 1900 года генерал Д.И. Суботич получил от него письмо, в котором китайский чиновник соглашался сотрудничать с русскими военными властями: «...Ради добрых отношений, существующих более 200 лет между двумя государствами, я никогда не думал нарушить или потерять та-

кую нашу вековую дружбу и поэтому неоднократно обращался к Вам с просьбой о прекращении военных действий. К приходу русских войск в столицу (Мукден) я поддерживал народное спокойствие и приказал остановить военные действия. По общему мнению, мы должны были выехать из столицы и ждать дальнейших переговоров с горьким чувством жалости о всем происшедшем.

Наверное Вы, почтенный цзянцзюнь, Ваши чиновники и, наконец, все жители Мукденской провинции знали о моем искреннем желании прекратить всякие враждебные действия друг к другу. Я слышал, что Вы, почтенный цзянцзюнь, по приезде в Мукден командировали солдат для охранения императорских могил и дворца, а также Вы успокоили местных купцов и жителей, которые занимаются теперь своим делом тихо и спокойно, при том Вы не позволяли солдатам взять у жителей какую бы то ни было вещь, и даже ни один из жителей не был убит или ограблен. Такие высоконравственные распоряжения и внимание не только в наш век, но и очень редко встречаются даже в старину у знаменитых вояк. За что я глубоко тронут и признателен... Вследствие разорения имущества населения бежавшими солдатами и хунхузами необходимо принять теперь меры к преследованию их, чтобы дать возможность жителям мирно продолжать свою обыденную жизнь»[414].

«Гибкая» позиция Цзэн Ци устраивала русское военное командование и политическое руководство России. 16 ноября 1900 года Цзэн Ци вернулся в Мукден и приступил к исполнению обязанностей цзянцзюня. Военным комиссаром при нем стал полковник Б.Л. Громбчевский.

Гиринский цзянцзюнь Чан Шунь остался на месте при приближении русских войск и был оставлен на своем посту русскими военными властями. Военным комиссаром при нем был назначен подполковник Н.М. Манакин.

Цицикарский цзянцзюнь Шоу Шань покончил с собой, и фактически до конца 1900 года вопрос о новом главе провинции Хэйлунцзян так и не был решен. Российским воен-

---

[414] Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1901 г. Выпуск XXIII. СПб., 1901.

ным комиссаром в этой провинции выступал полковник Искуль фон-Гильденбанд[415].

Некоторая часть китайских чиновников и должностных лиц восприняли военное поражение Китая и установление военного контроля над Маньчжурией как явление неизбежное и попытались найти свое место в создавшихся условиях. Типичным в этом отношении является письмо фудутуна Мукдена Лин Си к генералу Д.И. Суботичу, полученное русским командованием 20 октября 1900 года. В заискивающей манере китайский чиновник ставил перед русским командованием проблемы местного населения и просил содействия в их решении:

«Под знаменами Великого цзянцзюня Великого Российского Государства я услышал весть о Вашем прибытии, мое сердце взволновалось и почувствовало радостный отклик. Пусть будет с Вами счастье и благополучие. Пусть наступят мирные отношения, о чем я ныне только и думаю и прошу Вас...

Услышав о справедливости и человечности Вашей армии, я был глубоко обрадован. В Мукдене и во всех ближайших местах, где появились Ваши мощные войска, разбойники бежали и исчезли. Но кругом во всех остальных деревнях злоумышленники только теперь стали появляться. Простой народ страдает. Торговля не двигается вперед. Народ ежедневно поедает очень много, но доставлять хлеб и зерно трудно в 10 000 раз...

Я, фудутун, глядя на тягость нынешнего времени и скорбя сердцем за народ и желая спасти 10 000 людей, погрязших точно в угольной яме, почтительнейше подношу мое вершковое письмо Вашему величию, в глубоком раздумье о более чем 200-летней дружбе наших обоих государств. Об этой сердечной связи можно сказать, что она глубока и толста...

Полагаю, что дорогие войска расположились в Мукдене только для того, чтобы охранять народ, охранять железную дорогу и производить постройку. Но Мукден не имеет властей, народ не имеет главы. Путь и дороги прегражде-

[415] Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 121–123.

ны. Ни деньги, ни хлеб не имеют движения. Торговые дела не растут, как стебель без ветвей. Человеческие сердца разделились. Что касается найма рабочих, провоза и прочего, то все эти дела трудно осуществимы сообразно желаниям. Мало того, что это все не полезно для нашей ничтожной земли, но и для работ по постройке железной дороги дорогого государства это представляет затруднения»[416].

Одним из важнейших направлений политической деятельности русского военного командования в Маньчжурии стала работа с местным населением. Показательным в этом отношении стала помощь русской стороны во время голода в провинции Хэйлунцзян в 1901 году.

В марте того года по почину русского военного коменданта Цицикара капитана Некрасова из 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка в городе был образован благотворительный комитет. В него вошли представители местного населения и русской стороны. Комитет собрал и раздал через цзянцзюня голодающим 842 рубля и 12 тысяч пудов чумизы (местного проса). В течение 3,5 месяцев военным комендантом было выдано продовольствие 5 тысячам нуждающихся семей.

Помимо содействия в организации различных благотворительных обществ русское военное командование в лице генерала Н.И. Гродекова разрешило выдачу голодным жителям продовольственных запасов, захваченных русскими войсками в качестве военной добычи. Так, в марте со складов в Цицикаре было выдано нуждающимся 2 тысячи пудов чумизы, в феврале и марте было выдано бедным в Нингуте 10 тысяч пудов чумизы. В декабре голодающее китайское население получило от русского военного командования 20 тысяч пудов чумизы. И таких фактов было множество.

Эти меры русского военного командования были высоко оценены российским императором. На всеподданнейшем докладе об этом 28 июля 1901 года он начертал: «Одобряю; если нужно, так следовало бы продолжать»[417].

---

[416] Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1901 г. Выпуск XXIII. СПб., 1901.

[417] Военные действия в Китае 1900–1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., С. 219.

К осени 1900 года практически вся территория Северо-Восточного Китая находилась под контролем русского военного командования. Главным объектом военно-политического контроля России над Маньчжурией была полоса Китайско-Восточной железной дороги, прежде всего населенные пункты в полосе отчуждения. В двух из трех провинций Маньчжурии к этому времени была установлена власть местной китайской администрации на уровне цзянцзюней. Однако большое число китайских населенных пунктов не имело местных органов управления, и властные функции там осуществляли русские военные коменданты или представители КВЖД.

Итак, события в Маньчжурии летом и осенью 1900 года показали, что военная фаза операции для России была скоротечной и успешной. Русские войска, несмотря на ограниченность сил и средств, выполнили поставленные перед ними боевые задачи. Однако последовавший за военными действиями этап военного и политического урегулирования обстановки в Северо-Восточном Китае занял еще полтора года.

В ходе боевых действий в Китае за период с лета 1900 года по 15 апреля 1901 года погибло свыше 500 русских солдат и офицеров, около 1,5 тысячи русских воинов получили ранения. Официальные статистические данные свидетельствуют о количестве убитых, раненых и пропавших без вести[418].

В Северо-Маньчжурском районе убито: офицеров — 12, нижних чинов — 221; ранено: офицеров 29 (умерло — 4), нижних чинов 523 (умерло — 34); пропало без вести — 47.

В Южно-Маньчжурском и Печилийском районах убито: офицеров — 8, нижних чинов — 179; ранено: офицеров — 48 (умерло — 5), врачей — 4, нижних чинов — 291 (умерло — 46), пропало без вести — 9.

Итого за указанный период убито: офицеров — 20, нижних чинов — 400; ранено: офицеров — 77 (умерло — 9), врачей — 4, нижних чинов — 1449 (умерло — 80); пропало без вести — 56 человек.

---

[418] Военные действия в Китае 1900–1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 294.

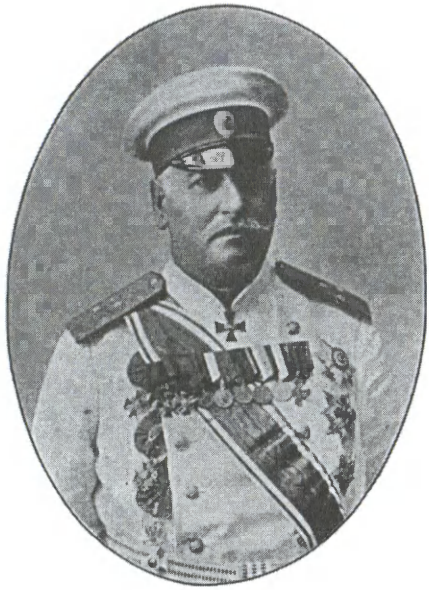
Командир 1-го Сибирского корпуса генерал-лейтенант Гернгрос

Командир 7-го Сибирского корпуса генерал-лейтенант Ренненкампф

Командир 10-го армейского корпуса генерал-лейтенант Церпицкий

Командир 1-го Сводно-стрелкового корпуса генерал-лейтенант Флейшер

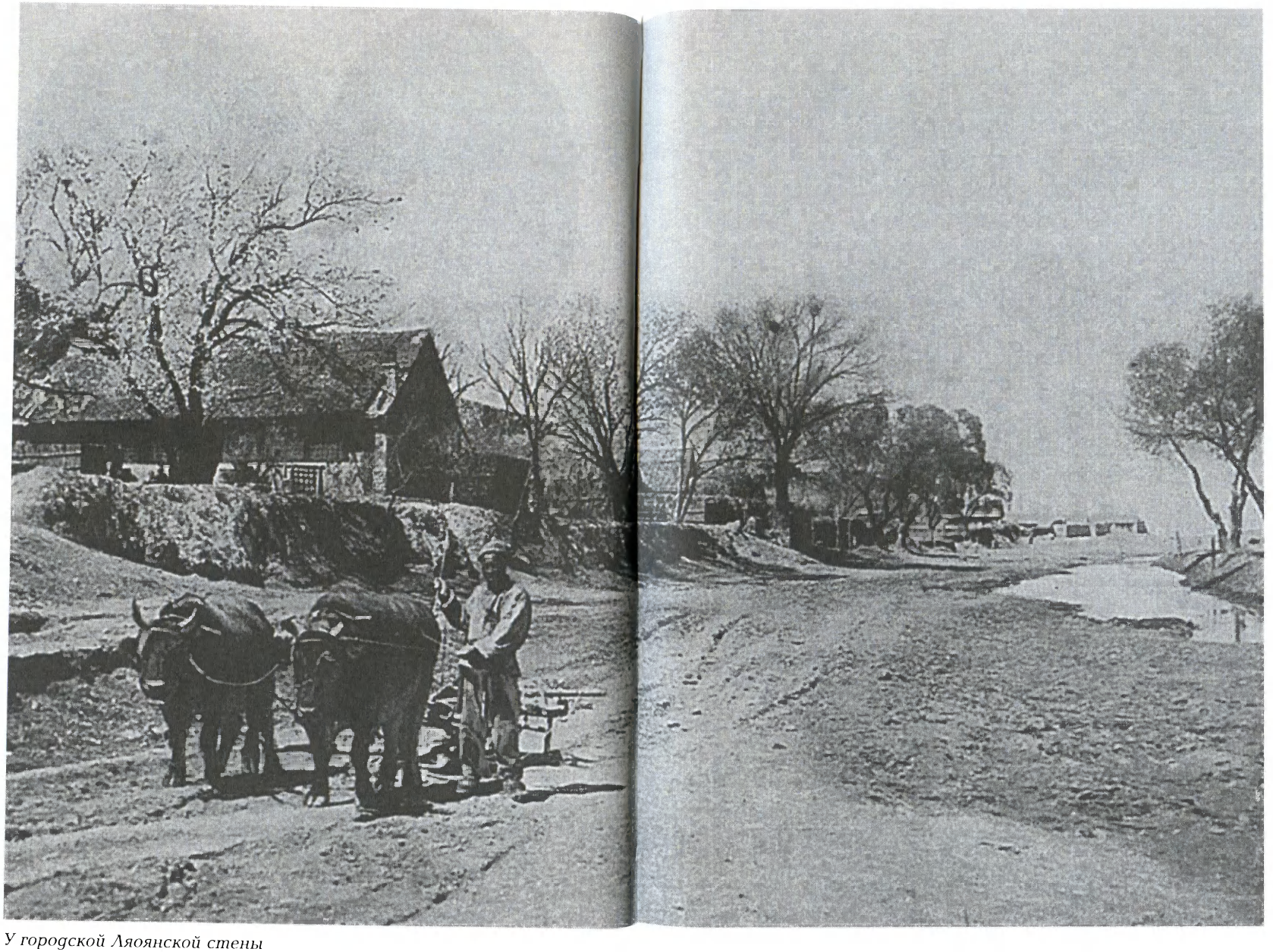
Начальник Сибирской казачьей дивизии генерал-лейтенант Самоснов

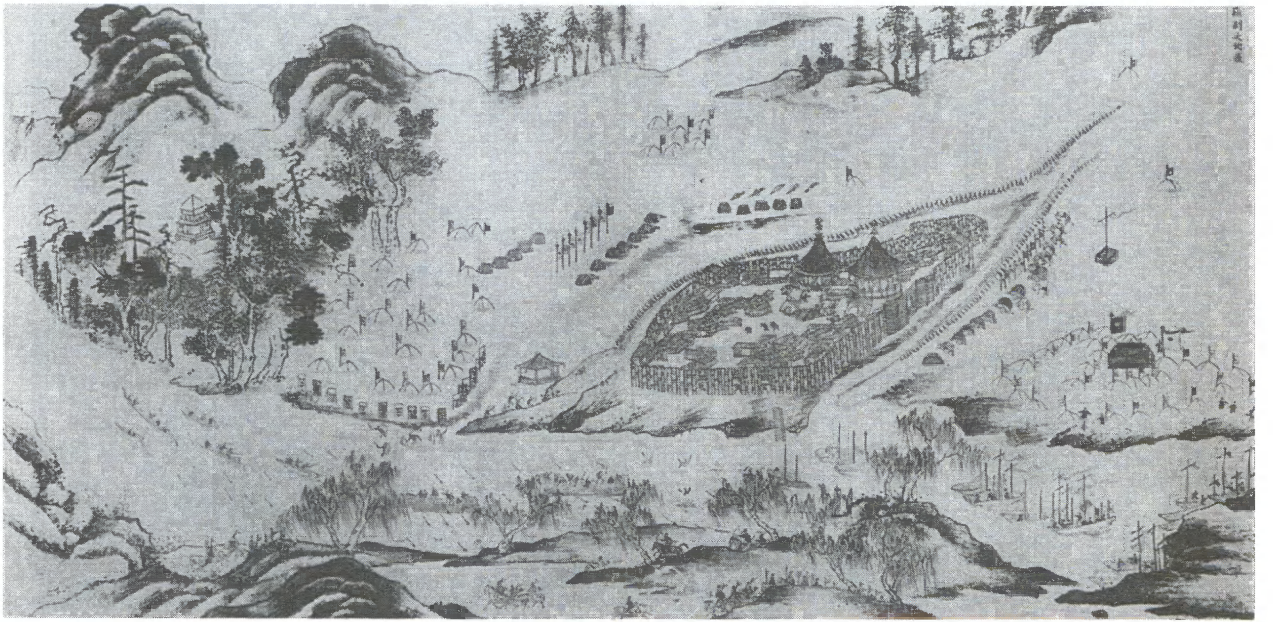
Командир Сводно-кавалерийского корпуса генерал-адъютант Мищенко

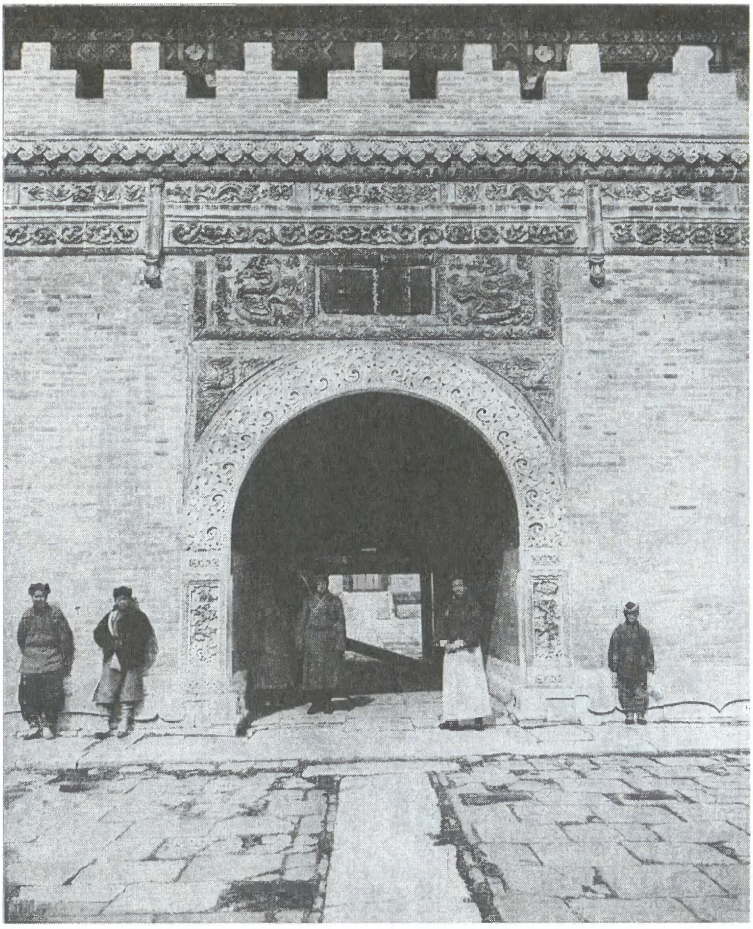
Генерал-квартирмейстер 1-й Маньчжурской армии генерал-майор Флуг

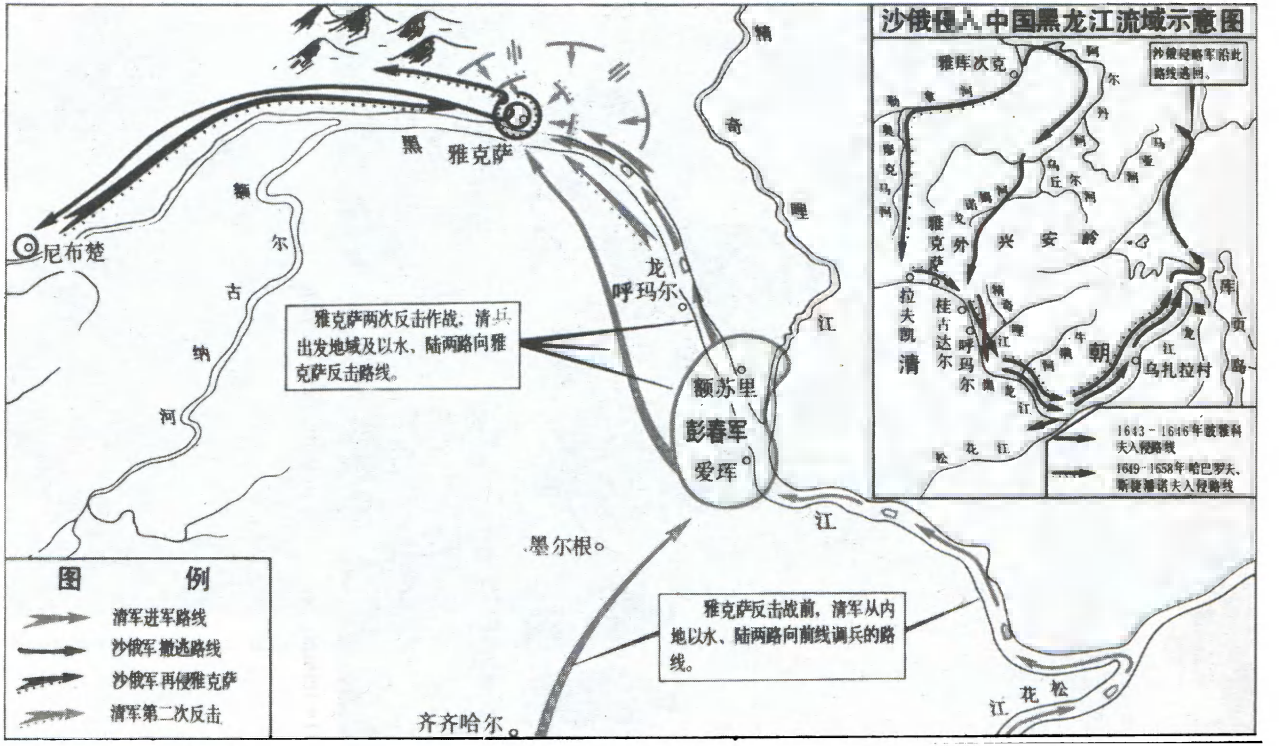
У городской Ляоянской стены

Китайский рисунок, изображающий осаду Албазина

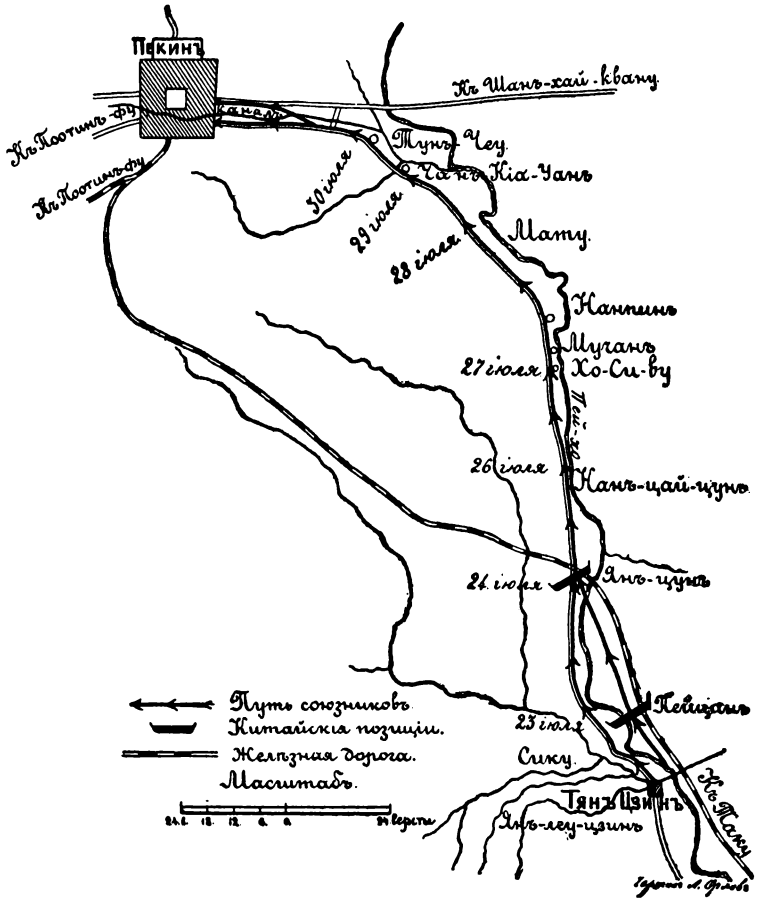
Императорские «Джоулинские» могилы

沙俄侵入中国黑龙江流域示意图
雅克萨
尼布楚
额尔古纳河
黑
龙
江
呼玛尔
额苏里
彭春军
爱珲
墨尔根
齐齐哈尔
精奇里
奇
哩
江
松花江
雅克萨两次反击作战，清兵出发地域及以水、陆两路向雅克萨反击路线。
雅克萨反击战前，清军从内地以水、陆两路向前线调兵的路线。
图 例
清军进军路线
沙俄军撤逃路线
沙俄军再侵雅克萨
清军第二次反击
雅库次克
沙俄侵略军沿此路线逃回。
外兴安岭
拉夫凯
桂古达尔
呼玛尔
乌扎拉村
库页岛
清
朝
1643－1646年波雅科夫入侵路线
1649－1658年哈巴罗夫、斯捷潘诺夫入侵路线

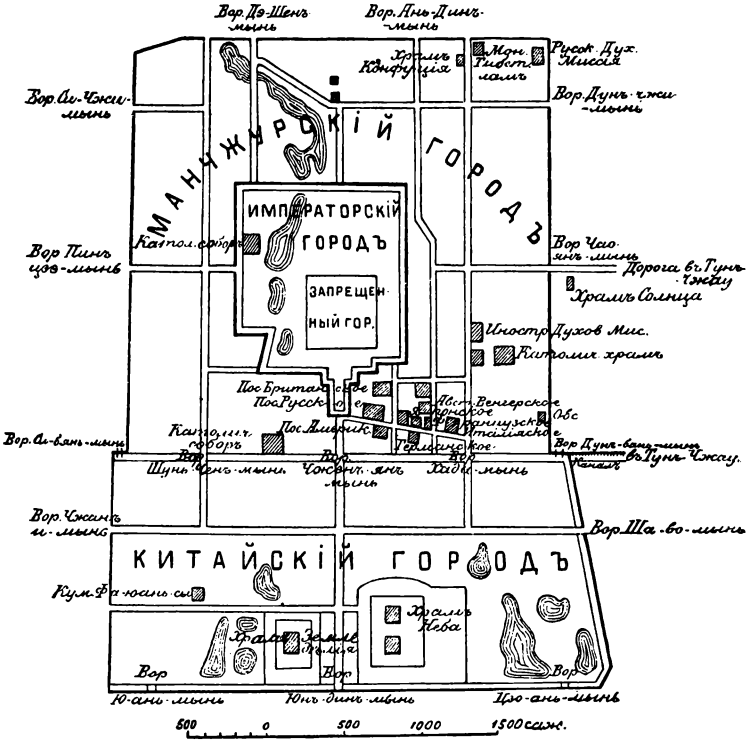
Схема

Великая
Стѣна
Гробницы Минговъ
Восточныя Императорскія гробницы.
Шанъ хай Кванъ
Пекинъ
Тунъ-чеу.
Мань Хань
Запад. Имп. гробницы.
Лань-Фанъ
Хей-хо
Люлай
Синь-линь-тіень
Юнъ-Цинъ
Тянь-Цзинъ
Лейтанскіе форты
Па-чеу
Ланъ-су-ціень
Юнъ-Чень
Іосифовъ
Синь-Чанъ
Ту-лиу
Лю-хо-шень.
Ванъ-шіа-фу
Таку
Печелійскій заливъ
Пао-тинъ-фу
Анъгеу
Мао-гао.
Пафанъ.
Као-Ванъ.
Вень Нганъ Ксьенъ.
Тинъ-чеу.
Ченъ-Тинъ-Фу
Большой Каналъ
Чертъ. А. Орловъ
Масштабъ
S. 36. 24. 12. 0. 48 верстъ.

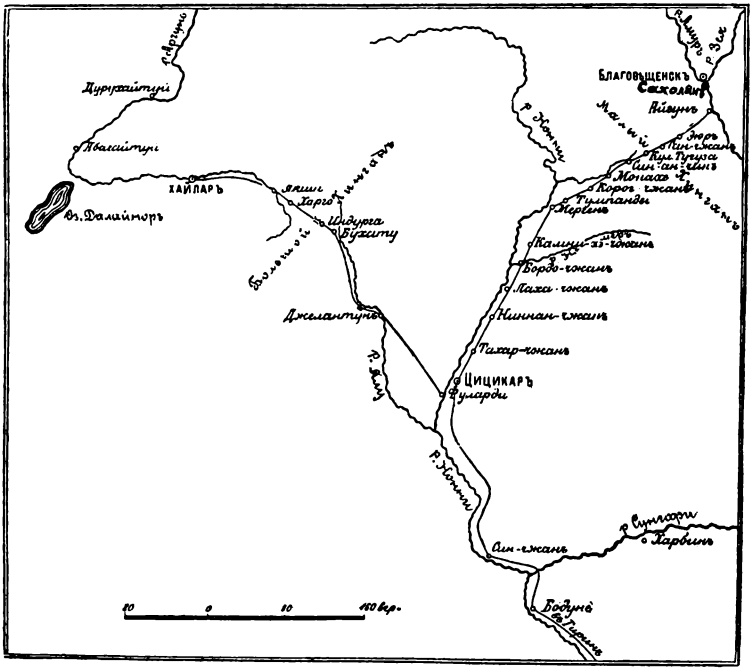
Схема

Пекинъ
Къ Шань-хай-квану
Къ Поотинь-фу
Къ Поотинь-фу
Тунъ-Чеу.
Чанъ-Кіа-Уань
30 іюля
29 іюля
28 іюля
Матеу.
Жанпинь
Мучанъ
27 іюля
Хо-Си-ву
Цзи-Жи
26 іюля
Жанъ-цай-цуно
24 іюля
Яньцуно
Путь союзниковъ
Китайскія позиціи.
Желѣзная дорога.
Масштабъ.
Пекинъ
Цзи-Жи
25 іюля
Сикуу.
Тянъ-Цзинъ
Къ Таку
Яньлеу-цзинь

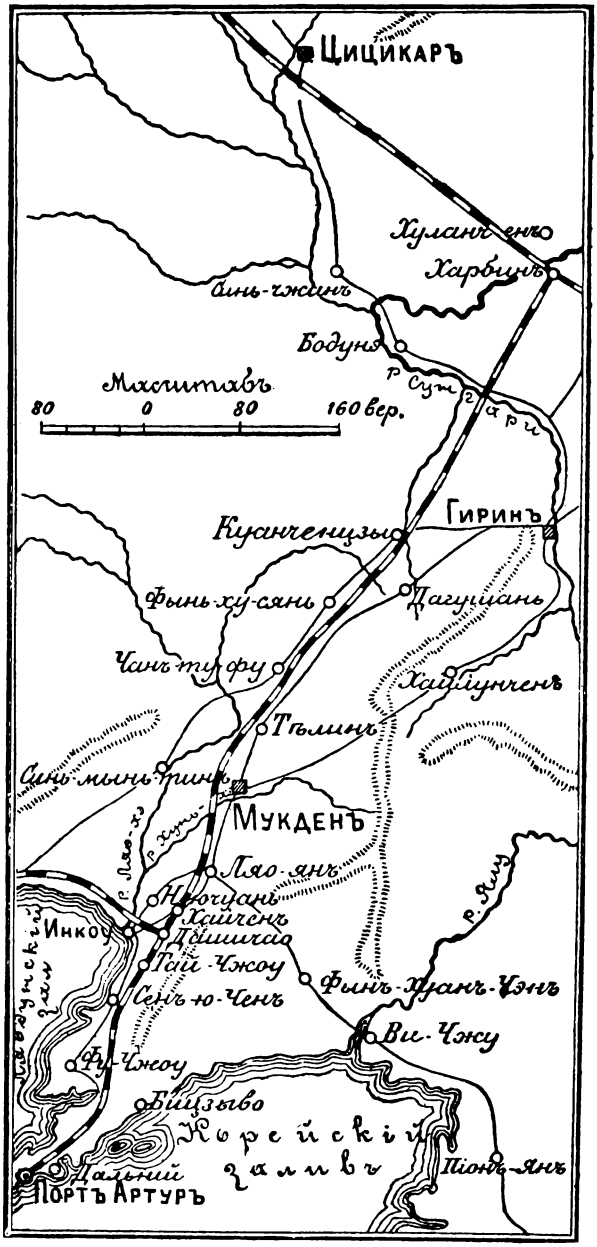
Схема

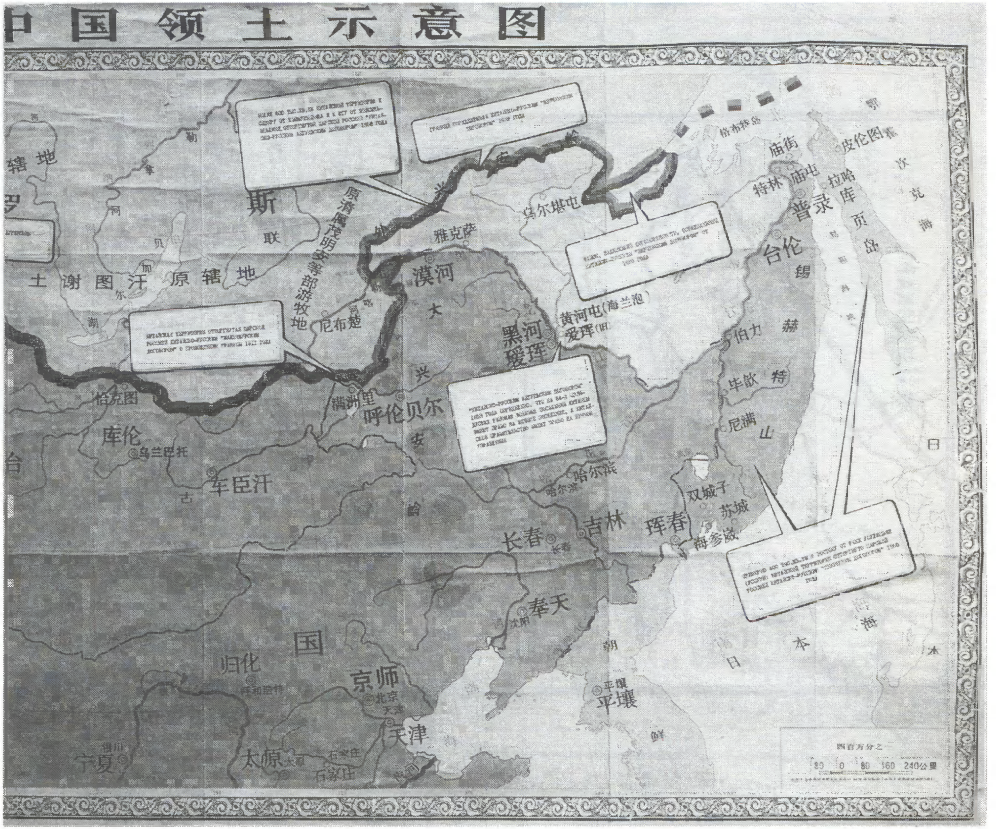

Вор. Де-Шенъ-мынь
Вор. Ань-Динъ-мынь
Храмъ Конфуція
Мон. Гибэтскій
Русск. Духов. Миссія
Вор. Ли-Чжи-мынь
Вор. Дунъ-чжи-мынь
МАНЧЖУРСКІЙ ГОРОДЪ
ИМПЕРАТОРСКІЙ ГОРОДЪ
ЗАПРЕЩЕННЫЙ ГОР.
Вор. Пинъ-цзэ-мынь
Католич. соборъ
Вор. Чао-янъ-мынь
Дорога въ Гунъ-чжоу
Храмъ Солнца
Иностр. Духов. Мис.
Католич. храмъ
Пос. Британское
Пос. Русское
Пос. Венгерское
Пос. Германское
Пос. Французское
Пос. Японское
Пос. Американское
Католич. соборъ
Вор. Ань-вань-мынь
Вор. Дунъ-бянь-мынь
Вор. Шунь-чэнь-мынь
Вор. Чжэнъ-янъ-мынь
Вор. Хата-мынь
Вор. Чжанъ-и-мынь
Вор. Ша-во-мынь
КИТАЙСКІЙ ГОРОДЪ
Кум. Фа-хань-сы
Храмъ Неба
Вор.
Вор.
Вор.
Юн-ань-мынь
Юнъ-динъ-мынь
Цзо-ань-мынь
500 0 500 1000 1500 саж.

Схема

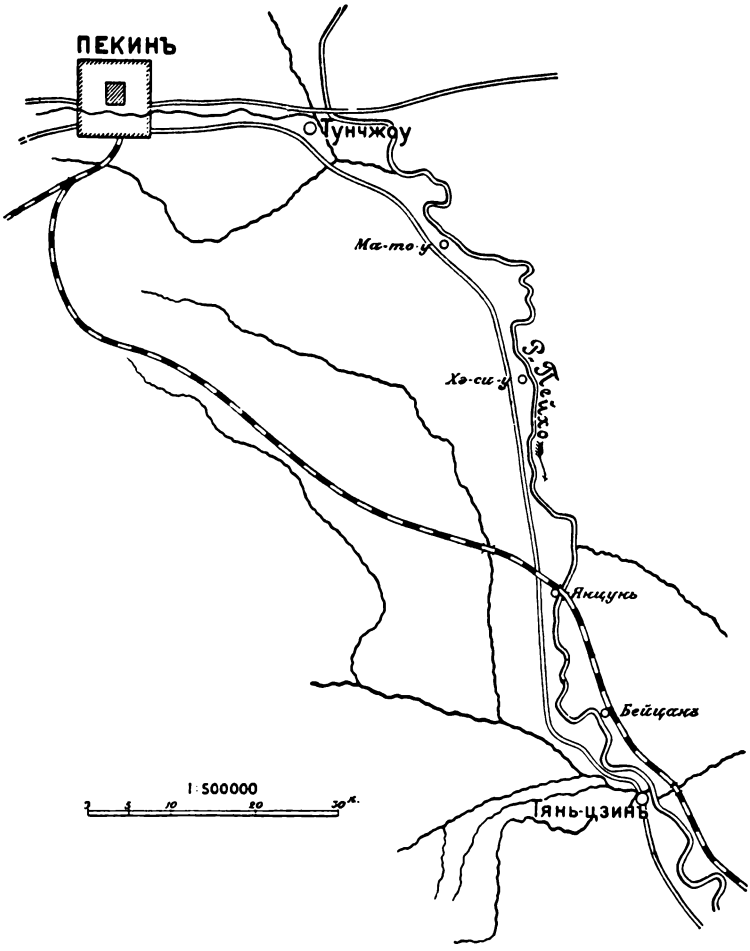

р. Аргунь
Дуругайтуй
Цаган-тун
ХАЙЛАРЪ
Яшки
Харга
Шидурга
Бухиту
оз. Далай-норъ
Большой
Джелантунъ
р. Хайлар
р. Нонни
ЦИЦИКАРЪ
Нулардэ
Тахар-гэкэнь
Нинган-гэкэнь
Лаха-гэкэнь
Бодо-гэкэнь
Камни-из-гэкэня
Мэргень
Румпанды
Коро-гэкэнь
Монахэ
Ган-гэкэнь
Ган-гэкэнь
Тун-гэкэнь
Зюр
р. Амуръ
р. Зея
Благовѣщенскъ
Сахалянъ
Айгунь
р. Нонни
Ган-гэкэнь
р. Сунгари
Харбинъ
Бодунэ
р. Гирин
10 0 10 20 Вер.

Схема

Цицикаръ
Хуланъ-энъ
Харбинъ
Синь-чжинъ
Бодуня
Масштабъ
80 0 80 160 вер.
р. Сунгари
Гиринъ
Куанченцзы
Фынь-ху-сянь
Дагушань
Чанъ-ту-фу
Хайлунчень
Тьлинь
Синь-мынь-тинь
Мукденъ
р. Хунь-хэ
р. Ляо-хэ
Ляо-янъ
Ньючуанъ
Инкоу
Хайчень
Дашичао
Тай-Чжоу
Сянь-ю-Чень
Фынь-хуанъ-Чэнъ
р. Ялу
Ви-Чжу
Чжоу
Бицзыво
Корейскій
заливъ
Тюнь-Янъ
Дальній
Портъ Артуръ

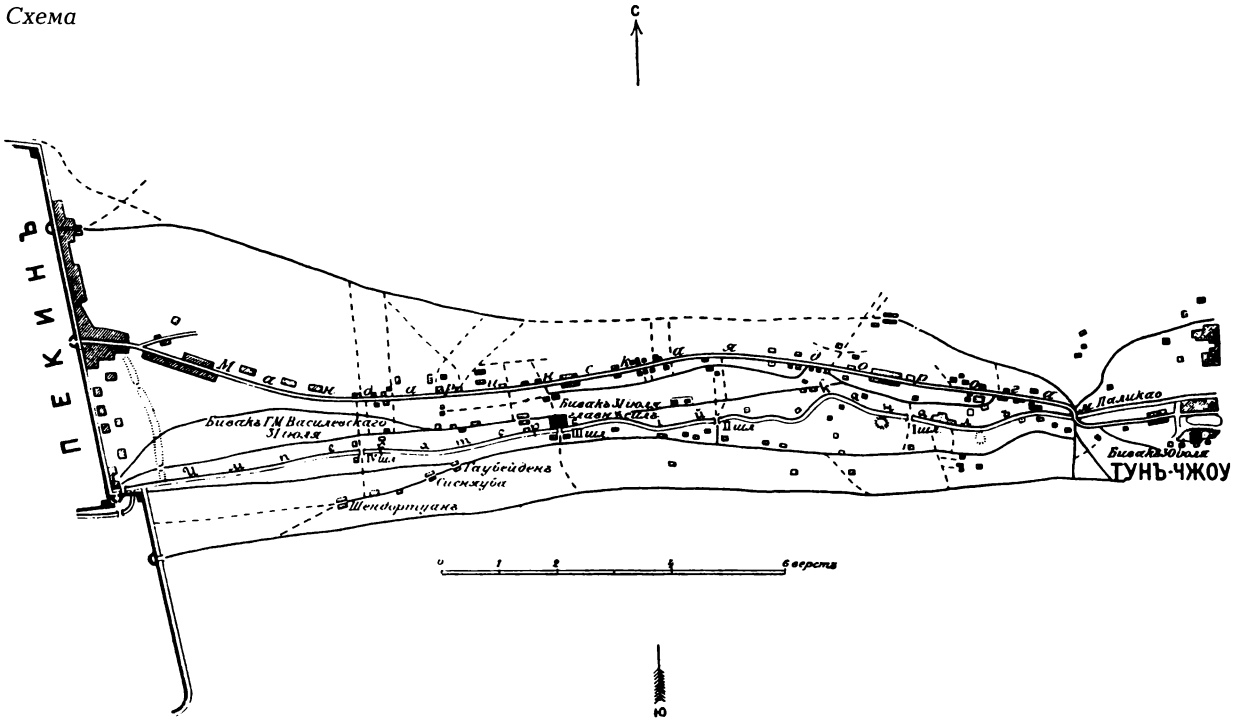

中国领土示意图
斯
联
雅克萨
漠河
大
兴
安
岭
黑河
瑷珲
瑷珲(海兰泡)
呼伦贝尔
满洲里
尼布楚
恰克图
库伦
乌兰巴托
车臣汗
哈尔滨
长春
吉林
珲春
双城子
苏城
每参崴
奉天
京师
北京
天津
归化
呼和浩特
太原
宁夏
平壤
朝鲜
日本
海
乌尔堪屯
庙街
特林庙屯
拉哈苏
普录
台伦
伯力
赫
毕歇特
尼满山
皮伦图
库页岛
鄂
尔
克
海
日
本
海
四百万分之
80 0 80 160 240公里

Схема

К походу в Пекин

Схема

С
ПЕКИНЪ
Маак
Бивакъ ГМ Василевскаго 31 іюля
Бивакъ Миллера
Шиша
Шиша
Шиша

Опасения о возможности перерастания военных действий в Маньчжурии в партизанскую войну не оправдались. Китайские войска были разгромлены, формирования «боксеров» и примкнувшие к ним деклассированные и преступные элементы — хунхузы — скомпрометировали себя грабежами и насилиями по отношению к своему же населению. Социальная база антирусского сопротивления в Маньчжурии была крайне слаба.

Русское военное командование относилось с особым вниманием к местному населению, стараясь избегать лишних жертв. Именно поэтому в некоторых местностях население перед лицом разбойных набегов хунхузов даже поддерживало русское военное присутствие.

Борьба с повстанческим движением в Маньчжурии была осуществлена на достаточно высоком профессиональном уровне. Главным объектом воздействия стало руководство повстанцев. Специальные операции пропагандистского и разведывательного характера позволили склонить лидеров повстанцев к сдаче в плен, что благоприятно сказалось на всем ходе вооруженного подавления китайских повстанческих формирований.

Политическое урегулирование положения в Маньчжурии стояло во главе угла всей деятельности русских войск в регионе. Принципиально важным положением русской политики в отношении Китая в ходе военных действий стало решение не присоединять к себе никакой части Маньчжурии. Понимание этой стратегической линии России в отношении Китая позволило русскому военному командованию на местах правильно ее осуществлять. Сразу после занятия китайских населенных пунктов предпринимались меры по установлению там китайской администрации. Для этого отбирались лояльные к русскому командованию китайские чиновники, которые действовали под контролем и при содействии русского военного командования на местах.

Одним из важных политических итогов военной кампании в Китае 1900—1901 гг. и последующего процесса нормализации обстановки в стране явилось то, что русскому военному командованию и в целом России удалось быстро и эффективно решить свои задачи и не допустить озлобле-

ния населения. В определенном смысле иностранные воинские контингенты (в данном случае — русские войска) сыграли позитивную роль в деле нормализации обстановки в Китае, ликвидации беспорядков и укреплении центральной пекинской власти в стране.

Главным политическим итогом военной кампании в Маньчжурии стало военно-политическое утверждение России в зоне Китайско-Восточной железной дороги. Для обеспечения своих интересов, связанных с этой трассой, Россия пошла на консервацию своего фактического военного контроля над Маньчжурией: в полосе КВЖД — абсолютного, в целом в Маньчжурии — существенного. Не случайно весь этот край получил неофициальное название Желтороссии.

Формально точку в маньчжурской эпопее русских войск поставило подписание 29 марта 1902 года в Пекине русско-китайского соглашения о выводе русских войск из Маньчжурии. От России подпись под документом поставил действительный статский советник Лессар.

В последовавшем на следующий день российском официальном Правительственном сообщении говорилось:

«Внезапно возникшие в 1900 году во всем Китае тяжкие внутренние потрясения, подвергшие опасности императорскую миссию и русско-подданных, вынудили Россию принять решительные меры для ограждения своих государственных интересов. С этою целью, как известно, императорским правительством командирован был значительной силы военный отряд по направлению к Пекину, покинутому богдыханом и правительственными властями, и введены российские войска в пограничную Маньчжурию, куда из Бэйчжилийской провинции быстро распространились беспорядки, выразившиеся в нападении мятежных шаек и войск на русские пределы с формальным объявлением местными китайскими властями войны России.

Тем не менее императорское правительство предупредило правительство богдыхана, что принятие Россией таковых мер отнюдь не имеет враждебных целей против Китая, независимость и неприкосновенность коего положены были в основу русской политики на Крайнем Востоке.

Верная этим началам, Россия, как только миновала непосредственная опасность, грозившая императорской миссии и русско-подданным, ранее всех прочих держав отозвала отряд свой из Бэйчжили и, при первых же признаках восстановления спокойствия в Маньчжурии, заявила о готовности особым соглашением с Китаем установить способ и ближайшие сроки эвакуации этой провинции, конечно, с некоторыми гарантиями временного характера, которых требовало смутное положение дел в упомянутой области.

Заключение такового соглашения затянулось на многие месяцы вследствие тяжелых условий, в кои поставлены были высшие китайские сановники, не решавшиеся, за отсутствием двора, действовать, как подобает представителям вполне независимого государства.

За последнее время, однако, умиротворение Китая сделало значительные успехи. Вслед за подписанием протокола 25 августа (7 сентября) 1901 года богдыханский двор возвратился в столицу; центральная законная власть вступила в свои права; во многих частях империи восстановлены местные административные органы. На первом приеме дипломатического корпуса в Пекине китайская императрица, выразив иностранным представителям благодарность за оказанное державами содействие к подавлению смут, заверила их в непоколебимом решении принять все меры к водворению в стране существовавшего до восстания нормального порядка вещей. В сущности, этим достигалась главная задача, которую Россия поставила себе с минуты возникновения беспорядков в соседней империи. Не преследуя никаких завоевательных целей, императорское правительство, с которым Россия заключила многообразные соглашения, было восстановлено, и, таким образом, по окончании смут, явилась бы возможность продолжения искони дружественных отношений с Китаем.

Имея в виду, что лишь с этими целями были посланы российские войска в пределы Поднебесной империи и что принятыми Китаем письменными обязательствами обеспечивается как сохранение порядка в стране, так и полное возмещение России материальных затрат, вызванных во-

енными действиями в Китае, императорское правительство отныне не видит более надобности к дальнейшему оставлению своих вооруженных сил в пределах соседней территории»[419].

Статья 1-я русско-китайского соглашения от 29 марта 1902 года гласила: «Его императорское величество император всероссийский, желая явить новое доказательство своего миролюбия и дружественных чувств к его величеству богдыхану, невзирая на то, что с пограничных пунктов Маньчжурии сделаны были первые нападения на мирные русские поселения, соглашается на восстановление власти китайского правительства названной области, которая остается составной частью китайской империи, и возвращает китайскому правительству право осуществлять там правительственную и административную власть, как это было до занятия означенной области русскими войсками».

Далее в соглашении определялось: «Русское же правительство ... со своей стороны соглашается, буде не возникнет смут и образ действий других держав тому не воспрепятствует, вывести постепенно все свои войска из пределов Маньчжурии с таким расчетом, чтобы:

А) в течение 6 месяцев по подписании соглашения очистить от русских войск юго-западную часть Мукденской провинции до реки Ляохэ, с передачей Китаю железных дорог;

Б) в течение последующих 6 месяцев очистить остальную часть Мукденской провинции и провинцию Гирин от императорских войск;

В) в течение следующих 6 месяцев вывести остальные русские императорские войска, находящиеся в провинции Хэйлунцзян»[420].

События 1900—1901 гг. в самом Китае в последующем были квалифицированы как прогрессивное, освободитель-

---

[419] Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 156—157.

[420] Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 154—156.

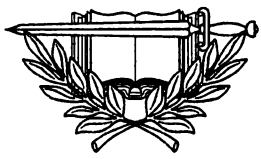
ное движение китайского народа против империалистической агрессии восьми иностранных держав. Этой позиции придерживается и современная официальная китайская историография.

В «Большой китайской энциклопедии: военное дело», изданной в 1989 году, заявляется: «Русские войска, вторгшиеся в Дунбэй (Северо-Восточный Китай), проводили массовые поджоги и убийства. Это подымало героев на сопротивление противнику. В середине декабря все сопротивляющиеся силы в количестве 20 тысяч человек соединились вместе в «Армию храбрых» в составе 40 батальонов под руководством Лю Юнхэ. Применяя тактику маневрирования в районе Тунхуа — Хайлун, они продолжали сопротивление русским. Царская Россия, боясь сопротивления народа Дунбэя и вторжения других государств, в марте 28 года (1902 г.) заключило с Цинским двором «Китайско-русский договор об умиротворении трех восточных провинций», попутно присвоив себе много новых привилегий»[421].

По своему масштабу и значимости события 1900—1901 гг., несмотря на всю неоднозначность их оценок, стали наиболее серьезным и крупномасштабным военным столкновением России и Китая за всю историю их взаимоотношений. После борьбы между Россией и Китаем за Албазин во второй половине XVII века события 1900—1901 гг. можно квалифицировать как второй пик конфронтационности военно-политических отношений двух государств.

---

[421] Чжунго дабайкэ цюаньшу: цзюньши. (Большая китайская энциклопедия: военное дело). Пекин—Шанхай, 1989. С. 193.

ГЛАВА 11
КИТАЙ: МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ

Япония – главный враг

События в Китае 1900–1901 гг., закончившиеся полной военной победой иностранных держав, повлекли за собой серьезные политические изменения на Дальнем Востоке. Западные державы, Россия и Япония, предпринимая в недавнем прошлом успешные совместные военные акции, не могли найти общий язык в ходе политического урегулирования обстановки вокруг Китая. Каждая из держав преследовала свои собственные интересы, которые неизбежно входили в столкновения или даже противоречия с интересами других держав. На Дальнем Востоке зрел новый крупномасштабный военный конфликт, участниками которого вскоре стали Россия и Япония. Китаю, прежде всего его северо-восточной части, суждено было стать ареной прямого военного противоборства этих двух стран.

Еще в 1895 году, задолго до русско-японской войны, русский военный агент в Китае и Японии Генерального штаба полковник Вогак в одном из своих донесений сделал принципиально важный вывод-прогноз: «Я не удивлюсь, если через 10–15 лет японская армия будет отнесена к числу первоклассных. А за этой армией стоит нация, честолюбивая, может быть, даже чересчур, готовая на все жертвы для славы Японии. Одержав победу над Китаем, у них не будет другого стремления, как помериться силами с европейскою

державою, а таковою по самому положению на Дальнем Востоке может быть только либо Россия, либо Англия»[422].

Ровно через 10 лет в соответствии с предсказаниями полковника Вогака Япония действительно решила «помериться силою» с Россией на полях Маньчжурии.

Япония после успешной для себя войны 1895 года с Китаем и «похода» в Китай в 1900–1901 гг. считала Поднебесную империю своей вотчиной. Русское проникновение в Маньчжурию, где строилась КВЖД, расценивалось в Японии как прямой вызов. Русско-японские интересы сталкивались и по целому ряду других позиций, особенно по проблеме Кореи. К началу 1903 года Япония приобрела такое влияние в Китае, что «японская печать уже открыто говорила о возможности формального союза между двумя родственными империями, к которым примкнет и Корея. Созданная же таким путем коалиция Желтых государств должна была, по предположениям японцев, явиться несомненно надежным противовесом для замыслов России на Дальнем Востоке»[423].

Однако Россия не намеревалась уходить из Маньчжурии, увязывая вывод своих войск после событий 1900–1901 гг. с обеспечением определенных гарантий. Их суть сводилась к следующему: «во-первых, обеспечить насколько возможно КВЖД от нового погрома; во-вторых, не допустить иностранцев в местности, нами очищаемые, и, в-третьих, облегчить задачу русским войскам в том случае, если бы им снова пришлось водворять в Маньчжурии тишину и порядок»[424]. Эти вопросы как раз и были предметом переговоров между Россией и Китаем.

---

[422] Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. С. 426.

[423] Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. С. 25.

[424] Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. С. 28.

В сложной военно-политической обстановке на Дальнем Востоке чрезвычайно важным для России было поступление полной и достоверной разведывательной информации о соседних странах. Главная роль в этом отводилась военным агентам.

В 1898 году военным агентом России в Японии вместо генерал-майора Янжула был назначен Генерального штаба полковник Б.П. Ванновский, сын бывшего Военного министра. Вплоть до 1903 года полковник Ванновский оставался в Японии, формируя представление российского военного ведомства об этой стране и ее вооруженных силах. К сожалению, оценки Ванновского не всегда были достаточно достоверными и отличались от информации его предшественников.

В одном из донесений он писал: «Пройдут десятки, может быть, сотни лет, пока японская армия усвоит себе нравственные основания, на которых зиждется устройство всякого европейского войска, и ей станет по плечу тягаться на равных основаниях хотя бы с одной из самых слабых европейских держав. И это, конечно, в том случае, если страна выдержит тот внутренний разлад, который происходит от слишком быстрого наплыва чуждых ее культуре и исторической жизни идей».

На этой записке генерал А.Н. Куропаткин, ставший к тому времени Военным министром, написал: «Читал. Увлечений наших бывших военных агентов японскою армиею уже нет. Взгляд трезвый»[425].

Однако в действительности этот «трезвый взгляд», приветствуемый военным ведомством России, породил многое из того, что в конечном счете определило поражение России в войне с Японией. Недооценка противника имела катастрофические последствия. И все же, несмотря на различие в прогнозах и оценках, российские дипломатические посланники и военные агенты в странах Дальнего Востока не мог-

[425] Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. С. 431.

ли не бить тревогу. Военно-политическая обстановка на рубеже XIX—XX вв. становилась все более взрывоопасной. Для обеспечения своего положения на Дальнем Востоке в России был принят целый ряд мер политического и административного характера.

30 июля 1903 года было создано наместничество, в которое вошли Приамурское генерал-губернаторство и Квантунская область. В Петербурге был сформирован «Особый комитет по делам Дальнего Востока». В Порт-Артуре было образовано «Особое совещание», задачами которого было объявлено: «во-первых, устранить нашу неподготовленность на Дальнем Востоке в военном смысле; во-вторых, исправить или вновь установить нашу финансовую и экономическую политику на том же Востоке; в-третьих, пересмотреть уже выработанные нами гарантии, намеченные для очищения Маньчжурии»[426].

14 июня 1903 года контр-адмирал А.М. Абаза как управляющий делами Особого комитета по делам Дальнего Востока представил на имя императора Николая II проект документа «Основы наших будущих отношений к Японии». В документе прямо указывалось:

«Россия отдает справедливость военным и морским успехам Японии.

Россия готова признать за Японией значительную будущность, если отношения Японии к нам будут правильны.

Россия видит с сожалением, что нынешняя политика Японий, ее союз с Англией, постоянное бряцание оружием, протесты против законных действий России, тенденциозность прессы естественно ведут к противоположным результатам.

Россия принесла большие жертвы деньгами и людьми на Дальнем Востоке. Это было сделано не для одной своей пользы, а для пользы всех народов.

Естественно, однако, что Россия заботится обеспечить возврат процентов на затраченный капитал.

---

[426] Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910, С. 30.

Россия имела бесспорное право объявить Китаю войну в 1900 году вследствие нападения китайцев на Благовещенск, но не только не сделала этого, а даже, по собственной инициативе, заключила договор 26 марта 1902 года. Эти поступки России достаточны, чтобы определить ее миролюбие.

Россия готова довести до конца исполнение договора 26 марта, если этому не воспрепятствуют обстоятельства и образ действий других держав.

Страстное и ничем не оправдываемое отношение Японии к нынешним действиям России может только замедлить исполнение договора 26 марта.

Это же страстное и беспричинное отношение Японии к действиям России препятствует последней с желаемым сочувствием отнестись к жизненным интересам Японии, которые Россия никогда не намеревалась игнорировать.

При искренно доказанном желании Японии поддерживать хорошие отношения с нами, Россия будет готова признать безусловное водворение Японии в Корее.

Границы японской Кореи могли бы быть определены по водоразделу бассейна Тумань-Улы к северу и по водоразделу бассейна Ялу к западу.

Северный и западный склоны этих водоразделов входят в пределы русских концессий, на которых русские люди уже начали проявлять деятельность, а следовательно, эти области должны остаться в русских руках.

При таком широком признании Россией стремлений Японии должно воцариться полное согласие, так что укрепление японцами берегов Кореи должно быть произведено лишь в таких пунктах, где укрепления эти будут служить против общих врагов России и Японии, а следовательно, по соглашению этих двух держав между собою.

Экономическое водворение России в Маньчжурию, рядом с водворением Японии в Корее, создаст общность торгово-промышленных интересов и облегчит обеим державам установление добрых соседских отношений к обоюдной выгоде.

Тон наших переговоров с Японией должен быть всегда любезный, но спокойный и твердый, без тени заискивания.

Можно начать говорить с Японией о Корее, как только посланные бригады дойдут до Забайкалья»[427].

Во второй половине 1903 года между Россией и Японией состоялся целый тур дипломатических переговоров, в ходе которых фактически шел военно-политический торг вокруг будущего Кореи и Маньчжурии. Японский проект был более радикальным и предусматривал «обоюдное признание преобладающих интересов Японии в Корее и специальных интересов России в железнодорожных предприятиях в Маньчжурии». Япония и Россия оговаривали права посылать свои войска в случае необходимости соответственно в Корею и Маньчжурию.

Русский проект соглашения был посвящен в основном статусу Кореи, точнее — ограничению японских амбиций в этом регионе мира. Документ предусматривал «взаимное обязательство не пользоваться никакой частью Корейской территории для стратегических целей и не предпринимать на берегах Кореи никаких военных работ, могущих угрожать свободе плавания в Корейском проливе; взаимное обязательство считать часть территории Кореи, лежащую к северу от 39-й параллели, нейтральной полосой, в которую ни одна из договаривающихся сторон не должна вводить войск».

Статья 7-я русского проекта предусматривала «признание Японией Маньчжурии и ее побережья во всех отношениях вне сферы ее интересов»[428].

21 июня 1903 года член Особого комитета по делам Дальнего Востока статс-секретарь А.М. Безобразов в докладной записке на имя императора Николая II сформулировал главную цель японских военно-политических усилий в Корее: «Качественная цель у японцев ясна: они рассчитывают упрощенным, кратчайшим способом сперва разорить страну, затем воспользоваться народным восстанием,

---

[427] Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича с предисловием М.Н. Покровского. Л., 1925. С. 145.

[428] Русско-японская воина 1904—1905 гг. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. С. 33—37.

чтобы ее обезлюдеть, а потом заселить своими выходцами, т.е. сперва ограбить народ, а затем его убить».

Далее А. Безобразов делал вывод: «Военные приготовления японцев в Корее имеют целью не только занять страну, но сделать из нее обеспеченный плацдарм для действий на континенте против России. Японцы в своем национальном самомнении нисколько не останавливаются перед мыслью вытеснить нас со временем из Маньчжурии и стать во главе желтокожей расы. Поэтому нельзя надеяться, чтобы они успокоились, удовлетворяясь занятием части или всей Кореи.

Если бы японцам удалось занять северную Корею и укрепиться в бассейнах Ялу и Тумань, то их военное положение на полуострове было бы очень сильное. Под охраной такого надежного заслона они всегда могли бы отстоять свои позиции и удобно перейти в наступление против нас.

Наоборот, если эти стратегические позиции будут заняты нами, то все выгоды положения перейдут на нашу сторону.

Насколько отчетливо сознается в Японии вообще огромное значение, какое имеет для ее завоевательных целей на континенте обладание северной Кореей и бассейнами Ялу и Тумань, сказать трудно, но кажется, что в военных сферах это понимание там лучше, нежели у нас.

Военное значение северной части Кореи имеет свое историческое прошлое, и только благодаря этой географической своей охране Корейское государство могло в разное время успешно бороться с иноземным вторжением. Непроходимость северной части страны охранялась в Корее законом и блюлась корейцами. С этой непроходимостью пытались бороться китайцы, построившие свою побережную Мандаринскую дорогу с целью поддержания в крае своего господства. Этою же дорогой пользовались японцы для действий против Китая, и теперь еще эта дорога считается главным путем для их наступления на север со стороны их ближайшей базы Пхеньян-Гензан»[429].

23 июля 1903 года А. Безобразов вновь написал докладную записку на имя императора, в которой вновь привлек

[429] Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича с предисловием М.Н. Покровского. Л., 1925. С. 149.

его внимание к ситуации на Дальнем Востоке и политике России в отношении Японии: «В военно-политическом отношении Дальний Восток находится еще в том периоде, когда требуется интенсивная борьба для утверждения там нашей государственности. Борьба эта имеет конечной целью создание на Дальнем Востоке нашей гегемонии, без которой нам не совладать ни с желтокожей расой, ни с враждебным для нас влиянием наших европейских соперников. Для этого нам следует объединить наши военно-политические силы в одних ответственных руках, чтобы иметь возможность выработать план действий и энергично привести его в исполнение.

Особенность нашего положения на Дальнем Востоке, а именно:

а) что главный наш противник есть морская держава (Япония);

б) что два наших опорных пункта суть приморские крепости;

в) что наши владения имели значительную береговую полосу со слабой охраной;

г) что военные операции наши на Дальнем Востоке будут иметь характер совместного действия флота с армией, причем умелое пользование флотом требует специальной подготовки, — все это заставляет желать, чтобы личность наместника стояла в служебном отношении близко к нашему флоту»[430].

Однако Япония имела свою четкую стратегию как в отношении России, так и в отношении всего Дальневосточного региона. 6 августа 1903 года в японских газетах появился англо-японский проект «мирного решения маньчжуро-китайского вопроса». Он имел резко антирусскую направленность и предусматривал выполнение пяти пунктов:

«1. Заставить Россию формально возвратить Маньчжурию Китаю;

2. Заставить Китай открыть все важнейшие города Маньчжурии;

---

[430] Печ. по: Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича с предисловием М.Н. Покровского. Л., 1925. С. 153.

3. Заставить Россию вывести все войска из Маньчжурии, разрешив русским содержать на железной дороге лишь известное количество сторожей;

4. Заставить Россию отказаться от лесопромышленной концессии на Ялу и от арендования участков в Ионампо;

5. Заставить Россию признать всю область к югу от Ялу сферой исключительно влияния Японии»[431].

Японские приготовления к войне с Россией не ограничивались только дипломатическими и пропагандистскими акциями. Наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев доносил в столицу, что «японские агенты-шпионы, наводняющие Маньчжурию и несомненно оплачиваемые правительством, направляют свою деятельность к восстановлению против нас китайских властей и населения; что власти эти, в особенности мукденский цзянцзюнь, уже приняли по отношению к нашим представителям прямо враждебный тон; что японцы, как видно из донесений, идущих из Кореи, угрожают намерением высадить войска на Корейском полуострове и занять устье р. Ялу»[432].

30 декабря 1903 года адмирал А.М. Абаза в депеше Е.И. Алексееву сформулировал «в простом русском изложении, без дипломатических уверток» взгляд российского императора по проблеме российско-японских взаимоотношений. По вопросу о Китае в документе отмечалось: «О Маньчжурии не допускать разговора ни с японцами, ни с кем другим. Это дело касается исключительно Китая и России. При этом, однако, Россия готова признавать торговые интересы Японии и всех наций как можно шире и свободнее, но под русскою эгидою и без сеттльментов»[433].

---

[431] Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. С. 41.

[432] Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. С. 42.

[433] Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича с предисловием М.Н. Покровского. Л., 1925. С. 49.

В январе 1904 года, после долгих и безрезультатных консультаций и переговоров, между Россией и Японией началась война. 27 числа того же месяца вышел Высочайший манифест российского императора, в котором говорилось о «повелении вооруженной силой ответить на вызов Японии».

30 января Китай объявил о своем нейтралитете, однако это не означало, что китайское правительство гарантировало невмешательство китайских войск в русско-японское столкновение. К началу XX века ситуация в российско-китайских отношениях резко осложнилась. Наметившееся в прошлом сближение двух стран-соседей сменилось враждебностью 1900—1901 гг., оккупацией Маньчжурии, интригами Англии и Японии, что «решительно отклонило Китай от веками установившихся добрососедских отношений к России»[434].

Обстановка осложнялась еще и тем, что в Печилийской провинции на границе с Маньчжурией стояли 10-тысячный отряд китайского генерала Ма и 50-тысячное войско Юань Шикая, которые в любой момент могли выступить на стороне Японии. Это вынуждало русское военное командование держать в ходе войны с Японией соответствующие силы и средства на правом фланге для сдерживания возможных действий китайских войск. Этой группировке китайских войск приходилось уделять повышенное внимание и российской военной разведке. Агентура из числа китайцев доносила о наличии там 100-тысячного войска Ма и Юань Шикая, что считалось явно завышенным показателем.

Для выявления состава и дислокации китайских войск, а также планов китайского командования в этот район было направлено несколько агентов из числа подготовленных офицеров и нижних чинов. В конце марта 1904 года, в частности, туда в качестве датского корреспондента и бизнесмена был направлен штабс-капитан Россов, знавший китайский язык. В апреле тайную разведку китайской груп-

---

[434] Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. С. 83.

пировки войск под видом русского купца вел есаул Уральского казачьего войска Ливкин[435].

Сложившаяся на Дальнем Востоке ситуация с самого начала была не в пользу России. Не имевшая политических союзников, не подготовленная к войне на своей дальней окраине, Россия в конечном счете потерпела сокрушительное поражение в войне с Японией.

25 мая 1905 года генерал-адъютант А. Куропаткин, командующий 1-й Маньчжурской армией, с горькой иронией скажет: «К оценке сил нашего противника мы от одной крайности перешли ныне к другой. До войны и в начале ее мы преступно уменьшали силы Японии, доверяя донесениям недобросовестных, близоруких или ленивых наших агентов и дипломатов; почти все они доносили, что японские войска к серьезной борьбе большими массами не подготовлены. Презрительная кличка «макаки» твердо установилась за японцами. Флот наш в Тихом океане еще перед самой войной считался непобедимым японцами, и это положение было поставлено краеугольным камнем нашего плана войны. Действительность очень скоро разрушила наши иллюзии. Но затем мы перешли к чрезмерному преувеличению сил нашего противника»[436].

Военные действия между Россией и Японией велись на территории третьей страны — Китая. Политические, экономические и военные издержки войны несли сами участники военного конфликта, однако и ущерб Китая от войны был немалым. Формально Китай сохранял свой нейтралитет, но сам ход военных действий, логика войны неизбежно втягивали и его в русско-японское противостояние. Это касалось прежде всего местных властей и населения Маньчжурии, которые так или иначе не могли быть нейтральными по отношению к войне у себя в доме. Положение усугублялось также и тем, что как Япония, так и Россия пытались использовать в своих целях местное население, его настроения и симпатии.

---

[435] РГВИА.Ф. ВУА. Д. 29090. Т. 1. Л. 1–15 (об.).

[436] Печ. по: Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича с предисловием М.Н. Покровского. Л., 1925.

«Китайский фактор» в разведке

Одной из важнейших сфер военно-политической активности России и Японии в регионе, в которую широко была втянута китайская сторона, являлась разведка.

По существовавшим в то время в российской армии положениям, разведка делилась на дальнюю и ближнюю.

Дальняя разведка имела своей целью добывание военно-политической информации стратегического (оперативного) характера в мирное время — о вероятном противнике и его потенциальных союзниках, в военное время — о реальном противнике и его союзниках. Как правило, она велась в мирное время российскими военными агентами (военными атташе) или их помощниками в соответствующих странах. В своей работе последние привлекали тайных агентов из числа местного населения, из которых создавалась сеть по сбору и передаче разведывательной информации адресату. В военное время предусматривались переход военных агентов (военных атташе) в разведывательное отделение штаба главнокомандующего российскими войсками на ТВД и передача всей тайной сети местных агентов под контроль разведывательного отделения штаба.

Ближняя разведка имела целью добывание военной информации тактического (оперативного) характера в интересах обеспечения военных действий в ходе войны. Она организовывалась разведывательными отделениями штаба главнокомандующего, разведывательными отделениями штабов командующих группировками войск и иными органами. В свою очередь, ближняя разведка делилась на войсковую — осуществляемую силами разведывательных подразделений войск на поле боя, и тайную разведку посредством лазутчиков — за счет привлечения местного населения и/или военнослужащих противника для сбора разведывательных сведений.

Таким образом, как дальняя, так и ближняя разведка, по существовавшим в России представлениям, должна была вестись с широким привлечением тайных агентов (шпионов) из числа местного населения. Однако, как показал опыт начала и неудачного хода русско-японской войны, практика

организации и ведения разведки русским военным ведомством на Дальнем Востоке оставляла желать лучшего.

Российское военное командование полностью игнорировало необходимость заблаговременной подготовки кадров агентов из числа китайцев — жителей Маньчжурии. Никакой предварительной работы в этой области до войны практически не велось. Не случайно уже с первых месяцев русско-японской войны русское военное командование столкнулось с множеством трудноразрешимых проблем.

Организация дальней разведки в начале войны была сосредоточена в штабе Наместника на Дальнем Востоке, которому непосредственно подчинялись российские военные агенты в Китае. Сведения о противнике, сообщаемые военными агентами, доставлялись в штаб армии через штаб Наместника адмирала Е.И. Алексеева. По расформировании штаба Наместника и с подчинением военных агентов в Китае новому главнокомандующему генерал-адъютанту А.Н. Куропаткину сведения от военных агентов сосредоточивались в штабе главнокомандующего.

В непосредственном распоряжении российской Маньчжурской армии с начала войны для ведения дальней разведки состоял российский военный агент в Корее Генерального штаба полковник А.Д. Нечволодов, который получил назначение на эту должность накануне войны, но не успел доехать к новому месту службы.

В конце июня 1904 года организация дальней разведки на всем фронте Маньчжурской армии была поручена Генерального штаба генерал-майору В.А. Косаговскому. На эти цели ему выделялся аванс в размере 50 тысяч рублей. Помимо обязанностей, связанных с ведением разведки против японской армии, генерал Косаговский был назначен командиром (командующим) Сибирской казачьей дивизии. Предполагалось, что эта дивизия будет вести разведку противника на всем обширном фронте соприкосновения сторон.

В распоряжение генерал-майора Косаговского были назначены состоявший при разведывательном отделении капитан 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Нечволодов, Генерального штаба полковник А.Д. Нечволодов,

подполковники Потапов и Панов и капитан Одинцов, а также переводчик европейских языков при разведывательном отделении, служащий Пекинского отделения русско-китайского банка Р.И. Барбье[437].

Силы и средства дальней разведки, хотя и крайне ограниченные по своим масштабам и эффективности, все-таки давали ценную информацию русскому военному командованию на ТВД, непосредственно главнокомандующему.

Главными задачами российской дальней разведки в отношении Японии считались:

«1. Мобилизация в Японии;

2. Призыв в Японии людей всех контингентов запаса и новобранцев;

3. Формирование новых резервных и полевых частей;

4. Учет отплывающих из Японии подкреплений в Маньчжурию и в Корею, места их высадки и назначения;

5. В общих чертах политическое, экономическое и финансовое положение Японии и Кореи»[438].

К ведению дальней разведки были привлечены, в частности, представитель российского Министерства финансов, член Правления русско-китайского банка в Пекине действительный статский советник Давыдов, служащий русско-китайского банка Фридберг, бывший российский посланник в Корее действительный статский советник Павлов, российские консулы в Чифу и Тяньцзине надворные советники Тидеман и Лаптев. Ими в тайную деятельность в интересах русской военной разведки были вовлечены высокопоставленные японские лица, французские, германские, швейцарские подданные (в основном, журналисты и бизнесмены), а также, естественно, китайцы.

В частности, Давыдов лично посылал китайцев-разведчиков в Маньчжурию, поручая им «сверх сбора сведений о противнике, наносить вред в тылу неприятеля посредством поджогов его складов, порчи железных дорог и прочее»[439].

---

[437] Цит. по: Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. Документы. Составитель И.В. Деревянко. М., 1993. С. 160.

[438] РГВИА.Ф. ВУА. Д. 29090. Т. 1. Л. 16–56 (об.)

[439] РГВИА.Ф. ВУА. Д. 29090. Т. 1. Л. 16–56 (об.).

С апреля 1904 года дальняя тайная разведка при разведывательном отделении штаба Маньчжурской армии находилась в ведении капитана Нечволодова, который продолжительное время был помощником бывшего военного агента в Китае генерал-майора Вогака и долго служил на Дальнем Востоке.

С началом военных действий усилия российской дальней разведки стали дополняться деятельностью ближней разведки. Главным видом ее являлась с самого начала тайная разведка (посредством лазутчиков). Однако первоначально, вплоть до поражения русских войск под Мукденом в феврале 1905 года, ближняя разведка посредством привлечения китайцев велась силами разведывательных отделений штабов объединений и соединений русских войск на поле боя. И только затем ближней разведкой посредством лазутчиков стало заниматься также разведывательное отделение штаба главнокомандующего.

С февраля 1905 года и до конца войны руководство тайной разведкой — но уже ближней разведкой — в штабе главнокомандующего было возложено на штабс-капитана Блонского, владевшего китайским языком.

По мере развития военной ситуации в Маньчжурии совершенствовалась деятельность российской тайной разведки против Японии. Эта деятельность осуществлялась силами разведывательного отделения штаба главнокомандующего, разведотделений штабов 1-й, 2-й, 3-й Маньчжурских армий, Приамурского военного округа и силами российского военного комиссара Мукденской провинции полковника Квецинского, штабами корпусов, отдельных отрядов и передовой конницей, а также штабом Заамурского округа пограничной стражи.

Привлечение китайского населения для ведения разведки. Отношение местного китайского населения к русским и японским войскам находилось под пристальным вниманием разведок обеих сторон. По оценкам разведывательного отделения штаба главнокомандующего, «китайцы относились к воюющим сторонам в общем безразлично, осторожно выжидая результатов борьбы и на чью сторону склонится успех, перед которым китайцы, как все

азиаты, преклоняются беспрекословно. Так как в течение войны счастье неизменно оставалось за японским окружением, то большинство китайцев, в особенности чиновничество под давлением Пекина, а местное население скорее из страха, чем из-за симпатий, были на стороне японцев»[440].

Аналогичные оценки отношения местного китайского населения к русским и японским войскам содержатся в труде «Русско-японская война 1904–1905 гг.», опубликованном Военно-исторической комиссией по описанию русско-японской войны в 1910 году: «Отношения китайцев к русским людям, если и не носили на себе признаков открытой враждебности, зато не отличались и дружелюбием. Впрочем, деньги в Китае, как и всюду, являлись могучей силой, и ради них китаец готов был всегда оказать нам содействие, хотя бы последнее и противоречило его государственным и политическим стремлениям... В отношениях же китайцев к японцам чувство принадлежности к одной и той же расе и чувство общей неприязни к европейцам вообще, а к русским в частности, не играли, по-видимому, никакой особенной роли. Если китаец и помогал своему желтолицему соседу, то скорее всего из-за тех же денег или же из чувства страха перед жестоким и неумолимым японцем»[441].

Местное китайское население на протяжении всей войны активно вербовалось российской и японской разведками и привлекалось для выполнения различных специальных задач в тылу противника. Только китайцы-шпионы под видом местных жителей, торговцев или слуг могли проникать в расположения воинских частей, общаться с военнослужащими, следить за перемещениями войск. Именно поэтому хорошо подготовленный разведчик из числа китайцев был на вес золота. Успехи японской стороны в этой области по целому ряду причин на протяжении всей войны были значительно внушительнее российских. Огромным преимуществом японцев была внешняя этническая схожесть с китай-

[440] РГВИА.Ф. ВУА. Д. 29090. Т. 1. Л. 16–56 (об.).

[441] Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. С. 122.

цами, что позволяло им засылать в тыл русских войск своих офицеров, переодетых в китайское платье.

С началом русско-японской войны русская тайная разведка посредством привлечения китайцев не имела успеха. Причинами этого, как отмечается в отчете № 1 «О деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии», являлся целый ряд моментов:

«1. Не было подготовленных заранее сведущих агентов.

2. Агенты из китайцев были исключительно временны и вовсе не заинтересованы в своем деле, да вдобавок их было весьма мало.

3. Вследствие постоянства успеха, сопровождавшего японское оружие, агенты-китайцы боялись предлагать нам свои услуги, тем более что японцы расправлялись с беспощадной жестокостью со всеми китайцами и их родственниками, которых подозревали в сношениях с русскими»[442].

О тех же проблемах, в частности, в рапорте на имя генерала Косаговского докладывал еще в июле 1904 года подполковник Панов:

«Доношу Вашему Превосходительству, что за отсутствием заблаговременно подготовленных китайцев-разведчиков, несмотря на предлагаемые вознаграждения, нанять таковых до сих пор, т.е. с 9 по 31 сего июля, не удалось... Дальнейшие попытки найти подходящих верных людей из китайцев в районе Ташичао, Хайчен, Ляоян, Инкоу, Ючжуан успехом не увенчались. Китайцы или совершенно отказываются служить даже на самых выгодных предложенных условиях, или же, согласившись, уходят при первых выстрелах или при первом даваемом поручении...

Таким образом, установить сеть шпионов-наблюдателей, имея таковых в оставленных нами или могущих быть оставленными селениях, не удалось, отчасти вследствие отсутствия преданных и заблаговременно подготовленных жителей-китайцев, отчасти вследствие боязни, а может быть, нежелания нам служить в ущерб японцам»[443].

---

[442] РГВИА.Ф. ВУА. Д. 29090. Ч. 1. Л. 1–15 (об.).

[443] РГВИА.Ф. ВУА. Д. 29090. Ч. 1. Л. 65–66.

Далее в своем рапорте подполковник Панов, пытаясь найти эффективные способы вербовки китайцев, предложил внедрить целую систему самых жестоких мер. Он отмечал: «Считаю долгом доложить, что, мне кажется, решительная, правда, довольно жестокая мера, которая, может быть, заставит китайцев-жителей помогать нам по части сбора сведений, заключается в том, чтобы в больших селениях брать в качестве заложников членов семьи, каких-либо двух-трех богатых или влиятельных на окружающее население фамилий. От глав этих фамилий потребовать, чтобы они сами за вознаграждение, которое будет выдаваться нами, высылали своих шпионов и доставляли нам необходимые сведения. Вместе с тем главам семейств заложников внушить, что неверные сведения будут считаться заведомо ложными и тяжко отражаться на заложниках. Напротив, верные и своевременные сведения сразу же избавят их от тяжелого положения. Мера эта жестока и несправедлива, быть может, но она должна дать самые хорошие результаты, так как китаец пойдет на все, лишь бы выручить семью»[444].

О возможности и высокой эффективности таких методов работы с агентурой из числа китайцев, по мнению подполковника Панова, свидетельствовали успехи японского военного командования, которое «прибегало именно к этой жестокой мере и, по видимым признакам, особой ненависти со стороны китайцев к себе не возбудило»[445]. Однако, как отмечалось впоследствии в одном из отчетов о деятельности разведотделения штаба Главнокомандующего, «взятие заложников и крайняя суровость за обман до конца войны не имели у нас места. Японцы, насколько известно, широко применяли эти два средства, и с пользой»[446].

Положение с подбором (вербовкой) китайской агентуры для ведения тайной разведки в интересах российских войск еще более осложнилось в феврале 1905 года после поражения русской армии под Мукденом. В отчете № 2,

---

[444] РГВИА Ф. ВУА. Д. 29090. Ч. 1. Л. 65–66.
[445] РГВИА.Ф. ВУА. Д. 29090. Ч. 1. Л. 65–66.
[446] РГВИА.Ф. ВУА. Д. 29090. Ч. 1. Л. 16–56 (об.).

озаглавленном «Деятельность разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем», отмечалось:

«Мукденские события настолько сильно повлияли на впечатлительные умы китайцев, что почти все старые разведчики разбежались, а новых нельзя было подыскать, так как китайцы даже за крупное вознаграждение не решались поступать на нашу службу тайными агентами из-за боязни японцев, беспощадно и жестоко расправлявшихся со всеми туземцами, подозреваемыми в каких-либо сношениях с русскими»[447].

Помимо привлечения к агентурной работе (тайной разведке) китайцы использовались в интересах разведывательных отделений русских войск и в качестве переводчиков. Однако такие переводчики считались «малонадежным элементом», так как нередко именно они являлись главными информаторами японского военного командования о наших войсках. Кроме того, эти переводчики, набранные из числа служивших ранее при русских гражданах в качестве слуг, приказчиков, подрядчиков местных китайцев, нередко злоупотребляли своим служебным положением во вред местному населению. Их поведение приводило русские воинские части к конфликтам с местным населением, лишая наши войска необходимой поддержки китайского населения в зоне боевых действий.

Китайцы на службе российской тайной разведки. Несмотря на неудачи и трудности объективного и субъективного порядка, российской тайной разведкой в Маньчжурии были достигнуты и определенные успехи. Главным и наиболее значимым успехом в этом явилась деятельность китайского купца на русской службе Тифонтая и сформированного им разведывательно-партизанского отряда «Пинтуй» (девиз: «Все сбивающий перед собой»).

Тифонтай явился одной из самых ярких фигур русской военной разведки в период войны с Японией. Будучи искренне предан России, он являлся выразителем тех кругов в Китае, которые с недоверием и враждебностью относи-

---

[447] РГВИА.Ф. ВУА. Д. 29090. Ч. 1. Л. 16–56 (об.).

лись к Японии, которые близко к сердцу восприняли поражение Китая в войне с Японией в 1895 году. Тифонтай имел обширные деловые и личные связи по всей Маньчжурии. Его торговые агенты помимо своих непосредственных обязанностей активно привлекались для сбора разведывательных сведений в тылу японской армии.

Именно Тифонтаю принадлежала идея создания специального партизанского отряда, укомплектованного китайцами и с китайским полковником Чжан Чжэнюанем во главе. 16 мая 1905 года с этой инициативой он обратился к генерал-квартирмейстеру при Главнокомандующем русскими войсками в Маньчжурии генералу В.А. Орановскому. По его словам, полковник Чжан Чжэнюань был «всей душой предан русским» и обладал «в высшей степени хорошим умом, железной энергией и предприимчивостью».

Купец Тифонтай предлагал создать отряд численностью в 500 «конных хунхузов», поставив перед ними цель — «беспокоить тыл неприятеля, делать внезапные набеги, жечь склады, портить японский телеграф и железную дорогу, производить разведку».

Предложение китайского купца было поистине уникально. Понимая скудость ресурсов русского военного командования, он гарантировал оплату жалованья отряду из своего кармана в течение 3 месяцев, прося лишь о выделении 400 винтовок для вооружения отряда. В случае, если этот опыт был бы признан успешным, Тифонтай надеялся на возмещение своих расходов со стороны русской казны. Если бы деятельность отряда была неоправданной, Тифонтай обещал его расформировать и нести самолично все связанные с этим проектом расходы[448].

31 мая 1905 года русским военным командованием предложение китайского купца было принято. Уже 10 июня китайский отряд был сформирован и выступил в район левого фланга русских войск.

Численность отряда составила 500 человек, которые были разделены на три «сотни» — одна — 100 человек, две — по 200 человек. Основной контингент завербованных в отряд

[448] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 29090. Ч. 2. Д. 144–145.

солдат составили бывшие китайские военнослужащие и хунхузы. Командиром отряда был китайский полковник Чжан Чжэнюань, при котором находились представитель русского военного командования (сначала штабс-капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Блонский, затем — поручик 35-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Суслов) с разъездом в 10 человек и два фельдшера.

Сильными сторонами отряда «Пинтуй» по сравнению с разведывательными войсковыми формированиями русских войск являлись: знание местности и умелое ориентирование на ней; владение местным языком; родственные связи в районе боевых действий и за его пределами; поддержка местного населения. Это способствовало успешному ведению разведки китайским партизанским отрядом.

Слабым местом отряда являлся низкий уровень боевой и специальной подготовки его личного состава, не знакомого со спецификой ведения разведки и выполнения других специальных задач в тылу противника.

С учетом удачного опыта действий отряда «Пинтуй» в русской армии было создано еще несколько партизанских формирований, укомплектованных китайцами. Однако вскоре эта деятельность была свернута, и было признано, что «туземные отряды в общем не оправдали возлагавшихся на них надежд по разведке и сколько-нибудь ценных сведений о противнике не дали»[449]. К концу августа 1905 года они были распущены.

Другим примером высокого уровня эффективности в ведении тайной разведки с привлечением китайского населения явилась деятельность военного комиссара Мукденской провинции полковника Квецинского. В его непосредственном подчинении находился особо назначенный офицер Генерального штаба (сначала причисленный к Генеральному штабу капитан Михайлов, а впоследствии — Генерального штаба капитан Сапожников).

Будучи представителем русской власти в Маньчжурии, полковник Квецинский имел возможность вступать в контакты с различными должностными лицами администрации

[449] РГВИА.Ф. ВУА. Д. 29090. Т. 1. Л. 16–56 (об).

Мукденской провинции и получать от них необходимую информацию военно-политического характера о японцах. С той же целью им и его помощниками использовались и специально нанятые и подготовленные китайцы-разведчики.

Подготовка китайцев-разведчиков осуществлялась в специально созданной полковником Квецинским разведывательной школе, основанной в марте 1905 года в Мукдене[450]. Однако уже через три месяца русская разведшкола была закрыта.

Китайцы на службе японской разведки. С самого начала военных действий на Маньчжурском ТВД русские войска столкнулись с заблаговременно хорошо организованной разведывательно-диверсионной сетью японцев. Еще задолго до войны вся Маньчжурия и Уссурийский край были буквально наводнены японскими шпионами, которые проживали там под видом торговцев, парикмахеров, прачек, содержателей гостиниц, ресторанов, публичных домов. Британский полковник Дж. Халдейн, профессионал в области разведки, впоследствии отмечал:

«Основополагающей чертой японской разведывательной системы является тщательная подготовка в мирное время. В преддверии маньчжурской войны японцы использовали всевозможные средства для сбора даже самой незначительной информации, имеющей отношение к России. С этой целью офицеры японской армии не гнушались наниматься на работу каменщиками, кули, слугами, в парикмахерские и т.д. Один майор, с которым я познакомился уже во время войны, рассказывал, как он жил в Харбине под видом владельца магазина, наблюдая за передвижениями русских войск и военных припасов из Харбина в Порт-Артур и Владивосток. Другой офицер, подполковник Генштаба и руководитель разведывательного отдела штаба 2-й армии, к тому же в совершенстве знающий русский язык, много месяцев прожил под чужим именем во Владивостоке, полное описание оборонительных сооружений которого ему удалось добыть»[451].

---

[450] РГВИА.Ф. ВУА. Д. 29090. Т. 1. Л. 1–15 (об.).

[451] Из истории разведывательной деятельности Японии и России// Исторический архив. 1997. № 1. С. 152.

Причины эффективности японской разведки против русских войск, по мнению полковника Халдейна, заключались в следующем: «Еще до войны с помощью китайцев японцы составили списки всех тех китайцев и корейцев, которые находились на русской службе. Включенные в список вошли в категорию потенциально опасных и наблюдались особенно тщательно. В результате многие из этих людей были вынуждены покидать свои насиженные гнезда и земли, как только они попадали в зону японской оккупации, и искать защиты у русских. Японские агенты обещали, что те из них, кто согласится работать на Японию, будут вычеркнуты из черного списка. Это обещание имело неожиданный успех, поскольку многие корейцы и китайцы были морально готовы выполнять подобную опасную работу за гораздо более скромное вознаграждение»[452].

В отчетах разведывательного отделения штаба главнокомандующего отмечалось: «С открытием военных действий в Маньчжурии выяснилось, что большое число китайцев и переодетых китайцами японцев занимаются шпионством, следя с сопок за движением наших войск, расположением наших батарей и т.п., сигнализируют об этом при помощи флагов, зеркал и проч.»[453].

Для борьбы с этим в русских войсках принимались определенные меры, хотя их эффективность оставляла желать лучшего. В приказе командующего Маньчжурской армией № 371 от 25 июня 1904 года предписывалось «при появлении подобных лиц на горах стрелять по ним». Однако это приказание не исполнялось войсками «с должною последовательностью и энергией»[454].

В целом борьба с японским шпионажем в русской армии была поставлена неэффективно. Японские агенты и китайцы на службе японской разведки проникали практически во все пункты дислокации русских войск в Маньчжурии, легко пользовались беспечностью русской стороны, активно собирали разведывательную информацию.

---

[452] Из истории разведывательной деятельности Японии и России // Исторический архив. 1997. № 1. С. 152.

[453] РГВИА.Ф. ВУА. Д. 29090. Т. 1. Л. 1–15 (об.).

[454] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 29090. Т. 1. Л. 1–15 (об.).

Японцы применяли самые строжайшие репрессивные меры по отношению к тем китайцам, которые состояли на русской службе или просто симпатизировали России.

В результате местное китайское население не только не выдавало японских шпионов, но нередко скрывало их. Соответственно и случаи поимки японских шпионов были очень редкими. За всю военную кампанию российской стороной было разоблачено лишь 4 японских шпиона — и то случайно[455].

Британский разведчик Дж. Халдейн, комментируя успехи русской контрразведки в годы русско-японской войны, отмечал: «Первое время русские совершенно не умели обнаруживать их, хотя и отдавали себе отчет в том, что японские шпионы активно действуют в их расположении. Научиться распознавать их русским помогли находившиеся на их службе китайцы, которые указали на три главных отличия между ними и японцами, а именно: походка, форма глаз и одна специфическая китайская, или местная маньчжурская, привычка — после приема пищи есть арбузные семечки, причем именно есть, а не щелкать их зубами. Такие привычки приобретаются с детства, но никак не в зрелом возрасте. Попавшие под подозрение псевдокитайцы были подвергнуты испытанию, провалились и поплатились за это жизнью»[456].

Таким образом, русско-японская война 1904—1905 гг. не могла не отразиться на комплексе взаимоотношений между Россией и Китаем. Прежде всего она велась на территории Китая и пространственно ограничивалась территорией Маньчжурии. На протяжении всей русско-японской войны, равно как и задолго до ее возникновения, обе противоборствующие стороны активно использовали в своих целях местное китайское население, которое фактически стало заложником русско-японского столкновения.

Наиболее широко местное китайское население использовалось противоборствующими сторонами в области тайной разведки. Деятельность японской разведки в этой

---

[455] РГВИА.Ф. ВУА. Д. 29090 Т. 1. Л. 16—56 (об.).

[456] Из истории разведывательной деятельности Японии и России // Исторический архив. 1997. № 1. С. 152.

сфере как по масштабам и интенсивности, так и по эффективности и результативности была значительно успешнее работы русской тайной разведки.

Китайское население, в целом относившееся негативно как к японцам, так и к русским, скорее было склонно помогать во всем японцам. Одной из существенных причин такого положения дел была строжайшая карательно-репрессивная система японцев: за малейшее преступление (а тем более шпионаж в пользу русских) китайцу и его родственникам полагалась смертная казнь.

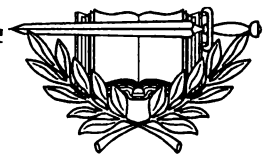
Отношение русских войск к местному китайскому населению было значительно гуманнее, чем отношение японцев. Однако и русским командованием, а также состоявшими на его службе китайскими гражданами (переводчиками, обслуживающим персоналом и т.д.) допускались грабежи и насилия в отношении китайского населения.

Русской разведке было значительно труднее, чем японской, работать в Маньчжурии, и не в последнюю очередь по причинам расово-этнического характера. Абсолютная несхожесть цивилизаций (культур) накладывала свой отпечаток на взаимоотношения русских и китайцев, в то время как японо-китайские отношения были значительно гармоничнее в этом смысле. Даже японские репрессии в отношении китайского населения воспринимались в Китае в рамках традиционных восточных принципов взаимоотношений старшего и младшего брата. Несмотря на всю сложность и непримиримость японо-китайских отношений, при взаимодействии с иноземной — западной — страной (культурой) взаимные противоречия между Китаем и Японией отступали на второй план.

Несмотря на целый ряд трудностей объективного и субъективного характера, русская разведка имела определенные успехи в деятельности против японской армии в Маньчжурии. Таким безусловным успехом можно считать работу на русскую разведку хабаровского купца китайской национальности Тифонтая и сформированного им из китайцев специального партизанского отряда.

В целом события русско-японской войны не оказали какого-либо значимого влияния на состояние военно-политических взаимоотношений России и Китая в начале XX века. Обе страны находились в состоянии глубочайших внутриполитических кризисов, которые вскоре привели к серьезным социально-политическим сдвигам в жизни двух государств.

Русско-японская война подчеркнула, что Маньчжурия являлась основным регионом, где сталкивались военно-политические интересы России, Китая и Японии. Роль и особое место Маньчжурии в геостратегическом раскладе сил на Дальнем Востоке сохранили свою значимость надолго после русско-японской войны. Одним из проявлений этого и стала активная деятельность в Маньчжурии в 20—40-е годы разведок этих стран, опиравшихся в своей работе на национальные диаспоры в городах Северо-Восточного Китая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые контакты между Россией и Китаем, имевшие место уже в начале XVII века, свидетельствовали, что стороны еще не были готовы к взаимовыгодному диалогу. Более того, Россия того времени уже приняла западную модель дипломатии, основанную на равенстве субъектов международных отношений, а Китай строго придерживался восточной модели дипломатии, основу которой составлял принцип иерархичности. Россия ко времени первых контактов с Китаем уже отошла от восточной модели международных отношений, господствовавшей на Руси в эпоху монголо-татарского ига. Однако в силу своей «культурной двойственности», «духовной антиномичности» и «гетерогенности» Россия, с точки зрения как западного, так и азиатского дипломатических этикетов, всегда действовала «неправильно», вследствие чего и среди европейских правительств, и в Поднебесной империи российское общество и внешнеполитическое поведение России рассматривалось как «варварское»[457].

Известный российский дипломат и ученый А.Я. Максимов в конце XIX века с горечью писал: «Богдохан почитался нами столь же могущественным, как и султан в былое, старое время. Верхом разума в русской политике считалось искусство не раздражать этого баснословного

[457] Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 151.

властелина, считавшего русского царя своим вассалом. Видя нашу постоянную уступчивость, Китай убедился в своем мнимом могуществе и был уверен в нашей политической слабости. Высокомерие богдоханского правительства достигло необычайных пределов. Наши торговые интересы страдали, просьбы оставались без удовлетворения; все представления русского правительства не удостаивались даже ответом; посольства наши терпели всевозможные унижения, дерзости и возвращались ни с чем»[458].

«Столкновение» двух противоположных моделей внешнеполитического поведения во многом предопределило трудности и противоречия на пути становления системы российско-китайских отношений, в том числе и в военно-политической сфере. В этом контексте выглядят не случайными вооруженные конфликты за Албазин и менее крупные столкновения в Приамурье во второй половине XVII века.

Конфронтационность военно-политических отношений между Россией и Китаем на этапе их становления была объективно неизбежным явлением. Процесс экспансивного расширения границ обеих империй неизбежно должен был привести их к столкновению — столкновению интересов, амбиций, культур, мировоззрений.

Почти 100 лет назад А.Н. Куропаткин в своей книге «Русско-китайский вопрос» в связи с этим писал: «В течение свыше 200 лет, с начала сношений России с Китаем, не прерывается мир между этими двумя государствами. Такому результату способствовало исключительное по отношению к Китаю миролюбие России, пустынность прилегающей к России пограничной полосы и военная слабость Китая...

Две волны, русская с запада и китайская с востока, захватив несколько миллионов людей, двигаются навстречу одна к другой, приходя в многообразное трение. Чем ближе к востоку, тем это трение заметнее по напряжению и опаснее по вероятному результату. Этот результат — неизбежное осложнение отношений между Россией и Китаем, раз-

---

[458] А.Я. Максимов. Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. СПб., 1901.

рыв этих отношений и война. Несоблюдение договоров со стороны Китая, начавшееся с 80-х годов прошлого столетия, принимает хронический и все более острый характер»[459].

Вместе с тем, с самого начала российско-китайских контактов в их отношениях действовал целый ряд факторов, объективно сглаживавших кофронтацию. Прежде всего — географическая удаленность района столкновения интересов двух империй от политических центров России и Китая. Обе стороны стремились к созданию своеобразных «буферных зон» в приграничье, понимая, что наличных военных сил и средств ни у одной из сторон явно недостаточно. Огромная протяженность сухопутной границы и ее практическая неопределенность на многих участках обусловливали «прозрачность» границ. В этих условиях ни Россия, ни Китай не ставили и не могли ставить перед собой задачу надежной охраны границ империй.

Под воздействием вышеназванных факторов в отношениях между Россией и Китаем, в том числе и в военно-политической сфере, сложился определенный статус-кво, который сохранялся вплоть до начала XX века. История свидетельствует, что в межгосударственных отношениях России и Китая с XVII века и до рубежного 1917 года не было состояния войны — высшей формы конфронтационности. Имевшие место столкновения и конфликты не сопровождались формальным объявлением войны. Несмотря на это, однако, вряд ли можно назвать военно-политические отношения между Россией и Китаем в рассматриваемый период кооперационными. На протяжении первых почти 300 лет отношения между двумя империями были подчеркнуто нейтральными. Стороны старались воздерживаться от конфронтации, однако никаких серьезных сдвигов в сторону сближения, взаимодействия, а тем более сотрудничества сделано не было.

Другой вопрос, какая из сторон была в большей степени ответственна за такое «застойное» состояние военно-политических отношений между ними. Россия неоднократно пыталась преодолеть сложившееся состояние дел, одна-

---

[459] Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.

ко традиционная китайская политика изоляционизма была неизменна. Россия видела на Дальнем Востоке в лице Китая не столько своего врага, сколько «пространство» для реализации духа предприимчивости и предпринимательства, носителями которого выступало сперва казачество, а затем и молодой русский капитализм. К концу XIX века Маньчжурия стала объектом русской экономической, культурной и военной экспансии, хотя и ограниченной рамками межгосударственных соглашений и договоров.

В целом военно-политические отношения между Россией и Китаем с XVII века и до 1917 года характеризовались двумя «вспышками» конфронтационности или, по современной терминологии, кризисами. В периоды этих кризисов военно-политические отношения достигали опасного уровня конфронтации, однако под воздействием целого ряда других факторов политического, экономического, социального характера конфронтация не затрагивала уровня межгосударственных отношений. Таким образом, общая картина военно-политических отношений двух империй за первые 300 лет их взаимодействия представляется в следующем виде:

1. Становление военно-политических отношений двух стран в первой половине XVII века.

2. Первый конфронтационный кризис по поводу русской крепости Албазин в 60—80-е гг. XVII века.

3. Период нейтрального состояния военно-политических отношений, продолжавшийся фактически весь XVIII век и первую половину XIX века.

4. Угроза осложнений взаимоотношений в связи с ситуацией в Синьцзяне в 60—80-х годах XIX века.

5. Второй конфронтационный кризис, обусловленный внутриполитическими событиями в Китае и вмешательством иностранных держав в них в 1900—1901 гг.

6. Постепенная модернизация военно-политических отношений двух держав и приспособление их к реалиям XX века.

В целом 300-летняя история становления и развития военно-политических отношений между Россией и Китаем свидетельствует, что стороны не только не выработали ме-

ханизма взаимодействия, но не смогли заложить даже основы военно-политического доверия в своих отношениях. Военно-стратегические цели и интересы обеих держав были слишком различны, цивилизационные различия между ними были слишком серьезны.

Таким образом, к 20-м гг. бурного XX века, когда политические революционные события до основания потрясли и Россию, и Китай, между нашими странами не существовало традиции поддержания кооперационных связей в военно-политической области. Складывавшиеся в тот период военные связи Советской России с Китайской Республикой строились фактически на пустом месте. Не случайно поэтому они были во многом противоречивы, непоследовательны, обманчивы.

Превалирование идеологического и политического факторов в советско-китайских отношениях на протяжении первой половины XX века и полное игнорирование исторических корней, традиций, культурно-мировоззренческих основ китайского общества не способствовали укреплению кооперационных долговременных тенденций в военно-политических отношениях между нашими двумя странами. Не случайно уже с 60-х гг. советско-китайские отношения, в том числе и в военно-политической области, резко обострились и достигли в 1969 году опасной стадии вооруженных пограничных конфликтов.

История показывает, что на протяжении первых 300 лет своего развития отношения между Россией и Китаем строились на основе неравенства. Любые попытки России установить «нормальные» (с европейской точки зрения), то есть паритетные отношения с Китаем обрекались на неудачи. Цинский Китай ожидал от России поведения, соответствующего ее статусу «вассала» («варвара»), который был прочно закреплен за Россией в Китае. На этой основе, естественно, ни о каком доверии и взаимопонимании в отношениях между двумя державами не могло быть и речи.

Неукоснительное соблюдение Россией межгосударственных договоренностей, характерное для российской внешней политики на протяжении всех первых 300 лет взаимоотношений с Китаем, воспринималось в Пекине

как слабость России и готовность к послушанию. Именно так писал безусловно опытный специалист по Китаю генерал А.Н. Куропаткин: «Не исповедуя конфуцианство, русские в течение 200 лет следовали его учению: терпеливо переносили все невыгоды границы с Китаем, обнаруживали во всех случаях уступчивость, граничащую со слабостью»[460].

Разрыв между реальностью и стереотипами поведения на международной арене, между объективной реальностью и субъективными оценками ее был у Пекина столь огромен, что Китай просто не мог адекватно реагировать на «обрушившиеся на него» изменения. Политика самоизоляции Пекину помочь уже не могла. Это, в частности, проявилось в наиболее полной степени в период «боксерского» восстания и в ходе военной оккупации Китая иностранными державами в 1900–1901 гг.

В такой обстановке военно-политические отношения между Россией и Китаем характеризовались непоследовательностью и противоречивостью. Пекин отвергал предлагавшуюся ему российскую помощь и поддержку в военной сфере, даже перед лицом угрозы военного разгрома со стороны западных колониальных держав.

300-летняя история российско-китайских взаимоотношений свидетельствует, что в них накопилось огромное количество претензий, обид, противоречий и непонимания. Но были еще и субъективные факторы, как-то: разница дипломатических этикетов, национально-психологические комплексы собственного превосходства, достигавшие и тогда, и впоследствии стадии национального шовинизма и этноцентризма. Все это аккумулировалось в национальном сознании народов двух государств, отражалось в их политике и во взаимоотношениях друг с другом.

Национально-психологические особенности китайской нации и их влияние на развитие отношений с Россией всегда стояли в центре внимания российских специалистов. Действительный член Императорского Общества востоковедов и Общества русских ориенталистов Н. Штейнфельд,

---

[460] Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.

в начале XX века сделавший ретроспективный анализ политики России в отношении Китая, писал:

«Дружеские чувства китайцев к русским одни приписывают нашему добродушию и уступчивости, другие же видят в этих качествах, наоборот, тормоз к сближению, потому что народы, стоящие на таком низком уровне культуры, как население Маньчжурии, преклоняются только перед силой. Существует мнение, что коренное различие европейской и китайской культур вообще не допускает духовного единения в силу полного взаимного недопонимания. В качестве методов сближения одни рекомендуют панибратство с китайцами в славянском духе, другие — высокомерие, как подражание испытанному приему британской колониальной политики в Китае. В английских колониях китайцев не допускают, напр., в театры, клубы, отели, городские сады («китайцев и собак не вводить»), не садят в вагон, где едут европейцы, и т.д. Что выбор методов зависит именно от европейцев, это доказывают результаты: с русскими китайцы фамильярны и грубы, с англичанами раболепны. Но сближение в обоих случаях одинаково сомнительно и неискренне»[461].

С мнением Н. Штейнфельда соотносится и эмоциональное, однако довольно глубокое утверждение российского дипломата А. Максимова:

«Генерал Н.Н. Муравьев, ознакомившись с характером китайцев, пришел к заключению, что лучший способ действия с этим двуличным народом — самая упорная настойчивость, опирающаяся на силу. Он отлично знал, что китайцы легко доходят до дерзости, когда видят, что боятся их раздражить, и делаются робкими и уступчивыми при должном проявлении силы, достоинства, энергии и настойчивости. Новый деятель на поприще нашей политики с Китаем хорошо раскусил народ, с которым он имел дело. Проявляя необыкновенную решительность в своих действиях, настойчивость в требованиях и энергию при устранении всех лежавших на пути препятствий, генерал

[461] Штейнфельд Н. Русское дело в Маньчжурии с XVII века до наших дней. Харбин, 1910.

Н.Н. Муравьев разом поднял на крайнем Востоке совершенно стертое временем обаяние русского имени, быстро достиг неожиданного и беспримерного успеха»[462].

В конечном счете к началу XX века Китай, несмотря на свои огромные размеры, многочисленное народонаселение и амбиции превосходства, пришел крайне слабым в политическом, военном и экономическом отношениях. И одной из тех сил, которые, по мнению Цинского двора, довели Китай до такого состояния, была Россия. Этого в Китае не забывали никогда на протяжении всего XX века, просто иногда отставляли в сторону.

В целом две империи никогда не находились в состоянии открытой межгосударственной конфронтации (войны). Никогда ни Россия, ни Китай не объявляли друг другу войны. Сам по себе этот факт является, безусловно, положительным потенциалом в развитии российско-китайских отношений.

Однако, и это тоже немаловажно, никогда отношения между двумя державами не характеризовались высоким уровнем доверия и взаимовыгодного сотрудничества. Стороны не доверяли друг другу, а их различия были настолько глубоки и всеобъемлющи, что ни о каком взаимодействии в принципе не могло идти и речи.

Никаких подвижек к сближению, прежде всего в военно-политической сфере, за первых три столетия российско-китайских взаимоотношений не произошло. В бурном XX веке сближение между двумя государствами носило скорее тактический, конъюнктурный характер, носивший отчетливый идеологический отпечаток. Китай принимал от России (СССР) помощь и поддержку только тогда, когда это было выгодно ему из конъюнктурных соображений. Никаких глубинных мотивов цивилизационно-культурного плана в этих взаимоотношениях не было. Потому они и были неизбежно обречены на провал, как о том свидетельствует история.

Уже упоминавшийся российский дипломат и ученый А.Я. Максимов имел свою своеобразную точку зрения на

---

[462] А.Я. Максимов. Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. СПб., 1901.

Китай и его политику на мировой арене. Он призывал никогда не доверять Пекину, обосновывая свою позицию анализом истории российско-китайских взаимоотношений:

«Мы забываем, что имеем дело с государством, положившим в основу дипломатических и политических сношений с европейцами двуличность, бесцеремонность, наглость, хитрость и подтасовку.

Действительно, Китай уже получил всемирную известность тем, что никогда не считал и не считает нужным строго придерживаться заключаемых договоров. На бумаге китайское правительство, прижатое к стене, всегда соглашается на всевозможные сделки, подписывает самые разнообразные трактаты и договоры, которые, по китайским понятиям, ни к чему особенному не обязывают. Исторические факты доказали и доказывают, что Китай подписывал десятки трактатов с затаенным намерением не выполнять пунктов и статей, сильно расходившихся с его интересами. Вследствие этого он всегда старался и старается оттягивать выполнение принятых на себя обязательств, особенно для него не выгодных, оттягивать чуть ли не до бесконечности при помощи самых неблаговидных и недобросовестных доводов и способов. В то же время Китай настойчиво хлопочет о выполнении статей договоров для него выгодных и полезных. Вообще, двуличная политика Китая всегда была тормозом наших действий на крайнем Востоке, тем более что все отношения к Китаю в Амурской области и Уссурийском крае мало соответствовали прямой, твердой политике могущественного государства относительно ничтожного, сравнительно, соседа.

Из вышеизложенного очевидно, что заключить договор с Китаем — дело одно и, нужно сознаться, часто чрезвычайно трудное; а заставить его выполнить заключенный договор — дело другое, иногда несравненно труднейшее. Китай не признает европейских приемов в дипломатии, не признает святости трактатов и договоров — это он доказал уже много раз и чаще всего России. В отношении последней Китай был всегда особенно смел и нахален. Виной тому — наше излишнее миролюбие, а также не идущие к делу великодушие и уступчивость. Мы чрезвычайно редко

решались в отношении Китая на энергичный образ действий, всегда избегали и находили излишним репрессалии, столь полезные при сношениях с подобным варварским правительством, каково китайское, склонное преувеличивать свою силу и могущество. Мы упустили из виду образцовый прием сношений с Китаем французов и особенно англичан, которые чаще прибегали к содействию штыка и пули, чем дипломатического пера, и всегда добивались лучших и наивыгоднейших результатов.

Подобная наша неумелость вести дела с Китаем основывается главным образом на незнакомстве с характером китайцев. Мы составили о последних чрезвычайно ложное мнение. Со словом «китаец» в воображении большинства связывается понятие о существе слабом, апатично-сонливом и вместе с тем тихом и безответном. Между тем китайцы далеко не таковы, какими их представляет себе значительная часть русского общества и почти все русские дипломаты. Надо помнить, что это — враг серьезный, настойчивый, терпеливый, энергичный и ловкий; вместе с тем враг в высшей степени хитрый, двуличный, притом злой и злопамятный. Злость китайцев доказана историческими фактами жестокого усмирения внутренних смут. Кровожадность их доходит до апогея. При усмирении бесконечных восстаний то тайпинов, то племени мяоцзе, то мусульман китайцы убивали миллионы мужчин, женщин и детей, истребляли целые народы, как, например, цзюньгаров. Наряду с виновными погибали невинные. По китайским понятиям, все девять колен родства должны быть казнены за одного бунтовщика.

Вообще, вся история Китая свидетельствует о его феноменальной злости. Дайте китайцам силу и средства, и они прехладнокровно расправятся со всем человечеством, жестоко выместят всем европейцам за перенесенные от них унижения.

Общая характеристика наша нисколько не преувеличена; китайцы оправдали ее как своей историей, так и приемами, употребляемыми ими при переговорах и выполнении заключенных трактатов. Отсюда ясно, что Китай — враг в высшей степени опасный, несмотря на свой консер-

ватизм, который, к тому же, не вечен. В недалеком будущем и Китая коснется могучая рука реформ, и он выйдет на путь прогресса и цивилизации. Слишком легкомысленно думают некоторые, что Китай распадется тотчас же, как только его коснутся реформы, что он не способен воспринять их без вреда для своего государственного организма. Китай — не старец, как думают многие, который хочет только растянуть машинкой свои морщины и подкрасить лицо; тот старец жил тысячи лет и уже отжил; в настоящую минуту растет на его прахе новое, молодое, свежее дерево, обильно поливаемое нашими европейскими врагами. Пройдет четверть столетия, и это дерево сделается могучим и крепким; если мы вовремя не обрубим его свежих ветвей, то они раскинутся на Амур и бросят тень на наши среднеазиатские владения.

Через двадцать лет, может быть, и раньше, мы увидим перед собой на крайнем Востоке грозную, достаточно дисциплинированную, хорошо вооруженную китайскую армию, которая потребует у нас возврата древних владений Поднебесной империи, как это уже бывало не однажды»[463].

Насколько правомерна такая жесткая оценка Китая — судить истории. Предсказания А.Я. Максимова в какой-то степени сбылись, в какой-то степени еще ждут своего претворения в жизнь. С мнением А.Я. Максимова, высказанным 100 лет назад, сегодня можно соглашаться или не соглашаться, однако знать необходимо.

Критическое отношение к опыту российско-китайских взаимоотношений в военно-политической области на протяжении первых трех веков их развития должно лежать в основе современной политики России в отношении своего великого восточного соседа.

Можно смело предположить, что Пекин будет активно «разрабатывать» в своих интересах любые каналы двусторонних отношений, которые «работают» в интересах укрепления политического потенциала и военной мощи Китая. Пекин всегда «будет себе на уме». Сто лет назад об этом

---

[463] А.Я. Максимов. Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. СПб., 1901.

же писал известный российский китаевед Н. Штейнфелльд: «Ни одна держава не может похвалиться своим влиянием в Китае. Он никому не верит, но изредка пользуется чужими советами, когда находит это практически для себя полезным»[464].

Исторический опыт показывает, что союзные, кооперационные отношения с этим государством, отношения, основанные на дружбе и взаимной помощи, на протяжении первых трех веков построить было в принципе невозможно. Даже в XX веке советско-китайские отношения, несмотря на эйфорию 50-х годов, очень быстро перешли в состояние опасной политической и военной конфронтации.

Трезвый учет уроков российско-китайского взаимодействия в военно-политической области должен стать гарантией того, что ошибки, иллюзии и недостатки прошлого не повторятся.

---

[464] Штейнфельд Н. Русское дело в Маньчжурии с XVII века до наших дней. Харбин, 1910.

Документ № 1

Посланы чиновники для установления пограничного столба в местах реки Горбицы
13 января 1690 г.

Нэй-дачэнь Соэту и другие достигли Нерчинска и вели переговоры с прибывшим из Русского государства послом Федором Алексеевичем [Головиным]. Русский посол вначале заявлял, что земли Нерчинска и Албазина освоены [русскими] и упорно отстаивал их. Соэту и другие подробно, с начала и до конца, растолковали, что Нерчинск стоит на реке Онон[465] и является бывшим местом кочевий всех аймаков Маоминъань, подчиненных Цинской империи; Албазин же является прежним поселением нашего подданного Аэрбаси и других и доказали, что позднее эти места были воровским образом захвачены русскими. И поэтому, прямо объявив русским о несправедливости их вторжения, вновь говорили о великом милосердии императора ко всему живущему. Тогда Федор [Головин] и другие люди Русского государства все с радостью объявили о своем согласии. Вслед за этим они принесли свои географические карты, решили вопрос о границах, и мы сообща принесли взаимную клятву быть на вечные времена в мире и дружбе.

Когда донесение Соэту и других было получено, император приказал всем советникам, бэйлэ и сановникам собраться и обсудить его.

---

[465] В китайском источнике — Онунь.

Государственный совет доложил: «Русские тайно от нас более 30 лет занимали Албазин и тревожили наших звероловов. Вы, ваше величество, считая, что они поступают так из-за своей темноты и невежества, не решались двинуть войска для истребления их, а поставили войско гарнизоном в Хэйлунцзяне, ожидая, что они поймут свою вину. Поскольку же они упорствовали, ваше величество приказали взять штурмом Албазин, захваченных же пленных — всех освободить.

Однако очень скоро русские снова вернулись в Албазин, отстроили его и поселились там. Тогда войску вновь было приказано осадить город. Русские оказались в крайне бедственном положении, и как раз в это время их государь прислал посла с просьбой о мире.

Вы, ваше величество, сразу же согласились снять осаду и отдали сановникам распоряжение объяснить русским принципы справедливости. Только тогда люди Русского государства осознали великие милости вашего величества и стали склоняться к [нашей] цивилизации и целиком [согласились] выполнять достигнутую ранее договоренность. Наши сановники указали [им], где должна быть установлена граница. Таким образом, земли, лежащие на северо-востоке на пространстве нескольких тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Китаю, вошли в состав ваших владений. Все это целиком является результатом великой всеохватывающей мудрости вашего императорского величества, добродетельность и могущество которого распространяются на отдаленнейшие места.

С целью увековечения [этого события] необходимо в определенном [в качестве] границы месте на реке Горбице установить столб с вырезанными на нем надписями на маньчжурском, китайском, а также на русском, латинском и монгольском языках.

Хотя с Русским государством ныне и установлены мир и дружественные отношения и определены границы, однако, [поскольку] в каждой провинции поставлены гарнизонные войска, необходимо, согласно прежнему решению, поставить гарнизоны в Моэргэне и Хэйлунцзяне».

Когда этот доклад был доставлен ко двору, император утвердил его. Вскоре были посланы чиновники установить памятную стелу со следующей надписью на ней:

«Стела [в память] о переговорах между сановниками великой Цинской империи и послом Русского государства и установлении границ

Установить пограничной межой реку Горбину, впадающую в Хэйлунцзян с севера неподалеку от реки Чорной или Улуньмухэ. В верхнем течении этой реки, в пустынной стране, имеется каменный хребет Большой Хинган, простирающийся до моря. Все ручьи и реки, впадающие в Хэйлунцзян в районе к югу от этого хребта, принадлежат Срединному государству; ручьи же и реки по северную сторону хребта все принадлежат Русскому государству.

Установить пограничной межой впадающую в реку Хэйлунцзян реку Аргунь. Южный берег этой реки принадлежит Срединному государству, северный берег — Русскому государству. Находящиеся на южном берегу этой реки при устье реки Мэйлэркэ-хэ русские строения перенести на северный берег.

Построенную Русским государством крепость Албазин разрушить до основания, а всех живущих там русских, а также все им принадлежащее перевезти на земли Белого царя.

Зверопромышленникам и прочим категорически запрещается переходить через пограничную межу.

Если один или двое людей самовольно перейдут межу с целью охоты или грабежа, то их немедленно следует поймать и препроводить к соответствующему местному начальству. Это начальство, в зависимости от тяжести их вины, будет определять им наказание. Если же пограничную межу пересекут 10 или 15 человек с оружием и будут охотиться, убивать людей или грабить, то о них непременно следует докладывать [государям] и немедленно предавать их казни по закону, дабы из-за ничтожного обстоятельства не расстроить великого дела и не нарушить мира и дружбы со Срединным государством.

Все прежние дела сейчас не рассматривать, а потому все русские, находящиеся в Срединном государстве, а также

все люди Срединного государства, находящиеся в Русском государстве, пусть по-прежнему останутся на своих местах и их не нужно возвращать.

Ныне на вечные времена установлены мир и дружба, и торговым караванам, имеющим проезжие грамоты, разрешается впредь свободно производить торговлю.

После заключения трактата о мире и дружбе не позволяется принимать и оставлять у себя перебежчиков, а следует их немедленно отсылать обратно».

Гуманность вашего величества распространяется повсеместно, находя себе опору на небе, на земле и во всех четырех странах света. Все люди, живущие в местах заброшенных и диких, узнали [высочайшие] моральные принципы, обрели животворный дух и внутреннюю природу, все они прониклись вашей мудростью. Благодаря вашей высокой добродетели все они имеют пищу и наслаждаются спокойствием и миром.

Лишь русские из государства Олосы по своей природе упрямы и невежественны; они своевольничали, не желая покориться, нарушили наши границы, воровским образом заняли Нерчинск и Албазин, тревожили окрестное население. Это привело к тому, что все звероловы из районов Хэйлунцзяна и Сунхуацзяна из числа солонов и дауров были лишены возможности жить спокойно. Ранее, в годы правления Шуньчжи неоднократно посылались войска для того, чтобы покарать их, но не смогли добиться их полного уничтожения.

Когда вы, ваше величество, начали править единовластно, вы уже тогда задумались над тем, что те места, которые были захвачены русскими, находятся весьма близко от мест возникновения нашей династии и с усмирением русских следует поспешить. Вы выработали такой план усмирения: «Лучше смирить их добродетелью, чем наказывать при помощи военной силы». В 15 год Канси[466] от Русского государства прибыл посол и поднес в качестве дани различные предметы. Этот посол был благосклонно встречен, и ему

[466] 1676 г.

даже была пожалована ласковая грамота, в которой строжайшим образом приказывалось запретить русским беспокоить пограничные земли, дозволялась торговля и дружественные сношения. Однако ответ так и не был получен.

Русские же, напротив, проникли во все районы Зеи.

Император специально послал далисы цин Минъая с товарищами и приказал русским покинуть эти места, однако они медлили, продолжали совершать убийства и грабежи, крайне бесчинствуя. И тогда еще вы, ваше величество, не приняли решения послать войска для их усмирения. Вы распорядились только переместить войска из Гирина и других мест, разместить их гарнизоном в Айхуне, дабы воспрепятствовать дальнейшим захватам. И к тому же многократно давали им разъяснения в надежде на пробуждение у них сознательности. До какого же предела русские могли продолжать упорствовать в своих заблуждениях и, хорошо зная о зле, не раскаиваться в своих преступлениях!

Вы, ваше величество, убедившись, что их нравы подобны нравам диких зверей, поняли, что без одновременного использования методов облагодетельствования и силы, то есть истребления и привлечения на свою сторону, русские никогда не подчинятся. Вы передали свой заранее продуманный план фудутуну гуну Пэнчуню и другим, чтобы под их командованием офицеры и воины выступили в поход для взятия Албазина.

Вместе с этим ваше величество, движимые любовью ко всему живущему, послали шивэя Гуаньбао огласить всем офицерам и всему войску приказ: «После того, как будет взят город, ни в коем случае не убивайте ни одного человека!».

После этого наше войско по реке и по суше подступило вплотную к их городу. Русские действительно испугались, оказавшись в затруднительном положении; отбивая поклоны, они просили о капитуляции. Пэнчунь и другие, строго выполняя высочайшую волю, не казнили их, всех освободили и разрешили вернуться [на их прежние места]. Если бы у русских была бы хоть маленькая человеческая душа,

[они должны были бы чувствовать себя] облагодетельствованными высочайшей милостью, должны были бы выразить желание сложить оружие, уйти из этих мест и вновь не нарушать границы. Кто же мог подумать, что они окажутся столь вероломными!

Воспользовавшись тем, что наши войска с победой возвратились, они снова пробрались на прежнее место и воровски обосновались здесь.

Тогда вы, ваше величество, повторно приказали цзянцзюню Сабсу и другим повести войска и осадить их город; силы русских уже были истощены. Однако ваше сердце было добрым и милостивым; у вашего величества первоначально не было намерения уничтожить всех их, [напротив], вы желали проявить великодушие и простить их всех. Как раз в это время русский Белый царь прислал донесение, в котором признал свою вину, и гонцов с просьбой о мире. Поэтому вы приказали снять осаду Албазина и специально направили нэй-дачэня Соэту и других на переговоры с прибывшим послом. Когда Соэту с товарищами прибыл туда, он на основе великих принципов справедливости стал упрекать русских за их вину и провозгласил искреннее стремление [цинского] двора к великодушию и гуманности. Только тогда люди Русского государства испытали глубочайшую благодарность за проявленное к ним великодушие и всей душою повиновались. По поводу же установления границы с ними была принесена клятва, и они с исключительной почтительностью повиновались приказу. Вследствие этого пограничное население приобрело возможность жить спокойно, и зло от посягательств и бесчинств отныне навсегда устранено.

Русское государство никогда не имело связей с Срединным государством. Русские по своему характеру чрезвычайно свирепы, и их трудно подчинить. Однако в настоящее время они проявляют покорность и искренне желают обратиться к культуре. Земли, на несколько тысяч ли лежащие на обращенных к Срединному государству [склонах] Хингана, начиная с крайнего севера, и пустынные, целиком станут принадлежать Срединному государству. Из

этого видна священная добродетельность вашего величества и помощь со стороны небесных духов, величественность и всеобъемлющая [любовь], действительно далеко превосходящие все, что когда-либо имело место за тысячи прошедших лет.

Перед выступлением в поход войска все опасались трудностей, которые могли возникнуть вследствие дальности пути, вы же, ваше величество, заблаговременно предусмотрели все в своих продуманных планах, перед самым возникновением дела оставались непоколебимым, твердо и решительно единолично распоряжались всем его ходом. Вы посылали людей для разведывания местности, чтобы найти удобные пути для беспрепятственного продвижения войск и их стоянок, создавали военные земледельческие поселения, чтобы снабжать войска провиантом как при наступлении, так и при обороне; отдавали распоряжения относительно строительства и ремонта судов для перевозки провианта, чтобы удовлетворить потребности войска, об учреждении почтовых станций для быстрейшего доставления военных донесений. Вы неоднократно наставляли командующих надлежащим образом осуществлять стратегические планы, в результате не была упущена благоприятная обстановка. Воинам раздавались награды и поощрения, и они еще больше воодушевлялись. Все шло хорошо, священные предначертания приводили к выдающимся результатам, военные успехи достигались благодаря наличию заблаговременно глубоко и всесторонне продуманных планов. Такого решения вопроса еще не знала история.

Словом сказать, вы, ваше величество, уподобились по своей добродетели Небу, а по глубочайшей мудрости — божеству. Поэтому слава о ваших деяниях проникнет повсеместно, распространяясь даже на безлюдные пустыни, которые стали отныне принадлежать нам. Ваша добродетель изливается повсюду, и те немногие стороны света, которые еще не пришли в подчинение вам, все подвергаются просвещенному воздействию.

В книге «Чжун-юн» говорится: «Все люди, имеющие кровь и живую душу, везде, куда может только прийти суд-

но или повозка, где только могут быть приложены человеческие силы, повсеместно, где только над головою небо, а под ногами — земля, где только светят солнце и луна, падает иней и роса, — любят и почитают своих родителей».

Эти слова могут быть полностью отнесены к правлению вашего величества!

Печ. по: Пиндин лоча фанлюэ (Стратегические планы усмирения русских). Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686–1691. Т. 2. М., 1972. С. 660–688.

Документ № 2

История российского проникновения в Приамурье (Фрагменты из книги: Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. СПб., 1878.)

Глава I
Исторические судьбы Приамурья до заключения Нерчинского трактата

Краткое обозрение событий, совершившихся на реке Амуре с 1643 по 1689 год. — Первоначальные сведения о Приамурском крае. — Поярков и его экспедиция с 1643 по 1646 год. — Степанов. — Возобновление Албазина. — Наше положение на Амуре в 1684 году. — Осада Албазина китайцами. — Ее последствия.

Действия наших моряков на отдаленном Востоке с 1849 по исход 1855 года, то есть со времени прибытия на Амурский лиман военного транспорта «Байкал» до времени перенесения из Камчатки на устье реки Амура (в Николаевск) Петропавловского порта и сосредоточения здесь нашей эскадры, находившейся тогда в Восточном океане, имеют непосредственную связь с событиями, совершившимися на реке Амуре с 1643 по 1689 год, и различными затем экспедициями, являвшимися в Охотское море и Татарский залив, а потому, чтобы уяснить всю важность упомянутых действий, составляющих основание к утверждению за Россией Приамурского и Приуссурийского краев с островом

Сахалином, необходимо представить краткий обзор всех предшествовавших 1849 году событий, совершившихся на отдаленном Востоке, и их последствия. Эти события в главных чертах таковы.

В первой половине XVII века отважная вольница русских искателей добычи распространила владения России до прибрежьев Охотского моря. На реке Лене явились остроги Киренский и Якутский, а на реке Уде — Удский. Здесь-то в 1639 году русские узнали от тунгусов о существовании по южную сторону гор больших рек: Джи (Зеи), впадающей в Шилькар (Амур), которая в свою очередь впадала в Шунгал, или Сунгари-Ула (Сунгари), и что в Шунгал вливается большая река Амгунь, по которой живут тунгусы; что к ним наткисы привозят с Шунгала хлеб и разные материи и рассказывают, будто бы на реках Джи и Шилькаре живут дучеры и дауры, занимающиеся хлебопашеством; что у них много скота, материй и серебра и, наконец, что вся страна по Шилькару, Джи и Шунгалу изобилует зверями. Этих известий было достаточно, чтобы двинуть нашу вольницу в те неведомые и далекие страны. По распоряжению якутского воеводы Петра Петровича Головина в июне 1643 года была снаряжена туда партия из 130 человек вольницы, казаков и промышленников, под командою казака Пояркова. Поярков, следуя из Якутска по Лене, повернул в Алдан и, достигнув устья реки Учура, направился по этой реке и по ее притоку Гонаму. Здесь застали его холода; он бросил свои лодки, с 90 охотниками из команды перевалил на лыжах по глубокому снегу через Становой хребет и, таща за собою на салазках провиант и оружие, вышел к вершине реки Брянты. Следуя по этой реке и по Джи (Зее), Поярков со своею вольницей к весне 1644 года достиг Шилькара (Амура), имея на пути по Зее неоднократные стычки с туземцами. Затем Поярков направился на лодках вниз по Амуру и, пройдя щеки, где река прорывает горы, вступил в реку Шунгал (Сунгари). Эту последнюю он принял за продолжение Шилькара, а потому Шилькар и часть Шунгала названы им одним именем Амур. Следуя далее, он достиг ее устья, где у гиляков близ Амгуни основал острог и остался в нем зимовать.

Подчинив гиляков России и собрав с них ясак: 12 сороков соболей и 16 собольих шуб, он, с открытием навигации 1645 года, пустился к северу, вдоль берега Охотского моря. Три месяца Пояркова носило на льдах по морю и наконец выкинуло на берег близ реки Ульи. На устье этой реки Поярков зазимовал, а весною следующего 1646 года перешел отсюда через горы на верховье Маи; построив здесь лодки, он спустился по этой реке в Алдан и Лену и 12 июля того же года прибыл в Якутск.

Это был первый поход русских в Приамурский край, продолжавшийся три года и открывший путь дальнейшим предприятиям. Поярков со своею горстью отважной вольницы в продолжение трех лет прошел более 7000 верст, три раза зимуя на пути, и о результатах своего путешествия, преисполненного неимоверных трудов, донес якутскому воеводе Головину, что по рекам Шилькару и Шунгалу живут дучеры и дауры и что эта страна называется ими Даурией. За даурами, доносил он, по Шунгалу, до реки Уссури и ниже ее, на 4 дня пути, обитают гольды или ачаны, далее наткисы, а затем гиляки; что эти народы никому не подвластны. В заключение Поярков представил, что этот край можно подчинить русскому владычеству, имея 300 человек хорошо вооруженного войска. Из числа этих людей он предлагал половину оставить в трех или четырех острогах, а остальных 150 человек употреблять на разъезды для усмирения тех из иноземцев, которые окажутся непокорными и не будут платить ясак, ибо, по его мнению, от всех обитающих в этой стране жителей нельзя ожидать серьезного сопротивления. Что же касается до продовольствия этих войск, то его найдется в изобилии у туземцев. Такое мнение о легкости приобретения Амура было весьма естественно, ибо Поярков, незнакомый еще с краем, упустил из виду самое важное обстоятельство: что по реке Шунгулу (Сунгари) местное население могло ожидать на помощь появления военных сил из соседней с этим краем Маньчжурии, тем более что в это время вместо монгольской династии вступила на престол Китая династия маньчжурская.

Рассказы Пояркова о богатстве края и его обитателях побудили Хабарова в 1649 году явиться к якутскому воево-

де Дмитрию Андреевичу Францбекову с просьбою дозволить ему идти на Амур, набрав с собою вольных людей, которых он будет содержать на свой счет. Ерофей (Павлович) Хабаров был сольвычегодский уроженец, промышленник. Цель этого похода состояла в приведении дауров в ясачное положение. 6 марта 1649 года якутский воевода дал ему наказную память и несколько казаков. Отряд Хабарова, при отправлении из Якутска, состоял из 70 человек. Хабаров не следовал по тому пути, по которому шел Поярков; тунгусы показали ему другую дорогу на Амур, а именно: по рекам Олекме и Тунгиру, затем волоком через Становой хребет на реку Урку, а по ней до реки Амура.

В первое лето 1649 года Хабаров дошел до устья Тунгира. 18 января 1650 года он пошел вверх по реке Тунгиру, перевалил через хребет и достиг реки Амура. Имея с собой мало людей, Хабаров вернулся тем же путем в Якутск. Якутский воевода дозволил ему набрать больше людей, и Хабаров в 1651 году снова отправился на Амур, остановился при устье речки Албазин и основал город того же названия. Отсюда он со своей командой пошел вниз по реке.

Первое встреченное им от Албазина место состояло из трех городков. Хабаров, пробыв здесь 6 недель, поплыл вниз по Амуру и достиг устья реки Зеи, ниже которой, на правом берегу Амура, стоял город Толчин. Жители этого города и окрестностей приняли присягу в верности русским и обязались платить ясак, но после этого все они бежали. Хабаров сжег Толчин и пошел вниз по Амуру; шесть дней он плыл до Шунгала. За Шунгалом жили ачане, у них, около устья Уссури, Хабаров остался зимовать в большом Ачанском улусе. Укрепившись в нем, он отрядил сотню людей из своей команды, вверх по Амуру, искать добычи. Туземцы в числе 1000 человек напали на 70 русских, оставшихся в Ачанске; русские отразили это нападение: ачане и дауры бежали.

Отправленная партия вернулась с судами, нагруженными добычей и продовольствием. Хабаров начал приводить Ачанск в оборонительное положение. Такая предосторожность оказалась не лишней. Отраженные нашими казака-

ми дучеры и ачане просили помощи у маньчжуров, и наместник китайского богдохана в Маньчжурии приказал князю Изинею в городе Нюм-гуте (Нингута) собрать войско и итти на русских. 2000 маньчжуров, с князем Изинеем, отправились на помощь ачанам и дучерам; три месяца шло это войско до местопребывания Хабарова; оно имело 8 пушек, 30 фузей и 12 папардов (орудие из глины, употреблявшееся для подорвания стен). 24 марта 1652 года маньчжуры подошли под Ачанский город и открыли по нему пальбу. Целый день с обеих сторон шла перестрелка; неприятель успел сделать пролом в стене и ворвался в город. Хабаров отбил это нападение и затем сделал вылазку, взяв у неприятеля две самые большие пушки и обратив их на него.

Неприятель, потеряв 670 человек убитыми и большую часть запасов, отступил. С открытием навигации Хабаров отправился вверх по реке для избрания расположенного ближе к Якутску места, откуда можно было бы иметь помощь в случае вторичного нападения маньчжуров. Между Шунгалом и Зеей Хабаров встретил 140 казаков, посланных к нему из Якутска с порохом и свинцом. Соединившись с ними и продолжая путь далее, вверх по Амуру, он намеревался поставить на устье Зеи острог, но здесь начались несогласия и раздоры в его отряде, из которого 100 человек бежало на грабеж. Лишенный более трети своего отряда, Хабаров должен был оставить свое намерение и, продолжая подниматься с остальными людьми вверх по реке, достиг устья реки Кумары, где построил укрепленный острог. С нарочными людьми, отправленными отсюда в Якутск, Хабаров требовал оттуда подкрепления в 600 человек для завоевания реки Амура, но из Якутска не могли послать такого большого отряда и с теми же посланцами написали об этом просьбу в Москву.

В Москве, еще до прибытия этих посланцев, вследствие полученных от якутского воеводы донесений о действиях Пояркова и Хабарова на Амуре, решено было отправить к Хабарову помощь и восстановить порядок. С этой целью в 1652 году послан был из Москвы дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев, которому было поручено: поощрить каза-

ков на Амуре, прибавить к находящейся там команде 150 человек, усилить их снарядами и наконец приготовить все нужное к отправлению на Амур 3000 войска, которое предполагалось двинуть туда под командой князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского. Предложение это, однако, не осуществилось, а между тем слава о Приамурском крае все более и более распространялась по Сибири. Все население Лены до Верхоленска стремилось туда, и многие бежали тайно, так что необходимо было принять меры для прекращения побегов.

Зиновьев прибыл на Амур в августе 1653 года и встретился с Хабаровым в устье реки Зеи. Его прибытие не порадовало казаков, потому что он главным образом приехал для того, чтобы восстановить порядок в этой вольнице и по возможности обратить их к земледелию. Последнее было особенно необходимо, чтобы заготовить продовольствие для войска, которое предполагалось сюда отправить. Казаки не были привычны к такому труду, они до тех пор ходили по Амуру только с целью поживы.

К неудовольствию казаков Зиновьев взял в Москву Хабарова, а вместо него оставил Онуфрия Степанова. В Москве Хабаров был принят милостиво и пожалован саном боярина, но на Амур уже более не поехал.

Степанов с устья Зеи, из Зейского острога, отправился вниз по Амуру, входил в реку Шунгал, добыл там много хлеба и зимовал у дучеров (близ Хинганского хребта, около устья реки Буреи). Весной 1654 года он пошел вверх по Шунгалу и после трехдневного плавания встретился с маньчжурским отрядом. Последний не хотел пускать его далее, вверх по реке, но после краткого боя русские обратили отряд в бегство. Степанов собрал ясак с дауров, дучеров и ачан и расположился зимовать в Зейском остроге. Вскоре после этого из Енисейска через Байкал на подкрепление Степанову прибыл сотник Петр Бекетов. На пути, у устья реки Нерчи, он основал Нерченский острог. Бекетов и Степанов на зиму расположились в Кумарском, Албазинском и Зейском острогах; они подчинили владычеству России все завоевания Хабарова, то есть земли дауров, дучеров, гольдов,

наткисов, гиляков и страну вверх по течению Шунгала, до хребта. Главные наши силы на Амуре были тогда сосредоточены в Кумарском остроге.

Маньчжуры так много терпели от наших казаков, ходивших даже внутрь их страны, что решились удалить русских из Кумарского острога. Для этого в 1655 году они собрали до 10 000 войска с 15 орудиями и повели осаду острога. 20 марта они начали стрелять по острогу и в ночь с 24-го на 25-е число сделали приступ, но русские отбили их и обратили в бегство. Неприятель снял осаду и отступил, потерпев большой урон в людях: у него было взято 2 пушки, до 800 ядер и более 30 пудов пороха (около 500 кг). Собранный с покоренного Приамурского края ясак и отбитые у маньчжуров трофеи Степанов отправил в Москву. Там, по получении этих известий, предположено было сделать из Приамурского края особое воеводство, совершенно отдельное от Якутского и Нерчинского, но для этого ожидали окончательного нашего утверждения на Амуре. На следующий год (1656) Степанов из Кумарского отстрога поплыл вниз по Амуру, входил в реку Сунгари и поднимался по ней до маньчжурского города Нингуты, взял здесь огромное количество хлеба и других продовольственных запасов и, отправив все это нашим острогам, сам поплыл вниз по реке. У гиляков, против устья реки Амгуни, он построил Косогорский острог, в котором остался зимовать. На следующий 1657 год, собрав с гиляков и наткисов богатый ясак, Степанов пошел вверх по Амуру; на этом пути он встретил берега пустыми и все селения разрушенными. По призыву китайского богдохана все жители с Амура переселились внутрь Маньчжурии; казакам, чтобы не умереть с голоду, пришлось трудиться самим. Степанов был в величайшем затруднении: казаки, не привыкшие ни к дисциплине, ни к труду, начали производить набеги на маньчжуров и грабить их. Повелений из Москвы — жить мирно с туземцами и маньчжурами и отнюдь не производить набегов и грабительства — казаки и вольница не слушали: на Амуре была полная анархия. Между тем в 1656 году приказом из Москвы воеводой в Нерчинс-

кий край был назначен енисейский воевода Афанасий Филиппович Пашков; ему же поручено было иметь главное начальство и на Амуре. Пашков, следуя на Амур в 1658 году, укрепил Нерчинск и основал здесь главное свое местопребывание. Степанову на Амур он послал указ и строжайшее подтверждение, чтобы казаки не ходили в Маньчжурию, а занимались хлебопашеством и вообще чтобы не производили набегов и грабительств, а жили бы мирно. Несмотря на это, Степанов с 500 казаков отправился на фуражировку, вверх по реке Сунгари, в Маньчжурию и там встретился с большой силой маньчжуров. Произошла упорная битва: 270 казаков и с ними Степанов были убиты, остальные бежали; часть из них вернулась в Якутск, а 17 человек в 1661 году явились с этим известием в Нерчинск к воеводе Пашкову. С этих пор до 1665 года на Амуре не произошло ничего замечательного.

Во избежание дальнейших столкновений с китайцами на Амуре, в 1675 году из Москвы было отправлено в Китай посольство: посланником был переводчик посольского приказа грек Николай Спафарий. Это посольство не добралось до Пекина и не имело никаких последствий.

В 1681 году из Албазина была послана на реку Амур экспедиция для приведения амгуньских, тугурских и других, живущих на побережье племен, в ясачное положение. В этих видах и были основаны на реках Амгуни и Тугуре остроги: на Амгуни, при устьях рек Делина и Немилена: Усть-Делинский и Усть-Немиленский, а на Тугуре, — Тугурский. Все население по берегам этих рек было подчинено русскому владычеству. Таким образом, к 1681 году не только весь Приамурский край составлял владение России, но, благодаря влиянию на туземцев из Ачанского и Косогорского острогов, мы, кроме того, владели бассейном реки Уссури и частью Сунгари, до гор. Положение наше на реке Амуре в то время было таково: главный и укрепленный пункт страны был Албазин, затем остроги по Амуру, вниз от Албазина: Кумарский, Зейский, Косогорский и Ачанский; на реке Амгуни — Усть-Делинский и Усть-Немиленский, а на реке Тугуре, в 100 км от ее устья — Тугурский. Кроме того, по

реке Амуру находились земледельческие деревни и слободы: Андрюшкина, Игнатина, Монастырщина, Покровская, Озерная и другие.

В 1684 году весь Приамурский край был назван отдельным Албазинским воеводством; городу Албазину были даны особый герб и печать. Первым воеводою был Алексей Толбузин.

Между тем китайцы и маньчжуры, встревоженные нашим соседством и влиянием на сопредельные с Маньчжурией страны, решили выжить русских с Амура. Наши посты вниз по реке от Албазина сделались первым предметом их нападения. Все они были ими разорены, а в 1685 году неприятельская сила, состоявшая из 5000 человек, приплывших на 100 судах, и 10 000 человек, прибывших из Цицикара сухим путем с 150 полевыми и 50 осадными орудиями, подступила к Албазину и потребовала его сдачи. 12 июня 1685 года, после того как албазинцы отвергли предложение маньчжуров о добровольной сдаче, началась канонада с маньчжурских батарей. В Албазине было всего 450 человек гарнизона под начальством воеводы Толбузина; недостаток огнестрельного оружия и снарядов не дозволил русским отстоять острожек, и неприятельская артиллерия разрушила его. Наши вступили в переговоры, и неприятель согласился отпустить Толбузина с его командою и жителями Албазина в Нерчинск; только 25 человек приняли предложение маньчжуров отдаться им и увлекли с собой священника Максима Леонтьева, основавшего в Пекине первую русскую церковь. Албазин был разорен, и неприятельская сила потянулась в Айгунь — маньчжурский город, основанный перед этим ниже устья Зеи, на правом берегу Амура. Несмотря, однако, на такой дурной оборот наших дел в Даурии, соседнее с нею Нерчинское воеводство сделало снова попытку занять Албазин и Приамурский край; поэтому в 1686 году, по приказанию нерчинского воеводы Власова, албазинские выходцы с полковником Афанасием Бейтоном и тем же Толбузиным отправились на Амур и возобновили разрушенный Албазин. На берегах Амура снова появились наши острожки и население; русские по-

прежнему начали обрабатывать брошенные ими поля, а инородцы стали вносить им ясак.

Китайцы и маньчжуры встревожились нашим вторичным поселением на берегах Амура, и китайский император Кахан-Си (Канси) дал повеление во что бы то ни стало выгнать русских с Амура. В июне 1687 года перед Албазином явилось маньчжурское войско, состоявшее из 8000 человек с 40 орудиями. Русские сожгли все дома вне крепости, перешли в нее и выкопали себе там землянки; всех наших в крепости было 736 человек. Маньчжуры прикрыли свой лагерь деревянной стеной, но русские уничтожили ее, тогда неприятель окружил свой стан земляным валом и поставил на нем пушки. 1 сентября маньчжуры пытались взять крепость, но были отбиты с большой потерей. К несчастью, между осажденными в Албазине открылась цынга, и к довершению бедствий храбрый воевода Толбузин в сентябре был убит пушечным ядром. После него начальство принял полковник Бейтон. Несмотря на постоянное действие полевой и осадной маньчжурской артиллерии, осада Албазина шла безуспешно; в конце ноября неприятель переменил ее на блокаду, а в мае 1688 года блокаду снял и отступил на 4 версты. У Бейтона в Албазине оставалось только 66 человек, остальные же частью были убиты, а частью умерли от цинги. Неприятель потерял более половины войска. В это время приехал из Пекина гонец с повелением богдохана о прекращении осады Албазина под тем предлогом, что о разграничении земель идут с обеих сторон переговоры. Маньчжуры и китайцы отступили от Албазина и 30 августа 1688 года возвратились в Айгунь.

Печ. по: Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849—1855 гг. Приамурский и Приуссурийский край. Посмертная записка адмирала Невельского. СПб., 1878. Переиздание: М.: ОГИЗ, 1947. С. 27—33.

Документ № 3

Из записки генерала Обручева в Военно-Учетный Комитет, подготовленной в 1895 году

Соображения, высказанные мною в начале Японо-Китайской войны

I.

Что нам нужно на Дальнем Востоке

В интересах России наиболее желательно устранение невзгод ее территориального положения на Востоке, как сухопутного, так и морского.

(...)

Сопротивление нашим требованиям (*Прим. ред.*: укрепиться в Маньчжурии) может последовать как со стороны Китая, так и со стороны Японии.

Если запротестует Китай, то мы будем иметь дело с противником, как оказывается, вовсе не приготовленным к войне; пораженным уже неудачей с Японией; имеющим с нами очень много точек соприкосновения для развития наших действий как из Приамурского округа (на главном театре войны), так и из Иркутского, Омского, а частью и Туркестанского округов; и, что еще важнее, рискующим, при некотором с нашей стороны усилии, быть потрясенным в самом своем основании, и вследствие неизбежного восстания многих его провинций, готовых повторить историю Дунган и Тайпинов.

В другое время борьба эта могла бы надолго затянуться, но в настоящих обстоятельствах едва ли Китай решится на продолжительное сопротивление. Во всяком случае мы можем развить против Китая силу в 100 и более тысяч человек, и питать эту войну нам будет легче, чем на Тихом океане, ибо Китай к нам гораздо ближе, чем Япония.

Если же запротестует именно Япония и дело дойдет до открытого с нею столкновения, то характер и последствия этого будут для нас более тяжелыми.

На первое время мы можем располагать против Японии только нашей эскадрой, а из сухопутных войск лишь десятью батальонами, пятью конными сотнями и четырьмя ба-

тареями или 12 тысячами из Уссурийского края и тремя батальонами, четырьмя казачьими сотнями и двумя батареями силою до 4 тысяч из Хабаровска и Благовещенска, всего же 16 тысячами войска. Подкрепления к этим войскам, сначала из Иркутского и Омского округов, могут прибыть лишь через несколько месяцев.

Спрашивается, что же мы поставим в сих обстоятельствах объектом наших действий: выбивать ли японцев из Кореи? выбивать ли из Маньчжурии? или грозить самое Японии?

Выбивать японцев из Кореи — труд неблагодарный. Японцы, господствующие в Сеуле, уже распоряжаются при посредстве корейских войск укреплением северной границы Кореи. Мы здесь ввяжемся в бесплодную войну, противоречащую самому принципу независимости Кореи, на который тогда-то и обопрется Япония.

Выбивать их из Южной Маньчжурии? Это значит идти походом 1000 верст до Мукдена или еще далее до Артура и работать более всего на китайцев с напрасной надеждой на их благодарность и с усилением лишь их кичливости.

Громить же самое Японию, то есть вести к удовольствию Англии морскую войну, для этого необходимо, чтобы наша эскадра имела все средства базироваться на вполне устроенный, незамерзающий порт и была обеспечена быстрым восполнением всех своих потерь, что представляется пока условиями еще далеко не достигнутыми.

Во всяком случае как для сухопутных, так и для морских наших действий условия оказываются здесь неблагоприятными. Кое-что демонстративное мы можем еще сделать, но серьезного и прочного — ничего. Ввязываться же ради демонстраций (коими на каждом шагу может мешать Англия) в войну с державой, удаленной от средоточия сил России на 10 тысяч верст, — слишком рискованно и разорительно.

Допустим даже временный с нашей стороны успех, мы создаем себе из Японии злейшего врага и обратим ее всецело в английское против нас орудие. У России достаточно уже врагов в Европе и Средней Азии, чтобы создавать ей еще нового могущественного противника на Дальнем Востоке,

опирающегося на 40-миллионное население, на сильный флот, на хорошо организованную армию и на широко развитые культурные средства страны, тогда как у нас, при ничтожном населении всей Восточно-Сибирской территории, нет там еще и признаков заводской промышленности. У Японии все под рукой, в двух шагах от наших тихоокеанских владений, у нас же все средства в другой части света.

Обративши Японию во врага, мы еще более расширим круг возможных против России коалиций, и потому, пока мы не обеспечены еще стратегически на Западе и на Кавказе (вследствие замедлений в сосредоточении армий), всякое усложнение политических наших отношений на Дальнем Востоке может поставить Россию в крайне опасное положение.

Отсюда вывод, что в настоящем случае нам никак не следует ссориться с Японией, а подобает удовлетворить насколько можно наши интересы, опираясь на соглашение с нею. После дружелюбных советов Японии очистить Маньчжурию, в случае их отвержения не следует ли вместо бескорыстной политики, поддерживаемой угрозою войны, попытаться начать переговоры о компенсации, никак не вынуждая Японию отдаться в руки Англии.

1895 г. Н. Обручев

Печ. по: РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 69. Л. 4–8. Подлинник.

Документ № 4

Из рапорта военного агента в Китае полковника Вогака о возможной реакции Китая на предложение России о военной помощи

18 декабря 1896 г.

№ 511

Рапорт

(...)

На основании этих-то соображений я и позволил себе предсказать, что Китайское правительство ответит отказом в том или другом виде на сделанное нами Цзунли-ямэню

предложение о командировании в Китай наших офицеров и унтер-офицеров. Если китайцы и не решатся на категорический отказ, то ответ их, во всяком случае, будет уклончивого характера, в расчете на выигрыш времени.

Не касаясь более вопроса о том, насколько в наших интересах принимать деятельное участие в военных реформах Китая, я считаю своим долгом еще раз доложить, что, по моему глубокому убеждению, Китайское правительство согласится на реформы, в настоящем смысле этого слова, лишь под более или менее сильным дипломатическим давлением.

Вся история Китая показывает, что Империя эта никогда не предпринимала каких-либо новшеств по своей собственной инициативе; ей всегда приходилось уступать силе оружия или дипломатическому давлению извне. Нет ровно никаких оснований допустить, чтобы в данном случае Китайское правительство сделало исключение для военных реформ, к которым оно относится более нежели равнодушно, чтобы не сказать враждебно.

Решаюсь добавить к этому, что раз мы обратились к Китаю с предложением о присылке ему инструкторов для армии, то отступать нам уже нежелательно. Сказанное нами предложение, как и все те, с чем мы за последние два года обращались к Китаю, имело характер требования, и принятие отказа со стороны Китая, а тем более допущение сюда военных инструкторов какой-либо другой нации, несомненно нанесло бы удар нашему достоинству, нашему преобладанию в этой стране, для достижения которого нами принесено уже немало жертв.

Вогак

Печ. по: РГВИА.Ф. 447. Оп. 1. Д. 29(2). Л. 159. Подлинник.

Документ № 5

Из Журнала событий русской десантной роты команд броненосцев «Наварин» и «Сисой Великий» в Пекине с 18 мая по 2 августа 1900 г. Составлены Ф.В. фон Раденом

18 мая. Утром десанты русский, французский и итальянский прибыли в г. Тяньцзинь под предводительством

полковника Вогака, и, оставив по его приказанию все вещи, кроме того, что было на матросах, на барже и при них двух часовых, я отправился в город, где люди получили завтрак; в 3 часа дня 18 мая люди были посажены на поезд железной дороги, и полковник Вогак приказал взять только то, что полагается иметь на себе десанту, т.е. по 60 патронов, мешки и шанцевые инструменты, говоря, что завтра пришлет запасную амуницию и оружие.

18 мая, в 9 часов вечера, после форсированного перехода от станции железной дороги, десант пришел в русскую миссию, где его встретил наш посланник и все служащие в миссии. В ту же ночь разместили людей по разным каморкам, и были назначены посты и дневальные. У десанта было только по две смены белья и по 60 патронов в сумках. В городе нас провожала и стояла шпалерами многотысячная толпа китайцев, глядевшая весьма недружелюбно на нас, но не проявившая, кроме отдельных криков и свиста, особенно враждебных намерений.

19 мая пришли немецкие и австрийские десанты. Полковник Вогак поручил прислать нашу пушку и боевые припасы к ней и добавочные к ружьям поручику Блонскому, который 18-го же уехал в Тяньцзинь. Окончательно устроил людей в миссии, ознакомился с расположением ее и ее окрестностями. По выходе на улицу был поражен, как китайцы смотрят на нас: ни одного доброжелательного взгляда.

(...)

21 мая пришло известие, что начали разрушать железную дорогу, сожжена станция Хуанцун в 15 милях от Пекина. Говорят, много боксеров в городе; чтобы удостовериться в этом, я сделал с 4 казаками экскурсию за город. Толпы смотрят на нас зло, и мальчишки кричат из-за углов «ша» (убей) и другие ругательства; везде на базарах, в кузницах шла работа: делали пики и ножи, а красные шарфы (принадлежность боксеров) продавались открыто.

22 и 23 мая употреблено для приведения миссии в состояние, позволяющее лучше обороняться. В то время мы еще не знали, что придется иметь дело с солдатами и орудиями, поэтому обращено главное внимание против воз-

можности подгонов и заказаны лестницы, чтобы со стен и крыш стрелять в боксеров.

(...)

26 мая состоялась поездка посланника под конвоем казаков в нашу духовную миссию «Бегуан»; оказалось, что она пока цела, но что собираются вокруг нее толпы боксеров. Посланник привез с собой отца архимандрита, священника и дьякона со слугами, которые поселились в миссии.

27 мая. Прибыли в город отряды войск генерала Дун-фу-сина, набранные на западных границах; они почти все мусульмане и, говорят, самые храбрые войска; вооружение их: у пехоты ружья Маузера 10-зарядные, а у кавалерии пики и карабины Манлихера с магазином в 5 патронов. Кроме этих войск, говорят, прибыли еще войска Жунлу, тоже европейски обученные, и несколько пушек; до сих пор мы думали, что это для подавления боксерского движения.

Вечером этого дня учитель русского языка при здешнем университете Бородавкин, проезжая в свой университет в императорский город, наткнулся на отряд Дун-фу-синовской кавалерии, солдаты которого били его лошадь нагайками, и он ускакал домой.

В стенах сделал бойницы и укрепил слабые внутренней кладкой кирпичей. Патронов теперь на человека 140 штук — меньше, чем у кого бы то ни было. У наших соседей американцев, которые пополам с нами стоят на баррикаде, по 35 000 штук на человека, а у австрийцев еще больше.

28 мая. Новый митинг начальников десанта; решено: английская, русская и американская миссии составляют одну половину совместной обороны, обязанной помогать подвергающемуся более сильному нападению, а австрийская, итальянская, французская, японская и немецкая, лежащие по другую сторону канала, — другую.

29 мая. Прошли слухи о движении десанта нам в помощь. Сожжены английские дачи, скаковой круг и наша духовная миссия. Телеграф прерван. По указу китайского императора, назначен новый совет министров, из которых почти все — враги европейцев, а главный принц Дуан-лан, отец наследного престола, — душа боксерского движения.

Убит японский переводчик у Цунмынских ворот. Его убили солдаты, изрубив на куски; они его вытащили из тележки, когда он ехал на вокзал узнать положение дел.

(...)

2 июня. Пошел с 30 матросами и 15 американцами в (католическую миссию) «Нантан» — спасать христиан, которых, говорят, зверски убивают. По приходе разогнал боксеров, убив до 50 человек, и освободил до 300 христиан, которых провел в миссию; из них многие были страшно изранены; в самом «Нантане» все разграблено и сожжено, и масса изуродованных трупов женщин, детей и стариков, не успевших бежать, валяются всюду. Когда мы разбили боксеров, оставшиеся в живых христиане бросались перед нами с плачем на колени, показывая кресты и дрожа от ужаса; некоторые были помешаны. Приведено 10 пленных боксеров. Вечером этого же дня был арестован часовым у моста через канал поджигатель, которого посадили в чулан к боксерам, связав ему руки и ноги.

3 июня. Всюду начались поджоги китайских домов вокруг миссий. Громадный пожар китайского города. Пошел тушить ближайшие от миссии пожары и приказал сломать вокруг ближайшие от миссии дома. Убит поджигатель в одном из домов. Ночью стоят в русско-китайском банке три человека нашей команды, и банковские студенты держат караул между банком и большой стеной.

4 июня. Сегодня передали китайским властям пленных боксеров для казни, а поджигателя убил часовой, так как он развязался и бросился с кирпичом на него.

(...)

5 июня (...) Матросы бодры и полны желания сразиться; вечером пели и плясали на дворе; нездоровых, за исключением 2—3 небольших желудочных заболеваний, нет. В миссию прибыл 9-го стрелкового Восточно-Сибирского полка штабс-капитан Врублевский, командированный для изучения китайского языка. Он уже пять дней ночевал со слугами на крыше своего дома, вооруженный берданкой и вооружив слуг кое-как, так как боялся быть убитым во сне. Это, по-видимому, офицер очень толковый, и я его просил наблюдать за многими работами по укреплению.

Первый и второй секретари миссии, гг. Крупенский и Увреинов, один студент Бельченко и второй драгоман Колесов, а также учитель Бородавкин очень полезны, и каждому дана известная доля работы (...).

5 июня. День прошел довольно тихо, были одиночные выстрелы кое-где в городе. Получен указ китайского правительства. Ввиду объявления войны и требования адмиралов европейских сдать форты в Таку предлагается всем европейцам покинуть Пекин в 24 часа. Так как выйти было немыслимо, имея такую массу женщин и детей и не имея повозок и прикрытия, кроме 400 человек десанта, то все женщины, дети и неспособные защищаться перебрались в английскую миссию.

В 6 часов вечера началось первое серьезное нападение на все миссии разом, но главным образом на нашу и американскую. Отвечали, стараясь сберечь патроны, и, пока было светло, сбили несколько солдат с крыш и на улице из-за баррикады. В 8 часов вечера при сильной ружейной пальбе убит на крыше стрелявший лежа матрос 2-й роты команды броненосца «Сисой Великий» Егор Ильин — пуля попала в переносье и вышла из затылка; смерть была мгновенная.

(...)

8 июня. Ночь прошла сравнительно тихо, китайцы баррикадируют улицы и сжигают дома. Утром китайцы со стены и со всех сторон начали такую жестокую стрельбу, что пули всюду ударялись и жужжали в миссии.

Одновременно было жестокое нападение на все миссии. В 10 часов отступили немцы, французы, итальянцы и австрийцы к английской миссии; вскоре в нашу миссию пришли американцы, потеряв двух убитыми. Тогда мы все с ними же отступили в английскую миссию, так как нам передали, что это приказание старшего из начальников, командира австрийского крейсера.

Придя в английскую миссию, я сейчас же понял, что царит полный хаос, поэтому немедленно бросился со своими людьми обратно и, выбив засевших уже китайцев, пропустил американцев, которые сделали то же в своей миссии, затем американцы вошли на стенку и, окопав себя, зав-

ладели входом, а мы послали им 10 человек подкрепления. Тогда все остальные вернулись к себе, и отбитый всюду неприятель стих до вечера; в 7 часов началась снова стрельба, продолжавшаяся до утра. Но, видя, что неприятель не наступает, мы редко отвечали.

9 июня. До 12 часов пополудни стрельба была жестокая, зажгли голландскую миссию и разграбили ее; на улице валяется много китайцев, убитых нами, и зловоние доходит до нас. С 2 часов до вечера стрельба стихла, но с темнотой усилилась. Кругом пылают пожары.

(...)

12 июня. Стрельба продолжалась всю ночь до утра; в 12 часов дня китайцы ворвались в русско-китайский банк и зажгли его, стреляя по нему со стены и со всех сторон, так что тушить было немыслимо, в особенности потому, что одновременно были около миссии пожары и загорелась даже крыша одного из домов, а также загорелась американская миссия.

13 июня. Всю ночь тушили пожары и отбивались от китайцев. После полудня ходили из пролома в стене на вылазку и выбили китайцев, засевших близко в домах около миссии; убили около 20 человек и зажгли дома, так как ветер был благоприятен (...).

(...)

19 июня ... Китайцы строят баррикады и траншеи, приближаясь к нашему бастиону на стене; они за это время приблизились на 35 шагов и вывели в две ночи сильный бастион. Решено ночью атаковать его и, взяв, в нем укрепиться; для этого в 12 часов ночи пошли на стену 15 русских, 10 англичан и 25 американцев.

20 июня. В 2 часа ночи под предводительством капитана Майерса (американца) русские, англичане и американцы сделали атаку и выбили китайцев из их бастиона. Русские и американцы атаковали с фронта и попали в жестокий огонь, а англичане зашли с фланга и, поражая с боку китайцев, довершили поражение. Убито двое американцев, ранен их капитан Майерс, ранено двое наших матросов: 2-й роты броненосца «Сисой Великий» Семен Герасимов — ожог всего лица и шеи, и броненосца «Наварин» Павел Лобахина — в левую голень, без повреждения кости.

Русских вел штабс-капитан Врублевский, который первый вскочил на бастион (при этом взято два флага).

Вместо штабс-капитана Майерса принял командование я, и почти тотчас китайцы сделали отчаянную попытку вернуть бастион. Наступая, они так часто стреляли, что громадные камни сыпались с баррикады, сбитые пулями; один из таких камней упал мне на голову, и я потерял сознание, но, придя в себя, опять принял командование, и все попытки китайцев вернуть позицию были тщетны. Убито более 50 китайцев, из которых около 30 лежат за стеной нашей новой баррикады.

(...) 25 июня ... Мы теперь научились стрелять очень хорошо, а выдаются особенно несколько человек. Днем китайцы боятся показаться из-за баррикады и даже голову не поднимают. Мы их убиваем каждый день от 10—15 человек, вследствие чего они повышают и увеличивают баррикады и лишают себя возможности наступать, но зато мы сидим в тесной осаде.

(...)

29 июня ... В 6 часов 35 минут вечера началось общее нападение на все миссии с бомбардировкой. Стреляли из-за баррикад залпами, а с остальных постов по способности. У нас пробовали ворваться из-за конюшни, но были отбиты, хотя разрушили часть стены.

В 6 часов 40 минут вечера раздался страшный взрыв во французской миссии, и один из домов взлетел на воздух, причем погибло 2 француза и 22 китайца. Китайцы бросились в атаку, но французы отбили ее, но миссия их запылала, одновременно атаковали немцы, которым, по их просьбе, послано от нас 10 человек на помощь. Немцы и французы очень много теряют людей от того, что не строят баррикад и траншей; наши 10 человек в одну ночь выстроили баррикаду и показали немцам, как ею пользоваться. Теперь и они взялись за ум.

В 8 часов сильное нападение на нашу миссию; китайцы подползли к нам, но были отбиты и подняли страшный ружейный огонь.

(...)

17 июля. Ночью слышна сильная пальба в стороне «Батана». Утром началась стрельба по нам с крыш домов и из-за баррикад. Китайцы строят их теперь на стенах и окнах сгоревших домов, чтобы бить поверх наших и во дворы миссии. Окончили баррикаду во дворе, заложили другую в русско-китайском банке, боясь обходного движения ночью. В русско-китайском банке держим трех часовых день и ночь, и американцы, в случае чего, помогут: они наши соседи, и стена банка граничит с их миссией.

День прошел сравнительно тихо.

18 июля. Стрельба по нашей миссии началась в 8 часу утра и продолжалась до вечера. Через шпионов узнали, что в город вошло до 7000 сброда солдат и боксеров. Ожидаем весь день нападения. Вечером китайцы усилили огонь и подходили так близко к миссии, что бросали массами камни через стены, а один просунул даже в бойницу пику, но, потеряв несколько человек, ушли в дома и стреляли до утра.

10 человек на ночь отправлены в помощь англичанам, по просьбе английского посланника.

(...)

19 июля. Некоторые из команды больны дизентерией и освобождены от караулов, но спят с заряженными ружьями. Продолжаем делать 3-линейные патроны.

(...)

21 июля ... Провизия делается все хуже и хуже: лошади худы, а рис — порченный, вина давно нет, сахар выдается по три кусочка в день на человека, чего и довольно; картофеля, уксуса и прочего уже месяц как нет. Голода пока нет; люди измучились, так как нет сна и нервы напряжены вечной тревогой. Кроме того, блохи, комары и мошкара мучают ужасно и вместе с жарой лишают возможности спать, когда выдается спокойный промежуток. Были письма от китайцев к посланникам с просьбой уйти из Пекина, но, конечно, это было сделано с целью вырезать всех, лишь мы покинем свои сильные позиции. Потому отказались ехать. Днем убито несколько китайцев.

22 июля. Посланные не могут пройти и попадаются китайцам; их спускают по веревке со стены, но мы видели,

как одного зарубили китайцы в Китайском городе. По-видимому, они пробирались к нам с письмом из Тяньцзиня; после убили еще одного; трупы их брошены собакам, которые вообще, вследствие разгрома и пожара почти половины города, бродят целыми шайками и питаются трупами убитых.

Убит студент банка Хитров — он в припадке умоисступления бросился на китайскую баррикаду и был убит; труп его забран китайцами.

(...)

28 июля. Ночью и весь день сильная стрельба и крики у китайцев. Знающие китайский язык говорят, что предводители уговаривают солдат идти на нас, говоря, что нас мало, и китайцы кричали «ша», бешено стреляли, но не шли вперед, за исключением нескольких, вылезших на баррикады, которые и были тотчас же убиты.

К вечеру все стихло, и ночь была тихая.

1 августа ... В эту ночь стрельба была сильнее обыкновенного: пули летали градом. В 2 часа ночи услышали стрельбу вне города: скорострельная пушка и ружейные залпы. Сразу поняли, что настал час избавления от нашего жестокого положения, и во всех углах миссии усталые, заморенные люди приободрились и почувствовали новые силы.

Это были наши, громящие китайцев с востока. Утром началась канонада ворот, и первыми вошли в Пекин русские войска.

Одновременно наш и американский гарнизон на стене под начальством мичмана Дена сделал вылазку и, взяв последовательно все китайские укрепления, дошел до Ценмыньских ворот, в которые впустил американцев. После этого русский десант пошел дальше Ценмыня и взял пять китайских орудий и 10 флажных знаков.

В 3 часа дня маньчжурский город был занят европейскими войсками и несмолкаемое «Ура!» раздавалось всюду.

Окончательные потери русского десанта: 4 матроса убито, 2 умерло от дизентерии, 18 раненых и контуженных, из которых 6 оставались в строю и 5 вернулись во время оса-

ды и понемногу служили в рядах десанта; из остальных — 3 тяжело раненых.

Печ. по: Цитадель. Исторический альманах. 1997. № 2(5). С. 31—39.

Документ № 6

Рекогносцировка пекинских укреплений в ночь 1 августа 1900 г. перед штурмом города

(Из журнала военных действий 7-й роты 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка)

(...)

31 июля. С вечера 30 числа было нам объявлено, что сегодня будет дневка, но уже в 8 часов утра дежурный по полку передал приказание начальника отряда, чтобы 7-я рота была готова на случай немедленного выступления, а в 8.30 начальник бригады генерал Стессель, призвав меня к себе, объявил, что иностранцы выступают сегодня в Пекин и что 7-й роте предлагается следовать за ними и в случае, если Пекин окажется очищенным от китайских войск и иностранцы будут занимать город и поднимать флаги — тоже занять какой-либо важный пункт и поднять русский флаг, а во всяком случае следить за иностранцами и не отставать от них.

В 9.25 утра рота в составе 160 человек выступила с бивака, захватив с собой приданные ей два пулемета с прислугой и наводчиками, а также и походную кухню, в которой варился обед. В 10 часов утра были уже на шоссе, ведущем в Пекин. Жара была страшная, камни накалились и буквально жгли ноги. Мы двигались медленно, часто останавливались у колодцев. По всей дороге от самого Тунчжоу лежали группы людей и одиночные всех национальностей. В 12 часов дня мы остановились в большой кипарисной роще, съели обед и напились чаю. Привели в чувство 2 американских солдат. В 2.30 тронулись дальше и к 4 часам дошли до японского отряда на биваке у дороги; по расспросам оказалось, что до Пекина остается еще около 8 верст; японцы дальше не пойдут и выставляют от себя вперед аванпос-

ты; англичане и американцы, по их словам, находятся значительно левее за каналом.

7-я рота, свернув с большой дороги, пошла по направлению к вышеуказанному каналу, который находился всего в двух верстах. По другую сторону канала за большим шлюзом стояли биваком американцы. Они, как оказалось по расспросам, дальше в этот день не пойдут и выставляют от себя аванпосты по свою сторону канала, левее их находятся англичане. Вернувшись к роте и осмотрев местность, мы решили встать между американцами и японцами, для чего прошли немного вперед и остановились в небольшой роще возле двух фанз.

Впереди в полуверсте находилась другая роща с кладбищем, куда решено было выставить заставу. Взяв затем одно отделение, я пошел осмотреть местность, но меня вскоре вернул посланный верховой, который передал, что какой-то генерал меня требует. Вернувшись к роте, я застал генерала Василевского и две роты 2-го полка полковника Модля.

Генерал Василевский заявил, что я назначен в его отряд и тут же объяснил нам цель его, а именно: все три роты с двумя орудиями и двумя пулеметами немедленно двинуть на Пекин и, подойдя как можно ближе, остановиться где-либо в скрытном месте против известных и намеченных генералом Василевским ворот. Затем, когда японцы и американцы, наступая на Пекин, отвлекут на себя огонь китайцев, мы быстро двинемся к воротам и, выбивши их при помощи орудий, войдем в город.

Часу в 7 мы двинулись с нашего предполагаемого бивака по небольшой проселочной дороге. Шли очень быстро. На дороге встретили генерала Линевича, который, поздоровавшись с ротой, похвалил за прежние дела и пожелал нам успеха. В 8 часов вечера совершенно стемнело и полил проливной дождь. К часам 9.30 мы дошли до небольшого селения с рощей, в котором и остановились. Генерал Василевский приказал 7-й роте выставить несколько застав и охранять бивак. Поставлены мною две заставы около 3/4 версты от бивака.

Сначала было все тихо, но потом послышались залпы в нашу сторону, и с правой заставы пришел отряд стрелков с донесением, что по ним кто-то стреляет справа. Приказано было в случае повторения сделать перемещение людей в более укрытое место. Затем после этого раздался один выстрел с левой стороны, т.е. со стороны канала, уже по биваку. Генерал Василевский приказал охотничьей команде 2-го полка пойти на выстрел и прогнать стрелявших. Для этого посылался сначала дозор, а потом и вся команда; результатом сего вышло, что через минут 10 принесли раненого стрелка и начальника команды поручика Феоктистова. Выстрелы по-прежнему раздавались: тогда генерал Василевский приказал собрать всю 7-ю роту и, двинувшись вперед, разыскать стрелявших. Через 10 минут я с ротой двигался в полной темноте по грязной дороге, часто останавливаясь, высылая дозоры, но никого найти не мог, а выстрелы стихли; только в Пекине раздавалась ружейная трескотня и более сильные звуки, как будто выстрелы из орудий.

Вскоре подъехал ко мне корреспондент некто г. Янчевецкий и передал мне, что генерал Василевский приказал двигаться вперед к Пекину и что он будет служить проводником. Мы пошли дальше. Через 1,5 часа впереди нас показался какой-то земляной вал, а за ним зубцы Пекинской стены. Об этом послано было донесение; когда же рота была уже шагах в 400 от стен, подъехал генерал Василевский и приказал мне взять охотников и осмотреть мост перед стеной, а затем и ворота, нет ли там каких препятствий и возможно ли движение. Это было около часу ночи; было очень темно и только временами луна выходила из-за туч. Догнал вскоре передний дозор из 5 человек и пошел дальше.

Перед самым мостом было несколько больших построек, как оказалось амбары с рисом. У крайнего амбара на площадке спали два китайских солдата, по-видимому, часовые: ружья их лежали тут же; мы их взяли и отложили в сторону, а возле спящих был оставлен стрелок для наблюдения.

Через дорогу был другой амбар, и из-за полуотворенной двери слышался сильный храп; здесь было оставлено

два стрелка; пройдя середину моста, который был каменный и совершенно исправный, мы наткнулись на спящих под небольшим навесом 6 солдат с ружьями под головами; оставив здесь 4 стрелков с приказанием не трогаться, пока я не вернусь, чтобы не делать шума, я с остальными пошел дальше, дошел до ворот, каковые оказались запертыми.

Рядом с воротами стояло не особенно большое здание, в котором, по-видимому, помещался караул, так как у дверей стояли приставленные два ружья, а кругом здания был небольшой барьерчик; по другую сторону ворот тоже стояло подобное здание, но только без барьера, и там тоже помещались спавшие солдаты, что было видать через растворенную дверь.

Когда мы хотели возвращаться обратно, раздались какие-то крики, на которые люди, спавшие в зданиях у ворот, проснувшись и с ружьями, начали выскакивать к нам на улицу, некоторые из них стреляли; на этот шум, как оказалось, поднятый проснувшимися на мосту солдатами, прибежал генерал Василевский, крича «бей их».

Я крикнул громко своих людей, которые были по другую сторону моста, и началась свалка. Через несколько минут все стихло. Только на стенах послышалось движение и раздались одиночные выстрелы.

Генерал Василевский приказал подкатить орудие сначала на 30 шагов, а потом на 10 и стрелять гранатой, дабы разбить ворота, которые через 50 или 60 выстрелов расшатались настолько, что можно было пролезть в них согнувшись.

Генерал Василевский заявил мне, когда я хотел лезть в ворота, что ему самому хочется первому войти, и вошел, за ним тотчас же полез полковник Модль, как старший и затем уже я и люди.

Когда начали разбивать ворота, роты 2-го полка тоже собрались на мосту.

Войдя в город, генерал Василевский, не зная его расположения, приказал роте 2-го полка и моей идти отыскивать наше посольство под общим начальством полковника Модля. Походив немного по городу, мы вернулись обратно к

воротам, захватив с собой двух китайцев, которые объяснили, что мы находимся в Маньчжурском городе и что в Китайский город, в котором находится посольство, следует идти на юг до вторых ворот, через которые и можно попасть в Китайский город.

Генерал Василевский, который в этой время уже был на стене, приказал мне взять мою роту, кроме взвода, находящегося с ним на стене, два орудия и идти вдоль стены до ворот, которые и выбить. Это было исполнено, но только лошади были вскоре все у орудий перебиты, много людей поранено выстрелами со стены, с которой китайцы бросали и камни.

Огонь был очень сильный, пройдя с ротой около 1 версты, я был ранен в руку и по левому боку. Подошедший к этому времени генерал Василевский приказал роте идти обратно к первым воротам. Тогда я приказал подобрать раненых, которых было 9 человек, и отступить. По дороге еще ранено 2. Проходя возле орудий, я приказал стащить их с открытой площадки, на которой они стояли, вниз в канаву, по которой легче будет их стащить обратно к воротам. Одно орудие действительно было стащено и отвезено подъехавшим передком, а другое осталось наверху.

Здесь я почувствовал себя дурно от потери крови, передал командование ротой фельдфебелю Екименко и пошел к воротам, где мне сделали перевязку. Екименко с людьми своей роты стащил орудие вниз, а затем при помощи стрелков 2-го полка и оставшихся нераненых артиллеристов доставил его к воротам.

За это время из 7-й роты было ранено 24 человека и убит 1, а затем еще был убит ротный фельдшер и ранен стрелок.

На следующий день я был отправлен в госпиталь.

Печ. по: Материалы для описания военных действий в Китае 1900—1901 гг. Приложение. Часть II. С. 139—145.

Документ № 7

Список генералов, штаб- и обер-офицеров, получивших ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия за военные действия в Китае в 1900–1901 гг.

Чины и фамилии	Степень ордена	За какое дело получили
Генерал-лейтенант Линевич	3-й	За взятие Пекина
Генерал-майор фон-Ренненкампф	4-й 3-й	За поход к Цицикару
Генерал-лейтенант Суботич	4-й	За Мукденский поход и действия в Южной Маньчжурии
Генерал-лейтенант Стессель	4-й	За освобождение от осады Тяньцзиня 10 июня и за штурм Восточного Тяньцзиньского арсенала 14 июня
Генерал-майор Василевский	4-й	Первый взошел на Пекинскую стену и был ранен
Генерал-майор Мищенко	4-й	В 1900 г., будучи окружен в Мукденском районе превосходным по силе противником, пробился, не оставив трофеев
Генерал-майор Модль	4-й	Первый взошел на Пекинскую стену
Генерал-майор Гернгрос	4-й	За защиту Харбина
Полковник Мейстер	4-й	Командуя полубатареей под Пекином, произвел обвал стены, взрыв погреба и заставил замолчать неприятельскую артиллерию на городской стене
Полковник Ширинский	4-й	За вылазку навстречу отряда генерал-майора Стесселя и за взятие при этом одного орудия
Полковник Ладыженский	4-й	За разведку 28 июля с одним казаком неприятельской позиции на Хингане, сопряженную с большой опасностью, результатом чего было полное поражение противника в бою с 2 на 3 августа

Продолжение списка

Подполковник Запольский	4-й	В ночь с 17 на 18 июня с разъездом захватил с боя два неприятельских орудия
Капитан Санников	4-й	10 июня под огнем противника: вырыл три мины, управлял поездом и совершил наводку моста
Капитан Горский	4-й	Разведал Пекинские ворота, с 15 охотниками истребил китайский караул, один из первых ворвался в Пекин и, будучи ранен двумя пулями, остался в строю
Капитан Полторацкий	4-й	Со своей ротой первый взошел на вал Восточного арсенала 14 июня и захватил китайские орудия
Капитан Невский	4-й	Со своей ротой 14 часов удерживался на Пекинской стене и выручил подбитые орудия
Капитан Туров	4-й	10 июня, прикрывая правый фланг отряда генерал-майора Стесселя и будучи окруженным китайцами, пробился
Капитан Врублевский	4-й	Защищая Пекинские миссии во время осады их китайцами, 20 июня с 10 матросами утвердился на Пекинской стене; 16 июля лично произвел вылазку и захватил патроны, в коих была большая нужда; 1 августа во главе маленького отряда взял 4 баррикады и башню городской стены
Штабс-капитан Кривцов	4-й	2 июля на Амуре у поста № 1, командуя артиллерией парохода «Селинга», заставил замолчать превосходящую неприятельскую артиллерию, а 20 июля у Сурхаляна привлек на себя внимание противника, обеспечив тем переправу наших войск через р. Амур
Штабс-капитан Станкевич	4-й	Взял штурмом форт Таку 4 июня
Штабс-ротмистр Григорьев	4-й	За ряд удачных разведок позиции у Тяньцзиня с 2–6 казаками, сопряженных с большой опасностью, результатом чего явилось полное поражение китайских войск 30 июня

Продолжение списка

Сотник Вертопрахов	4-й	25 июля у д. Эюр взял с боя два орудия
Поручик Егоров	4-й	25 июля под Эюром, командуя двумя орудиями, отразил атаку китайцев, а 28 июля под Хинганом заставил замолчать 10-ти орудийную батарею
Штабс-капитан Ржевуцкий	4-й	13 июля под Харбином взял с боя укрепленный завод и захватил два орудия

Печ. по: Военные действия в Китае. 1900—1901 гг. Часть III. Составил генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. С. 299—300.

Документ № 8

Генерал А.Н. Куропаткин об истории российско-китайских отношений и задачах, стоящих перед Россией на Дальнем Востоке

(Фрагменты из книги: А.Н. Куропаткин. Русско-китайский вопрос)

Глава 1

Образование Русского государства и расширение территории его до ныне существующих границ потребовало тысячелетний период времени, причем врагами русского племени являлись многие кочевые и оседлые народности, частью уже исчезнувшие, частью существующие и в настоящее время. Но никогда за всю историю России в числе ее врагов, с которыми приходилось вести вооруженную борьбу, не находились китайцы.

Относительно давно прошедшего времени такое явление совершенно естественно, ибо еще 400 лет назад между владениями Московской Руси и Китаем лежала отделяющая их территория, шириною с запада на восток в 5000 верст, занятая народностями, чуждыми как китайцам, так и русским. Но уже 200 лет назад Россия и Китай пришли в соприкосновение границами свыше чем на протяжении 5000 верст. Между русскими, китайцами и подвластными Китаю народностями, особенно монголами, завязались близкие сноше-

ния. Во многих случаях интересы русских людей в пределах Китая явно нарушались, но Россия продолжала оставаться неизменно миролюбивою по отношению к Китаю. И это миролюбие не вызывалось боязнью китайцев как возможных врагов. Такого чувства у русских людей не было. В России даже преувеличивали слабость китайцев. Так знаменитый путешественник Пржевальский еще 30 лет назад утверждал, что он с одним батальоном русских войск пройдет через весь Китай и в этой, по его мнению, трусливой и не способной к энергичному отпору стране не найдется сил, чтобы остановить горсть русских людей.

Несмотря на очевидную невыгодность сложной границы с Китаем, несмотря на много случаев исправить без жертв со стороны России эту границу, Россия не пользовалась такими случаями.

На чем же основывалась такая политика России по отношению к Китаю? Прежде всего в России твердо верили в слабость Китая и его миролюбие. Затем до самого последнего времени приграничные с Россией местности Китая: Северная Маньчжурия и Монголия были почти пустынны; собственно китайцев в этих местностях было очень мало, и Россия в действительности не имела соприкосновения с многочисленным китайским населением... Наконец, одною из причин миролюбия России был малый интерес, проявленный русским правительством в XVIII и первой половине XIX столетия к ее сибирским владениям. Для многих русских людей Сибирь рисовалась лишь в виде огромной тюрьмы для ссылки всего порочного или опасного в политическом отношении из пределов Европейской России.

За последние 50 лет взаимное положение России и Китая резко изменилось сравнительно с прошлым.

Быстрый рост русского населения в местностях Западной Сибири указал на важность резерва земель, находящихся в восточно-сибирских областях. Нападение англо-французов в 1855 году на Камчатские берега в Петропавловске выяснило полную оторванность от России этих областей, присоединенных к ней еще в XVII столетии. Тогда же было оценено значение р. Амур как мощной водной артерии, способной облегчить связи России с приморски-

ми местностями, ей принадлежащими. Россия вышла из пассивной роли по отношению к Китаю и в 1858—1860 годах не только возвратила Амур, но и присоединила Южно-Уссурийский край. Китай до сих пор не может забыть эти потери.

30 лет назад, в 1880—1881 годах, чуть не возникла война с Китаем из-за Кульджи, устраненная только уступчивостью России.

Проложение Великого Сибирского пути тоже сильно нарушило наши добрососедские отношения с Китаем. Для спрямления пути восточный участок Сибирской дороги был проведен по китайской территории на протяжении 1300 верст. Последовавшее затем приобретение в аренду Квантунского полуострова и прикрепление его к России железной дорогой, прорезавшей густонаселенные китайцами местности Южной Маньчжурии, дало основание китайцам опасаться замысла России подчинить себе все три маньчжурские провинции.

Восстание боксеров, усмиренное в 1900 г. в Маньчжурии русскими войсками, составило первое в истории русско-китайских отношений вооруженное столкновение между Россией и Китаем. Китай со своей стороны принял ряд мер, которые признавал необходимыми для обеспечения целостности своей территории. Главной из них надо признать заселение всей приграничной с Россией полосы в Маньчжурии и Монголии китайским населением. Это заселение уже ведется, особенно в Северной Маньчжурии, в весьма широких размерах. В Монголии китайцами, кроме заселения ее, началось систематическое стеснение русской торговли, вопреки договорам. Образ действий китайцев в Застойном Китае стал настолько вызывающим, что в прошлом году Россия вновь, подобно тому, как то было 30 лет назад по кульджинскому вопросу, была поставлена в необходимость ожидать вооруженного с Китаем столкновения. На этот раз уступили китайцы.

При непрерывно идущем заселении Сибири со стороны России и заселении Маньчжурии и Монголии со стороны Китая пограничные отношения будут все усложняться, причем невыгоды нашей граничной с Китаем линии, мало

заметные при пустынности приграничной с Китаем территории, с каждым годом станут делаться все ощутительнее. Орудия с китайского берега уже и теперь могут обстреливать Благовещенск и Хабаровск, а связь Европейской России с Дальним Востоком по Сибирскому пути по мере заселения китайцами приграничной полосы будет становиться все менее надежною.

Несомненно, что движение, начавшееся 500 лет назад Россиею на восток, и Китая — на запад, ныне вступает в новый период. Это движение прежде всего ознаменовалось одновременной борьбой России и Китая против монгольского ига. Возможно, что и ныне, в зависимости от решения судьбы Северной Монголии и Северной Маньчжурии, XX век или пройдет без вооруженных столкновений с Китаем, или России придется не раз отстаивать возможность спокойного развития своих сибирских владений с оружием в руках.

Вопрос этот имеет важное для России значение и глубоко интересует русское общество.

Глава 3

(...)

Почти во всех сферах деятельности населения китайцы, корейцы, японцы являются противниками русских часто более искусными, менее требовательными, более трезвыми. Неокрепшее еще русское население, как указано выше, ныне теснится желтыми все в большей и в большей степени. Желтые волны уже перекатились через Амур и заливают Русскую землю. Идет мирное завоевание китайцами, японцами и корейцами Приамурского края. Русские в течение 170 лет были оттеснены китайцами от реки Амур за Становой хребет. Теперь русских снова теснят на север, точно Китай готовится опять дойти до Станового хребта. Но и северные русские владения: Камчатка, Охотское море, устье Амура привлекают жадное внимание японцев по огромному рыбному богатству, а американцев — по минеральным богатствам. Японцы уже хозяйничают на нашем побережье, а американцы — на севере Камчатки.

Восточно-Сибирский район примыкает к Китаю на протяжении около 4500 верст. На этом огромном расстоянии

уже свыше двух столетий происходят столкновения русских интересов с китайскими в пределах Монголии, Урянхайском крае и в Северной Маньчжурии. Эти интересы уже приобрели большое значение для России.

Изменение в последнее время Китаем политики по отношению к Северной Маньчжурии и Монголии самым невыгодным образом отражается на русском населении Восточно-Сибирского района. Русских торговцев и золотопромышленников теснят. Обширные угодья по правым берегам Аргуни и Амура, которыми издавна пользовалось русское приграничное население, отбираются китайцами. Взамен этих угодий с китайской стороны привозят контрабандой водку харбинского изделия. На нашем берегу Амура, до восстания боксеров в 1900 г., лучшие для хлебопашества по р. Зее земли были заняты китайцами. Торговля в Благовещенске была в их руках. Уже и тогда враждеб-ные отношения между русскими и китайцами были значительны. Дикая расправа с китайцами в Благовещенске в 1900 году служит тому одним из доказательств.

Сборы всех запасных и выставление всех казаков в Восточно-Сибирском районе в 1900 и 1904—1905 годах тяжело отозвалось на населении, а военные действия в Маньчжурии против китайцев в 1900 году вызвали взаимное озлобление между русскими и китайцами.

Несомненно, что если китайцам когда-нибудь удастся перейти вооруженною рукою через Амур, то при холодной их жестокости начнутся такие ужасы, перед которыми жертвы 1900 года станут ничтожными. Русское население, особенно Приамурья, сознает это и с тревогою ожидает, чтобы великая Россия пришла на помощь своей дальневосточной окраине, защитила ее от внутренней и внешней опасности со стороны Китая и Японии, дала возможность окрепнуть и составить со временем твердый оплот для России со стороны Великого океана.

(...) При начавшемся общем подъеме самосознания среди народов Азии нельзя отвергать возможность в XX столетии колоссальной борьбы азиатских народностей с европейцами.

Первый акт этой борьбы уже имел место на полях Маньчжурии. Одним из следующих актов может быть борьба Китая, после сформирования им многочисленной современного типа армии, против России или других европейских народностей. Эта война при успехе действий со стороны Китая, вероятно, осложнится не только восстанием в Индии, но и в наших среднеазиатских владениях. В росте и укреплении в настоящее время мусульманства в Средней Азии и в малом приросте русского населения кроется слабость нашего положения в Средней Азии.

Это положение особенно станет тревожным, если Китай, справившись с внутренним восстанием, энергично будет продолжать усиливаться в военном отношении в Восточном Туркестане и Джунгарии и создаст железнодорожную связь с Кульджой.

С проведением Сибирской железной дороги, хотя она и будет угрожаться с юга, все же возможно надеяться поддержать связь Сибири с Европейской Россией в случае войны с Китаем.

Кроме того, охрана пределов России со стороны западно- и восточносибирских владений будет облегчаться приграничным русским населением, которое, надо надеяться, вооружится поголовно, но со стороны Туркестанского военного округа вся граница с Китаем, протяжением, как указано выше в три с лишком тысячи верст, окажется в худших, чем в сибирских округах, условиях. Русское население малочисленно и, кроме слабого по численности семиреченского казачьего войска, окажет малую помощь войскам, а железнодорожная связь Семиречья, куда надо ожидать главный удар, не только с Европейской Россией, но даже и с Ташкентом до сих пор не создана.

В ожидании разрыва с Китаем, в 1880 году и в прошлом году, приходилось посылать подкрепления к китайской границе походом по грунтовой дороге на расстояние свыше одной тысячи верст.

Такое положение русско-китайского вопроса на западном участке русско-китайской границы обязывает к скорейшему соединению среднеазиатских дорог с сибирски-

ми и в таком изменении границы, которое оставляло бы Джунгарские ворота, по которым народы Азии проникали с завоевательными целями в Европу, в русских руках.

Желтая опасность грозит России в большей мере, чем другим европейским державам. Ей и должна быть вверена охрана Джунгарских ворот от Тяныланя до Алтая с Кульджей в центре. (...)

Глава 4

Первые сношения России с Китаем относятся к XVI веку...

Еще при царе Иване IV Грозном по его приказу казацкие атаманы Петров и Янышев прошли Монголию и достигли Пекина, но богдыхан не принял их, так как с ними не было прислано подарков — дани.

В 1618 году тобольский воевода послал в Китай казаков Петлина и Кызылкова, которые достигли Пекина и привезли оттуда в Тобольск грамоту.

По мнению Ф. Мартенса, нашей первой дипломатической миссией следует признавать посольство Байкова в 1653 г. Наш посланник девять раз кланялся богдыхану и прикасался лбом до земли, поднес богдыхану подарки, но ничего кроме унижения не добился. Так же неудачна была миссия Спафари(я), ввиду отказа России выдать китайцам бежавшего в наши пределы тунгусского князя Гантимура и отказа Спафари(я) выслушать на коленях грамоту богдыхана к русскому царю.

Утверждение на р. Амур с 1644 года наших казаков и устройство Албазина, совпавшее с воцарением в Китае Маньчжурской династии, вызывало не только пограничные сношения, но и первое вооруженное с китайцами столкновение. В 1667 году горсть русских людей защищала два года Албазин, который был сдан только под давлением голода и полного недостатка боевых запасов. Гарнизон отступил в Забайкалье. Разрушенный китайцами Албазин был восстановлен в 1670 году казаками под начальством Толбузина. Гарнизон в 450 человек храбро сражался с китайцами, осадившими его в числе 15 тысяч человек с 100 орудиями, и хотя сдался, но с правом свободного отступления к Нерчин-

ску. 25 человек из состава гарнизона с священником Леонтьевым были взяты заложниками, прибыли в Пекин и положили основание русской колонии албазинцев и духовной миссии.

В 1685 году Толбузин снова возобновляет Албазин, и китайцы в третий раз в течение двух лет безуспешно ведут осаду, пока не был убит Толбузин и русский гарнизон не покинул добровольно развалин этой крепости.

Царь Алекесей Михайлович с целью установить пограничные отношения с Китаем послал в 1686 году в Китай Ф. Головина в качестве посла и полномочного министра. Ему было дано указание добиваться перенесения русско-китайской границы к югу от Амура. В крайности разрешалось остановиться на реке Амур, как на граничной линии. Русские и китайские уполномоченные съехались в Нерчинске. Китайцы явились в сопровождении значительного отряда войск, но и Головин имел в Нерчинске 2400 русского войска. По донесению Головина, он опасался за свою жизнь и потому был уступчив и крайне неудачно выполнил возложенное на него поручение, подчинившись во всем китайским требованиям. По заключенному им в 1689 году так называемому Нерчинскому договору, русские уступили Китаю Амурский край и были отодвинуты на север до Станового хребта. Поселившихся в бассейне р. Амур русских людей выселили в Забайкалье. В вознаграждение русско-подданные получили право торговли в Китае.

Нерчинским договором установлен первый участок нашей границы с Китаем по реке Аргуни до впадения ее в реку Амур, протяжением в 688 верст. Несмотря на крайнюю невыгоду этой граничной черты, принятой под впечатлением неудач под Албазином, русские не изменяли ее до настоящего времени, то есть в течение 215 лет.

Через несколько лет после заключения Нерчинского договора вступивший на престол Петр I послал посольство с целью разрешить вопрос об отношениях пекинского правительства к монгольскому вопросу. Посол не был принят богдыханом, потому что в грамоте имя богдыхана было поставлено ниже имени Русского Царя.

Но когда понадобилось содействие России, китайцы быстро изменили тон и стали временно руководствоваться обычаями европейской учтивости и условиями доброго соседства. Содействие это понадобилось против джунгаров (калмыков), с которыми китайцы вели войну с целью подчинения их.

В 1712 году в Россию прибыл монгол Тулишен просить разрешения русского правительства поднять поселившихся в России по Волге и к северу от Каспийского моря калмыков с целью напасть на джунгаров с тыла.

Пользуясь переменой в настроении китайцев, Петр I послал особую миссию в Китай в 1719 году с целью урегулировать торговые отношения между двумя государствами. Миссия прожила в Китае шесть лет, ничего не добилась, а когда русские отказались выдать китайцам 700 монголов, искавших убежища и защиты в России, нашей миссии было приказано выехать из пределов Китая, и в 1722 году китайцы начали деятельно готовиться к войне с Россией. Смерть богдыхана Канси остановила это предприятие.

В 1725 году императрица Екатерина I отправила графа Рагузинского заключить с Китаем новый договор. Потребовалось почти два года самых настойчивых усилий со стороны нашего посла, чтобы заключить в 1727 году Кяхтинский договор.

Китайские уполномоченные предъявляли чрезвычайные требования. Они утверждали, что вся страна до г. Тобольска включительно принадлежит Китаю. Когда такое нелепое требование было отвергнуто, они настаивали, чтобы граф Рагузинский подписал трактат, определявший границу Китая по р. Ангаре, причем к Китаю отходила вся Забайкальская область и часть Иркутской губернии с городом Иркутском. После таких требований Рагузинский считал достигнутый им результат выгодным для России. В действительности Кяхтинский договор, определивший нашу границу с Монголией на 2484 версты, оставил в руках Китая верховья реки Енисей, оставил в руках китайцев плодородную, вполне пустынную в то время местность между Ургою и Кяхтою, шириной в 300 верст, и оставил в неопределенном положении

Урянхайский край, на который русские со времени подданства Алтын-хана имели большее, чем китайцы, право, и тем не менее русские терпеливо переносили все невзгоды этой границы в течение почти 200 лет, пока пекинское правительство не начало опасного для России заселения Северной Монголии китайцами.

Когда через несколько лет после заключения Кяхтинского договора потребовались дополнения к договору с целью лучшего обеспечения нашей торговли, китайское правительство в своих актах, относящихся к переговорам 1792 года, допустило оскорбительные для русского достоинства выражения. Оказывалось, что правительство богдыхана вновь снизошло на «усиленные, смиренные просьбы Руссии, и великий, святейший государь (Китая), милосердуя единообразно о всех живущих, соизволил ясно рассмотреть благосклонное прошение российского Сената, единожды оказал небесную милость, сниспослав милостивый указ об открытии торга на Кяхте».

При Анне Ивановне китайцам снова понадобилась помощь русских, и они опять сделались очень ласковыми. В 1731 году в Москву прибыло китайское посольство с целью искать союза России против джунгаров. Отказав в союзе, русское правительство разрешило посольству отправиться из Москвы к хану калмыцкому, нашему подданному, кочевавшему по Волге, и просить у него помощи против джунгаров, предводимых Кайтайши и Галдан-цереном.

Во второй половине XVIII столетия наши отношения с Китаем несколько раз становились очень натянутыми, вследствие отказа России выдавать укрывавшихся в наших пределах монголов, в особенности после отказа выдать предводителя джунгаров Амурсану. Даже когда Амурсана умер, китайцы требовали выдачи его трупа и заключили наших послов в тюрьму. Русской торговле делались всевозможные затруднения, а один раз китайцы приостановили всю нашу торговлю на семь лет.

Русские купцы были всегда уступчивы пред китайцами, что только усиливало их надменность. С прибытием каждого каравана в Пекин, даже казенного, приходилось

испытывать ряд унижений. Китайцы капризничали, брали взятки, задерживали продажу привезенных товаров и обмен их. Один из русских посланцев, Шкуров, прибывший в Пекин во главе казенного каравана, был принят китайскими министрами «нагишом, в одних портках», под предлогом жары. Относительно другого, Алексея Владыкина, китайское правительство писало нашему Сенату: «Алексей при торгах человек небывалый и глупый. Впредь от вашего Сената с караванами не присылать таковых». Это было в 1755 году, когда с Владыкиным прибыл казенный караван. Долгое время фактически весь Китай был закрыт для русской торговли, и вся торговля сосредоточивалась лишь на одном пути: Кяхта — Урга — Калган — Пекин. При этих условиях торговля не могла развиваться.

В век Екатерины II были временно прекращены всякие официальные сношения с Китаем.

Вопрос о выдаче китайцам монголов и джунгаров, спасавшихся в наших пределах, был большей частью главной причиной возникавших затруднений в наших сношениях с Китаем.

Но когда часть калмыков в числе 10 тысяч человек перекочевала из пределов России на подчиненную китайцам территорию и увела с собой 150 русских, китайцы отвергли все русские требования, которые в конце концов ограничились только возвратом увезенных в плен русских. Но возвратить их не удалось.

Со вступлением на престол императора Александра I в Пекин было отправлено блестящее посольство с графом Головиным во главе. Главными пунктами миссии было добиваться открытия для торговли всей китайской территории, получить право пользоваться рекою Амур и устраивать на этой реке и в ее устье склады товаров.

Посольство это не достигло поставленных ему целей. Наглость китайских сановников дошла до того, что в Урге от графа Головина потребовали, чтобы он девять раз поклонился в ноги мандаринам, прибывшим из Пекина в Ургу. Головин даже соглашался сделать установленный поклон в ноги пред самим богдыханом, но китайские власти не хотели уступить, и посол наш возвратился в Петербург.

Александр I, занятый устройством европейских дел, даже и таких, которые вовсе не касались России, не имел уже сил и желания отстаивать русские интересы, и оскорбление русского посла осталось ненаказанным.

Как безучастно относилось наше правительство в первой половине XIX века к защите русских интересов против китайцев, видно из следующего факта. В 1824 году китайцы выслали в подчиненную нам киргизскую степь Средней Азии отряд в 300 человек с целью поставить ханом этой орды выбранного ими Габайдулу, русско-подданного. Сибирские власти, узнав об этом, выслали со своей стороны тоже отряд русских войск для захвата этого китайского ставленника, в чем и успели. Министр иностранных дел, всемогущий Нессельроде, опасаясь осложнений с Китаем, предписал «устранить все, что могло бы препятствовать прибывшему из Кульджи амбаню в достижении цели его экспедиции». В то же время было приказано «заметить Габайдуле с кротостью несовместимость его настоящего поведения с обязанностью российского верноподданного».

В 1854 году Н. Муравьев, пользуясь затруднениями Китая, внутренними и внешними, снова занял р. Амур и в 1858 году заключил Айгуньский трактат, по которому Китай признал границу России по Амуру. Через два года граф Н. Игнатьев, явившись в Пекин в роли посредника между Китаем с одной стороны и Англией и Францией — с другой, заключил знаменитый Пекинский договор, по которому за Россией был утвержден обширный Уссурийский край. Деятельностью двух выдающихся по таланту, энергии и пониманию китайцев русских людей в шесть лет времени без пролития капли крови Россия, отодвинутая к Становому хребту, получила границу по рекам Амуру и Уссури на протяжении 1568 верст.

Ввиду пустынности в то время пограничной к р. Амуру полосы Северной Маньчжурии и слабости Китая невыгодные стороны новой границы с Китаем не выдавались рельефно.

Но как только китайцы оправились, они стали нарушать приобретенные по договорам Айгуньскому и Пекинскому Россией права в Маньчжурии и Китае, не допускали русских

людей торговать в Маньчжурии и препятствовали судоходству по р. Сунгари. До сих пор Китай ждет случая снова оттеснить русских на север и запад и готовит к тому средства.

В 1864 году, в то время когда Китай уже был объят восстанием и все его Застенные владения отпали, русскими и китайскими уполномоченными был подписан так называемый Чугучакский протокол, 25 октября 1864 года. Этим протоколом определялась граница России с Китаем даже в той части, где Китай в то время еще граничил с Кокандским ханством. Общее начертание границы не было выгодно для России, и такие местности, как, например, долина Эмиля, оставались в руках Китая. Насколько заключение этого протокола было преждевременно, видно из того, что приведение его в исполнение могло последовать только через 20 лет.

В 60-х годах прошлого столетия, когда Китаю пришлось переживать тяжкие внутренние мятежи, китайцы снова становятся предупредительными к русским. В особенности русские оказались нужны китайцам, когда китайские войска с Цзо Цзунтаном во главе стали продвигаться в Застенном Китае вперед, усмиряя мусульманское и дунганское восстания, и должны были одолеть пустыню Гоби. Наиболее тяжелый для них участок составлял путь от Хами до Кульджи в 1300 верст. Вся местность была разорена. К безводию присоединилось отсутствие продовольствия. Русские торговцы из сибирских местностей, смело продвинувшиеся до пунктов сбора китайских войск, встречались на этот раз как дорогие гости.

Но, несмотря на трудность положения, когда русские были вынуждены в 1871 году занять Кульджу, китайцы, еще отделенные от нее местностями, находившимися в руках восставших, свыше чем на 2000 верст, уже заявили требования о возврате им Кульджи.

Население Кульджи оказало русским войскам при занятии Илийского края очень слабое сопротивление и покорилось, получив обещание, что занимаемый русскими край никогда не будет передан китайцам. Несмотря на такое обещание, данное в Кульдже, в Пекине, за 4900 верст

от Кульджи, наш посол Влангали обещал китайцам возвратить им Кульджу, когда в отложившихся от Китая областях китайцы восстановят свою власть и безопасность пограничных русских владений будет обеспечена на будущее время. Потом такое решение оправдывалось существовавшею уверенностью, что китайцы никогда до Кульджи не дойдут. Но сами русские и помогли им преодолеть пустыню, отделявшую Хами от Кульджи. При деятельном содействии полковника Сосновского сибирский купец Каменский поставил в 1876—1880 годах в Гучен, в пункт сбора китайских войск, один миллион пудов пшеницы, вывезя ее из Кульджи. Китайцы охотно заплатили ему за пуд по 5 руб. Всего Каменский брался поставить три миллиона пудов. Пшеница в Кульдже в 1876 году стоила 15 коп. за пуд, а вследствие скупки ее Каменским, в 1877 году, поднялась до 60 коп., что отозвалось на стоимости продовольствия наших войск.

Бывший туркестанский генерал-губернатор Кауфман ясно сознавал невыгодность для России соседства в Туркестане с Китаем и был сторонником присоединения Кульджи к России и поддержания власти Якуб-бека в Кашгарии, где этот даровитый хан уже правил 13 лет. Кауфману с основанием представлялось более выгодным для России иметь в соседстве с Туркестаном слабое мусульманское государство-буфер подобно Афганистану, чем сомкнуться в Туркестане с Китаем, располагающим неистощимыми материальными ресурсами.

Посланному генералом Кауфманом с дипломатической миссией к Якуб-беку капитану Куропаткину в 1876 году, в целях определения границы между Ферганской областью и Кашгарией, пришлось выслушать в г. Курля от Якуб-бека горькие упреки в двоедушии русских. Якуб-бек с основанием указывал, что не может верить словам русского посланца, когда недалеко от Курля, в Урумчи, в лагере его врагов-китайцев «такой же русский офицер, Сосновский, ставит провиант китайцам, без которого они не могли бы продвинуться вперед».

Но как только китайцы с помощью русских достигли пределов Кульджи и разбили Якуб-бека, тон их по отноше-

нию к русскому правительству быстро изменился. Они стали требовать возвращения им Кульджи, а в случае отказа грозили войной. Для ведения переговоров в Петербург прибыл один из самых высших сановников, родственник царствовавшего дома Чунхау. После очень долгих переговоров, в течение которых китайский уполномоченный постоянно сносился со своим правительством, был выработан так называемый Ливадийский трактат, подписанный в октябре 1879 года в Ливадии. По этому договору часть Кульджи с Музартским проходом оставалась в русских руках.

Но затем произошел еще небывалый в истории сношений России с Китаем случай: богдыхан отказался от ратификации этого договора. Дипломатические сношения были прерваны, и обе державы начали готовиться к войне. Русский флот с Лисовским появился у китайских берегов: значительный отряд войск спешно сосредоточивался в Кульдже.

По мнению Ф. Мартенса, достоверные известия доказывают, что национальная партия пекинского двора с Цзо Цзунтаном во главе желала воспользоваться Ливадийским трактатом как поводом, чтобы вызвать общий кризис в сношениях с европейскими державами. Начав кровавую борьбу с Россией, партия эта намеревалась произвести общее избиение иностранцев.

Россия и на этот раз уступила и, по Петербургскому договору 1881 года, отказалась от Кульджи, выговорив обширные льготы по торговле в Застенном Китае и получив небольшое денежное вознаграждение на покрытие убытков русско-подданных, пострадавших от восстания в западных китайских провинциях. Ближайшим последствием Кульджинского договора было выселение из Кульджи в русские пределы 50 тысяч таранчей и дунган, обманутых в своих надеждах стать русско-подданными, оставаясь в Кульдже. Эти новые поселенцы заняли места, нужные для русской колонизации.

История с Ливадийским трактатом и возвращение Кульджи Китаю уронили престиж России в Азии и придали Китаю еще более веры в слабость России и свою силу.

Овладев в 1881 году всеми восставшими местностями, Китай начинает работу по обращению всех вассальных зе-

мель Застенного Китая в китайские провинции. Прежде всего внимание Китая было обращено на Северную Маньчжурию. Туда началась колонизация, усиливались войска, строились укрепления. Уже в 1876 году китайское правительство отменило все меры, стеснявшие переселение китайцев в Маньчжурию, и сравняло их в правах с маньчжурами.

В 1885–1886 гг. Китай предъявляет к России требования отказаться в Южно-Уссурийском крае от территории, занятой русскими селениями Новокиевское, Новгородское, Савеловка и уступить китайцам залив Посьет. Они стремились отрезать Россию от Кореи. Претензии китайцев были отвергнуты, за исключением уступки небольшого захвата земли у д. Савеловки.

В 1894 году временным соглашением с Китаем определен последний участок границы между Китаем и Россией на Памире от афганской границы до перевала Уз-бель, протяжением в 295 верст.

Но и это разграничение едва не вызвало серьезного осложнения. Весной 1893 года китайцы проникли в наши владения и стреляли по разъездам Памирского отряда. По указаниям из Министерства иностранных дел, начальнику Памирского отряда было приказано стараться «очистить нашу территорию от китайцев мирными средствами».

(...) Ряд пограничных недоразумений, возникших вследствие враждебной по отношению к русским интересам политики китайского правительства, вызвал отправку 3 февраля 1911 года китайскому правительству ноты. Китай, по установившемуся обычаю, ответил канцелярскою отпискою. Тогда русский посланник в Пекине передал китайскому правительству ноту, носившую характер ультиматума. Китайцы обязывались дать удовлетворение по всем 6 пунктам первой ноты; в противном случае русское правительство возвращало себе свободу действий и возлагало на китайское правительство ответственность за проявленное упорство.

14 марта был получен ответ, в котором искусно перемешаны возражения на наши требования и в то же время их признание. Во всяком случае, китайцы уступили, а русское правительство признало ответ удовлетворительным.

Разрыв и в этот раз был избегнут.

Как ни кратко приходилось излагать ход сношений России с Китаем, все же можно видеть, с какой настойчивостью китайцы, заключив в чем-либо невыгодный для них договор, начинали нарушать его. При этом, особенно за весь период сношений с Китаем, страдало наше купечество, попадавшее в Китай. В то время как европейские купцы, явившиеся в Китай под защитою флотов и штыков держав, к которым принадлежали, требовали к себе со стороны китайцев исключительного внимания и даже по маловажным причинам прибегали к защите своих дипломатических представителей, русские торговцы в Застойном Китае в большинстве случаев являлись беззащитными или вследствие отдаленности места жительства русских консулов, или нежелания консулов из-за интересов русских торговцев увеличивать свою работу и портить отношения с китайскими властями.

(...) В Северной Маньчжурии китайцы после русско-японской войны ведут себя по отношению к русским вызывающим образом. Несколько месяцев назад при проезде какого-то китайского принца в отдельном вагоне при остановке поезда в Харбине ему был выставлен почетный караул. Все начальство в мундирах и русских орденах собралось встретить этого принца. Войска держали ружья «на караул», играла музыка. Но вот из вагона, занятого принцем, показался какой-то грязный китаец. Разыскав в толпе японского консула, он поманил его, ввел в вагон, а русские генералы так и остались все время стоять на платформе с недоумевающими чинами почетного караула. Поезд тронулся, оставив тягостное впечатление от этого унижения достоинства русского имени и русского войска. И никому не пришло в голову распорядиться отцепить вагон с зазнавшимся от избытка русской угодливости китайским пассажиром.

Глава 6

На всем огромном протяжении нашей границы с Китаем от Омска до Петропавловска на Великом океане еще 50 лет назад было расположено лишь несколько линейных батальонов и казачьих полков.

Только после передачи Кульджи китайцам в 1881 году, когда в России убедились во враждебном к нам настроении Китая и его готовности затеять войну с нами, начинается и усиление наших войск на Дальнем Востоке. Еще с 1880 года китайцы начали усиленно передвигать войска в Северную Маньчжурию, и скоро общее число расположенных там войск дошло до 20 тысяч человек. Но еще в 1884 году во всем Приамурском военном округе было расположено лишь 12 русских батальонов пехоты. В 1894 году число это увеличилось до 20, и в 1903 году на Дальнем Востоке России пришлось содержать 63 батальона. За 20 лет времени число русских войск на этой окраине пришлось увеличить в пять раз.

Ныне, как только внутреннее восстание в Китае будет подавлено, китайское правительство при помощи нашей Восточно-Китайской дороги и на русские деньги, если мы будем участвовать в займах, делаемых Китаем, может быстро сосредоточивать в Северной Маньчжурии стотысячную армию, хорошо вооруженную, обученную и предводимую китайцами, получившими военное образование, или даже иностранными инструкторами, принявшими китайское подданство.

Еще в мирное время, наводнив наши области китайским населением, подготовив себе хорошую базу в Северной Маньчжурии, китайцы при первом удобном случае могут вызвать вооруженное с Россией столкновение, поставив ближайшей целью оттеснение русских за Байкал.

(...)

Глава 8

В течение свыше 200 лет, с начала сношений России с Китаем, не прерывается мир между этими двумя государствами. Такому результату способствовало исключительное по отношению к Китаю миролюбие России, пустынность прилегающей к России пограничной полосы и военная слабость Китая...

Две волны, русская с запада и китайская с востока, захватив несколько миллионов людей, двигаются навстречу одна к другой, приходя в многообразное трение. Чем бли-

же к востоку, тем это трение заметнее по напряжению и опаснее по вероятному результату. Этот результат — неизбежное осложнение отношений между Россией и Китаем, разрыв этих отношений и война. Несоблюдение договоров со стороны Китая, начавшееся с 80-х годов прошлого столетия, принимает хронический и все более острый характер.

В прошлом году русскому правительству уже пришлось поддерживать свои требования в форме ультиматума. Китайцы уступили, но возникновения новых серьезных осложнений, с заселением приграничной полосы, вместо мирного кочевого населения, враждебно настроенными к нам китайцами, возможно ожидать ежедневно. Эти осложнения с каждым годом станут получать все более опасный характер, ибо одновременно с колонизационною деятельностью в местностях, прилегающих к нашей границе, китайцы принимают меры к усилению этих местностей в военном отношении и не только в видах обороны, но и для наступления...

Россия во второй половине прошлого столетия вошла с Китаем в соприкосновение на 9000 верст. Основываясь на слабости Китая, надеясь на его миролюбие, Россия не воспользовалась возможностью отторжения от Китая части его Застойных владений во время мусульманского и дунганского восстаний, чтобы исправить и сократить границу свою с Китаем. Оправившись, при содействии России, Китай уже 30 лет назад перешел в наступление против России. Пробуждение народностей Азиатского материка, выразившееся в особо яркой степени в Японии, повело к неожиданным событиям на Дальнем Востоке, к которым Россия оказалась неподготовленной. Престиж не только России, но вообще европейцев после борьбы на полях Маньчжурии умалился в тревожной степени...

Относительно китайского племени различными исследователями высказывались весьма разноречивые мнения. Но все они сходятся в определении главных особенностей, характеризующих китайскую расу: большой трудоспособности, неприхотливости к пище, одежде, жилищу, разме-

ру заработка, настойчивости в преследовании поставленных целей, жестокости, крепости нервной системы, способности спокойно встречать смерть. Эта последняя черта китайского характера особенно важна для создания из них в будущем отличных солдат. Китайцы, задавшись каким-либо планом, не спешат приведением его в исполнение, а терпеливо ждут благоприятной обстановки. Терпение китайцев связано с их конфуцианской религией. Конфуций поучал так: «Что всего более нужно на этом свете — это терпение». Не исповедуя конфуцианство, русские в течение 200 лет следовали его учению: терпеливо переносили все невыгоды границы с Китаем, обнаруживали во всех случаях уступчивость, граничащую со слабостью.

Пример Японии указывает, каких результатов в военном отношении при усовершенствованных средствах войны можно достигнуть в самое короткое время. Поэтому русскому терпению по отношению к Китаю должен быть положен предел. Ввиду надвигающихся в Азии событий для России необходимо безотлагательно выработать программу действий по отношению к Китаю. Несомненно, что Китай под давлением переживаемой им внутренней смуты не поскупится на обещания с целью сохранить всю территорию Застенного Китая...

Заключение

Из всего вышеизложенного возможно сделать следующие заключения:

Образ действий Китая на русско-китайской границе в последние 30 лет создал для России настоятельную необходимость в изменении границы с Китаем.

Такое изменение должно иметь целью снова создать между Россией и Китаем пустынную полосу.

Направление границы от горы Хан-Тенгри на запад к порту Владивосток на востоке наиболее отвечает интересам России. При этом начертании северные части Маньчжурии, Монголии и Синьцзянской провинции отойдут в сферу владения или влияния России, а пустыня Гоби отделит Россию от Китая.

Происходящее ныне в Китае революционное движение облегчает возможность ныне же приступить к изменению русско-китайской границы, как указано выше.

Свержение Маньчжурской династии благоприятно для России, ибо облегчает присоединение Северной Маньчжурии.

Объявление монголами независимости благоприятно для России, ибо облегчает включение Северной Монголии (Халха) в сферу влияния России. Объединение северных халхаских монголов с внутренними невыгодно для России, ибо Внутренняя Монголия, отделенная от Северной пустынею Гоби, не представляет интереса для России.

Разделение Внутреннего Китая на две империи не противно интересам России.

Задаваясь такою программою действий в Азии, Россия должна получить свободу распоряжения всеми своими вооруженными силами на случай новых осложнений на Дальнем Востоке. Эта свобода должна быть достигнута прежде всего соглашением по делам Ближнего Востока с Австрией и Германией.

Но надвигающаяся с востока желтая опасность грозит не одной России, но всей Европе. Поэтому и для борьбы с ней необходимо соглашение по делам Дальнего Востока между всеми великими державами Европы.

Печ. по: А.Н. Куропаткин. Русско-китайский вопрос. С.-Петербург, 1913. 224 стр.

Материал № 9

О внешней политике Российской империи на Дальнем Востоке

(Из брошюры: Максимов А.Я. «Наши задачи на Тихом океане»)

Предисловие

Уже издавна Россия начала стремиться к свободным морям и океанам. Это стремление, с самого его начала, три века тому назад, приняло поразительный, стихийный ха-

рактер. Россия ширилась к окружающим морям неудержимо, под давлением, как будто, неотразимого наития свыше.

Хорошо известно, что первыми русскими пионерами движения на далекий Восток были удальцы-казаки, с незабвенным Ермаком во главе. Люди невежественные, отверженные законом за былые преступления, оказались охваченными жаждой славных дел в духе русского богатырства. Вдохновленные Ермаком, они задумали совершить беспримерный подвиг — пробиться через необъятную, неведомую Сибирь к Великому океану. Удальцы-казаки, двинувшись на Восток, даже не подозревали всей трудности задуманного геройского предприятия; они совершенно не сознавали также, что пробивают своею богатырскою грудью титанический путь, которым польется к Тихому океану могучая русская жизнь. Мы не станем останавливаться на удивительной истории легендарного движения наших славных пионеров на крайний Восток: она знакома почти каждому грамотному патриоту, свято хранящему в своем сердце память о народном герое Ермаке Тимофеевиче...

Петр Великий прорубил окно в Европу, хорошо сознал в свое время, что отвоеванные им моря, Балтийское и Черное, — моря замкнутые, в которых негде будет развернуть во всю ширь могучую силу создаваемых им флотов. Недаром окинул он орлиным взором север, силясь найти там лучшие географические и стратегические условия; недаром, наконец, поощрял национальное движение на крайний восток, по пути, пробитому удальцами Ермака. Великий гений Петра искал, несомненно, свободный океан, к которому могла бы припасть Россия своею широкою богатырскою грудью.

После трехвекового, единственного в истории человечества наступательного движения русской народности на восток Россия прочно встала на берегах Великого океана; но Камчатка с Петропавловским портом, а также Амур с Николаевским портом не могли удовлетворить государственным и политическим нуждам империи. Явилась неотложная надобность приблизиться к Китайскому морю — импульсу всей тихоокеанской коммерческой деятельности. Явилась потребность в аванпосте, удобном для наблю-

дения за быстро развивавшейся политической жизнью азиатских держав крайнего Востока. Наши государственные люди начали сознавать необходимость дальнейшего движения русского господства с севера на юг, по берегу Великого океана, к широте, где можно отыскать незамерзаемый порт, столь нужный для империи. Приобретя Уссурийский край с превосходными бухтами и гаванями, а также с неистощимыми запасами каменного угля на о-ве Сахалин, мы овладели, наконец, богатой окраиной, прилежащей к незамкнутому Японскому морю. Мы пока остановились, удовлетворенные сравнительными качествами Владивостокского порта. Нам казалось, что мы достигли уже прочного базиса, опираясь на который Россия может будто бы смело направить свои морские силы на энергичную борьбу с врагами, грозящими захватить в свои хищнические руки всемирную гегемонию...

Так рассуждая, наши государственные деятели были правы в известной мере...

Действительно, укрепившись в Южно-Уссурийском крае, Россия мирно отвоевала полуоткрытую дверь в Тихий океан, дверь, которую тщетно мы стараемся прорубить во враждебной нам Европе, справедливо опасающейся богатырского роста великой славянской державы. Никто не станет также отрицать, что только с крайнего Востока мы можем угрожать английским колониям и торговле, находящимся в сфере этого дальнего побережья. Мы говорим «английским» потому, что преимущественно интересы Великобритании, в силу странных обстоятельств, постоянно сталкиваются с нашими на всех пунктах земного шара, куда бы ни обратила Россия своего честного, гуманного взора.

Нельзя сомневаться, кроме того, в том, что наш далекий Восток, даже при настоящих условиях, обладает всеми данными для широкого развития крейсерского флота. Это особенно хорошо сознают англичане, которые много указывали своему правительству на грозовую тучу, неожиданно скопившуюся вблизи Китайского моря, — центра многомиллионной английской торговли.

Тем не менее наша национальная миссия на берегах Великого океана не кончена. Нам остается еще *«кое-что»*

сделать для утверждения своего владычества на Дальнем Востоке, а что именно — мы попробуем, хотя отчасти, выяснить в прилагаемых ниже политических этюдах. Насколько успеем в своем намерении — рассудят те, в чьи внимательные руки попадет наша литературная лепта.

А.Я. Максимов

С.-Петербург,
Октябрь 1894 г.

Россия и Китай

I.

Первые сношения России с Китаем начались в половине XVII столетия, когда горсть отважных казаков присоединила к русским владениям обширный Амурский край. Сорок лет сряду русские были полными хозяевами всего течения реки Амура, сплавляли по ней в Охотское море товары, основали в разных ее пунктах остроги и земледельческие поселения. Маньчжуры, устрашенные геройскими подвигами казаков, их непоколебимым мужеством и отвагой, присмирели и выжидали только случая избавиться от непрошенных, воинственных соседей. Случай этот представился в скором времени.

В смутный период правления царевны Софьи связь между метрополией и обширным, вновь приобретенным краем порвалась. Горсть казаков была предоставлена собственным слабым силам. Маньчжурские полчища воспользовались случаем и осадили наш оплот на Амуре — город Албазин, павший в 1685 году, после геройской защиты. Падение Албазина вызвало тяжелый для России Нерчинский трактат, заключенный в 1689 году Головиным, присланным в Нерчинск из Москвы. В силу этого несчастного трактата, вынужденного насилием Маньчжур, Амурская область была уступлена Китаю, город Албазин, только что возобновленный после погрома 1685 года, разорен до основания, и русские переселенцы возвращены в Забайкалье. Одним взмахом пера Россия потеряла все, что приобрела после многолетнего, настойчивого, геройского движе-

ния к Тихому океану. По поводу этого тяжкого трактата старая сибирская летопись с горечью говорит: «Россияне несправедливым образом, перемогающею силою неприятелей, с Амура вытеснены и, что еще несправедливее, насильственным мирным заключением река Амур за китайцами осталась».

Более полутораста лет отношения России к Китаю носили отпечаток этой крупной неудачи. Богдохан почитался нами столь же могущественным, как и султан в былое, старое время. Верхом разума в русской политике считалось искусство не раздражать этого баснословного властелина, считавшего русского царя своим вассалом. Видя нашу постоянную уступчивость, Китай убедился в своем мнимом могуществе и был уверен в нашей политической слабости. Высокомерие богдоханского правительства достигло необычайных пределов. Наши торговые интересы страдали, просьбы оставались без удовлетворения; все представления русского правительства не удостаивались даже ответом; посольства наши терпели всевозможные унижения, дерзости и возвращались ни с чем. Между тем всего за двадцать лет до несчастного Нерчинского трактата русское имя окружалось в Китае ореолом величия и непобедимого богатырства. Послы-казаки, отправленные в Китай начальником Нерчинского острожка Данилой Аршинским в 1670 году, гордо стояли перед могущественным богдоханом в шапках, говорили смело и, не стесняясь, предлагали «Богдойскому царю искать милости и жалованья у российского царского величества, учиниться под высокую его царского величества рукой и давать дань великому российскому государю»...

Все это обаяние русского имени рушилось тотчас же после заключения оскорбительного для нашей национальной гордости Нерчинского трактата.

Попытки Петра Великого установить более правильные торговые сношения с Китаем не привели ни к каким благоприятным результатам. Китайские императоры смотрели на Россию с недосягаемой высоты своего богдоханского величия и нередко грозили ей войной, как только исполне-

ние их требований, иногда самых дерзких и бессмысленных, несколько затягивалось. При этом они не находили, с своей стороны, нужным снисходить «к мольбам» русского правительства, считая такое снисхождение «к варварам» унижением богдоханского величия. Только в 1728 году правительство «могущественного Дайцинского государства» снизошло, наконец, «на усиленные покорные» просьбы России и заключило в Кяхте договор, положивший основание нашим торговым сношениям с Китаем. Впрочем, эти сношения были крайне непрочны. Они нередко прерывались разными размолвками, вроде побега в Россию (в 1756 г.) джунгарского хана Амурсаны, подавшего китайскому правительству повод прекратить торговые сношения, допущенные кяхтинским договором, на шесть лет. При этом русская миссия в Пекине была заключена в тюрьму.

В 1785 году возникли новые недоразумения вследствие грабежа наших бурят, послужившие поводом к новому прекращению торговли в Кяхте. Во всех этих случаях русское правительство преклонялось перед дерзкими китайскими требованиями почти беспрекословно, опасаясь раздражить высокомерное богдоханское правительство. Тем не менее Россия хлопотала о новом торговом трактате, в виду крайней неопределенности Кяхтинского договора. В 1792 году правительство богдохана вновь снизошло на «усиленные смиренные» просьбы России и подписало новый торговый договор, в котором, между прочим, было сказано: «Великий святейший государь (Китая), милосердствуя единообразно о всех живущих, соизволил ясно рассмотреть благосклонное прошение российского сената, единожды оказал небесную милость, ниспослал милостивый указ об открытии торга на Кяхте».

Мы невольно преклонились перед подобным диким высокомерием китайского правительства и, заведя новые торговые отношения, покорно выносили грубый произвол китайских чиновников, тормозивших всеми силами правильное исполнение заключенного договора. Русские торговые люди подвергались всевозможным притеснениям и терпе-

ли большие убытки вследствие постоянного нарушения пунктов договора со стороны китайцев.

До начала пятидесятых годов русское правительство терпеливо сносило высокомерие Китая, держалось оскорбительной для национальной гордости политики приниженного заискивания и не рисковало беспокоить богдоханское правительство самыми законными просьбами. Только в 1851 году России удалось заключить в Кульдже новый торговый договор и получить дозволение на устройство торговых факторий в Кульдже и Чугучаке. Заключение этого договора прошло без особенных затруднений благодаря жестокому удару, нанесенному высокомерию китайского правительства англичанами в начале сороковых годов. После короткой борьбы с Англией Китай был принужден заключить с последней унизительный Нанкинский договор (в 1842 году), по которому заплатил 28 млн. рублей контрибуции, уступил остров Гонконг и открыл для европейской торговли пять портов.

В пятидесятых годах положение Китая еще более ухудшилось: ему приходилось вести одновременно тяжелую борьбу не только с внешними врагами, французами и англичанами, но и с внутренними — мятежниками тайпинами. Этот момент оказался чрезвычайно удобным для разрешения жгучего амурского вопроса и других, накопившихся за прежнее время, недоразумений.

Благодаря появлению нового политического деятеля, Н.Н. Муравьева (впоследствии графа Амурского), хорошо понявшего, как надо держать себя с высокомерным и в то же время крайне нерешительным, трусливым китайским правительством, наш слабый, уступчивый, полный заискивания и нередко даже лишенный достоинства образ действий неожиданно изменился в решительный, настойчивый, энергичный. Генерал Н.Н. Муравьев, ознакомившись с характером китайцев, пришел к заключению, что лучший способ действия с этим двуличным народом — самая упорная настойчивость, опирающаяся на силу. Он отлично знал, что китайцы легко доходят до дерзости, когда видят, что боятся их раздражить, и делаются робкими и уступчивы-

ми при должном проявлении силы, достоинства, энергии и настойчивости. Новый деятель на поприще нашей политики с Китаем хорошо раскусил народ, с которым он имел дело. Проявляя необыкновенную решительность в своих действиях, настойчивость в требованиях и энергию при устранении всех лежавших на пути препятствий, генерал Н.Н. Муравьев разом поднял на крайнем Востоке совершенно стертое временем обаяние русского имени, быстро достиг неожиданного и беспримерного успеха. Замечательно, что генерал Н.Н. Муравьев решился покончить с амурским вопросом в самое критическое для России время, когда, имея уже дело с сильнейшими врагами, ей должно было быть особенно осторожной с соседним государством, имевшим с ней более пяти тысяч верст общей границы и находившимся, кроме того, уже под влиянием наших европейских врагов. Занятием Амура в эту самую минуту Н.Н. Муравьев указал тот единственный способ действий, который может иметь успех при сношениях с Китаем.

Итак, с 1854 года Амур снова сделался русской рекой. По ней пошло движение вверх и вниз; на берегу ее, посреди земель, считавшихся еще китайскими, явились русские селения, склады провианта и казенного имущества. Уже в 1857 году водворено было по верхнему течению Амура 450 семейств. Китайцы, по всей вероятности, сочли бы такую колонизацию нарушением мирных условий, но у них были уже связаны руки: Франция и Англия вновь отвлекли их внимание в противоположную сторону.

Таким образом, генерал Н.Н. Муравьев, воспользовавшись внешними и внутренними затруднениями Китая, вновь овладел обширным Амурским краем, овладел без выстрела, без всяких жертв со стороны государства, показав только нашу незначительную, военную, сибирскую силу.

В 1858 году генералу Н.Н. Муравьеву удалось заключить с князем И Шань Айгуньский трактат, освятивший приобретение обширной территории, фактически уже принадлежавший России с 1854 года. В статье первой этого трактата сказано: «Левый берег реки Амур, начиная от реки

Аргуни до морского устья Амура, да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению до Уссури, владением Дайцинского государства. От реки Уссури далее, до моря, находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне, да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств. По рекам Амуру, Сунгари и Уссури могут плавать только суда Дайцинского и Российского государств».

Подписывая Айгуньский трактат под давлением страшных внешних и внутренних неурядиц, китайское правительство задумало подчиниться ему только отчасти и даже вовсе нарушить его, если представятся к тому в будущем благоприятные условия. Вообще, склоняясь под ударами, китайцы затаивали в глубине сердца злобу и надежду когда-нибудь отомстить России за причиненные ею унижения.

Между тем наша дипломатия не дремала; пользуясь случаем, она шла вперед быстрыми шагами. В 1858 году граф Путятин, прибыв морем в Тяньцзинь, вступил одновременно с английским и французским послами в непосредственные переговоры с высшими сановниками китайской империи. Заключенный им здесь Тяньцзиньский трактат установил новый порядок сношений с Китаем и открыл для русской торговли, наряду с европейской, приморские порты Китая. К сожалению, трактат этот был формулирован далеко не ясно и не вполне соответствовал русским интересам; он мало рассеял мрак, тяготевший над отношениями Китая к России. Явилась настоятельная необходимость исправить некоторые промахи, сделанные графом Путятиным при заключении Тяньцзиньского договора. Выполнение этой важной политической миссии было поручено молодому, талантливому дипломату генералу Н.П. Игнатьеву (ныне графу). Одиннадцать месяцев провел последний в Пекине, рискуя ежедневно своею головою, одиннадцать месяцев, изо дня в день, пришлось ему вести дипломатические беседы с двоюродным братом богдохана, Сушуном, старавшимся всеми силами затянуть переговоры и ловки-

ми, маккиавеллевскими доводами вырвать почву из-под справедливых, прекрасно формулированных требований полковника Н.П. Игнатьева.

Несмотря на всю азиатскую хитрость, Сушун ежедневно терпел более или менее серьезное фиаско. Наконец, ему надоело вести бесконечные переговоры с энергичным, настойчивым, талантливым русским дипломатом, и он выхлопотал у богдохана приказ, в силу которого генерал Н.П. Игнатьев обязывался немедленно оставить богдоханскую резиденцию и отправиться в Монголию.

Этот грозный приказ поставил генерала Н.П. Игнатьева в крайне затруднительное положение; исполнив его, пришлось бы отказаться от выполнения возложенной политической миссии, имевшей для России громадное значение. И вот, отважный, мужественный дипломат решается нарушить волю грозного богдохана и насильственно прорваться из Пекина в сторону, противоположную той, которая указана была в приказе, а именно в Тяньцзинь. С пятью казаками, то устрашая, то употребляя хитрость, генерал Н.П. Игнатьев пробился, наконец, сквозь ряды китайской армии и дал знать клиперу «Джигит» о своем критическом положении.

21 мая отважный, настойчивый, энергичный русский дипломат вступил на палубу клипера, на котором и решился выждать более благоприятного момента для выполнения возложенной на него политической задачи. Через две недели, в виду действий англичан и французов в Китае, генерал Н.П. Игнатьев рискнул вновь вернуться в Пекин, сперва на клипере «Разбойник», скоро, однако, застрявшем в реке Пейхо, а затем на паровом баркасе. По прибытии в Пекин, пользуясь отказом богдохана ратифицировать только что заключенный трактат с французами и англичанами, генерал Н.П. Игнатьев, то становясь посредником между Англией и Францией с одной стороны и Китаем — с другой, то самостоятельно угрожая последнему, успел довести переговоры до конца и заключил знаменитый Пекинский договор (2 ноября 1860 года), приведший в изумление не только Россию, но и всю Европу. Благодаря настойчиво-

сти и талантливости молодого дипломата Россия разом восстановила на крайнем Востоке свое пошатнувшееся обаяние и стала на Тихоокеанском прибрежье твердой ногой. Славным Пекинским договором, еще раз подтвердившим некоторые пункты Айгуньского трактата и Тяньцзиньского договора, Россия приобрела, наконец, после трехвекового богатырского, беспримерного движения на Восток, открытую дверь в незамкнутое море, которую мы тщетно старались и стараемся до последней минуты прорубить во враждебной нам Европе. Со 2 ноября 1860 г. Россия открыла себе широкую, просторную дорогу в океан, закрепила за собой прочный базис, опираясь на который мы могли смело поддержать необходимое нам влияние на соседние могущественные государства крайнего Востока — Китай и Японию, могли положить твердое основание для развития наших морских сил в водах Великого океана — страшной угрозы английским колониям и торговле, находящимся в сфере действий нашего дальнего побережья.

Пекинский договор окончательно утвердил за Россией богатейший Уссурийский край — край блестящего будущего, с высоким политическим и экономическим значением, со множеством прекрасных гаваней, способных вместить целые флоты. В силу этого знаменитого дипломатического акта Россия перескочила одним могучим, богатырским прыжком от широкого устья великого Амура через заповеданные дебри богатого, но еще не исследованного Уссурийского края и стала лицом к лицу с десятимиллионным корейским народом, глубоко спавшим за ветхой стеной многовековой замкнутости и невежества. Пред нами открылась широкая дорога для распространения своего обаяния на народ, стонавший под тяжким ярмом дикого произвола и бессердечного деспотизма; пред нами легла культурная миссия ввести на путь цивилизации и прогресса богатейшую страну Дальнего Востока, прозванную по своему плодородию и благорастворенному климату «Азиатской Италией»... Насколько мы выполнили эту важную миссию — читатели увидят из следующего очерка «Россия и Корея».

II.

На следующий год после заключения знаменитого Пекинского договора в Пекин был водворен первый русский министр-резидент, полковник Балюзак. С этого же времени русские чайные фирмы начали переселяться из Кяхты внутрь Китая, в Ургу, Калган, Тяньцзинь и Ханькоу, стали скупать чайный лист прямо из первых рук, от мелких землевладельцев и обрабатывать его на собственных фабриках. Почти одновременно начала усиливаться колонизация Амурской области и Уссурийского края, основался русский аванпост на Тихоокеанском побережье — порт Владивосток, и затем, в 1871 году, вследствие событий в Средней Азии Россия заняла Кульджу, потерянную было для китайцев со всею Джунгарией.

Китай, совершенно расслабленный внутренними беспорядками и постоянными восстаниями, сначала тайпинов, затем племени мяоцзе и мусульманского населения Юньнани (на юге Китая) и, наконец, дунган, должен был покориться обстоятельствам и беспрекословно исполнить все наши требования, хотя это было ему очень нежелательно. Высокомерие и наглость китайского правительства сменились подозрительной льстивостью и широкой уступчивостью. Хитрый враг наш отлично понимал полную невозможность бороться с Россией при тяжелых условиях внутренних безурядиц и терпеливо ждал более удобного случая для восстановления своего пошатнувшегося престижа. Случай не замедлил представиться. Благодаря неединодушному образу действий мусульманских инсургентов, мечтавших больше о грабежах и разбоях, чем о достижении заветной цели освобождения из-под ненавистного ига, китайцы, наконец, сломили после десятилетней отчаянной борьбы страшное мусульманское восстание, опустошившее лучшие и плодородные области Китая. Энергичный губернатор провинции Шаньгань, знаменитый Цзо-Цун-Тан, сформировав и вооружив порядочное войско, начал беспощадно бить дунган, постепенно отнимая от них забранные города, жители которых нередко истреблялись поголовно за оказанное инсургентам сочувствие.

Таким образом, в 1872 году был отнят город Синин, в 1873 году — Сучжоу, в 1875 году — Урумчи и Манас, а затем та же участь постигла и весь Восточный Туркестан. В течение нескольких лет Китай снова подчинил себе обширные западные провинции и вступил опять в непосредственное соприкосновение с русскими владениями. Почуяв под собой твердую почву, китайцы немедленно подняли вопрос о неправильном занятии нами Кульджи и стали требовать возврата плодородного Приилийского края. Упоенное недавними военными успехами в западных провинциях, имея в своем распоряжении крупповские пушки, ружья новейших систем и сравнительно организованную армию, китайское правительство мечтало даже завладеть Приилийским краем силою. Впрочем, веруя в историческую уступчивость России, оно решилось прежде попробовать войти с нами в переговоры и прибегнуть к силе только в крайнем случае. Вера эта не обманула китайское правительство. Мы, по обыкновению, шли от уступки к уступке, желая мирного разрешения вопроса, но в то же время упуская из виду, что китайцы не признают в политике великодушия и в каждой уступке видят одну только слабость противника. Действительно, прогрессивные уступки с нашей стороны вновь возбудили в китайцах дикое высокомерие и веру в свою непобедимость. Под давлением этой веры требования их постепенно увеличивались и становились наглее. Отношения между Россией и Китаем быстро обострялись. Наконец, мы были вынуждены произвести для поддержания пошатнувшегося престижа грандиозную военно-морскую демонстрацию, сосредоточив в китайских водах сильную эскадру лучших боевых судов под начальством генерал-адъютанта Лесовского.

Угрожая Китаю с моря, Россия ничего не предприняла с суши, и, таким образом, дорого стоившая нам отправка флота в Великий океан привела, в конце концов, к тому же печальному результату, которого можно было бы достигнуть в Петербурге, при зимовке того же флота в Кронштадте, то есть к уступке Кульджи. Правда, Россия выговорила за эту принужденную уступку несколько миллионов рублей

и удовлетворение кое-каких законных требований; но, к сожалению, многое выговорено было только на бумаге. Пересмотр прежних договоров не дал осязательных результатов. Выказав некоторую уступчивость письменно, китайское правительство с первого же дня стало тормозить на деле выполнение принятых на себя обязательств и оттягивать фактическое разрешение вопросов, в высшей степени жизненных для русских интересов. В данном случае Китай остался верен своей политике, сложившейся тысячелетиями. Оттягивая исполнение наших требований, он надеется на лучшие времена и одновременно деятельно готовится дать России, рано или поздно, серьезный отпор.

Надо помнить, что Китай — государство со строго определенными политическими тенденциями. Он никогда не отказывался и не откажется от территорий, которыми когда-либо владел, и только ожидает благоприятного случая к возвращению их. Он с затаенной злобой уступил России Амур и Уссури и, наверное, будет стараться возвратить их, как старался вернуть в XVII столетии Амур и Кульджу — в настоящем. С каждым годом Китай принимает в отношении России более и более угрожающее положение. Он уже приступил к энергическому заселению пустынных областей империи, соприкасающихся с нашими владениями; заселение это необходимо Китаю на случай столкновения с Россией, чтобы иметь возможность немедленно перейти к активным действиям. Китайцы обратили особенное внимание на северную границу империи, прилегающую к среднему течению Амура и к Южно-Уссурийскому краю; в эти местности уже направлено большое число переселенцев, щедро снабженных правительством инструментами, семенами и скотом; вообще они водворяются на новых местах чрезвычайно прочно и основательно. Китайское правительство выказывает примерную энергию, замечательный колонизаторский талант и большую щедрость на быстрое выполнение задуманной цели. Еще в последнее десятилетие оно ассигновало, по представлению Гиринского цзянцзюня, крупную сумму на распашку ста тысяч десятин пустопорожней земли между нашей границей и городом Сянсин,

расположенным в двухстах верстах от первой, на реке Сунгари. Недалеко время, когда эта громадная площадь, отделенная от империи огромным, малозаселенным, а местами даже пустопорожним пространством, густо заселится народом, который будет угрозой для наших владений на крайнем Востоке.

Независимо от заселения провинций, пограничных с нашими владениями, китайцы заняты усилением обороны северной части Маньчжурии, находящейся в районе наших наступательных действий, а также местностей, непосредственно прилегающих к Южно-Уссурийскому краю. Начиная с 1880 года китайцы приступили к сосредоточению в Маньчжурии войск и необходимых для войны средств. Хорошо известно, что в 1885 году туда введено 15 тысяч отборных солдат из армии Ли Хунчана. Годом позже этот корпус усилен еще на пять тысяч; затем это усиление шло безостановочно, и в настоящее время в маньчжурской армии насчитывают до 50 тысяч отборного войска. Одновременно главнокомандующий упомянутой армией Му Тушань учредил в Шанхае постоянную комиссию для приемки закупаемых для его войск скорострельных ружей и пушек европейских заводов, хотя в Маньчжурии существует и успешно действует свой собственный оружейный завод.

Словом, китайцы начали создавать прочный базис для будущих активных действий против русских владений на крайнем Востоке; они действительно готовятся к войне с Россией, которая должна возникнуть в недалеком будущем. Оттягивая разрешение многих вопросов, жгучих для русских интересов, китайцы готовятся отомстить нам за все свои последние унижения. Это несомненно. Злопамятность их доказана исторически, и Россия должна держаться настороже, если не желает быть захваченной врасплох.

Вследствие злостных английских интриг, с которыми читатели познакомятся в следующем очерке «Россия и Англия на Далеком Востоке», на горизонте наших отношений к Китаю сгущается грозовая туча. Особенно китайцы не могут до сих пор переварить факт присоединения к Рос-

сии Уссурийского края, так как, благодаря этому присоединению, пять шестых всей Маньчжурии оказались отрезанными от моря и невольно подчинились с тех пор нашему экономическому влиянию. Невыгодное географическое очертание этой драгоценнейшей для Китая провинции смущает китайское правительство, и оно давно уже мечтает открыть Маньчжурии необходимый доступ к морю, мечтает исправить ее границы за наш счет. Попытки к осуществлению этой мечты уже были в 1884 году со стороны китайских членов русско-китайской комиссии, проверявшей южную часть нашей уссурийской границы для выяснения правильности заявленной богдоханским правительством претензии на принадлежность Китаю небольшого корейского поселка Савеловки. Эта претензия оказалась справедливой, и часть китайской территории, занятой, по ошибке, корейскими выходцами, была возвращена по принадлежности. Наша уступчивость, по обыкновению, возбудила в китайском правительстве новые требования, возмутительные по своей наглости. Оно предписало своим членам пограничной комиссии энергично настаивать на том, чтобы граница Маньчжурии непременно уперлась в принадлежащий нам залив Посьета. В данном случае Китай, рассчитывая на постоянную уступчивость России, думал не только добиться для Маньчжурии доступа к Японскому морю, но и совершенно отрезать наши владения от Корейского полуострова, то есть убить одним ударом двух зайцев.

В данном случае представители наших интересов на крайнем Востоке оказались, к счастью, на высоте своего назначения и дали должный отпор нахальным требованиям китайских сановников. Последние, по обыкновению, возмутились русской непреклонностью и наотрез отказались подписать протокол пограничной комиссии, несмотря даже на то, что этим протоколом присуждалась Китаю спорная Савеловка... Этот факт служит хорошим примером своеобразной системы китайских дипломатических переговоров, в основу которых положен принцип — урвать как можно больше и какими бы то ни было средствами...

III.

Создавая прочный базис для будущих наступательных действий против России, китайцы уже имеют в лучшем уголке наших владений на далеком Востоке, в Южно-Уссурийском крае, серьезную поддержку и твердую опору для своих военных операций в случае их возникновения. Известно, что этот уголок Уссурийского края положительно наводнен китайскими выходцами, образующими прочное оседлое население, не признающее русских властей и находящееся в подданстве Китая. Не платя никаких податей, не неся повинностей, эти выходцы систематически расхищают естественные и физические богатства края, безвозмездно пользуются еще многими землями, обогащаются, не принося государству ничего, кроме безусловного вреда. Мало того, они бесконтрольно управляются своими выборными старшинами, образуя какое-то странное государство в государстве. Управление это настолько прочно, приобрело такую силу в крае, что очень часто даже туземцы — русские подданные и великороссы-переселенцы обращаются с жалобами на какое-либо своеволие китайских выходцев не к русской власти, а к старшинам. Такой путь для удовлетворения справедливых жалоб самый верный и краткий. В этом надо сознаться, как оно ни больно для национального самолюбия и гордости.

Следует еще прибавить, что все инородческое население края, гольды и тазы (орочи) находятся у китайских выходцев в безусловной кабале и в неотразимой зависимости, как экономической, так и нравственной. Эта зависимость до такой степени сильна, что несчастные инородцы пришли к дикому убеждению, что господствующий в крае народ — китайцы, а русские — временные пришельцы, которые не сегодня, так завтра уйдут туда, откуда пришли, сами не зная, зачем и для кого.

Бессемейные, безнравственные китайские выходцы не имеют ничего общего с русским населением, относятся к последнему в высшей степени враждебно и в каждый данный момент, при первом столкновении Китая с Россией, бесспорно, бросятся на наших колонистов. Кроме этого

оседлого китайского населения, окажут своей империи несомненное, громадное содействие, в случае недоразумений с Россией еще китайские авантюристы, известные в крае под громким названием «хунхузы». Надо помнить, что соседняя с Южно-Уссурийским краем часть Маньчжурии, в которой расположены многолюдные города Нингуту и Хуньчунь, изобилует бродячим, бездомным и голодным населением, питающим вечные междоусобия китайской империи. Уссурийский край всегда представлял и представляет для этих подонков обширное поприще для всевозможных, более или менее выгодных, промыслов. Суша и море, в одинаковой почти степени переполненные разнообразными естественными богатствами, сулят этим бродягам если не скорое и легкое обогащение, то хороший кусок хлеба. Земля привлекает бездельное, голодное население Маньчжурии сокрытым в ней золотом и дорогим целебным корнем женьшень, а море — неистощимыми богатствами трепангов и морской капусты. Промывка золота, а также ловля трепангов и капусты всегда производились без особенного стеснения со стороны местной администрации, которая часто не в силах бороться с необузданным своеволием китайских авантюристов. Последние переходят наши границы большими скопищами, доходящими иногда до тысячи человек, и бесследно исчезают в диких местностях обширного края. Бродяги эти всегда были причиной серьезных волнений и беспорядков в крае, неблагоприятно отзывавшихся на экономическом благосостоянии местного населения. Большей частью вооруженные, они занимаются при случае убийствами и грабежами, за которые не всегда получают должное возмездие. Местной администрации пока трудно поддерживать в диком сравнительно крае обаяние русской власти, что, несомненно, подымает дух всей китайской сволочи и грозит создать в будущем опасные усложнения. Не следует забывать, что в сношениях с подобными отбросами Китайской империи необходимы прежде всего решительность, энергия и беспощадность. Надо бить подобного врага, посягающего на обаяние русского имени и власти, одним ударом и всегда неотразимым.

Раз подобный удар не нанесен, враг вырастает в глазах всего туземного населения и окружается ореолом непобедимости.

При всем этом необходимо судить всех китайских выходцев за содеянные ими преступления по русским законам и отнюдь не следует высылать[467] их для расправы в пограничный китайский город Хунчун на произвол маньчжурских чиновников, как это практиковалось до последнего времени. Действуя так, мы убедим, наконец, китайцев, что господа в Уссурийском крае — русские, которые умеют отстаивать свои права и законы без помощи выборных старшин и продажных маньчжурских чиновников. Посылая китайских авантюристов в Хунчун, мы являлись в глазах последних и остального инородческого населения как бы данниками богдохана, без воли которого будто бы не имели права решить участь даже самого презреннейшего подданного китайской империи. Подобным образом действия ронялось в крае значение русской власти и возвышалось, в ущерб нашим интересам, обаяние власти китайского чиновничества. Кроме того, каждое своеволие выборных китайских старшин ложится на русское имя трудно смываемым пятном. Пользуясь своим исключительным положением, эти старшины намеренно подрывают в крае престиж русской власти, умаляют до минимума наше обаяние, убивают среди туземного населения веру в русское могущество.

В конце концов, не следует также забывать, что китайские выходцы, знакомые с каждой тропой в крае, с каждой падью и ручьем, — опасные враги для русских в случае возможного столкновения Китая с Россией.

IV.

Из вышесказанного видно, что Россия в течение своих более чем двухвековых сношений с Китаем в большинстве случаев придерживалась политики уступок. Спрашивает-

---

[467] На основании Пекинского трактата, местное начальство не имеет права наказывать китайских выходцев.

ся, чего мы достигли при помощи этой лишенной достоинства политики, какие выгоды приобрели своим излишне великодушным и миролюбивым образом действий? Безусловно, пока никаких выгод или, в большинстве случаев, приобрели выгоды фиктивные.

При всех своих переговорах с Китаем Россия прежде всего старалась выхлопотать известные преимущества для русской торговли. Эта торговая политика занимает в наших сношениях с Китаем наиболее видное место и заслуживает особенного внимания.

Несомненно, что развивать торговые связи с китайцами дело обоюдополезное; но, к сожалению, наша дипломатия при переговорах с Китаем очень часто выговаривала русским купцам такие права и преимущества, которыми должны тяготиться китайцы, а Россия, большей частью, не может воспользоваться ими надлежащим образом. Например, договор 1881 года открывает на бумаге почти весь Китай для русской торговли, отчасти даже беспошлинной; но, спрашиваем, сколько товаров и какие именно могли бы отправлять туда, когда среднеазиатская и сибирская железные дороги не были еще готовы, а наша промышленность находилась в таком зачаточном состоянии, что далеко не удовлетворяла всех потребностей собственного внутреннего рынка. В данном случае составители договора 1881 года увлеклись, повидимому, подражательностью западноевропейской торговой политике, подражательностью, несоразмерной с нашими наличными торгово-промышленными средствами. Спрашиваем: не останутся ли плоды этой подражательности еще десяток лет почти недоступными для России, доставляя случайные выгоды и привилегии нескольким торговым домам? Не воспользуются ли ранее нас и действительнее нас караванным путем в южных пределах Китая до Ханькоу, города, представляющего складочные пункты западноевропейской торговли?.. Последнее вполне возможно, так как мы еще не скоро можем воспользоваться предоставленными нам выгодами и привилегиями, тем более что эти выгоды и привилегии пока фиктивны и крепки только на бумаге, в букве последнего договора. В действительности же наши

даже настоящие маленькие торговые интересы в Китае сильно страдают, подвергаются странным, неожиданным колебаниям; купцы терпят всевозможные притеснения. Китайские чиновники нередко позволяют всякого рода бесчинства над русскими торговыми людьми: их часто третируют самым позорным образом. И все это творится почти на глазах китайского правительства, негласно потакающего всем этим безобразиям, оскорбительным для нашей национальной гордости и сильно вредящим нашим торговым интересам. Изредка, по скоплении многих справедливых жалоб, мы протестуем — китайское правительство, обыкновенно, долго отмалчивается; при более энергичном протесте — обещает рассмотреть эти жалобы и наказать виновных. Мы удовлетворяемся таким азиатским обещанием и ждем, ждем без конца, когда состоится это рассмотрение и наказание, совершенно упуская из виду, что китайское правительство играет недобросовестную дипломатическую комедию, в которой раздает нам самые печальные, унизительные роли. Мы забываем, что имеем дело с государством, положившим в основу дипломатических и политических сношений с европейцами двуличность, бесцеремонность, наглость, хитрость и подтасовку.

Действительно, Китай уже получил всемирную известность тем, что никогда не считал и не считает нужным строго придерживаться заключаемых договоров. На бумаге китайское правительство, прижатое к стене, всегда соглашается на всевозможные сделки, подписывает самые разнообразные трактаты и договоры, которые, по китайским понятиям, ни к чему особенному не обязывают. Исторические факты доказали и доказывают, что Китай подписывал десятки трактатов с затаенным намерением не выполнять пунктов и статей, сильно расходившихся с его интересами. Вследствие этого он всегда старался и старается оттягивать выполнение принятых на себя обязательств, особенно для него не выгодных, оттягивать чуть ли не до бесконечности при помощи самых неблаговидных и недобросовестных доводов и способов. В то же время Китай настойчиво хлопочет о выполнении статей договоров для него выгодных и

полезных. Вообще, двуличная политика Китая всегда была тормозом наших действий на крайнем Востоке, тем более что все отношения к Китаю в Амурской области и Уссурийском крае мало соответствовали прямой, твердой политике могущественного государства относительно ничтожного сравнительно соседа.

Из вышеизложенного очевидно, что заключить договор с Китаем — дело одно и, нужно сознаться, часто чрезвычайно трудное; а заставить его выполнить заключенный договор — дело другое, иногда несравненно труднейшее. Китай не признает европейских приемов в дипломатии, не признает святости трактатов и договоров — это он доказал уже много раз, и чаще всего России. В отношении последней Китай был всегда особенно смел и нахален. Виной тому — наше излишнее миролюбие, а также не идущие к делу великодушие и уступчивость. Мы чрезвычайно редко решались в отношении Китая на энергичный образ действий, всегда избегали и находили излишним репрессалии, столь полезные при сношениях с подобным варварским правительством, каково китайское, склонное преувеличивать свою силу и могущество. Мы упустили из виду образцовый прием сношений с Китаем французов и особенно англичан, которые чаще прибегали к содействию штыка и пули, чем дипломатического пера, и всегда добивались лучших и наивыгоднейших результатов.

Подобная наша неумелость вести дела с Китаем основывается главным образом на незнакомстве с характером китайцев. Мы составили о последних чрезвычайно ложное мнение. Со словом «китаец» в воображении большинства связывается понятие о существе слабом, апатично-сонливом и вместе с тем тихом и безответном. Между тем китайцы далеко не таковы, какими их представляет себе значительная часть русского общества и почти все русские дипломаты. Надо помнить, что это — враг серьезный, настойчивый, терпеливый, энергичный и ловкий; вместе с тем враг в высшей степени хитрый, двуличный, притом злой и злопамятный. Злость китайцев доказана историческими фактами жестокого усмирения внутренних смут. Крово-

жадность их доходит до апогея. При усмирении бесконечных восстаний то тайпинов, то племени мяоцзе, то мусульман китайцы убивали миллионы мужчин, женщин и детей, истребляли целые народы, как, например, цзюньгаров. Наряду с виновными погибали невинные. По китайским понятиям, все девять колен родства должны быть казнены за одного бунтовщика.

Вообще, вся история Китая свидетельствует о его феноменальной злости. Дайте китайцам силу и средства, и они прехладнокровно расправятся со всем человечеством, жестоко выместят всем европейцам за перенесенные от них унижения.

Общая характеристика наша нисколько не преувеличена; китайцы оправдали ее как своей историей, так и приемами, употребляемыми ими при переговорах и выполнении заключенных трактатов. Отсюда ясно, что Китай — враг в высшей степени опасный, несмотря на свой консерватизм, который к тому же не вечен. В недалеком будущем и Китая коснется могучая рука реформ, и он выйдет на путь прогресса и цивилизации. Слишком легкомысленно думают некоторые, что Китай распадется тотчас же, как только его коснутся реформы, что он не способен воспринять их без вреда для своего государственного организма. Китай — не старец, как думают многие, который хочет только растянуть машинкой свои морщины и подкрасить лицо; тот старец жил тысячи лет и уже отжил; в настоящую минуту растет на его прахе новое, молодое, свежее дерево, обильно поливаемое нашими европейскими врагами. Пройдет четверть столетия, и это дерево сделается могучим и крепким; если мы вовремя не обрубим его свежих ветвей, то они раскинутся на Амур и бросят тень на наши среднеазиатские владения.

Через двадцать лет, может быть, и раньше, мы увидим перед собой на крайнем Востоке грозную, достаточно дисциплинированную, хорошо вооруженную китайскую армию, которая потребует у нас возврата древних владений Поднебесной империи, как это уже бывало не однажды.

Мы уже указали выше, что Китай — держава с особенными государственными тенденциями; он никогда, напри-

мер, не откажется от возвращения земель, некогда ему принадлежавших, и будет всегда стремиться войти в свои прежние границы. В этом мы твердо убеждены. В то же время надо помнить, что спор за преобладание в Азии должен решиться не только между Россией и Англией. Мы уверены, что Китай непременно будет третьей державой, которая примет в недалеком будущем участие в этом горячем и, может быть, кровопролитном споре. Мало того, китайская раса должна прийти в столкновение с белым населением Европы и Америки по поводу главнейших вопросов цивилизации, и это неизбежное столкновение затормозит прогресс человечества на более или менее продолжительное время. Отсюда видно, что Россия должна быть готовой к борьбе с Китаем, которая возникнет в течение предстоящего двадцатипятилетия, должна быть готовой дать отпор китайским полчищам и quasi-цивилизаторским замыслам Поднебесной империи.

V.

В то время когда наши дипломаты хлопотали об открытии, по крайней мере на бумаге, для русской торговли чуть ли не всего Китая, хлопотали об эфемерных выгодах и фиктивных торговых преимуществах, мы отнеслись индифферентно к разрешению вопроса, несравненно важнейшего и имеющего громадное экономическое значение для всей Амурской области и Уссурийского края — вопроса об открытии реки Сунгари для русской торговли. Вопрос этот разрешен при помощи договоров и трактатов[468], заключенных с Китаем, вполне благоприятно для России; но от заключения договора с Китаем до его выполнения шаг громадный и часто даже невозможный. Эта невозможность особенно резко выяснилась при попытках России воспользоваться выговоренным правом плавания и торговли по реке Сунгари.

---

[468] Айгуньский трактат (1858 г.) первой статьей утверждает за нами право свободного плавания по реке Сунгари, а второй статьей — право торговли в местностях, расположенных по обе стороны реки. Четвертой статьей Пекинского договора (1860 г.) и восемнадцатой статьей договора 1881 года право это за Россией подтверждено.

Все наши попытки в этом направлении кончались полной неудачей и все потому, что мы не требовали исполнения договоров при помощи пушек и штыков, не следовали примеру англичан, захвативших вооруженной рукой почти всю китайскую торговлю. Между тем важность развития торговых операций именно на реке Сунгари для нас несомненна; при помощи их мы можем сделать Амур полезным и чрезвычайно выгодным приобретением государства.

Как известно, цель приобретения Амура была двоякая: 1) продовольствие Камчатки из Сибири и 2) открытие торгового пути из Сибири в океан.

Трудное плавание по незнакомой реке и малая еще производительность Забайкалья доказали скоро всю несостоятельность первой цели. Покуда забайкальское население было насильственно вынуждено кормить Амур и Камчатку по низким ценам, установленным в Иркутске, призрачная выгода этого способа снабжения хлебом поддерживалась, но лишь только принудительная такса прекратилась (в 1862 году), цена заготовления муки в Николаевске вдруг удвоилась, что заставило обратиться к доставке хлеба из Петербурга, кругом света.

Вторая цель продержалась немного долее; капиталы были затрачены, составилась Амурская компания; почтенные иностранные фирмы открыли дела на Амуре; но, не видя начала отпускной торговли и терпя одни только убытки, закрыли вскоре одну за другой свои конторы и покинули полуразоренными пресловутый, воспеваемый Амур. Между тем на приобретение огромного края было потрачено много энергии и еще больше средств: построены города, привлечены переселенцы из самого сердца России, расставлены войска, образованы губернаторства, но отпускная торговля, за отсутствием предметов отпуска, не начинается и до настоящего времени.

Если бы одновременно с приобретением Амура и устройством порта при его устье была фактически открыта для русской торговли многолюдная, богатая река Сунгари, то обе цели приобретения Амура были бы достигнуты самым блестящим образом.

Река Сунгари, бассейн которой занимает всю настоящую Маньчжурию, орошает своими верховьями лучшую по плодородию и климату и наиболее густонаселенную часть этой страны, производящую в изобилии разные породы хлеба и скот. Отделенная от Кореи и Китая горным хребтом и степью Гоби, местность эта не имеет сообщения с Японским и Китайским морями, и самый удобный, естественный ее торговый путь был бы рекой Сунгари.

Производя хлеб и имея несметные стада скота, страна эта ощущает большой недостаток во всех мануфактурных произведениях, получаемых трудным сухим путем из Китая. Таким образом, Маньчжурия представляет чрезвычайно выгодный рынок отпускной и привозной торговли, рынок, имеющий до сих пор самую ничтожную торговлю с Кореей и Китаем. Кроме того, река Сунгари со своим дешевым хлебом и скотом была бы сильной поддержкой нашим населениям на Амуре, особенно в нижнем его течении, и на реке Уссури, где, вследствие неурожаев и наводнений, население долгое время питалось казенным, дорогим, кругосветным хлебом. При замене кругосветной ржаной муки, гречихи и гороха хлебами, произрастающими в Сунгарийской долине, казна могла бы сделать миллионные сбережения. В то же время Маньчжурия представляет обширный рынок для сбыта наших сукон, бумажных тканей и бронзовых изделий.

С открытием торгового пути от порта Владивосток, замечательного своими качествами, рекою Уссури вниз и рекою Сунгари вверх, европейская торговля может также воспользоваться этим первым путем в глубь Маньчжурии, и население Уссурийского края, бедствующее в настоящее время, получит несомненные выгоды транзита; а так как наши сукна и бумажные материи с большим успехом соперничают на китайских рынках с иностранными, то беспошлинность перевозимых морем товаров едва ли может повредить нашей торговле, сосредоточивая в то же время во Владивостоке большую торговую деятельность.

Вот многочисленные выгоды, истекающие из Айгуньского трактата, открывшего Сунгари для русской торговли.

Однако более тридцати лет прошло со дня подписания этого замечательного договора, но до сего времени всякая попытка завести торговые сношения с южной Маньчжурией, не только местных жителей и купцов, но даже властей наших, была встречаема китайскими чиновниками самым упорным, положительным противодействием и отказом. Представляем ниже краткий обзор наших законных попыток на реке Сунгари, чтобы выяснить, насколько недобросовестно относится китайское правительство к своим обязательствам, подтвержденным несколькими договорами.

Первое путешествие по реке Сунгари было предпринято в 1859 году ученым Максимовичем. Преследуемый крайне неприязненными выходками маньчжурских чиновников, он поднялся только до города Сянсина и вынужден был вернуться. В 1864 году генерал-губернатор Восточной Сибири послал вверх по Сунгари пароход с целью ознакомления с рекой и исследования фарватера. После многих мытарств пароход дошел до города Гирина, лежащего в южной части Маньчжурии; всюду маньчжурские чиновники встречали наших представителей очень недружелюбно и в некоторых городах не пустили даже на берег. Вместе с тем они запрещали жителям под страхом сурового наказания продавать русским даже самые необходимые жизненные припасы. В 1866 году была предпринята правительственная экспедиция с целью закупить для казны хлеб и завязать с жителями торговые сношения. В ней приняли также участие некоторые купцы; они плыли на казенном пароходе под русским военным флагом. Несмотря на это, маньчжурские чиновники встретили эту экспедицию с тем же настойчивым недружелюбием. Жители выражали сильнейшее желание вступить с нашими купцами в торговые сношения, но чиновники подвергали их за эти попытки жестоким наказаниям. В конце концов, китайский губернатор послал капитану парохода формальное требование прекратить всякие сношения с жителями и вернуться восвояси.

В 1869 году опять несколько русских купцов выхлопотали себе казенный пароход, на котором и поднялись вверх по Сунгари; но и они не имели возможности завести с жи-

телями торговых сношений вследствие вторичного формального требования китайского губернатора удалиться из пределов Маньчжурии.

Такое неоднократно повторенное нарушение заключенных с Китаем трактатов осталось без всякого разъяснения, и местное начальство, видя безуспешность экспедиций, предпринимаемых под прикрытием военного флага и мундира, решилось прекратить дальнейшие серьезные попытки, ограничиваясь поощрением только мелких, негласных поездок в город Сянсин, предпринимаемых соседними казаками с большим или меньшим успехом и риском.

Генерал-адъютант Соколов во время своей поездки по Амурской области, предпринятой по Высочайшему повелению, также ничего не добился. Он виделся с губернатором соседней Маньчжурской провинции и получил от него письменное разъяснение, что «если русские купцы и были с ласковыми словами высланы вон из Маньчжурии, то это потому, что в трактатах не видно, чтобы торговля была дозволена иначе, как на границе».

Это письменное заявление указывает, что китайские чиновники, поддерживаемые своим правительством, не желают признавать известных статей Айгуньского и Пекинского трактатов, а также и договора 1881 года. Мы своевременно не оказали должной настойчивости и тем как бы согласились на игнорирование важных для нас статей, от выполнения которых зависит экономическое положение громадной Амурской области и Уссурийского края.

В то время когда русские купцы терпят в своих попытках полную неудачу, положение китайцев в Сибири можно назвать привилегированным; они имеют лавки по всему Забайкалью, в Амурской и Приморской областях; они приезжают уже и в Нижний Новгород, пробираются через Кяхту в Семипалатинскую область и в Туркестан; торгуют всюду, не платя гильдейских пошлин, в ущерб русскому купечеству.

Из этого видно, что, домогаясь открытия для торговли реки Сунгари, мы требуем только того, на что имеем полное право, как законное, так и нравственное.

Указав на энергичное противодействие, оказываемое маньчжурскими чиновниками попыткам русских купцов завести торговые сношения с провинциями, расположенными по Сунгари, сообщаем, что причина такого упорного противодействия гнездится не только в желании этих чиновников сделать угодное своему правительству, но и в стремлении сохранить за собой большие барыши, возможные только при существующем порядке вещей.

Известно, что местные страны, прилегающие к низовьям Амура, к его нижним притокам и морю, обитаемы бродячими племенами гольдов и гиляков, занимающимися звериным и рыбным промыслами. Грубые племена эти всегда были легкой наживой для китайского чиновничества в Маньчжурии. Оно собирает с них ясак пушными и рыбными товарами и берет взятки при всех их торговых делах.

Получив от китайцев первые зачатки цивилизации, гольды и гиляки не могут обойтись без Китая; им сделались необходимы ткани, хлеб, водка, табак, посуда — предметы, которых они не производят, но которые в изобилии находят в Маньчжурии. Взамен этих предметов они отдают соболей, панты и другой более или менее ценный товар своих промыслов.

Летом по Сунгари и по нижнему течению Амура бывает большое движение судов: маньчжурские лодки идут вниз и подымаются частью по реке Уссури за сбором ясака; гольдские и гилякские лодки, тяжело нагруженные пушниной, плывут вверх в город Сянсин на ярмарку. На последней торговля ведется меновая, причем эксплуатация диких племен китайцами производится в самых широких размерах. Много способствуют этой эксплуатации природная простота и честность зверопромышленников. Долги, оставляемые отцом, считаются священными для сына, а так как кредит в этой торговле имеет большое значение, то зверопромышленники, благодаря своему невежеству и безграмотности, обращаются в неоплатных должников. Обыкновенно после умершего дикаря китайцы являются к сыну с требованием уплаты будто бы оставленных им по себе долгов, и сын беспрекословно исполняет это требование, чтобы очистить покойного отца от всяких нареканий...

Для большего влияния и ближайшего знакомства с эксплуатируемыми ими промышленниками китайские купцы и чиновники, идущие в этом деле рука в руку, перенесли свою репрессивную деятельность в самое сердце зверопромышленной страны. Они на лодках спускаются по Амуру до его низовьев, подымаются по Уссури и затем ее притокам, Хору и Бикину. В верховьях последних двух рек, в месте, где существует между ними волок, так называемый Дабань, в стране, неведомой до последнего времени русским, образовался правильный торжок вроде ярмарки, куда сходятся, с одной стороны, зверопромышленники, а с другой — китайские купцы для торговли, а также китайские чиновники для их поддержки и сбора ясака. Прибыльный торг этот не раз уже возбуждал предприимчивость русских купцов, но и здесь, внутри наших владений, попытки эти терпели полную неудачу. Так, например, поверенные Плюснина и Богданова были выгнаны китайцами с рынка с угрозами и бранью и были очень рады, что вернулись целыми из глухой страны.

Слишком кажется невероятным, что китайские чиновники до сих пор позволяют себе разъезжать по нашим владениям внутри цепи русских селений и собирать дань с подданных нам инородцев, но грустный факт этот подтверждается множеством случаев. Изредка эти сборщики ясака попадаются нашим властям, причем их высылают каждый раз за границу с «ласковыми словами», в истинном значении этой фразы, а не с такими «ласковыми словами», с которыми высылались из Маньчжурии наши купцы, являвшиеся под прикрытием военного флага искать точного исполнения Айгуньского трактата. Дело тем и кончается.

Из всего вышесказанного ясно, почему китайские власти так дорожат замкнутостью для русских реки Сунгари, между тем наискорейшее открытие ее для нашей торговли есть жизненный вопрос для Амурской и Приморской областей. Нам необходимо энергично потребовать от Китая выполнения всех статей Айгуньского договора, причем полезно опереться на военную силу. Надо помнить, что только проявление силы и настойчивости делает китайцев уступчивыми.

VI.

Рассмотрим теперь взаимное положение России и Китая в случае возможного вооруженного столкновения. Прежде всего считаем необходимым оговориться: мы не стоим за войну с Китаем, так как уверены, что для некоторых европейских держав крайне желательно истощение России и отвлечение ее внимания на Дальний Восток. В силу этого России не следует играть в руку коварным державам. Мир с Китаем для нас более желателен, чем война, так как в территориальных приобретениях на счет Китая мы не нуждаемся. Тем не менее сохранить этот мир чрезвычайно трудно. Вследствие настойчивых интриг некоторых европейских государств в Китае уже давно замечается глухое неудовольствие против России, которое разразилось бы кровопролитной, упорной войной в самом непродолжительном времени, если бы японско-китайская распря из-за Кореи не отдалила этой войны, благодаря полному успеху всех японских военных действий, как сухопутных, так и морских. Япония в данном случае выносит на своих плечах многое из того, что предстояло в недалеком будущем совершить нам... Впрочем, несмотря на успехи японского оружия, нам надо быть готовым на все последующее. Китай всегда может оправиться от разгрома и вновь проявить свои упорные, воинственные наклонности в ином направлении. Уроки столкновения с Японией послужат, несомненно, Китаю на пользу, и он подготовится к следующей войне более толково и основательно. В этом помогут ему англичане и немцы, которым колет глаза наше господство на берегах Великого океана.

Итак, повторяем, нам следует быть готовыми на все и никогда не забывать, что Китай — серьезный, мстительный наш враг, терпеливо выжидающий только удобного случая свести с нами старые счеты за Амур и Уссури. Случай этот, конечно, может и не представиться, раз Россия будет постоянно проявлять непоколебимую твердость могущественной монархии, а также держать на крайнем Востоке сильную эскадру и достаточный контингент сухопутных войск.

Особенную услугу могут оказать в столкновении с Китаем военные суда, при помощи которых возможно сделать высадку в любом месте китайского берега, можно легко овладеть некоторыми важными стратегическими приморскими пунктами, нанести неисчислимый вред китайской торговле и уничтожить неприятельский флот, чтобы отнять у Китая возможность предпринять что-либо против нашего восточного прибрежья. Надо знать, что китайский флот, благодаря английским усилиям, может очень скоро занять видное место в Тихом океане и сделаться опасным соперником. Наученные последним горьким опытом и жестокими японскими уроками, китайцы, несомненно, станут теперь прислушиваться к английским советам «довести флот до известного совершенства» с большим вниманием, чем раньше, что грозит нам в будущем значительными осложнениями. Последующие недоразумения с Китаем удастся нам разрешить не так легко, как раньше, если пекинское правительство серьезно примется за осуществление заветной мечты англичан — «поставить китайский флот если не на высшую, то хотя на равную ступень с нашими тихоокеанскими морскими силами». Имея в виду английские стремления создать на Тихом океане опасного врага России в лице Китая, мы обязаны зорко следить за каждым усилением китайского флота и, сообразно с этим усилением, своевременно увеличивать судовой состав нашей тихоокеанской эскадры до степени, необходимой для морского первенства на далеком Востоке. Этого требуют наши важнейшие государственные интересы, ради которых можно принести самые тяжелые финансовые жертвы...

Надо помнить, что при помощи морских сил можно достигнуть в войне с Китаем несравненно больших результатов, чем сухопутными операциями в диких местностях необъятной Поднебесной империи. С суши вообще Россия может предпринять против Китая что-либо серьезное только при условии сосредоточения на китайской границе, в Южно-Уссурийском крае, сильной армии, могущей проложить себе путь до священного города Мукдена и затем — Пекина.

Помимо одновременных действий против Китая сухопутных и морских сил, Россия может воспользоваться поддержкой со стороны магометанского населения Китая, проникнутого глубокой ненавистью к китайцам и готового во всякую минуту предать последних поголовному избиению.

Теперь возникает другой вопрос: вполне ли безопасен от китайцев Владивосток и не могут ли они грозить разорением нашим пограничным округам и даже, может быть, Иркутску? На этот вопрос с уверенностью ответим, что Китай, несмотря на очень воинственные приготовления, не скоро еще будет обладать необходимыми военными ресурсами для движения в наши владения сколько-нибудь грозной и хорошо вооруженной армии. Ему придется большую часть обученного по-европейски войска сосредоточить около Пекина, которому мы можем угрожать во всякое время нашим флотом и десантом, а также на западе империи, где каждую минуту возможно энергичное восстание всего мусульманского населения. Помимо этого, Китай не может мечтать о наступательных действиях вследствие полного отсутствия в армии военного современного обоза и примитивного состояния интендантской части. Представители последней до сих пор наивно думают, что продовольствие войск зиждется на мародерстве и грабежах мирного населения. Китайские интенданты, начиная с высокопоставленных мандаринов и кончая мелкотравчатыми чиновниками, поголовные хищники и мошенники, мечтающие исключительно о собственной бесшабашной наживе. Вследствие этого и многих других причин, более мелких, наступательная война со стороны Китая может ограничиться только хищническими набегами недисциплинированных, кое-как вооруженных скопищ, вся цель которых будет не воевать, а лишь грабить и жечь более или менее беззащитные русские поселения. Скопища эти не могут связать руки нашим регулярным войскам: против них с полным успехом сразятся казачьи пограничные линии и вооруженные крестьяне. Что касается регулярных войск, то они свободно могут быть сосредоточены в трех важнейших пунктах: в Благовещенске — для действий против соседних городов

Айгуня и Сахалян-Ула; при устье реки Сунгари — для наступления в самое сердце Маньчжурии и, наконец, в Южно-Уссурийском крае, на реке Суйфун и озере Ханка, — для действия против многолюдных, богатых маньчжурских городов Ингуту, Хуньчуня и Мукдена, расположенных более или менее вблизи нашей границы. Последний отряд особенно важен для активных действий, потому что будет оперировать по направлению главного объекта войны — Пекина.

Надо при этом помнить, что мы господствуем на Амуре и его притоках; мы имеем на этой реке пароходы и, наконец, все средства для ведения правильной наступательной войны, если она окажется необходимой. Стоит только вооружить эти пароходы легкой артиллерией, чтобы одной демонстрацией подобным речным отрядом заставить китайскую армию разбросаться на огромном пространстве и вполне обезопасить свою границу от вторжений, оставив за собой все шансы для успешных наступательных движений. Речной отряд этот, поднявшись вверх по реке Сунгари, в самое сердце многолюдной, богатой Маньчжурии, может поставить китайскую армию, сосредоточенную в этой провинции, в затруднительное положение. Кроме того, он может с успехом оперировать против китайских городов Айгуня и Сахалян-Ула, расположенных на берегу Амура, а также уничтожить без затруднения в самом начале войны все военные китайские джонки, вооруженные допотопными, годными только для салютационной пальбы, орудиями. Наконец, отдельные пароходы, крейсируя вверх и вниз по течениям рек Амура, Уссури и Суйфуна, в состоянии предупредить переправу через означенные реки китайских скопищ и избавить наши пределы от неожиданных нападений.

В силу изложенного наши пограничные владения вполне гарантированы от неприятельских вторжений, о которых с таким страхом заявляют некоторые авторитеты, играющие в руку нашим врагам, мечтающим смести нас с тихоокеанского побережья. Мечты эти резко изложены в одной фантастической брошюре, недавно изданной в Шанхае каким-то

воинственным англичанином. Неизвестный автор брошюры, высказывая, несомненно, настроение умов наших недругов, подробно описывает весь ход возможных военных действий Китая против русских владений на крайнем Востоке. Наши войска, несмотря на свою храбрость, терпят по воле беспощадного бритта целый ряд самых позорнейших поражений и, в конце концов, попадают в плен при поспешном отступлении из Владивостока в Иркутск. Маньчжурская армия, по пылкой фантазии автора брошюры, берет с бою Владивосток, возвращает Китаю Уссурийский и Приамурский края и совершено уничтожает на берегах Великого океана все следы русского владычества.

По окончании этой фантастической войны побежденная и обессиленная Россия подписывает позорные условия мира. Китай, пользуясь правом победителя, берет громадную контрибуцию и навсегда присоединяет к своим владениям Амур и Уссури с прилежащими к ним землями...

Насколько прав воинственный автор брошюры — покажет будущее, но, во всяком случае, не страх перед ужасным фантастическим разгромом России заставляет нас высказать благоразумную мысль о том, что нам не следует вообще подвергаться, без особенно важных политических причин, риску вооруженного столкновения с многомиллионным государством. Война эта, даже в случае полного успеха, не может принести России никаких выгод, кроме разве приобретения более или менее обширной и разоренной области, управление которой ляжет тяжким бременем на наши финансы.

Между тем полный успех очень сомнителен. Зная характер китайцев, можно с уверенностью сказать, что, решившись начать войну, они будут продолжать ее с упорством, даже при всех неудачах и поражениях. Китайцы не станут гоняться за победами; со стоическою твердостью снесут они всевозможные военные неудачи, в надежде утомить неприятеля и заставить его прекратить неприязненные действия в силу медленного истощения энергии и средств. Подобного рода войну Китай еще недавно вел с Францией. Хорошо известно, что китайские главнокоман-

дующие сумели парализовать все успехи французов в тонкинских экспедициях. Своеобразный китайский способ ведения войны достиг неожиданного результата: отступления французских войск из Лангсона к своей базе (к дельте Красной реки), по той же дороге, по которой они победоносно наступали несколько месяцев раньше. Повторения нечто подобного можно ожидать и при настоящем кровавом столкновении Японии и Китая, если только первая не нанесет решительного, смелого удара в сердце Поднебесной империи — Пекин, в котором исключительно возможно продиктовать Китаю всякие условия мира...

VII.

Мы уже обратили внимание читателей на энергичные усилия китайского правительства колонизировать земли, прилежащие как к Приамурскому краю, так и к Уссурийскому. Эта колонизация ведется в очень широких размерах. Китай, несомненно, следует чьим-то опытным указаниям и подготовляет в Маньчжурии прочный базис для движений против России.

Независимо от воинственных колонизаторских замыслов китайцы, руководимые немецкими инструкторами, стараются увеличить средства обороны этой богатой, плодородной провинции, могущей сделаться первым театром войны при столкновении с Россией. Китай проявляет в данном случае энергию, удивляющую некоторых quasi-знатоков его. По мнению этих знатоков, китайцы положительно будто бы неспособны к ассимиляции, и об один их культ предков разобьются будто бы вдребезги все стремления реорганизаторов китайской жизни, ни в чем не сходной с жизнью других народов.

Правда, еще недавно Китай действительно представлял для иностранцев едва доступный край и ревниво, настойчиво охранял свою жизнь, общественный и государственный строй от надвигавшейся волны «европейской цивилизации». Но это время миновало. Китайское правительство теперь воочию убедилось в необходимости некоторых реформ, ранее ему ненавистных, но ставших неотложными в

силу стремления европейцев наложить свою тяжелую руку на Поднебесную империю. И вот китайцы поспешили открыть для торговли свои торговые города, приступили к устройству арсеналов, пушечных и ружейных заводов и т.п. Чтобы осуществить народившиеся потребности, китайцы, недавно обзывавшие иноземцев «заморскими чертями», решились принять к себе на службу этих пришлых людей, оказавшихся столь сведущими в изготовлении всех ужасных, истребительных и разрушительных орудий войны, а также в технике, коммерции и т.п. В Китай хлынули американцы, англичане и, наконец, немцы. Американцы и англичане начали создавать пароходные общества, строить таможни, доки, телеграфы, железные дороги, заводы, разрабатывать угольные копи и т.д. Немцы-инструкторы занялись реорганизацией китайской армии с целью подготовить ее к борьбе с Россией на севере империи и с Францией — на юге, ради отвлечения части их сил с европейского материка на отдаленный восток...

Немецкие инструкторы делают все, что могут. Задача их значительно облегчена тем, что китайцы обладают всеми данными, чтобы выработать из них энергичных и серьезных нам противников. Крепкие физически и чрезвычайно выносливые, они отличаются большой умеренностью, понятливостью и привычкой к безусловному повиновению. К этому приучает их с пеленок весь строй жизни, в основе которой лежит суровая дисциплина. Если прибавить ко всему этому равнодушие к жизни, свойственное китайцам, то надо прийти к убеждению, что сыны Поднебесной империи обладают всеми данными, чтобы сделаться в будущем превосходными солдатами.

Уже теперь заметен в Китае значительный военный прогресс, благодаря которому он может вести более или менее серьезную войну. А между тем всего тридцать пять лет назад китайцы не могли справиться с горстью европейцев, овладевших Пекином через несколько дней после объявления войны и разграбивших богатства богдоханских дворцов. Во время восстания тайпинов военные качества знаменных войск, даже маньчжурских, отличавшихся во-

инственностью и храбростью, стояли так низко, что местные регулярные войска терпели от инсургентов поражение за поражением. В это критическое для государства время население провинций, оставшихся верными маньчжурской династии, начало формировать, ради собственной безопасности, ополченские отряды, действия которых против мятежников оказались столь успешными, что восстание было остановлено в дальнейшем своем развитии и затем прекращено окончательно.

Восстания тайпинов и первые неудачи столкновения с европейцами заставили китайское правительство приступить к реорганизации своих сил на европейский образец; но дело это не имело первое время осязательного успеха. Правда, было создано несколько отрядов, вооруженных поевропейски; но войска эти продолжали отличаться такими военными качествами, что Китай не был в силах справиться даже с маленькой, сравнительно, Японией, когда возникли неожиданные затруднения из-за Лиу-Кийских островов с Японией — в то время еще ничтожной в военном отношении, не достигшей настоящих поразительных результатов в деле реорганизации своих сухопутных и морских сил на европейский лад...

Прошло всего несколько лет, и уже в тонкинскую войну китайские войска проявили воинский дух и предприимчивость. Они выдержали со сравнительным успехом серьезную борьбу с довольно значительными силами Франции, той Франции, которая в 1860 году выслала для взятия столицы богдохана ничтожную горсть солдат.

В тонкинскую войну французы убедились, что китайцы враги энергичные, настойчивые и храбрые, могущие создать в будущем значительные затруднения. Китай не достиг больших успехов во время своего столкновения с республикой только благодаря расстройству своих финансов, которые представляют самое больное место, ахиллесову пяту могущественной Поднебесной империи. Поправить эти финансы в скором времени трудно. Почти ежегодные наводнения, засухи, бесснежья довели страну до дурного состояния. Кроме того, большинство провинций не успело еще оправиться

от продолжительных инсуррекционных движений, составляющих вторую, трудно излечимую язву страны.

Во всяком случае, Китай в недалеком будущем может сделаться сильной военной державой; его боевые ресурсы растут у нас под боком с выдающейся быстротой. На это обстоятельство должно обратить особенное внимание, имея в виду, что наше тихоокеанское прибрежье принадлежит к важнейшим в империи и притом к наиболее уязвимым и угрожаемым со стороны наших врагов, как явных, так и тайных.

Нам следует также зорко следить за враждебными действиями немцев-инструкторов в китайской армии; они готовят нам хороший сюрприз, если сумеют обработать как следует офицерский контингент упомянутой армии, в высшей степени малосведущий и распущенный.

Китайские офицеры вообще крайне неудовлетворительны. Офицерские должности раздаются зря, по протекции, происхождению или за бравый внешний вид и физическую силу. Такое чинопроизводство практикуется даже до настоящего времени в некоторых частях китайских войск, куда еще не успело проникнуть немецкое влияние. При этом кандидаты на звание командиров отдельных частей пускаются на всевозможные проделки и довольно успешно надувают экзаменационные комиссии, о чем нередко пишут даже в китайских газетах.

Вообще, китайские офицеры невежественны, не имеют никакого понятия о военном деле, к которому относятся не более как ремесленники. Кроме того, они положительные хищники, смотрящие на казенный карман, как на собственный. Хищение пустило в китайской армии глубокие корни. Начальники частей обирают казну вполне беззастенчиво; они нередко распускают солдат по домам, оставляя под знаменами самое ограниченное число, а деньги, отпускаемые на их содержание, кладут в карман. Отпущенные солдаты возвращаются в свои части только ко времени инспекторских смотров, назначаемых обыкновенно раз в три года. В случае же какой-либо неисправности или внезапного приказания о выступлении в поход военачальни-

ки пополняют свои ряды насильственной вербовкой мирных граждан, которые, опасаясь наказаний, покорно несут солдатскую службу, пока их не отпустят.

Подобный порядок существует до настоящего времени в частях китайской армии, расположенных во внутренних провинциях или по отдаленной окраине. Но этого нет ни в маньчжурской армии, сосредоточенной на русской границе, ни в чжилийской, предназначенной для защиты Пекина. Они вполне уже реорганизованы по немецкому образцу. Офицеры в них уже люди, пригодные для командования своими частями, согласно требованиям европейской тактики.

Особенно много трудов пришлось приложить немецким инструкторам в деле перевооружения китайских войск однообразными ружьями и артиллерией. До прибытия немцев в Китай пехота маньчжурской и чжилийской армий была вооружена Энфильдскими ружьями, заряжавшимися с дула, ружьями Винчестера, Снайдера, Ремингтона, Шасспо, игольчатыми Маузера, Альбини и магазинными. Вооружение кавалерии состояло из магазинных карабинов Шарпа, револьверов и пик. Артиллерия была снабжена пушками Армстронга Круппа, Бохума и Вавассера, девяти- и двенадцати-фунтовыми, наконец, картечницами Гатлинга и французскими.

Такое разнообразие вооружения невозможно было оставить. И немцы начали настаивать, чтобы армии были вооружены исключительно немецкими скорострельными ружьями. Китайское правительство долго не решалось на это, но в последнее время наконец уступило настойчивым требованиям немцев и ассигновало значительные суммы на приобретение немецких, к слову сказать, очень скверных винтовок, не обращая внимания на неудовольствие консервативной партии, не допускающей вывоза денег за пределы Китая.

В заключение настоящего политического этюда нам остается добавить всего несколько последних слов. Итак, мы достигли давно лелеянной, заветной мечты — свободного Японского моря, на котором могут развиваться наши морские силы; но одновременно мы отрезали пять шестых

всей Маньчжурии от моря и подчинили эту многолюднейшую и богатейшую китайскую провинцию нашему экономическому влиянию. В политическом отношении этот шаг следует признать беспримерным; но в то же время мы сами как бы создали этим шагом постоянный повод к серьезному столкновению с Китаем. Возможность этого столкновения усиливается с каждым годом, ввиду постепенно нарастающего в китайском правительстве сознания необходимости открыть замкнутой Маньчжурии доступ к морю. Но исполнить столь заветное желание китайского правительства положительно невозможно, так как, ради его исполнения, нам пришлось бы оставить Уссурийский край, добытый вековыми усилиями, и возвратиться вспять, к устью Амура. В силу такой дилеммы Китай будет постоянно точить оружие против России, лелея себя призрачной надеждой расширить Маньчжурию до тихоокеанского прибрежья.

Поэтому на горизонте наших отношений к Китаю всегда будет эта грозная туча, которая легко может разразиться жестокой войной вследствие настойчивой бдительности англичан, поставивших, по-видимому, в основу своих политических задач на далеком Востоке изгнание России с берегов Великого океана. Ради достижения этой цели Англия всегда готова заключить союз с Китаем, отчего наше положение в Уссурийском крае сделается еще более затруднительным, если мы не примем соответствующих мер к ограждению себя. Мы должны создать на Тихом океане, создать во что бы то ни стало, такой флот, опираясь на который могли бы достигнуть политического влияния, соответствующего великой державе. При одновременном развитии наших сухопутных сил, как в Уссурийском, так и в Приамурском краях, развитии, идущем параллельно развитию китайской армии в Маньчжурии, мы можем стать на берегах Великого океана твердой ногой. Только при осуществлении этих условий нам не будут страшны: ни маньчжурская, по-европейски организованная армия, ни союз Китая с Англией, которым стараются иногда попугать нас, ни немцы-инструкторы.

II. Россия и Япония

I.

Япония пользуется на крайнем Востоке чрезвычайно важным политическим значением; тридцатимиллионное государство, сильное и могущественное своею народностью, имеет несомненное влияние на соседние державы, Китай и Корею, а также на наши восточные окраины. Островная империя с давних уже пор стремится занять на крайнем Востоке преобладающее политическое значение. Не довольствуясь распространением своих владений на север и юг, Япония лелеет мечту о приобретениях на соседнем материке. Особенно соблазнительна для нее Корея, отделенная от Японского архипелага только узким проливом. Успешные походы великих микадо в «Азиатскую Италию» в III, XV и XVI столетиях еще памятны японцам. Трофеи этих славных походов хранятся в храмах как святыни, а мельчайшие, легендарные подробности великих войн с корейцами передаются народом из уст в уста по настоящее время. Японцы до последнего времени неизменно глядели на Корею как на вассальное государство, завоеванное еще в III столетии великой регентшей Цинчу.

Одновременно «Азиатская Италия» привлекает взоры Китая, России и даже Англии, очень желающей приблизиться на крайнем Востоке к нашим владениям с предвзятой целью затормозить на берегах Тихого океана политический пост великой славянской державы. Ни одно из вышеупомянутых государств не выказало до последнего момента относительно Корейского полуострова никаких решительных поползновений, справедливо опасаясь, что эта страна послужит яблоком серьезных раздоров, раздувать которые еще преждевременно. Тем не менее недалек уже момент, когда вопрос об участии «Азиатской Италии» должен разрешиться в том или другом направлении, о чем скажем несколько слов в следующем политическом этюде «Россия и Корея».

Пока же нам остается ждать этого знаменательного момента и стараться войти в наиболее тесные, дружествен-

ные отношения с Японией, подыскать почву соглашения с этой «Великобританией» крайнего Востока и в союзе с ней стать во всеоружии на защиту общих интересов, попираемых Англией и Китаем. Союз с Японией не только желателен, но и положительно необходим, раз мы хотим утвердиться на берегах Великого океана и принудить Англию и Китай относиться к нам с должным уважением и добросовестностью. За тесный союз с Россией стоит само японское правительство, почти вся печать и здравомыслящее японское общество. Почву политических соглашений России и Японии легко найти, устранив единственное возможное яблоко раздора — Корею. Прежде чем выяснить эту почву соглашений, считаем необходимым сделать краткий обзор сношений России с Японией, чтобы вполне охарактеризовать политический такт обоих государств и выяснить существовавшие и существующие симпатии японской народности к русской, несмотря на все промахи и ошибки представителей нашего государства. Надо помнить, что эти многолетние симпатии послужат наиболее верным залогом тесного союза и благоприятного для нас разрешения всех политических недоразумений с Японией, еще возможных вследствие настойчивых, подпольных интриг Англии, проникнутой жаждой противодействовать нашим политическим успехам на всех пунктах земного шара...

Наши отношения к японцам никогда не были систематичны и ясны в своих целях и стремлениях, а изменялись с каждым новым деятелем. Познакомившись в конце XVII столетия с грядою Курильских островов, мы впервые встретились здесь с японцами и разошлись, не вступая с ними ни в какие особые сношения. При Петре Великом начали было подумывать об японцах, даже основали в Петербурге школу японского языка, но минутный жар охладел по неизвестной причине и в течение всего XVIII столетия мы не имели с этим народом никаких, более или менее заметных, столкновений.

Первые серьезные сношения России с Японией начались в самом начале XIX столетия, но, к несчастью, начались очень недружелюбно и неудачно. Известный Рязанов,

посланный в 1804 году в Японию для заключения торгового трактата, потерпел полную неудачу; озлобленный последней, он разом перешел от миролюбивой политики к воинственной и начал доказывать необходимость занятия реки Амура, а для обеспечения этого предприятия советовал предварительно овладеть островом Сахалином, в южной части которого японцы успели уже завести торговые и промышленные фактории. Насильственные действия против японцев на Сахалине и Курильских островах двух молодых морских офицеров Хворостова и Давыдова, посланных по внушениям Рязанова, имели печальные последствия: захват японцами в плен капитана Головина.

После дружелюбных разъяснений[469] возникших недоразумений всякие сношения с японцами прекратились до вступления в управление Восточной Сибирью генерала Н.Н. Муравьева, решившегося поднять старинный вопрос об Амуре и привести в исполнение смелые замыслы Рязанова. В течение 1849—1853 годов было исследовано устье реки Амура, а в 1853 году заняты на Сахалине военными постами более известные и важные пункты: Дуэ — в северо-западной части острова и Анива в южной, японской части. Таким образом, мы снова очутились лицом к лицу с японцами, но очутились с оружием в руках, скорее как враги, чем друзья.

В следующем году, при перемене русского политического деятеля, наши воинственные отношения разом изменились в миролюбивые. Адмирал Путятин снял Муравьевский пост в Ниве и предписал нашим войскам не вступать без особого приказания в японскую часть острова. Дружелюбные отношения к японцам не замедлили пригодиться нам: экипаж погибшего фрегата «Диана», вынужденный жить на японской земле, встретил со стороны правительства и жителей в высшей степени гостеприимное радушие.

В 1855 году был заключен с Японией первый торговый трактат (Симодский), которым разграничена Курильская

---

[469] Русское правительство признало захват Сахалина лейтенантом Хвостовым «самовольным» и официально отреклось от прав на остров.

гряда и признано наше право владеть Сахалином совместно с японцами. Остров остался при этом не разграниченным. Тем же духом дружелюбия и мягкости отличались взаимные отношения и в 1858 году, и опять же это послужило в нашу пользу: фрегат «Аскольд», пострадавший в урагане, встретил в Японии полное радушие и гостеприимство. В то время из числа держав, заключивших трактаты с Японией, Россия пользовалась наибольшим сочувствием и доверием японского правительства и народа потому, что не прибегала при разрешении недоразумений и вопросов к пушкам и штыкам, к насилию и кровопролитию, как то делали европейские державы и Американские Соединенные Штаты. Японцы, по характеру своему совершенно противоположные китайцам, сумели верно оценить честную, великодушную политику России и параллельно жестокую политику европейских держав и Американских Соединенных Штатов, ошибочно предполагавших, что их обычный насильственный образ действий даст в Японии такой же блестящий результат, как и в Китае. Последующие, гораздо позднейшие факты доказали противное. Япония, невольно подчинившаяся соединенным требованиям европейцев и американцев, отлично познала в несчастье своих истинных доброжелателей и друзей и по достоинству оценила хищнический эгоизм Англии, руководившей всеми действиями европейцев.

В 1895 году отношения наши к японцам опять изменились. Изменился и самый состав японского правительства: партия прогресса, заключавшая трактаты с европейцами, уступила место партии, враждебной последним. С нашей стороны графа Путятина заменил граф Муравьев-Амурский. Целью переговоров опять сделался злополучный Сахалин. Россия желала приобрести его целиком, и притом даром, подействовать лишь на воображение японских чиновников присутствием многочисленной военной эскадры, еще не бывавшей в водах Иеддо (Токио), громом пушек, необыкновенной пышностью посольства и подарками. Переговоры тянулись целый месяц и не привели к желаемому результату, благодаря энергичному противодействию

английского посланника, успевшего придать в глазах гордых японцев присутствию русской эскадры в японских водах угрожающий смысл.

Таким образом, вследствие интриг представителя Великобритании доверие, до сих пор существовавшее между Японией и Россией, было временно нарушено, а неприязнь не замедлила проявиться: русский офицер и матрос пали под саблями убийц, подосланных недовольными князьками. Этим насилием начался целый ряд тайных убийств, имевших целью изгнание европейцев из Японии. Печальное происшествие это могло бы оправдать всякую энергичную меру[470] с нашей стороны, но мы удовольствовались извинениями японских чиновников в надежде возвратить своим миролюбием прежнее расположение японцев.

Действительно, в этом случае наши дипломаты не ошиблись, хотя действовали, по-видимому, совершенно бессознательно, по общему шаблону всей азиатской политики. Итак, с начала шестидесятых годов мы опять вступили с Японией в дружественные отношения, отложив на время щекотливый сахалинский вопрос. Мы основали в Хакодате школу для молодых японцев, послали наших морских офицеров для обучения японцев морскому делу, содержали на станции в Японии значительные эскадры и вместе с тем не переставали уверять японцев в нашей неизменной дружбе и искреннем расположении.

Между тем порты Японии, открытые трактатами, были уже переполнены коммерческими судами всех наций; обширная, выгодная торговля возникла вдруг в разных пунктах богатого архипелага; в водах Японии, что крайне удивляло практических, сметливых японцев. Неспособные подняться до понятия какой-то «идеальной» дружбы, они не переставали спрашивать нас, «когда же придут русские купеческие корабли?» Мы отзывались бескорыстием нашей дружбы, тщетно стараясь скрыть печальную действитель-

[470] Четыре года спустя английский адмирал вытребовал при подобных же обстоятельствах денежное вознаграждение в пользу семейств убитых лиц, а при возникших затем неприязненных действиях японцев сжег Кагосиму, а Япония смирилась.

ность и наше ничтожество как коммерческой морской державы. Напрасно, у японцев были уже учителя (голландцы, англичане и французы), от которых они скоро узнали, что Россия не спешит, подобно другим государствам, воспользоваться благами трактатов только потому, что не имеет коммерческих судов... Сообщение это крайне озадачило японцев, у которых вдруг явилось, благодаря нашептыванию европейцев, подозрение в политической двуличности России.

«С какой целью содержит Россия в наших водах такую сильную эскадру, с какой целью употреблено русскими столько усилий, чтобы войти с нами в сношения, для чего заключили два торговых трактата?» — спрашивали они. Подозрение постепенно росло. Сильная эскадра, пребывавшая в японских водах, и постоянные при том заявления со стороны русских в дружбе и расположении не вязались как-то в уме японцев, уже настроенных англичанами несколько подозрительно.

Им стало казаться, что Россия имеет какую-то затаенную, корыстную цель, и они начали поглядывать на нас как на тайных врагов.

Неожиданный, трудно оправдываемый факт нашего насилия вдруг как бы подтвердил накопившиеся подозрения японцев: искренние друзья, постоянно напоминавшие о своем безграничном расположении, захватили остров Цусиму в тот момент, когда это казалось положительно невозможным. Захват этот, сделанный по непростительной инициативе одного из командиров военных судов, раскрыл глаза японцам и разъяснил им всю загадку «странной», по их мнению, русской политики. Японцы не замедлили обратиться за посредничеством к Англии, и мы со стыдом оставили захваченный остров, надолго лишившись расположения Японии.

После Цусимского столкновения наша политика в Японии отличалась полным невмешательством во внутренние и внешние дела архипелага; но в то же время мы все еще смутно продолжали преследовать цель приобретения японской части Сахалина в полное владение.

Между тем в Японии произошли громадные перевороты, при которых Россия могла бы сказать свое веское слово и должна была бы выяснить свои истинные отношения к японской монархии; но она хранила молчание, предоставив другим державам воспользоваться междоусобными войнами для достижения известных привилегий и увеличения своего влияния. Особенно обильны происшествиями высокой политической важности оказались годы 1863 и 1864. Пять наций (Англия, Франция, Соединенные Штаты, Голландия и Германия) дружно соединились для охранения трактатов, нарушенных японцами. Укрепления Кагосимы были бомбардированы, Токогама занята соединенным горизонтом, пролив Симоносеки ядрами очищен для торговли; укрепления князя Ногато разрушены и заняты войсками, привезенными из Индии и Англии. Микадо, не пожелавший признать трактатов, заключенных тайкуном, был вынужден ратифицировать их под пушками соединенных эскадр. Таким образом, упорное отчуждение верховного властелина от сближения с европейцами было сломлено. Кроме того, за совершенные в японских владениях убийства европейцев (кроме русских) правительством уплачена значительная контрибуция.

Россия не приняла участия в этой грандиозной демонстрации, благодаря тревожному положению польского вопроса. Наша эскадра, получившая предписание быть готовой к войне, чинилась, снабжалась всем необходимым и выжидала в Сан-Франциско дальнейших приказаний. Когда же суда наши вернулись, наконец, в Японию, нам пришлось довольствоваться только тем, что было достигнуто другими державами. Таким образом, переворот, окончательно открывший Японию иностранцам, совершился без нас, что хотя умалило в глазах японцев наше политическое значение как великой европейской державы, но одновременно возвысило нас в их мнении с нравственной стороны. Японцы еще раз убедились, что не в характере России всевозможные насилия «по английскому шаблону», и что она всегда готова стоять при сношениях с Японией исключительно на миролюбивой, дружественной почве.

Между тем неудовлетворительность трактатов 1855 и 1858 годов, оставивших остров Сахалин в «нераздельном» владении России и Японии без точного объяснения этого слова, побудила местных властей с той и другой стороны установить условную границу по реке Косунай: на одном берегу устроился русский пост, а на другом — японский порт. Таким образом, на пустынном морском побережье сошлись опять лицом к лицу представители двух народностей, причем наша национальная гордость была принижена этим сопоставлением. Оскорбительно для России было видеть, насколько японцы стояли выше русских по своим нравственным качествам, насколько их порт отличался перед нашим ничтожным заброшенным постом своей чистотой, удобством, порядком. Два раза забытый наш пост был спасаем от голода японцами: факт этот не требует комментариев...

В 1865 году мы воспользовались прибытием в Петербург японского посольства и подняли опять вопрос о Сахалине, причем русское правительство предложило в обмен южной части острова Курильскую гряду. Переговоры кончились почти ничем, благодаря опять же настойчивым интригам Англии, опасавшейся нашего политического роста на берегах Великого океана.

Конвенцией, заключенной 18 марта 1867 года, была лишь разъяснена статья о нераздельном владении России и Японии Сахалином в том смысле, что «русские и японцы имеют право в равной степени занимать по всему острову незанятые еще места». Такое странное разъяснение, удаляя только решение вопроса на неопределенное время, создало в будущем значительные затруднения.

Соглашаясь на подобное «нераздельное» владение Сахалином, мы не допускали мысли, что можем встретить в японцах сильных соперников; между тем все факты скоро доказали, что в деле занятия острова все преимущества на их стороне.

Пользуясь вышеизложенным разъяснением, правительство Микадо предприняло в 1866 и 1887 годах систематическую колонизацию острова Сахалина; к этому их по-

буждали собственные выгоды, соперничество с нами и коварные советы англичан. Колонизация, столь трудная для нас, доставалась японцам легко и дешево. Близость островов, богатых средствами и людьми, давала японскому правительству возможность заселять Сахалин без особенных усилий; при этом оно воздерживалось от непроизводительных расходов; каждая затрата вызывалась действительными нуждами народа и с избытком вознаграждалась немедленным пользованием предметами промысла острова: рыбой и пушным зверьем.

В то время когда японцы выделяли на Сахалин избыток своего населения, мы были вынуждены привлекать туда переселенцев большими льготами из сердца России, что вызывало крупные, малопроизводительные расходы. Мы ставили военные посты, роты холостых солдат, не имевших никакого значения в колонизации острова; а японцы строили прочные селения семейных работников и промышленников. Мы перешли на юг от реки Косунай и возобновили пост на берегу залива Анива, поставив там роту солдат. Японцы тотчас же перешли на север этой речки и основали прочные селения в прежних пустопорожних наших владениях. Не будучи, наконец, в силах ставить военные посты в каждой понравившейся нам местности, мы начали водружать в знак занятия известного пункта столбы с надписями. Японцы не замедлили последовать нашему примеру и ставили такие же столбы всюду, где только поспевали.

Эта конкуренция создавала на острове чрезвычайную чересполосицу, была причиной беспрестанных ссор и недоразумений, возникавших между нашими местными властями и японскими чиновниками.

Таким образом, вопреки желанию русского правительства сахалинский вопрос усложнялся с каждым годом и грозил в будущем еще более серьезными затруднениями. Между тем с устройством на Сахалине каторжных поселений и с развитием на нем каменноугольной промышленности Россия должна была настоятельно добиваться уступки острова в полное владение. В том направлении начались новые продолжительные переговоры, и только в 1875 году,

25 апреля, был заключен с Японией окончательный договор, по которому Сахалин стал исключительной собственностью России взамен Курильских островов, отошедших к Японии.

Таким образом, спорный сахалинский вопрос был наконец разрешен к обоюдной выгоде, и с того времени наступил период наиболее дружественных отношений между Россией и Японией. Дружелюбной настойчивостью русское правительство достигло давно намеченной цели и вместе с тем приобрело редкие симпатии японского правительства и народа, убедившегося, наконец, что не в нашем духе прибегать при разрешении спорных вопросов к пушкам и штыкам, столь излюбленным англичанами при столкновении со слабейшими, сравнительно, народами.

II.

В начале настоящей статьи мы указали на необходимость войти России с Японией в прочные дружественные соглашения относительно района политического преобладания на крайнем Востоке той и другой державы. Нам кажется, достигнуть такого соглашения вполне возможно, не оскорбляя национального самолюбия японцев, народа рыцарского, не выносящего высокомерия и политического двуличия. Он признает только политику чести, благоразумия, взаимного доверия и беспристрастия.

Не лишнее знать, что японцы чрезвычайно ценят искреннюю, бескорыстную дружбу и всегда готовы отнестись к дружелюбной нации с редкой, вполне рыцарской предупредительностью, что чрезвычайно важно помнить при разрешении спорных вопросов. Они с презрением относятся к интригам и подпольной политике, вроде английской, и умеют хорошо отличать искренний образ действий от лицемерия и подтасовки. С японцами вообще легко войти в откровенные соглашения, распределив политические сферы. Стоит только оказать Японии энергичное содействие к расширению ее островных владений к югу, а также помочь ей разрешить некоторые животрепещущие вопросы ее внешней политики, не идущие в разрез с нашими государ-

ственными интересами, и мы уверены, что она даже откажется от Кореи и согласится признать ее лежащей в сфере не своего «политического» влияния, а России. Японцы хорошо сознают, что Корея, в случае ее присоединения к островной монархии, создаст в будущем громадные и неотвратимые затруднения. Не говоря уже о том, как трудно будет управлять народом, который с диким фанатизмом ненавидит японцев за их былые истребительные походы в Корею, Япония сделает грубую политическую ошибку, если войдет когда-либо в непосредственное соседство с Китаем, который, в силу веками сложившейся национальной вражды, всегда будет стремиться сбросить японцев с материка за Корейский пролив. Подобное стремление Китая, несомненно, осуществится рано или поздно, вследствие положительной невозможности для Японии удержаться без чужой помощи во враждебной стране против китайских полчищ, а эту помощь меньше всего можно ожидать со стороны даже безусловно дружественной России, «государственные интересы которой не могут допустить владычества японцев над Корейским полуостровом». Вообще для Японии лучше всего ограничиться, даже при возможном окончательном разгроме Китая, «независимостью Кореи» и отнюдь не лелеять несбыточной мечты создать в ней положение дел, подобное английской оккупации Египта. Что терпится пока в стране фараонов, того никогда не потерпит Россия на Корейском полуострове, политическая жизнь которого неразрывно связана с наиболее жгучими интересами нашего тихоокеанского побережья. Несколько далее мы коснемся пресловутого корейского вопроса более подробно. Теперь же преподаем японцам благой совет: «никогда не преследовать эфемерных завоеваний на материке и благоразумно ограничиться лишь островными приобретениями с Формозой включительно». Обладая более или менее могущественным флотом, японцы могут занять на Тихом океане видное положение и поставить свою монархию на ступень «Восточной Великобритании». Для осуществления этой задачи Японии необходимо заключить тесный союз с Россией, единственной державой, способной на истинную,

честную дружбу. Крепко сплотившись на крайнем Востоке, Россия и Япония могут смело встать во всеоружии на защиту своих жизненных интересов и с честью отразить хищнические посягательства на эти интересы Англии, Китая и Германии.

Повторяем, Япония — единственный верный наш союзник на берегах Великого океана; дружба ее для нас одинаково дорога, как наша дружба дорога для Японии. Мы должны быть, по возможности, солидарны с этой державой, так как имеем с ней много общих точек политического соприкосновения.

Некоторые авторитеты пугают Россию быстрым прогрессивным ростом могущественной японской монархии. Напрасно! Рост этот опасен для наших врагов, но не для нас. Мы должны искренно радоваться и сочувствовать этому росту, потому что Япония быстро освобождается от тлетворного влияния наших европейских врагов, сбрасывает с себя их тяжелое, позорное ярмо, постепенно делается самостоятельной и становится вне каких-либо исключительных давлений, всегда чрезвычайно вредных для нас. Мы уверены, что только при непосредственном содействии Японии Россия может разом выдвинуть свои грозные аванпосты к импульсу всемирной торговли — Китайскому морю и почти на самый рубеж английских колоний — этих неотразимых ахиллесовых пят могущественной Великобритании, всегда стоящей во враждебном нам лагере.

Нам хорошо известно, что некоторые публицисты отрицают пользу союза России с Японией, причем еще недавно, в период серьезного осложнения, возникшего между Японией и Китаем из-за Лиу-Кийских островов, старались выразить свои «личные» симпатии к Поднебесной империи и наталкивали Россию оказать Китаю в разрешении спорного вопроса моральную поддержку. Все эти симпатии и моральная поддержка были построены на некоторых весьма шатких основаниях, которые можно формулировать так: «Китай-де — государство консервативное, а потому для России неопасное; Япония — государство quasi-прогрессирующее, владеющее броненосным флотом и ев-

ропейски обученной армией; могущество этой монархии будет нам вредно на наших далеких окраинах. Затем, с Китаем мы торгуем и торгуем на большую сумму, а с Японией наша торговля равна почти нулю, а потому «барыши» должны склонить наши весы в пользу Китая».

В конце концов было выражено предположение, что «за своевременный нейтралитет и моральную поддержку Китая при столкновениях с Японией Россия может получить от первой «благодарность» в виде реки Сунгари, долины Или, верхнего Иртыша, верховьев Енисея и тому подобного, по мнению сторонников союза с Китаем, «хлама», который не имеет будто бы «большой цены» для Поднебесной империи».

Все эти доводы крайне голословны и противоречат всей двухвековой истории политических сношений России с Китаем. Из первого этюда «Китай и Россия» ясно видно, что Поднебесная империя во все времена сношений с Россией всегда придерживалась двуличной политики, пускалась на всевозможные проделки, передержки и подтасовки, чтобы только иметь возможность отречься от своих слов и договоров. Наши торговые люди постоянно подвергались и подвергаются в Китае до настоящего времени грубым притеснениям и придиркам; китайское корыстолюбивое чиновничество тянуло и тянет с них крупные взятки, не стесняясь разными вымогательствами и насилием. Торговля наша с Китаем терпит всевозможные затруднения, несмотря на энергичные попытки России поставить ее в одинаковые условия с торговлей английской, американской, французской и др. При каждом удобном случае, как только Китай чувствовал за собой силу, он с дерзостью обращался к России с самыми тяжелыми требованиями, обращался как могущественный сюзерен к приниженному вассалу.

Еще раз вспомним несчастный Нерчинский договор, вырванный у нас с оружием в руках, вспомним те полтораста лет, которые следовали за этим печальным договором, припомним оскорбления, нанесенные нашим посланникам во время мнимого могущества Поднебесной империи, и тогда убедимся, что Китай будет к нам беспощаден, как толь-

ко почувствует под собой более или менее твердую почву. Он ощущает свою силу, подозреваемую нашими европейскими врагами. Еще недавно Китай рискнул обратиться к России с весьма дерзким, настойчивым требованием о возврате Кульджи. Мы не изменили своей «мирной уступчивой политике» и только благодаря этому отсрочили на время вооруженное столкновение с китайскими полчищами, бывшими наготове вторгнуться в Кульджу.

В результате военные приготовления Китая против России увенчались «симпатиями», печатно выраженными некоторыми публицистами к этой державе. Спрашиваем, должна ли Россия разделять такие симпатии? Нет, тысячу раз нет! Мы можем держаться относительно Китая «пока» миролюбивой политики — это дело нашего правительства, но симпатизировать ему положительно оскорбительно для национальной гордости. Вправе ли Россия оказать когда-либо Китаю моральную поддержку, не говоря уже о более существенной в момент настоящей распри с Японией? Отнюдь нет! — Напротив, нам необходимо в данном случае, не раздумывая, стать на сторону Японии, безусловно расположенной к нам и желающей согласовать все свои действия с нашими интересами. Надо твердо помнить, что здравая политика разрешает государству оказывать какую-либо поддержку только «испытанным друзьям» или когда это «выгодно». В отношении Китая мы не видим ни того, ни другого. Китай никогда не состоял с нами в «искренних» дружественных отношениях, и этой честной дружбы нельзя ожидать и в будущем. Не надо забывать, что Китай при всех «дружественных» отношениях к России всегда держал за пазухой камень, которым бил нас часто и больно. Он всегда пользовался нашим крайним доверием и рыцарской честностью, не раз обманутыми и оскорбленными.

Япония же до последнего времени осталась верной своей прямой, миролюбивой относительно России политике, осталась верной, несмотря даже на то, что наши недальновидные политические деятели крайнего Востока не раз вызывали ее на столкновение. Чем отплатила, например, нам Япония за целый ряд насилий отдельных личностей, дей-

ствовавших как бы по инициативе русского правительства? Искренним желанием устранить всякий повод к столкновениям и выдающимся дружелюбием. Не Япония ли дала гостеприимный приют сотням наших моряков, имевших несчастие потерпеть крушение у японских берегов; не она ли много раз спасала от голода наши заброшенные, забытые военные посты на острове Сахалине; не она ли постоянно выражала желание войти с Россией, преимущественно перед другими державами, в дружественные и торговые сношения?

Япония оказывала нам свое редкое расположение даже в такое тяжелое время, когда по всей Империи шло энергичное преследование всех европейцев. В то время когда туземные христиане-католики и протестанты гибли тысячами под ударами японских фанатиков, православные японцы оставались неприкосновенными, если не считать заключения в тюрьму, по ошибке, нескольких православных катехизаторов, которые были выпущены на свободу тотчас же, как только вмешалась в дело наша дипломатия.

Сообразив все прошлое, спрашиваем: может ли Россия делать выбор между Японией и Китаем? Ни в каком случае! Все наши симпатии должны сосредоточиться исключительно на могущественной островной монархии, которой предстоит играть в недалеком будущем в Великом океане выдающуюся политическую роль. Эти симпатии должны быть неизменными. Япония сумеет оценить нашу искренность и в том порука — рыцарский, честный характер японской нации.

Нас не должен также пугать призрак панмонголизма, о котором начали с чего-то трактовать в последнее время. Идея эта положительно смешна уже по одному тому, что между китайской и японской народностями лежит пропасть неизмеримой глубины и ширины — тысячелетняя национальная вражда, потушить которую не в состоянии самые талантливые государственные люди и публицисты не только Японии и Китая, но также и европейских держав, агитирующих на крайнем Востоке ради удовлетворения своего алчного аппетита и своей эгоистической политики.

В силу одной упомянутой народной вражды идея панмонголизма положительно неосуществима, в особенности после настоящей китайско-японской распри. Побитый Китай никогда не забудет тяжких японских ударов. Зная характер китайцев, можно с полной уверенностью предсказать, что они будут упорно мечтать о реванше, будут постоянно держать за пазухой крепкий камень против Японии, которой придется, рано или поздно, испытать, в свою очередь, тяжеловесные удары мстительного, озлобленного, настойчивого, векового врага, сегодня разгромленного, а через десять лет вновь возрожденного и еще более опасного.

Вспомнить, что Китай же неоднократно благополучно выходил из всяких внешних и внутренних затруднений. Выйдет он из них и теперь — это не подлежит сомнению. Не следует забывать, что в Китае таятся еще непочатые силы, с которыми придется впоследствии ведаться не только Японии, но также и Франции, и России. Поэтому в высшей степени не патриотичны усилия некоторых русских публицистов, старающихся обострить дружественные отношения, существующие между Россией и Японией, обострить в пользу дикого, непонятного союза с Китаем — исконным нашим врагом, вечно находящимся под давлением наших европейских недоброжелателей.

Во всяком случае, все усилия этих публицистов будут тщетны. Симпатии японской народности к русской слишком крепки, чтобы их могли пошатнуть какие-либо журналисты вроде, например, японца Оиши, возненавидевшего Россию Бог весть за что. Нас не должна смущать эта единственная ненависть чересчур объевропеившегося японца; она не должна отвращать наших сердец от Японии, как не отвращают их от дружественной, благородной Франции отдельные враждебные голоса не только известной кучки французских публицистов, подозрительно относящихся к России, но даже некоторых государственных деятелей Франции, почему-либо недовольных нашей родиной. В семье не без урода!

Итак, нас не должны пугать ни г. Оиши со своим пресловутым сочинением об «алчной» России, ни некоторые

продажные японские газеты, щедро поддерживаемые английскими деньгами. Нам следует отнестись к ним с полным презрением, как к продуктам гадкой, подпольной интриги наших европейских врагов, и глубоко верить, что рыцарская, честная Япония всегда будет хранить в своем благородном сердце непоколебимое сознание о тесной, неразрывной связи с рыцарской же Россией; всегда будет согласовывать свои интересы с нашими безусловно общими и солидарными на крайнем Востоке; всегда сумеет удовольствоваться, в случае благополучного исхода войны с Китаем, островом Формозой и иными территориальными приобретениями, не трогая яблока раздора — Кореи.

(...)

Печ. по: Максимов А.Я. Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. Изд. 4-е М. К. Максимовой. СПб., 1901.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Глава 1. Военная политика Цинского Китая 7
Военно-политическая характеристика Цинского Китая 7
Концептуальные основы военно-политической стратегии Цинского Китая 26
«Стратегические планы усмирения русских» 37
Глава 2. Первая конфронтация 41
Движение России на Восток: первые контакты с Китаем 41
Первые военные столкновения России и Цинского Китая 52
Глава 3. Албазинская эпопея 68
Первое столкновение России и Китая за Албазин 68
Героическая оборона Албазина 90
«Ответные удары у Якса»: китайская версия осады Албазина 110
Глава 4. 200-летняя «пауза» 125
Статус-кво в военно-политических отношениях между Россией и Китаем 125
Военные аспекты миссии Е.В. Путятина и Н.П. Игнатьева 141
Русские войска в Илийском крае 159
Глава 5. Русские военные советники в Китае в конце XIX в. 177
Вопрос о военных советниках для Китая 177
Миссия полковника Воронова 187

Глава 6. Военный поход восьми держав на Пекин в 1900 г. ... 195
Военные действия союзников в провинции Чжили ... 195
Поход союзных войск на Пекин ... 213
Глава 7. Иностранные войска в Северном Китае ... 237
Оккупация союзными войсками Пекина ... 237
«Агрессия восьми держав» против Китая ... 249
Глава 8. Маньчжурия накануне «большой войны» ... 257
Строительство КВЖД: военные аспекты ... 257
Военные действия на Амуре ... 275
Глава 9. Военные операции российских войск в Маньчжурии 1900–1901 гг. ... 293
Военные действия в Северной Маньчжурии ... 293
Военные действия в Южной Маньчжурии ... 317
Глава 10. Окончательное «успокоение» Маньчжурии русскими войсками ... 331
«Военное успокоение» Маньчжурии ... 331
«Политическое успокоение» Маньчжурии ... 345
Глава 11. Китай: между Россией и Японией ... 358
Япония — главный враг ... 358
«Китайский фактор» в разведке ... 369
Заключение ... 384
Документальные приложения ... 396

Историческая библиотека

Игорь Попов

Россия и Китай: 300 лет на грани войны

Заведующий редакцией *О.В. Сухарева*
Редактор *К.А. Залесский*
Технические редакторы *И.Н. Мокина, Л.В. Савельева*
Корректор *И.С. Круглова*
Компьютерная верстка *Т.В. Коротковой*

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, 81

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл,
ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва,
2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Книга И. Попова рассказывает о 300-летней истории российско-китайских взаимоотношений — с XVII века до 1917 года.

Россия и Китай — две крупнейшие, соседствующие друг с другом мировые державы, имеющие почти четырехвековую историю взаимных контактов и связей. На Россию самой судьбой была возложена функция служить мостом и одновременно форпостом между Востоком и Западом, соединять воедино весь огромный Евроазиатский материк.

Россия и Китай исторически олицетворяют совершенно различные цивилизации: славянско-православную и конфуцианско-китайскую.

История взаимоотношений двух государств, периоды конфронтации и мирных и добрососедских отношений — все это и многое другое нашло свое отражение на страницах этой книги.

Историческая библиотека

ISBN 5-17-019955-4

9 785170 199556